

Проф. Н. А. РОЖКОВ

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

(ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ)

ТОМ ТРЕТИЙ

ПАДЕНИЕ ФЕОДАЛИЗМА

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

„КНИГА“
ЛЕНИНГРАД — МОСКВА
1928

★
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
ТИПОГРАФИЯ
НАРКОМВОЕНМОРА
Плош. Урицкого, 10.
Ленинградский
Областлит № 48780.
Тираж 3.100—24 л.
Заказ № 191.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

в сравнительно-историческом освещении.

Глава седьмая.

Падение феодализма.

I.

Северо-восточная Русь XIV, XV и первой половины XVI в.

XIV, в особенности же XV и первая половина XVI в. составляют последний момент истории удельной северо-восточной Руси, время падения той недоразвитой формы феодализма, которая, как мы видели во II томе настоящего труда, отличала собою русский северо-восток XIII и начала XIV столетия.

Мы имеем для этого времени данные и достаточно обильные и чрезвычайно убедительные, которые резко и ярко подчеркивают первенствующую роль земледелия. В XV в. даже такой северный источник, относящийся к малоплодородной местности, как великоустюжский летописец, заботливо отмечает годы неурожаев и цены на хлеб [1]). Но в особенности важно то, что от конца XV и первой половины XVI века до нас дошло много отрывков из поземельно-статистических описаний того времени—писцовых книг по митрополичьим, монастырским, иногда и частновладельческим имениям, и во всех этих отрывках пашня всегда стоит

---

[1]) *Титов*, Летопись Великоустюжская, М. 1889. стр. 34, 36, 42.

на первом плане, а остальные хозяйственные угодья являются не более, как второстепенными придатками [1]).

Первенствующая роль земледелия была в то время уже старым, установившимся явлением. Гораздо новее были успехи обрабатывающей промышленности, индустрии—городской и сельской. В 40-х годах XVI века, напр., в имении Спасо-Прилуцкого монастыря в Вологодском уезде значатся иконники, швали, кузнецы, овчинники, седельники, оловяничники, плотники [2]). О ложечниках, токарях по дереву, говорится в Переяславль-Залесском уезде в 1520 году [3]). В Москве в 1410 году существовала особая пошлина с серебряного литья [4]). «В Калуге», говорит посол германского императора Сигизмунд Герберштейн, посетивший Россию в первой четверти XVI столетия, «делают деревянные кубки, искусно украшенные резьбой, и другие деревянные вещи, необходимые в домашнем обиходе» [5]). Этих немногих фактов, взятых на выбор, достаточно, чтобы конкретно иллюстрировать рост обрабатывающей промышленности в России к концу удельного периода.

Главное хозяйственное новшество, выступавшее на вид все яснее по мере развития земледелия и обрабатывающей промышленности и в связи с этим развитием, заключалось, однако, в росте торговли—внешней и внутренней.

Внешние торговые связи удельной северо-восточной Руси с Русью западной и южной, Польшей и Литвой сильно окрепли и стали тесней. В XV в. наблюдаются правильные, регулярные коммерческие сношения русского северо-востока, напр., со Смоленском, Дорогобужем, Вязьмой, Киевом, Полоцком, Вильной, Путивлем [6]), Калуга торговала с Литвой и другими соседними странами [7]). В Москве XV в. постоянно торговали армянские и немецкие купцы [8]).

---

[1]) См., напр., Моск. Арх. Мин. Мин. Юст., грам. коллегии экономии, №№ 2585, 2586, 2336 и др.; Рум. музей, Сборник Беляева № 1620, л. 15, 16 об., 32 и др.

[2]) Моск. Архив Мин. Юст., грам. коллегии экономии, № 2586.

[3]) Рум. Музей, Сборник Беляева № 1620, л. 29.

[4]) *Хмыров и Скальковский.* Металлы и металлич. изделия в древней Руси.

[5]) Rerum Moscovitarum auctores varii. Francofurti MDC, стр. 50.

[6]) *Голубовский,* История Смоленской земли; *Соловьев,* История России, V, М. 1855, стр. 237.

[7]) Rerum Moscovitarum scriptores varii, стр. 50.

[8]) *Соловьев,* История России, V, стр. 237.

О развитии торговли внутренней красноречиво говорит факт установления на-ряду с новгородской также и московской денежной системы, чеканной звонкой серебряной монеты. Денежной единицей стал рубль, состоявший из 10 гривен или 200 денег московских или «московок», на которых изображался великий князь с мечом, и от которых отличали новгородские деньги или копейки, «копейные» деньги, получившие свое название от того, что на них великий князь изображался с копьем. Копеек было в рубле 100, так что копейка или деньга новгородская была вдвое больше московской.

Но помимо того мы имеем немало известий, указывающих и на рост внутренней торговли и на расширение ее пределов, на обслуживание ею значительных рынков более широких, чем узкие, замкнутые рынки средневекового запада Европы. Так, жителям Переяславль-Залесского уезда в конце XV века случалось ездить торговать за несколько сот верст в Нижний-Новгород, а тверские купцы часто посещали Переяславль [1]). В 1543 г. крестьяне села Нового, принадлежавшего Троицкому-Сергиеву монастырю и находившегося в Ростовском уезде, торговали в Переяславль-Залесском уезде [2]). Уже в XV в. в Суздальском и Владимирском уездах расхожими и разъезжими офенями производилась мелкая торговля [3]). Появился ряд мелких местных торжков, коммерчески сближавших недалекую округу и тянувших в свою очередь к ярмаркам, более обширным и крупным, сплачивавшим воедино далекие местности. Таковы были, напр., торжки в Белозерском уезде в волости Угле и на Волочке Славянском [4]). Примерами ярмарок могут служить ярмарки в Старом Холопье городке на Мологе [5]) и на Белоозере [6]). Рязань и Тверь в договорах с Москвой тщательно, с большим вниманием и усердием ограждают свои торговые интересы в Московском княжестве [7]). В значительных городах появляются торговые пло-

---

[1]) *Соловьев,* История России, V, стр. 239.
[2]) Акты Историч., т. I, № 143.
[3]) *Соловьев,* История России, V.
[4]) Акты Арх. Эксп., т. I, № 123.
[5]) *Соловьев,* История России, V, стр. 239.
[6]) Акты Арх. Эксп., т. I, № 123.
[7]) Собр. Гос. Гр. и Дог., т. I, №№ 36, 65, 76, 77 и др.

щади и ряды: таковы, напр., в Москве ряды суконный и сурожский [1]).

Рост торговли был, что особенно важно, уже настолько значителен, что местами подтачивалось и разрушалось старое натуральное хозяйство, в него вливались отдельными струями и ручьями денежно-хозяйственные, товарные отношения; начинался, пока еще в слабых, отдельных, разрозненных зародышах, процесс, которому суждено было великое будущее, и который был чреват замечательными последствиями. Должностные лица того времени—и еще более раннего—получали обычно с населения на свое содержание корм натуральными продуктами. Но в XV веке начинается замена натурального корма деньгами. Вот типичный и весьма колоритный пример: в 50-х годах XV в. крестьяне радонежских имений Троицкого-Сергиева монастыря должны были давать в виде корма княжескому наместнику на Рождество Христово с каждых двух плугов полоть мяса, мех овса, воз сена, 10 хлебов, «а не люб полоть,— ино два алтына, а не люб мех овса—ино алтын, а не любы хлебы,—ино за ковригу по дензе [2])». Другими словами, наместник мог потребовать замены натурального приношения денежным платежом по установленной таксе. Это было, конечно, возможно только потому, что у населения были денежные средства, т.-е. товарное хозяйство перестало уже быть достоянием одних верхов общества, стало захватывать также, по крайней мере отчасти, и низы. На то же указывает и частичная замена местами натуральных государственных повинностей, напр., «городового дела», постройки и починки укреплений, денежными платежами.

Общий характер намечавшихся таким образом к концу удельного периода перемен в соотношении разных отраслей хозяйства ясен: при наличности первых проявлений нового, прежде небывалого, наблюдается все же только начало некоторого надлома, далеко еще не перелома; новые порядки слегка и еще в значительной степени поверхностно, часто механически, во всяком случае недостаточно еще глубоко проникая, примешивались к старым, сложившимся

---

1) *Соловьев,* История России, т. V.
2) Акты Историч., т. I, № 58.

отношениям; товарно-хозяйственная зыбь едва и часто лишь местами рябила ровную, сонную поверхность стоячей воды натурального хозяйства. Недоделанность, недовершенность, нерешительность, элементарная зачаточность нового экономического процесса—вот что здесь наиболее характерно.

Понятно, что именно это обстоятельство и сыграло определяющую роль по отношению к другим сторонам хозяйственной жизни. Многое старое сохранилось и даже как будто распространилось, развернулось шире, потому что экономическая жизнь еще не была сдвинута с привычного прежнего основания. И в то же время стали нарастать, внедряться в старую толщу, частично раскалывать ее новые явления.

Это заметно прежде всего в области землевладения. Мы видели, как тесно, неразрывно, органически связаны были с натуральным хозяйством поместье, монастырское и церковное владение. Так как в общем и целом, несмотря на все частичные перемены, хозяйство все же оставалось натуральным, то все эти виды земельного владения достигли весьма значительного распространения. По тверским писцовым книгам 1540 и 1548 годов за помещиками числилось в уезде одной пахотной земли около 200 тыс. четвертей, тогда как в вотчинах было только 78 тыс. четвертей [1]). Там же церквам и монастырям принадлежало тогда 48 тыс. четв., т.-е. 24 тыс. десятин [2]). В конце XV в. митрополит московский владел не менее, как 530 селами и деревнями с 1.825 дворами, к которым тянуло более 57 сох пахотной земли [3]). И в то же время зачатки денежного хозяйства делали уже землю отчасти товаром, выбрасывали ее на рынок, заставляли подвергаться купле-продаже, торговому обороту, так как обостряли нужду в деньгах и заставляли изыскивать все средства для покрытия этой нужды. И вот в завещаниях князей XV века растут «купли», «села купленые» [4]). В то же время и монастыри и частные лица покупают земли: так, все сольгалицкие вотчины Троицкого-

---

1) *Лаппо,* Тверской уезд в XVI в., стр. 104, 130.

2) Там же, стр. 130.

3) *Горчаков,* О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. синода, Спб. 1871, стр. 81.

4) См. напр., Собр. Госуд. Грамот и Договоров, т. I, №№ 39, 86, 87 и др.

Сергиева монастыря были куплены им в XV веке[1]); тот же монастырь купил в Московском уезде еще до 1427 г. село Михайловское с деревнями[2]); продажа вотчин из рук в руки между светскими владельцами засвидетельствована многочисленными фактами конца XV века[3]).

Та же смесь старины с некоторыми новообразованиями заметна и в формах хозяйства. В земледелии появляются или увеличиваются барская запашка и барщина. Барскую запашку видим в имении Овцына Рузского уезда в 1533 г.[4]) в 1544 г. в имении Ларева Коломенского уезда[5]); у Кокошкина-Глебова в его дмитровском селе Перемилове барская пашня составляла более 16½% всей пахотной земли[6]). Барская запашка значилась далее в 1520 г. в митрополичьих имениях Владимирского уезда[7]), а соответствующая ей «государева десятинная пашня» существовала в дворцовом селе Буйгород Волоколамского уезда в 1544 г.[8]). Барщина наблюдается там же и в митрополичьих имениях в 1531 г. в Переяславль-Залесском уезде[9]), в 1520 г. во Владимирском уезде[10]).

Но характерно, что и барская запашка и барщина все же были редки. Большею частью, как, напр., в 1490 г. у Саввина-Сторожевского монастыря[11]), в суздальском имении митрополита конца XV в.[12]), в Вологодском уезде у Дионисиева-Глушицкого монастыря в 40-х годах XVI в.[13]) и проч., барской пашни не было, не существовало, значит, и барщины, а господствовала оброчная система. Нередки и прямые указания источников в этом смысле. Так, у митрополита в Суздальском уезде конца XV в. «пашня дана хри-

---

[1]) *Рожков,* Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке, М. 1899, стр. 402.

[2]) Там же, стр. 404.

[3]) См., напр., Акты, относящиеся до юридич. быта, изд. Калачевым, т. II, № 149, I, VII и мн. др.

[4]) *Рожков,* Сельское хозяйство Моск. Руси в XVI в., стр. 129.

[5]) Там же, стр. 129.

[6]) Там же, стр. 129.

[7]) Румянц. Музей, Сборник Беляева № 1620, л. 250 об.—251.

[8]) *Рожков,* Сельск. хоз. М. Руси, стр. 131.

[9]) Рум. Музей, Сборник Беляева № 1620 л. 277.

[10]) Румянц. Музей, Сборник Беляева № 1620, л. 250 об.—251.

[11]) Акты Историч., т. I, № 100.

[12]) Рум. Музей, Сборник Беляева № 1620, л. 192 об.—193 л. об.

[13]) Моск. Архив Мин. Юст., грам. колл. экономии, № 2585.

стианам на оброк» [1]), как и в 1490 г. у Саввина-Сторожевского монастыря в Звенигородском уезде [2]) и в 40-х годах XVI в. в вологодском имении Дионисиева-Глушицкого монастыря [3]).

Барщина была еще реже, чем барская запашка. И это понятно: ведь барская пашня обрабатывалась далеко не всегда крестьянами, а нередко и холопами. Но и холопов было немного: в Тверском уезде 1540 года в поместьях холопские дворы составляли всего 8,8% всех дворов [4]). Надо притом же прибавить, что ведь холопы часто работали и на своей пашне, которая им давалась в надел.

Если таким образом в земледелии новшества были в сущности не более, как поверхностным, тонким наслоением, то тем более это верно для обрабатывающей промышленности и торговли. Преобладали попрежнему мелкое ремесло и мелкая торговля. Лишь изредка, в виде исключения, встречаем организацию торговым капиталом, скупщиками товарно-кустарного производства, расчитанного на обширный рынок: об этом по отношению к калужским деревянным или токарным изделиям свидетельствует Герберштейн, говоря, что они «вывозятся в Московию, Литву и другие соседние страны» [5]). В Москве встречаются корпорации и компании богатого купечества: таковы гости и сурожане [6]); русские купцы в Крыму торговали вскладчину [7]). Но как ни редки подобные факты, они тем не менее весьма знаменательны, как показатели нового в хозяйственной жизни, начинающегося процесса происхождения денежного хозяйства, расчитанного на обширный рынок.

Понятно, все это как-никак отражалось уже и на технике хозяйства, поднимало ее, хотя и не на большую высоту. Местами становится заметно улучшение в прокорме скота и в уходе за ним: у монастырей и архиереев появляются конюшенные и коровьи дворы, стойла для скота, все же сколько-нибудь правильно устроенные, у князей — целая

---

[1]) Рум. Музей, Сборник Беляева № 1620, л. 192 об.—193 и об.
[2]) Акты Историч., т. I, № 100.
[3]) Моск. Арх. Мин. Юст., грам. кол. эк., Вологодск. у., № 2585.
[4]) *Рожков,* Сельск. хозяйство Моск. Руси, стр. 140.
[5]) Rerum Moscovitarum scriptores varii, стр. 50.
[6]) *Соловьев,* История России, III, стр. 331.
[7]) Там же, т. V, стр. 237.

скотоводственная организация—«конюший путь». Конечно, в земледелии было немало еще остатков старинной, почти совершенно первобытной техники. Так, при основании монастыря Григорием Пельшемским в конце XV в. «делатели древие истребиша и огню предаша» [1]); в 1524 г. в каких-нибудь всего 60-ти верстах от Вологды некий Гавриил «посече лес и многа древеса, яко ту селитбу себе сотворит» [2]); «сеча» и «пал» — следы лядинного, огневого, подсечного хозяйства—попадаются в Суздальском уезде 1516 года [3]). Но все же эти способы и приемы земледельческого производства отходили в прошлое и сменялись менее экстенсивными. Господствовало, повидимому, уже переложное или залежное хозяйство, при котором земля восстановляет свои производительные силы путем простого отдыха, без удобрения, так что пашня должна запускаться под залежь или перелог на несколько лет, т.-е. перелог был в несколько раз, во всяком случае вдвое более, чем пашня. Однако, заметны даже и дальнейшие успехи и иногда немалые. Так, примером перехода от переложного хозяйства к недоразвитому трехполью или паровому зерновому хозяйству может служить в 1542 г. имение Кириллова монастыря в Белозерском уезде: здесь было 12 четвертей пашни и столько же перелогу [4]). «Паренинное поле» и «паренина», т.-е. уже не залежь, а удобряемое навозом паровое поле встречается в Белозерском уезде начала XVI в. [5]), в Суздальском 1516 года [6]), в Волоколамском 1544 года [7]). Тверские писцовые книги 1540 и 1548 г.г. свидетельствуют о преобладании трехполья во всем уезде [8]).

Понятно, наконец, что и в распределении хозяйственных благ между отдельными группами населения русского

---

[1]) Румянцевский Музей, рукописи Ундольского, № 353, л. 11.

[2]) Сказание об авнежеских чудотворцах: Синодал. библиотека, № 806, л. 682.

[3]) Моск. Архив Мин. Юст., грам. колл. эк., Суздальск. уезд, № 11791.

[4]) Моск. Архив Мин. Юст., грам. колл. экон., Белоз. у., № 782.

[5]) Моск. Архив Минист. Юстиции, грам. колл. экон., Белоз. у., № 755.

[6]) Моск. Архив. Мин. Юст., грам. колл. эк., Суздальск. у., № 11791.

[7]) Моск. Арх. Мин. Юст., грам. колл. эк., Волоколамск. у., № 2432.

[8]) *Лаппо,* Тверской уезд в XVI в.

северо-востока не совершилось не только переворота, но и глубоких, особо существенных и, главное, общих, массовых перемен. Средний размер запашки на крестьянский двор был еще довольно высок. Нормальным наделом того времени была выть—участок земли, который мог обработать один рабочий на одной лошади, подобно новгородской обже, значение которой новгородцы еще в конце XV в. объясняли Ивану III так: обжа—«один человек на одной лошади орет» [1]). Что выть соответствовала в этом отношении обже—это видно из следующих наблюдений: в одной грамоте 1527 года 32 выти приравнены сохе [2]); в сотной выписи (т.-е. выписке из писцовой книги по отдельному имению) 1544 года по Волоколамскому уезду о спорной деревне Кучине сказано, что она подвергается распашке, «а в соху положена однокольцом пол-пол-пол-чети сохи» [3]), т.-е. 1/32 сохи. Надо полагать, что «одноколец»—владелец одной «колышки» или телеги [4]), следовательно, тот же рабочий, пашущий на одной лошади. Так как выть составляла тогда тоже 1/32 сохи, то, очевидно, одноколец равнялся выти [5]). В этом отношении московская выть и новгородская обжа по смыслу тождественны с германской гуфой, шведскими Mantal или Mamnstheil, датским bool и английской гайдой и ее подразделениями, каковы виргата и особенно бовата — «земля одноволового плуга» [6]). На основании этих сближений можно принять выть за норму пашни для достаточного крестьянского двора. В XVI в. было дано более точное пространственное определение выти, которым было установлено, что выть равняется 10 четвертям доброй земли в каждом из трех полей [7]). Надо думать, что это определение сложилось под влиянием реальных

---

[1]) Никоновск. летопись, V, стр. 97.

[2]) *Дьяконов*, Рецензия на книгу Милюкова, Спорные вопросы финанс. истории: «Ж. Мин. Нар. Просв.» за 1893 г., июль, стр. 210.

[3]) *Милюков*, Спор. вопр. финанс. истории Моск. гос., Спб. 1892, стр. 43.

[4]) Там же, стр. 43.

[5]) *Дьяконов*, «Жур. Мин. Нар. Просв.» за 1893 г., июль, стр. 210. примечание.

[6]) *Meitzen*, Siedelung und Agrarwesen, B. I, стр. 74, *Виноградов*, Исслед. по социальной истории Англии в средние века: «Ж. М. Нар. Пр.» за 1887 г., апрель, стр. 219—220.

[7]) *Рожков*, Сельск. хозяйство М. Руси, стр. 144.

хозяйственных условий и, следовательно, приблизительно соответствовало действительным размерам пашни, распахивавшейся средне-состоятельным, нормальным крестьянским двором.

Это подтверждается и другими отдельными, конкретными примерами: в Дмитровском уезде 1543 г. средний размер запашки на двор равнялся именно 10 ч. [1]), в Тверском у. 1540 года немногим менее—$8^1/_2$ ч. [2]).

Принимая таким образом обычную запашку в 10 ч. или 5 десятин в каждом поле и полагая урожайность ржи— в 6—10 ч., а овса в 8—16 ч. с десятины [3]), получаем общую сумму сбора с нормального участка в 30—50 четвертей ржи и в 40—80 четвертей овса (четверти тут древние). Вычислим теперь расходы крестьянина, принимая во знимание сначала чисто натурально-хозяйственную систему оброков и государственных повинностей. Владельческий оброк равнялся обыкновенно половине урожая, причем землевладелец принимал на себя и уплату государственных налогов. Это составит 15—25 четв. ржи и 20—40 четв. овса. Затем необходимо было оставить семена для посева на следующий год—по 2 четв. ржи и по 4 четв. овса на десятину [4]) или в общей сложности 10 четв. ржи и 20 четв. овса. Наконец, для потребления средней крестьянской семьи надо было минимум 13 четв. ржи и 4 четв. овса и максимум 17 четв. ржи и 8 четв. овса [5]). Таким образом весь расход равняется в лучшем случае 38—48 четв. ржи и 44—64 четв. овса, а в худшем 42—52 ч. ржи и 48—68 ч. овса, так что ясно, что не хватало хлеба крестьянам редко, чаще же всего получался остаток, доходивший иногда до 12 ч. ржи и до 36 ч. овса. Вот наглядный признак того, что земледелие играло в изучаемой области чрезвычайно видную хозяйственную роль.

При переводе хлебного оброка и натуральных государственных повинностей на деньги, приходим к тому же при-

---

[1]) Там же, стр. 152.

[2]) *Лаппо,* Тверской уезд в XVI в., стр. 105.

[3]) Ср. *Рожков,* Сельское хозяйство, стр. 54—57. Четверть хлеба того времени была вдвое менее современной: *Ключевский,* Русский рубль XVI—XVIII в.

[4]) *Рожков,* Сельское хозяйство, стр. 54.

[5]) Ср. там же, стр. 260—261. *Оганoвский* Закономерность аграрной эволюции, ч. 2-я, Саратов, 1911.

близительно результату. В самом деле: в 1490 году Саввин-Сторожевский монастырь получал в Звенигородском уезде оброку со своих крестьян по 5 алтын или 30 денег с десятины, не считая мелкого побора маслом, творогом, овчинами и яйцами [1]. Это составит на нормальный крестьянский участок в 5 дес. сумму в 150 денег. Общая сумма государственных налогов с монастырской сохи в 600 четвертей (=300 десятин) в каждом поле равнялась для конца XV и начала XVI века 7½ рублям [2]. На десятину это составит 5 денег, а на участок 25 денег. Таким образом крестьянин уплачивал землевладельцу и государству всего 175 денег в год. Четверть ржи продавалась в то время по 4 деньги, а четверть овса по 2 деньги [3]. Переводя на деньги весь урожай в 30—50 четв. ржи и 40—80 четв. овса, получаем общую ценность урожая в 120—200 денег для ржи и 80—160 денег для овса или всего в 200—360 денег. Выходит, следовательно, что крестьянин, если не считать натурального мелкого побора, натуральных повинностей и трудности денежной реализации урожая, отдавал землевладельцу и государству несколько менее половины возможного для него денежного валового дохода. В общем нельзя не признать, что *нормальное* крестьянское хозяйство могло обходиться своими средствами при обычных условиях, когда не нужно было никаких затрат на земледельческий капитал. При наличности каких-либо хозяйственных невзгод или необходимости более или менее значительных затрат равновесие легко, однако, могло нарушиться.

Количество денежных капиталов в изучаемое время значительно возросло сравнительно с киевскою Русью, и притом эти капиталы распространились шире, среди большего числа лиц. Новгород и Псков в этом отношении, впрочем, значительно опередили северо-восточную Русь, что видно из высоты процента при займе; мы видели, как низок был процент в вольных городах, как сильно развиты там были кредитные операции; ряд указаний источников убеждает в том, что в бассейне Оки и верхней Волги в удельное время обычная высота процента при займе была 20%: «а рост на пять шестой, тако пошло», читаем в

---

1) Акты Историч., т. I, № 100.
2) *Рожков*, Сельское хоз., стр. 224.
3) Там же, стр. 204—205.

закладных грамотах [1]). Насколько редок все-таки был капитал, — лучше всего видно из ценности рубля XV и начала XVI века в его отношении к нынешнему рублю: рубль того времени стоил на наши деньги не менее 94 рублей, т.-е. тогда на рубль можно было купить столько же необходимых и полезных предметов, сколько теперь покупаем на 94 рубля [2]). (Речь идет о наших довоенных деньгах).

Чтобы закончить речь о распределении хозяйственных благ, остается только прибавить, что, как и в области вольных городов, на северо-востоке появилась и стала расти земельная рента. В первой половине XVI века средняя цена одной десятины земли равнялась приблизительно $^{3}/_{10}$ рубля того времени или несколько более 28 рублей на наши деньги [3]). Относительно это довольно значительная цена, чем еще раз подчеркивается то обстоятельство, что к концу удельного периода главная масса удобной земли на территории русского северо-востока была уже занята и подверглась хозяйственной эксплоатации.

Двойственный характер хозяйственных отношений XIV, XV и первой половины XVI в.—продолжавшееся преобладание старых, натурально-хозяйственных начал и начавшееся зарождение начал новых—наложил свою печать и на устройство общества.

Из преобладания натурально-хозяйственной старины вытекали попрежнему феодальные привилегии и пожалования высшей и средней землевладельческой аристократии и распространение временного и условного поместного владения. От XV и первой половины XVI в. до нас дошло более 80-ти княжеских грамот на судебные и податные привилегии, данных светским землевладельцам [4]). В XV веке не только невольные и дворцовые, но и вольные и военные слуги князей, несомненно, уже владели поместьями; в 1462 г. не только о вотчинах, но и о «дачах», т.-е. поместьях, детей боярских говорится как о вполне установившемс обычном, нормальном явлении [5]).

---

1) См. Акты, относ. до юридич. быта древн. России, т. I и II.
2) *Рожков,* Сельское хозяйство, стр. 205.
3) Там же, стр. 216.
4) Большая часть из них издана в «Актах» Юшкова
5) Собр. Гос. Грам. и Догов., т. I, №№ 86 и 87

Однако, экономические новины, как они ни были еще слабы, все же давали уже о себе знать. Слагавшийся мало по малу обширный рынок стягивал воедино уделы, и в XV—XVI веках наблюдается массовый прилив в Москву служебных князей [1]).

Затем судебные и податные превилегии сужаются, подвергаются все большим ограничениям: суд по важнейшим преступлениям—убийству («душегубству»), разбою, татьбе с поличным—сохраняется уже обычно за представителями государственной власти, из‘емлется из рук привилегированных землевладельцев [2]); государственные подати и повинности—дань, ям, городовое дело—с лиц, живших в имениях привилегированных землевладельцев, берутся также княжескими чиновниками [3]). Со второй половины XV в. наблюдается часто и дальнейшее весьма важное ограничение: это—срочность пожалования льгот—на два, на три года, на 5, на 7, 10, 15 лет [4]).

Всему этому соответствуют крупные перемены в служебном положении бояр и слуг вольных, органичение их прав и увеличение обязанностей. Право от‘езда, правда, формально еще признается в договорных грамотах. Но чем позднее, тем меньше эта форма соответствует содержанию, реальным житейским отношениям. Формально еще Василий III в договоре со своим братом Юрием признает право от‘езда. Но еще Василий II Темный брал с бояр «проклятые» грамоты с отказом от этого права [5]). В 1474 г. князь Д. Д. Холмский дал великому князю Ивану III крестоцеловальную запись такого же содержения, причем по Холмском в том, что он не от‘едет, взята была порука Воронцова, обязавшегося, в случае его оте‘зда, заплатить в великокняжескую казну 250 руб. [6]), т.-е. до 25 тысяч на наши довоенные деньги. В духовной грамоте Ивана III

---

[1]) *Ключевский,* Боярская Дума древней Руси, изд. 2, стр. 176—178, 222 и след.

[2]) Акты Арх. Эскп., т. I, №№ 37, 124, 154, 166; Акты Ист., т. I, №№ 111, 125, 141, 147; Дополнения к Актам Историч., т. I, № 48 и друг.

[3]) Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 179, 200 и др.

[4]) Акты Историч., I, №№ 28, 83, 87, 88, 131, 144; Акты Археогр. Эксп., т. I, № 163.

[5]) *Соловьев,* История России, т. IV.

[6]) Там же, т. V, стр. 211.

1504 года уже прямо запрещается от'езд всем служебным князьям, а также боярам и детям боярским ярославским, которые имели вотчины и купли [1]).

Ограничения стали распространяться и на имущественные права: по договорным грамотам первой половины XV века служебные князья, при переходе на службу к другому князю, должны уже были лишаться своих вотчин [2]). Иван III и Василий III объявили выморочными вотчины служебных князей, умиравших без прямого потомства, без наследников в прямой нисходящей линии [3]). Они же запретили князьям и детям боярским в Твери, Микулине, Торжке, Оболенске, Белоозере, Рязани отдавать свои вотчины в монастыри без особого своего всякий раз разрешения [4]).

Те же влияния—и старые и новые—заметны и в положении крестьянства. Попрежнему крестьяне имели право свободного перехода, и Судебник 1497 г. прямо, решительно, выразительно, совершенно категорически говорит об этом праве [5]).

Но мы уже видели, что даже раньше начали проявляться первые признаки его ограничения. И уже тот же Судебник их определенно формулирует и развивает. Самые условия земледельческого производствв сделали их необходимыми.

Невозможно, не разоряя всего хозяйства, оставлять его в самом разгаре работ. Поэтому необходим определенный срок перехода, хозяйственно более или менее удобный. Такой срок и был установлен Судебником 1497 года: это Юрьев день осенний—26 ноября,—за неделю до него и неделю спустя после него [6]). Понятно, откуда произошел этот срок: к тому времени, глубокой осенью, кончался годовой цикл земледельческих работ.

Затем переход надо было обставить надлежащими формами. Такою формою был «отказ» [7])—заявление крестьянина об уходе.

---

[1]) Собр Гос. Грам. и Договор., т. I, № 144.
[2]) Там же, I, №№ 43, 44, 52, 53, 64, 66, 71, 72, 76, 77
[3]) *Неволин,* История росс. гражд. законов, стр 158.
[4]) Там же, стр. 158.
[5]) Акты Историч., т. I, № 105.
[6]) Там же, т. I, № 105.
[7]) Там же.

Но земледелие обусловливает потребность крестьянина в хозяйственных и жилых постройках—в доме, дворе и надворных строениях. Отсюда вытекали два весьма важных последствия, сильно ограничивавших свободу крестьянского перехода. Если крестьянин садился на застроенный уже участок, т.-е. получал готовые, господские постройки, он обязан был при уходе заплатить «пожилое» или «похоромное»—плату за пользование двором, установленную Судебником 1497 года в 1 рубль за 4 года в местах полевых и в полтину в местах лесных[1]) (не менее 94 и 47 рублей на наши деньги). Таково было одно последствие потребности в хозяйственных постройках. Другое имело место тогда, когда крестьянин садился не пустой участок и обязывался его застроить. В этом случае он получал от владельца льготу, т.-е. облегчение в уплате оброков, в отбывании барщины и во взносе государевых податей. Льгота давалась на известный срок [2]) и, конечно, обязывала крестьянина не уходить в течение довольно продолжительного времени с арендованного участка. Часто для приведения хозяйства в исправное состояние, «на дворовое строение и для пашни» крестьянин получал также «подмогу» от землевладельца [3]), т.-е. определенную денежную сумму, которая, может быть, сначала и не подлежала возврату, погашалась фактом возведения должных построек, но, во всяком случае, до окончания этих строительных работ привязывала крестьянина к землевладельцу, ограничивала свободу его перехода.

Экономическая природа земледелия простирала еще дальше свое воздействие на свободу крестьянского перехода. Кроме обстройки участка, крестьянин для ведения полевого хозяйства нуждался еще в других предметах, требовавших затраты капитала. Не имея последнего, он прибегал к займам у того же землевладельца. О заемном жите, т.-е. хлебе, и «серебре», т.-е. деньгах, на крестьянах очень часто читаем в духовных грамотах XV века. Ряд актов того же столетия говорит, кроме того, об «издельном серебре», «деньгах в селех в ростех» и «ростовом

---

[1]) Там же.

[2]) *Ключевский,* Происхождение крепостного права в России, «Русск. Мысль» за 1885 г., № 10, стр. 7.

[3]) Там же, стр. 8.

серебре»[1]). Исследователи справедливо проводят разграничительную черту между разными видами займа. Дело в том, что «заемное жито и серебро» сплошь и рядом было, выражаясь термином того времени, «ссудой», т.-е. срочным беспроцентным займом, иногда даже «безкабальным», т.-е. не закрепленным «заемной кабалой», документом, по нашему векселем: по истечении срока, на который давалась ссуда, крестьянин возвращал только занятый капитал, не уплачивая процентов. Лишь при просрочке уплаты ссуда превращалась в процентный долг [2]). Термины «ростовое серебро», «деньги в селех в ростех» указывают на другой вид займа,—на заем, сопровождающийся уплатой процентов [3]). Особой разновидностью процентного займа является та, которая характеруется выражением «издельное серебро». В толковании этого последнего термина не все исследователи сходятся: по мнению одних [4]), это — неуплаченый своевременно крестьянином и потому подлежащий отработке оброк; по другому объяснению [5]), это — заем под будущуюработу вместо процентов. Верно именно второе толкование, потому что в одном документе 1450 года сказано, что «на то серебро делают дело» [6]), да и другое название такого серебра — «деньги в пашне». И ссуда, и процентный долг, и издельное серебро, несомненно, привязывали крестьянина к его кредитору—землевладельцу, мешали первому уйти от последнего, потому что, по свидетельствам источников, крестьяне, отказываясь из-за землевладельцев, должны были «серебро заплатить». Мало того: неисправность в уплате долга могла привести крестьянина в более сильную зависимость от землевладельца. Судебник 1497 года предписывал выдавать неисправного должника кредитору «головою до искупа», т.-е. до отработки долга [7]). И это, действительно, применялось на

---

[1]) Там же, стр. 9.
[2]) Там же, стр. 9.
[3]) Там же, стр. 9.
[4]) *Сергеевич,* Русские юридические древности, т. I.
[5]) *Ключевский,* Происх. креп. права.
[6]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 48.
[7]) Обыкновенно должник, выданный головою до искупа, подвергался правежу, т.-е. его били палкой по ногам, на площади, пока кто-нибудь из жалости не платил за него долга, обязывая выкупленного работать на себя. Но, конечно, и кредитор мог заставить должника, не подвергая его правежу, на себя работать.

практике по отношению к неисправным должникам крестьянам, как показывают дошедшие до нас «судные дела».

Задолженность крестьян землевладельцам уже во второй половине XV века вызвала к жизни новую форму крестьянского перехода, — так-называемый крестьянский «вывоз», состоящий в том, что какой-либо землевладелец, обладавший значительными денежными средствами, платил за крестьянина, по соглашению с последним, его долги тому лицу, на земле которого крестьянин сидел, и увозил крестьянина на свою землю, причем, разумеется, перевезенный обязывался вернуть или отработать новому своему кредитору уплаченные им за него деньги: «занял есми у такого-то лица столько-то денег и те есми деньги платил старому своему государю, а за рост мне у него (т.-е. у нового кредитора) работать».

Стеснения крестьянского перехода в северо-восточной Руси в удельное время не ограничивались приведенными сейчас случаями. Эти случаи обнимают собою все главные, основные условия закрепления. Но к числу условий, содействовавших закрепощению крестьян, принадлежали еще «старина», приписка к тяглу и, наконец, специальные, частные ограничения и стеснения, исходившие от правительственной власти. Необходимо анализировать и такие вторичные, менее важные условия.

Старина, или старожильство, как основание стеснения крестьянского перехода стала признаваться правительством только к концу изучаемого периода: в первой половине XV века еще позволялось перезывать в другие имения «тутошних старожильцев» [1]). Признаками старины признавались прежде всего давность жительства крестьянина за известным землевладельцем, а также рождение за кем-либо в крестьянстве и переход от одного владельца в собственность другого на основании какой-либо сделки,—данной, купчей, меновной, рядной записи (акта передачи в приданое), наконец, по наследству [2]). В XIII, XIV и XV веках мало-по-малу устанавливается мысль, что крестьяне составляют необходимую принадлежность имения. Утверждению такой мысли содействовала, главным образом, задол-

---

[1]) Акты Арх. Эксп., т. I, № 44.

[2]) *Дьяконов,* Очерки из истории сельского населения в Московском государстве, Спб. 1898, стр. 22, 39, 45.

женность крестьян; вследствие их задолженности имения отчуждались вместе с крестьянским серебром, т.-е. с долгами, лежавшими на крестьянах, а следовательно и с самими должниками, «со крестьяны», как прямо говорят акты отчуждения земель [1]). Когда таким образом жизнь выработала понятие о крестьянах-старожильцах, как необходимой принадлежности имения, землевладельцы на суде при исках о крестьянах стали указывать на незаконность вывоза старинных крестьян, стали требовать их возвращения себе. И требования эти обыкновенно удовлетворялись [2]). Так, принцип давности, проистекавший из той же задолженности, влек крестьянина в крепостное состояние.

Обыкновенно в пределах каждого отдельного княжества совершались частичные стеснения перехода тяглых людей: правда, весьма часто землевладельцам разрешалось перезывать на свои замли всех крестьян и тяглых и нетяглых; но не редко встречались в этом отношении важные ограничения,—именно запрещалось перезывать к себе данных и письменных людей. В сущности эти постановления касались тех же старожильцев, потому что записанными в тягло оказывались в подавляющем большинстве случаев именно они. Следовательно, основным источником прикрепления на основе приписки к тяглу в конце-концов надо считать опять-таки задолженность крестьян землевладельцам, под влиянием которой, как мы видели, сложилась и идея старожильства.

Наконец, в виде совершенно исключительных льгот, князья жаловали иногда землевладельцам право не выпускать крестьян из за себя: по грамотам второй половины XV века такое право было, напр., дано великим князем Василием Темным Троицкому-Сергиеву монастырю по отношению к его вотчинам в двух уездах—Бежецком и Углицком [3]).

В предшествующем изложении перед нами последовательно и постепенно выступили на вид все отдельные новообразования, постепенно подготовляющие закрепощение. Сводя в одно целое эти новообразования, отыскивая их

---

1) *Ключевский,* Происхождение креп. права в России.
2) Там же.
3) Акты Арх. Экс., I, № 64; Акты Историч., I, № 59; *Дьяконов,* Очерки из истории сельс. нас., стр. 1.

генетическую основу, ту главную силу, которая их создала, мы видим, что этой силой является господствовавшая на северо-востоке удельной Руси отрасль промышленности,— земледелие при сохранении натурального хозяйства.

Переходя от гражданских прав черных людей к их правам *политическим*, надо заметить, что политические права сменялись постепенно обязанностями. За черными людьми осталось лишь право раскладки и сбора податей через выборных земских старост и сотских с целовальниками, т.-е. присяжными (от выражения «целовать крест»), и право участия этих выборных старост и добрых людей на суде княжеских наместников, освященное и Судебником 1497 года [1]).

Главною *обязанностью* черных людей в удельное время было несение тягла, т.-е. уплата податей и отбывание повинностей на князя. Но на-ряду с этим черные люди служили и на войне: в княжеских договорах упоминается «московская рать» [2]), в жалованной грамоте Василия Темного Троицкому-Сергиеву монастырю говорится о сельчанах, обязанных береговою службою, т.-е., вероятно, зарождавшеюся уже тогда службою на берегу Оки для охраны страны от внезапного нападения татар [3]). Однако, военная служба черных людей отличалась от более регулярной и постоянной службы людей служилых, составлявших главное ядро военного ополчения того времени: недаром в договорах и 1388 года [4]), и 1472 [5]) встречаем условие: «черных людей, гостей и суконников в службу не приимати». Намечались, значит, юридические разграничения между будущими сословиями и в отношении обязанностей.

Изображенное выше состояние народного хозяйства на удельном северо-востоке XIV, XV и первой половины XVI в., в связи с сопровождавшими его изменениями социального строя, подготовляло важные перемены и в строе политическом: разложение натурального хозяйства и начавшийся переход его к хозяйству денежному, расчитанному притом на обширный рынок, приводили к необходимости уничто-

---

[1]) Акты Историч., т. I, № 105.
[2]) *Соловьев,* История России, т. IV, стр. 204.
[3]) Там же.
[4]) Собр. Гос. Грам. и Дог., т. I, № 33.
[5]) Там же, № 95.

жения удельного распада, к образованию политического единства, к «собиранию» Руси.

В нашей исторической литературе долго господствовал на процесс этого «собирания» и на силы, его вызвавшие и им руководившие, тот взгляд, что в основе всего этого лежало собирание земли и лишь потом сюда присоединилось—и то довольно поздно—собирание власти [1]). В последнее время этой теории очень резко, категорически противопоставлено другое мнение: собиралась не земля, не территория, а власть [2]). Необходимо, исследуя процесс собирания Руси, решить, какой из этих взглядов правилен, верен, соответствует действительному ходу дела.

Политическое объединение было, несомненно, очередной задачей времени. Ближайшее ее разрешение было делом двух непосредственно столкнувшихся здесь княжеств—тверского и московского. Столкнулись они прямо и открыто по вопросу если не о власти, то о титуле—именно о титуле великого князя всея Руси, не всегда даже связывавшемся с непременным обладанием великокняжеской Владимирской областью (так Иван Калита получил от хана великое княжение всея Руси, но сначала не владел этой областью [3]) и во всяком случае в начале XIV века не дававшем великому князю всея Руси никаких правительственных, суверенных прав над другими великими и удельными князьями, кроме неопределенного по своему содержанию права старшинства. Конечно, и в этой борьбе за титул был некоторый элемент борьбы за власть. Но спрашивается: не предшествовало ли даже этому слабому элементу что-либо иное в объединительной политике князей-соперников — тверских и московских?

Если не считать отношений к Новгороду, в которых тверские князья, как, напр., Ярослав Ярославич, добивались для себя в сущности лишь хозяйственных и финансовых выгод [4]) и в конце-концов заключали договоры с новгородской республикой «на всей воле новгородской» [5]), то надо

---

[1]) *Соловьев,* История России; *Чичерин,* Опыты по истории русского права; *Ключевский,* Курс русской истории.

[2]) *Пресняков,* Образование Великорусского Государства, Петербург, 1918 г.

[3]) Там же, стр. 138.

[4]) Новг. 1, 3 и 4 лет, под 6778 годом.

[5]) Там же.

признать, что тверские князья ничем не проявляли никаких объединительных стремлений.

Что касается князей московских, то у них рано наблюдаются «примыслы», т.-е. покупки и завоевания. Еще в 1302 г. переяславль-залесский князь Иван Дмитриевич, умирая, «благослови в свое место» своим княжеством Даниила московского, по смерти которого Переяславль-Залесский достался его сыну Юрию, что и было утверждено ханом [1]). Это вовсе не «номинация» Иваном Дмитриевичем себе преемника [2]), а завещание, как выражение личной воли, римское testamentum—в благодарность за помощь и защиту переяславского князя московским против посягательства Андрея Александровича. Очевидно, в действительности была сделка Ивана Дмитриевича с Даниилом: Даниил обещал и дал поддержку, а Иван завещал ему после себя княжество. Затем никто не отрицает, что Можайск и Коломна были ранними «примыслами», завоеваниями московских князей [3]).

Итак, собирание Руси Москвой началось не собиранием власти, а собиранием земли.

Затем началась борьба Москвы с Тверью из-за великокняжеского достоинства. Сын родоначальника московских князей Даниила Александровича, младшего из сыновей Александра Невского, Юрий начал борьбу за великокняжеский владимирский стол с Михаилом Ярославичем тверским.

Новейшие исследователи [4]) приписывают Михаилу тверскому, имевшему в виду захватить Новгород, Переяславль-Залесский, Кострому, Нижний-Новгород, не простое приобретательство, не собирание земли, а «широкие политические притязания». Надо, однако, заметить, что это ничем не доказано. Естественнее предположить, что дело было в захвате волжского торгового пути и мест, к нему тяготеющих: Новгород ведь экономически зависел от этой территории, и владеть ею значило закрепить за собой Новгород. Как бы то ни было, Юрию московскому удалось добиться в Орде казни Михаила, но он сам был убит там

---

[1]) *Пресняков,* Образование Великорус. Госуд., стр. 89-90.

[2]) Там же, стр. 90.

[3]) Там же, стр. 118.

[4]) Там же, стр. 105

сыном Михаила, Дмитрием Грозные Очи, и хотя Дмитрий, по повелению хана, был за это казнен, но все-таки великокняжеское достоинство всея Руси и Владимир остались пока за тверскими князьями, так что в первой своей борьбе с Тверью Москва потерпела неудачу.

Гораздо плодотворнее для Москвы была вторая борьба— другого Даниловича, Ивана Калиты, с великим князем тверским Александром Михайловичем в первой половине XIV века. Воспользовавшись тем, что в Твери были перебиты татары во главе с Чол-ханом, Калита взял войско от хана, выгнал Александра из Твери и получил ярлык на великое княжение. С тех пор великокняжеское достоинство, а скоро затем и Владимирская область сделались почти постоянным достоянием московских князей. Так последними приобретено было юридически господство над всей северо-восточной Русью. Если угодно, это было приобретение притязаний на власть, но до реальной власти было попрежнему еще далеко. Даже еще преемнику Калиты великому князю Семену нужна была специальная «дача под руки» ханом других князей русских. Формальное право надо было еще реализовать, и эта реализация стала целью усилий московских князей. Каковы же были эти усилия?

Сюда относились прежде всего те же «примыслы»—покупки и завоевания. Значение завоеваний как собирания земли и материальной основы власти никто не может оспорить. Но завоевания были большею частью явлением позднейшим—ранее были покупки. И вот является вопрос: каким образом покупка земли может быть основой власти?

Прежде всего покупка земли — источник материальной силы, экономической мощи и уже поэтому только обосновывает и самую власть. А затем ведь с владением землей связаны были тогда и правительственные права — иммунитеты, т.-е. элементы власти, хотя и не полной, не суверенной. Недаром такую покупку запрещали князьям новгородцы в своих договорах с ними. И часто, купив сначала территорию с иммунитетами, московские князья потом, иногда через значительный промежуток времени, приобретали и суверенные права над нею, над целым уделом, в который эта территория входила.

Все это иллюстрируется фактом покупки Иваном Калитой, первым собирателем Руси, Белозерска, Галича и

Углича. Самый этот факт не подлежит сомнению: он засвидетельствован документом. Но как согласовать с ним наличность князей в этих городах после Калиты? Еще Карамзин пытался объяснить это тем, что Белозерск, Галич и Углич куплены Калитой к великому княжению. Объяснение странное, неосновательное. Вернее толковал факты Соловьев, по мнению которого, Калита, купив города, оставил за местными князьями некоторые права [1]), — надо только прибавить, что сохранен был за ними формальный суверенитет, уничтоженный лишь позднее, при внуке Калиты.

Дальнейшими «примыслами» московских князей были следующие: Василий I купил Муром, Тарусу и Нижегородское княжество; Иван III в конце XV века присоединил Новгород, Тверь и некоторые более мелкие уделы; Василий III, последний собиратель Руси, Псков и Рязань.

Ясно, что собирание земли сыграло важную роль в политическом объединении Великороссии. Известно, что благодаря примыслам размеры Московского княжества за два столетия увеличились в 30 раз [2]).

Это не значит, конечно, что не было ни одного элемента собирания власти. Нет, такие элементы были, и они нашли себе выражение в другом средстве, каким пользовались московские князья для своих объединительных целей,—в договорах с другими князьями. Только древние, первые договоры не указывают еще на такое собирание власти: они вполне отражают в себе самостоятельность отдельных князей [3]). Только постепенно, позднее московские князья провели в них новые условия, подчинявшие им других князей.

Таких условий было три. Во-первых, удельные князья обязывались ни с кем не вступать в сношения и не заключать договоров без ведома и согласия великого князя московского. Это условие обозначалось выражениями: «не канчивати и не ссылатися» или «кто великому князю друг, тот и удельному друг, а кто враг великому князю, тот

---

[1]) *Соловьев,* История России, т. III.

[2]) *Ключевский,* Курс русской истории, I.

[3]) Там же; *Чичерин,* Опыты, по истории русск. права. (Духов. и договорн. грамоты великих и удельных князей); *Дебольский,* Древнерусские междукняж. отношения по договорам.

и удельному враг». Во-вторых, удельные князья не должны были сноситься с татарским ханом помимо великого князя московского и обязаны были платить ордынскую дань лишь через посредство великого князя· «орды не знати». Наконец, в-третьих, удельные князья должны были являться на войну по первому требованию великого князя: «сядет великий князь на коня, ино и удельным садиться на коней; когда сам он не пойдет, а их пошлет, то им идти без ослушанья» [1]).

Наконец, было еще третье средство объединения—завещания, духовные грамоты великих князей московских. Здесь проявились весьма выпукло оба процесса — и собирание земли, и собирание власти, причем опять-таки характерно, что собирание власти—позднейшее, производное явление, материальной основой которого оказалось именно собирание земли. Главные факты, сюда относящиеся, свидетельствуют о том, что, составляя свою духовную грамоту, каждый московский великий князь передавал старшему сыну большую долю, чем младшим, причем чем ближе было к концу периода, тем резче становилось это несоответствие, т.-е. тем больше получал старший наследник. По духовной грамоте Дмитрия Донского в конце XIV века, великое княжество московское было разделено между пятью сыновьями завещателя, причем старший, Василий, получил не менее трети всей территории, потому что в каждую тысячу рублей ордынской дани вносил 342 руб., т.-е. более трети. По завещанию Василия II Темного 1462 года, старший наследник, великий князь Иван III, получил 16 городов, а остальные четверо все вместе тоже 16; доля старшего выросла таким образом до половины. Иван III в 1504 году дал старшему сыну 90 городов, а четверо младших получили все вместе лишь 26 городов, причем старший из тысячи рублей ордынской дани платил 717 рублей, т.-е. около $^3/_4$. В завещании Ивана III видны и прямые признаки усиления власти старшего князя: только он получает право чеканить монету, и ему переходят выморочные уделы младших братьев [2]).

---

[1]) Собр. Госуд. Грам. и Догов., I, №№ 32, 36, 65, 76, 77, 88, 89, 115, 116, 119, 120.

[2]) *Соловьев,* История России, томы III, IV и V; *Ключевский,* Курс русской истории, I.

Таким образом примыслы, договоры и завещания совокупным своим действием привели к тому, что в конце удельного периода северо-восточная Русь оказалась собранной воедино, сложилась в так называемое Московское государство. Начался и в значительной степени продолжался этот процесс образования нового политического организма вовсе не под влиянием перемен в политическом сознании, не под влиянием зарождения и развития идеи о государстве, как союзе общественного господства, имеющем в виду интересы общего блага, — такой идеи еще не было, она образовалась впоследствии, долго спустя после того, как политическая действительность создала для нее реальный фундамент. Правда, особенно в позднейших стадиях процесса собирания Руси собиралась не только земля, но и власть, но она собиралась вместе с землей и в зависимости от собирания последней. И способы собирания — примыслы, договоры и завещания — были актами гражданского, частного права [1]). По всем этим причинам можно сказать, что Московское государство создалось на почве старых условий, выросло из удельной вотчины, благодаря хозяйственной деятельности князя — приобретателя, хозяина своего удела [2]).

Без сомнения, однако, все князья удельного периода на северо-востоке России были в большей или меньшей степени хозяевами-приобретателями, и если в этой приобретательской деятельности московские князья опередили других, то на это должны существовать свои особые, специальные причины, которые помогали московским князьям в их хозяйственных усилиях и воспитывали в них приобретательские наклонности. Причины действительно были налицо, и коренились они в хозяйственных обстоятельствах.

Правда, некоторые исследователи склонны приписывать Москве военно-пограничное значение, находят, что она построена для обороны с юга [3]). Но если даже это так и было при основании Москвы, то ведь отмечаемый теми же исследователями факт, что Москва находилась на пере-

---

1) *Чичерин,* Опыты по истории русского права, стр. 232-375.

2) Там же; *Ключевский,* Курс русской истории, I.

3) *Платонов,* Статьи по русской истории, Спб. 1903, стр. 100.

крестке нескольких дорог — к Ростову, Владимиру, Чернигову, Рязани (через Коломну), Смоленску (через Можайск) [1]) — не мог не возвысить Москвы экономически очень скоро после ее основания и даже должен был послужить по крайней мере одним из мотивов — несомненно хозяйственным — к ее постройке. Таким образом, не отрицая важного стратегического значения Москвы, как ключа ко всей области русского северо-востока, нельзя в то же время не признать, что она была важным торговым пунктом, тем более, что и сама река-Москва была хорошей в то время торговой дорогой, так как была гораздо глубже, чем теперь, да и Московская область, как справедливо указывается, была первым колонизационным этапом с юга на север, где и оседала главная масса переселенцев [2]). Прилив массы населения в Московскую область, увеличивавший могущество ее князей, был тем сильнее, что Московское княжество со всех сторон было ограждено от внешних опасностей, заслонялось от вражеских нападений соседями,—Новгородом, Псковом, Рязанью, Нижним-Новгородом,— принимавшими на себя всегда первые и самые страшные удары. Действуя в таких благоприятных обстоятельствах, обеспечивавших успех и закалявших в суровой хозяйственной борьбе, московские князья одержали верх над всеми своими соперниками и встретились еще с одним общим условием, окончательно закрепившим объединение России под их властью: среди трудов хозяйственных, во время социальных перемен, под шум усобиц медленно и постепенно слагалось и к концу удельного периода вполне сложилось новое племя,—великорусская народность [3]). Оно должно было политически объединиться и объединилось под властью московских князей.

Собирание Руси имело великие и разнообразные последствия для разных отраслей правительственной деятельности.

Прежде всего здесь важны последствия объединения северной России в отношении власти и общего положения московского великого князя.

---

[1]) Там же, стр. 101.

[2]) *Ключевский,* Боярская Дума древней Руси; *Ключевский,* Курс русской истории, I.

[3]) *Ключевский,* Курс русской истории.

Конечно, очень еще часто князь-хозяин всюду старался проникнуть своим хозяйским глазом, стремился объять, сосредоточить в своих руках все подробности подчиненного управления. И прежде всего это надо сказать о технике внешних сношений, дипломатических переговоров и заключения договоров с иностранными государствами. Характерно тут то, что даже в XV и XVI веках московские великие князья шагу не давали ступить самостоятельно своим послам, давали им инструкции, предусматривавшие все самые мелкие подробности. Напр., в памяти Тимофею Васильевичу Заболоцкому-Бражникову, посланному в Литву в 1533 году, значится: если о чем-либо спросят, то сказать, что ни о чем другом наказу от государя говорить ему не дано; а потом следуют подробнейшие указания на частности [1]). Притом в Москве всегда устраивали так, чтобы все важные переговоры велись не за границей, а именно в Москве. Это делалось с целью предоставить возможность московским боярам по поводу каждой мелочи обратиться к верховной власти за указанием. И этой возможностью пользовались очень часто [2]).

И все-таки с объединением Руси великие князья реже выступают во внешних отношениях в роли, приличествующей подчиненным органам, и—что главное—эти подчиненные органы не отправляют уже в делах иностранной политики, как то было прежде, функций, свойственных верховной власти [3]).

И в финансах, как и в иностранной политике, верховная власть и органы высшего управления в значительной степени еще не отделились даже в это время падения удельных отношений и преданий от подчиненных органов властвования. Органы верховного управления попрежнему нередко вторгались в сферу деятельности чисто-исполнительной, подчиненной. Так от начала XVI века до нас дошла любопытная грамота рязанского князя Ивана Ивановича об отводе земли, пожалованной одному служилому человеку; эта грамота адресована «бояром нашим Федору

---

[1]) Акты Западной России, том II, № 175, стр. 227—228.
[2]) Там же, II, № 175.
[3]) *Рожков,* Происхождение самодержавия в России, стр. 23.

Ивановичу Сунбулову с товарыщи» [1]), т.-е. боярской думе; верховное учреждение здесь отводит пожалованную землю, т.-е. исполняет обязанность подчиненного органа. Но, конечно, все же в финансовой области ближайшее исполнение отходило все более к подчиненным органам, а у высших оставалась большею частью лишь нормативно-финансовая деятельность, — установление податей и повинностей, дарование финансовых льгот, пожалование земель, определение вознаграждения должностным лицам и т. д.[2]).

В области законодательства прежние, удельные хозяйственный и частный, принципы преобладали: по-старому господствовали жалованные грамоты отдельным лицам и хозяйственные распоряжения, адресованные областным властям. Общие юридические нормы редко и слабо формулировались. В этом отношении не далеко ушел вперед и Судебник Ивана III, представлявший собою почти исключительно кодекс процессуального права.

Даже в конце удельного времени не было ни одного судебного дела, по которому нельзя было бы обратиться непосредственно к князю, в первой инстанции; все здесь зависело от усмотрения тяжущихся, никаких общих норм не существовало. В 1506 г. углицкий удельный князь Дмитрий Иванович решил поземельный спор Троицкого-Сергиева монастыря с Семеном Бородатым: князь сам непосредственно «обыскал своим обыском» и «по тому обыску» монастырского посельского «оправил», а Бородатого обвинил [3]). В 1519 г. поземельную тяжбу Спасо-Евфимиева монастыря с Матвеем Судимантовым разбирали бояре в Москве (т.-е. боярская дума), «да сказали мне, великому князю, и аз велел боярам старцев Спасского монастыря в тех землях оправити, а Матвея Судимантова велел обвинити да и грамоту правую на Матвея в тех землях велел дати» [4]). Этот факт особенно любопытен и знаменателен: здесь не только простое поземельное дело разбирается высшим государственным учреждением—боярской

---

[1]) Акты, изд. Юшковым, № 47.

[2]) *Рожков*, Происхождение самодержавия в России, стр. 23.

[3]) Акты Археогр. Экспед., I, № 145.

[4]) Акты Историч., т. I, № 126.

думой, но и это учреждение не осмеливается решить его, а лишь производит расследование, результаты которого повергаются на усмотрение самой верховной власти, и лишь она постановляет на этом основании окончательный приговор. Это—порядок решения судебных дел, который позднее был известен под названием ревизионного, но осложненный еще тем, что без ревизии со стороны непосредственно верховной власти не могла обойтись даже боярская дума, высший орган власти, учреждение верховного управления. От XV в. сохранилось много указаний на поземельные тяжбы, разбиравшиеся князьями в первой инстанции [1]). На-ряду с этим, однако, такие же тяжбы разбирались тогда в первой инстанции и судьями, и писцами, составлявшими писцовые книги, и наместничьими тиунами [2]). Во второй половине XV в. великий князь Иван III сам разбирал дела о крестьянском выходе от одного землевладельца к другому [3]). В конце того же столетия рязанский великий князь Иван Васильевич разбирал в первой инстанции дело о подговоре обельных холопов к бегству от их господина [4]). В 1517 г. Василию III били челом по целому ряду дел о долгах и грабежах, и он сам их разбирал [5]). В начале XVI века некоего Иванова по делу о бое и грабеже судила в первой инстанции боярская дума [6]).

Эта путаница заставляла, однакоже, прибегать к некоторым поправкам. Иногда великие князья передавали уже жалобы, к ним обращенные, на рассмотрение областных правителей, но с непременной оговоркой о представлении рассмотренных дел на их собственное окончательное решение путем доклада, т.-е. опять-таки с установлением ревизионного порядка судопроизводства. Типичен в этом отношении наказ Василия III Карандушу-Свиньину о производстве раздела по межевому делу: «ты б к ним бы еси на ту землю ехал да того б еси дозрил да обыскал, чия та земля. А о

---

[1]) См., напр., *Федотов-Чеховский,* Акты, относ. до гражд. расправы древн. России, I, №№ 2, 4, 10; Акты, изд. Юшковым, №№ 13, 104.

[2]) *Федотов-Чеховский,* Акты, I, №№ 5, 7, 15, 20, 21, 22, 23, 26, 29, 30, 34, 35, 38, 46, 47, 53, 54; 16, 19, 24, 25, 31, 51, 55, 56; 45, 57.

[3]) Акты Арх. Эксп., I, №№ 73 и 83.

[4]) Акты Юшкова, № 30.

[5]) Там же, № 104.

[6]) Там же, № 48.

чем ся сопрут, и ты бы их судил, а суд свой скажи отцу моему, великому князю» [1]).

Что не было попрежнему никакого установленного порядка инстанций и определенного круга дел или известных их свойств, делавших необходимой передачу решения из рук подчиненных органов в руки высших учреждений или князя,—это лучше всего видно из Судебника 1497 года, где прямо сказано: «а которого жалобника а непригоже управити, и то сказати великому князю» [2]). Мало того: когда судья затруднялся решением дела, он не знал, к кому собственно он обратится с докладом по делу. В этом отношении характерно одно замечание в уцелевшем судном деле XV века: «судья рекся доложити государя великого князя *или* человека старейшого» [3]). И действительность оправдывала подобные колебания: бывало, что, обращаясь с докладом к князю, судьи оказывались лицом к лицу с другим лицом, которому они и докладывали дело. Так, в конце XV века, разбирая дело о пожне между Ферапонтовым и Кирилловым монастырями, «судьи реклись доложити великого князя», но, как видно из пометы на обороте, доложили Афанасия Курицына [4]). Лишь в некоторых особых случаях личный суд князя был обязателен, неизбежен и не мог быть заменен судом другого лица. Так в первой половине XV века великому князю принадлежал обязательный третейский суд в случае, если его судья и судьи удельного князя «ся сопрут», т.-е. не сойдутся в решении каких-либо дел и не придут к соглашению о выборе третейского судьи. Привилегированные землевладельцы и их приказчики были также подсудны непосредственно князю. Наконец, согласно обычаю, дела о местничестве ведались также верховною властью [5]).

Попрежнему и в конце удельного времени было обычным нотариальное укрепление различных сделок князем. В конце XV в. рязанские князья укрепляют договоры займа, а Иваном III лично утверждено было завещание вдовы нижегородского князя [6]). Впрочем, мало-по-малу устанавли-

---

[1]) Там же, № 36; подобное же см. № 37.
[2]) Акты Историч., I, № 105.
[3]) *Федотов-Чеховский,* Акты, I, № 20.
[4]) Там же № 5; ср. № 14.
[5]) *Рожков,* Происхождение самодержавия, стр. 26—27.
[6]) Акты Юшкова, №№ 32, 35.

вается обычай передавать гражданские сделки для их нотариального утверждения какому-либо боярину, заменявшему здесь князя [1]), так что в данном случае начинает отделяться подчиненное управление от верховного.

Гораздо заметнее перемены во внешнем положении московского великого князя, явившиеся также непосредственным последствием собирания Руси.

Прежде всего зарождается обычай венчания на великое княжество или торжественного коронования, сменившего собою прежний обряд посажения князя на стол. В 1498 году Иван III венчал на великое княжение своего внука Дмитрия Ивановича [2]), причем самой характерной чертой этого венчания было возложение на Дмитрия шапки Мономаха и барм, заимствованное, как, повидимому, и некоторые другие подробности обряда, из Византии, но не из чина коронования византийских императоров, а из чина хиротонии некоторых важнейших сановников Византийской империи [3]). Без сомнения, венчание указывало на более высокие понятия о великокняжеской власти, чем то было прежде.

Те же высокие понятия о власти великого князя выражаются затем в титуле московского государя. Иван III во вторую половину своего княжения величал себя не просто «Иваном государем великим князем», а гораздо сложнее и пышнее: «Иоанн, Божиею милостию государь и великий князь всея Руси, Владимирский, Московский, Новгородский, Псковский, Тверской, Пермский, Югорский, Болгарский и иных». Тот же пышный титул с некоторыми новыми добавлениями усвоил и его сын и преемник Василий III [4]).

Наконец, под влиянием нового взгляда на великокняжескую власть меняется придворная обстановка московского великого князя: в конце XV в. строится новый, роскошный по тому времени каменный дворец, устанавливаются сложные и пышные придворные церемонии, образуется придворный этикет [5]).

---

[1]) *Рожков,* Происх. самодержавия, стр. 27—28.
[2]) *Ключевский,* Курс рус. истории.
[3]) *Савва,* Московские цари и византийские василевсы.
[4]) *Ключевский.* Курс.
[5]) Там же.

Так изменились деятельность и внешнее положение самого государя. Посмотрим теперь, какие перемены произошли под влиянием собирания Руси в подчиненных великому князю органах управления, суда и законодательства. Основанием этих перемен было то, что вновь стало слагаться в областной администрации.

Характер кормления, столь свойственный наместникам и волостелям, постепенно переставал соответствовать интересам общества и государства: общество, по мере усложнения житейских отношений, стало нуждаться в таких органах власти, которые ближе входили бы в интересы населения, а не обращали бы все свое внимание на собственные доходы; правительство, с ростом государственных потребностей, не могло удовлетвориться кормленщиками, которые «*своего* прибытка смотрели», почти не заботясь о прибытке государственном. И вот с конца XV века власть и значение наместников и волостелей подвергаются постепенному ограничению, местами даже и вполне уничтожаются.

Прежде всего правительство рядом уставных грамот точно определяет, подвергает отверждению размеры кормов и поборов, идущих с населения в пользу наместников и волостелей: так, наместник стал получать в виде корма на Рождество Христово с каждой сохи полоть мяса или 2 алтына, 10 хлебов или 10 денег, бочку овса или 10 денег, воз сена или 2 алтына, на Петров день — барана или 8 д. и 10 хлебов или 10 денег, на Пасху — полоть мяса и 10 хлебов [1]).

Вслед за ограничением произвола кормленщиков в их поборах с населения правительство сделало второй шаг в деле лишения их прежней полноты власти: оно разделило всех наместников на два разряда, — одни остались при прежних обширных судебных полномочиях или, как говорили тогда, имели «суд с правдою», «держали кормление с боярским судом», другие были сильно ограничены в своих судебных функциях, — имели «суд без правды», «держали кормление без боярского суда». В нашей исторической литературе не достигнуто согласие в объяснении этих выражений; обыкновенно, впрочем, суд с правдою не

---

[1]) Акты Арх. Эксп.. т. I, №№ 123, 143, 144, 150, 181, 183, 201.

отожествляют с боярским судом и кормление без боярского суда не сближают с судом без правды, а боярский суд понимают в смысле суда по делам о холопстве [1]). Если бы даже и эти толкования были верны, все-таки не подлежало бы, значит, сомнению сокращение судебной компетенции некоторых наместников. Но, как показывает Судебник Ивана III, боярским судом назывался не только суд о холопстве, но суд по всем делам, производившийся боярами, находившимися в Москве, т.-е. лицами, принадлежавшими к составу центральной администрации; это видно из сопоставления того места Судебника, где говорится: «а с великого князя суда и с детей великого князя суда имати на виноватом по тому же, как с *боярского суда,* с рубля по два алтына, кому князь великий велит», — со словами «а имати *боярину и диаку* в суде от рублевого дела боярину на виноватом 2 алтына, а диаку 8 денег» [2]). Бояре и дьяки в Москве судили по всевозможным делам. Следовательно, и наместники с боярским судом судили по всем делам. Если в Судебнике особо упоминается о подсудности только им, а не наместникам без боярского суда, дел о холопстве, то, очевидно, лишь потому, что по этому пункту существовало особое сомнение в практике. Наместники с боярским судом имели право не только производить следствие и вести судоговорение, но и постановлять приговор и выдавать «правые грамоты», документы, обеспечивавшие права той стороны, которая оказалась на суде правой, и дававшие ей право требовать исполнения приговора: это и называлось «судом с правдой». Напротив, наместники без боярского суда не судили ни по каким делам, производили лишь следствие, а дела разбирались и вершились до конца в Москве: это и называлось «судом без правды». Так сильно к концу XV в. ограничена была судебная компетенция некоторых наместников и волостелей: отживавшие учреждения постепенно теряли свое значение.

Дело не ограничилось всем этим: в первой половине XVI века сделаны были две важные попытки дальнейшего

---

[1]) См. в особенности — *Дмитриев,* История судебных инстанций: «Сочинения», т. I, стр. 18—19; *Ключевский,* Боярская Дума, изд. 2, стр. 120—123.

[2]) Акты Историч., т. I, № 105.

стеснения власти всех наместников и даже частичного их уничтожения. Мы разумеем здесь появление городовых приказчиков и учреждение губных старост с целовальниками. В XVI веке в целом ряде городов все чаще и чаще, по мере приближения к половине столетия, встречаются вместо наместников городовые приказчики. Как показывает самое название, это были органы хозяйственного происхождения, совершенно подобные приказчикам и посельским, ведавшим всегда отдельные княжеские имения и села. Городовые приказчики представляли собою, следовательно, орган хозяйственного управления [1]), перенесенный в более обширное, чем прежде, территориальное целое. Оригинальной чертой их было то, что они выбирались детьми боярскими известного уезда из своей среды [2]). Нас не должна, однако, смущать эта примесь выборного начала: она вовсе не превращала городового приказчика в орган местного самоуправления, потому что он зависел всецело не от избирателей, которые ни в чем его не могли контролировать, а от центрального правительства: выбирая городового приказчика, дети боярские известного уезда исполняли ту же наложенную на них правительством функцию, какую выполняли крестьяне, выбирая своих земских старост,—они просто ручались за благонадежность выбранного. В вознаграждение за свою службу городовые приказчики получали уже не корм, а поместья [3]). Ведомство их, прежде всего, касалось финансов: они разверстывали повинности по сохам, правили подати; подобно наместникам, городовые приказчики ведали и суд [4]).

Несостоятельность системы кормлений еще сильнее и резче выразилась при введении губных учреждений. Губные грамоты, т.-е. правительственные акты, учреждавшие губных старост с целовальниками в различных отдельных областях, становятся нам известными с 1539 года и констатируют факт умножения разбоев, убийств и краж, бессилия наместников, волостелей и специально посылаемых из Москвы «обыщиков» справиться с ними и хода-

---

[1]) *Градовский,* История местного управления в России.

[2]) *Дьяконов,* Городовые приказчики: «Жур. Мин. Нар. Пр.» за 1900 г., № 1, стр. 64.

[3]) Там же, стр. 66.

[4]) Там же, стр. 68 и след.

тайств со стороны населения о позволении поставить из своей среды особых выборных лиц для полицейского надзора и суда по важнейшим уголовным («губным» от «губить») делам. Органами губного управления были губные старосты, губные целовальники (= присяжные: они «целовали крест», т.-е. присягали), сотские, пятидесятские и десятские. Старосты выбирались непременно из дворян и детей боярских, остальные из всех классов общества, но выборы всех органов губного управления производились всем местным населением. Сотские (над каждыми 100 дворами), пятидесятские (над 50-ю) и десятские (над 10-ю) ведали исключительно полицейский надзор: осматривали и записывали всех приезжих, «обыскивали в правду» о их состоянии и благонадежности и т. д. На обязанности старост и целовальников лежали следствие, суд и наказание разбойников, убийц и воров («татей»). Делопроизводством заведывал особый выборный секретарь — губной дьяк [1]). Таким образом самая важная отрасль судебной деятельности отошла из ведомства кормленщиков.

Начавшаяся ликвидация старинных органов областного управления и усложнение государственных задач, явившееся следствием собирания Руси, отразились и на положении и организации центральных учреждений. Прежняя непостоянная по составу и отличавшаяся неопределенностью ведомства боярская дума не могла справиться с новыми задачами. Она не исчезла бесследно, остатком ее была так-называемая ближняя дума, совет «сам третей у постели», следы которого становятся явственными при Василии III [2]): и в эту ближнюю думу, как и в старую удельную, великий князь призывал тех, кого хотел, и совещался с ними по вопросам, им самим выбранным. Однако, новые государственные потребности вызвали к жизни уже в XV веке боярскую думу более постоянного состава и более определенного ведомства. Ведомство определилось, главным образом, под непосредственным влиянием новых политических условий, хотя, конечно, и отмеченные нами в свое время перемены в хозяйственных и социальных условиях оказали свое воздействие: определяя вкратце

[1]) Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 187, 192, 194, 224; Доп. к Актам Историч., т. I, № 31.

[2]) *Ключевский,* Боярская Дума древней Руси.

это ведомство, надо сказать, что оно по преимуществу слагалось из дел, выходивших из узкой сферы княжеского хозяйства, охватывало более сложные проблемы экономической жизни, социального строя, политического устройства. Состав думы определился также более точно и, главным образом, под влиянием перемен в социальных отношениях: когда появился класс служилых князей, то боярство стало расслаиваться на две группы по знатности происхождения, и это выразилось в образовании двух первых думных чинов,—бояр и окольничих. Менее знатные, даже совсем неродовитые, но способные к новой административной работе лица составили третий думный чин, впоследствии обозначенный названием «думные дворяне». В первой половине XVI в. думные дворяне именовались обыкновенно «детьми боярскими, которые живут в думе»; первые известия о них относятся к тридцатым годам XVI столетия, но несомненно они были и раньше: таким сыном боярским, живущим (т.-е. присутствующим) в думе, был, напр., при Василии III известный Иван Никитич Берсень-Беклемишев, которому за его «непригожие речи» о великом князе и его матери отрезали язык. Наконец, в XV веке образуется и четвертый думный чин — думные дьяки, не имевшие, впрочем, в изучаемое время эпитета «думный», а называвшиеся «введеными» или «большими». Дьяки были письмоводителями в думе, записывали ее решения и передавали их подчиненным органам для исполнения. В решении и обсуждении дел они прямого участия не принимали [1]).

Скопление в боярской думе ряда новых дел слишком обременяло думу, и это было одной из существенных причин, вызвавших к жизни новые подчиненные думе учреждения, — приказы. Первые определенные известия о приказах относятся к княжению Василия III, но приказы несомненно возникли еще в XV веке. Следы их существования заметны уже в Судебнике 1497 года. Здесь говорится о суде бояр и окольничих с дьяками, т.-е. о суде коллегиальном по составу. Что эти коллегиальные судебные присутствия были именно центральными учреждениями, приказами, — это видно из двух мест Судебника: во-пер-

---

[1]) Там же

вых, из того, где сказано: «а которого жалобника а непригоже управити, и то сказати великому князю» [1]),— *сказати* великому князю мог только боярин или окольничий, живший в Москве; во-вторых, то же видно из слов, что ведомого лихого человека надо «велети казнити смертною казнью тиуну великого князя московскому» [2]): *московский* тиун мог получить приказание казнить преступника лишь от бояр, живших в Москве. Итак, приказы существовали еще в XV веке. Как же они возникли и какие из них существовали до половины XVI века?

Нам уже известно, что до XV века отдельные поручения по делам центрального управления давались различным дворцовым слугам, ведавшим особые отрасли княжеского дворцового хозяйства, главным образом дворецкому и казначею. По мере скопления в их руках массы поручений им оказалось трудно с ними справляться, и потому для помощи им даны были дьяки (секретари) и подъячие (писцы). Повторяемость известных поручений повела к образованию обычного круга дел, ведаемых дворецким и казначеем с находившимися при них дьяками и подъячими. Так образовались в своем составе и ведомстве два древнейших приказа—Дворцовый, названный потом приказом Большого дворца, и Казенный. Первое упоминание о Большом дворце в дошедших до нас документах относится к 1512 году [3]), а о Казне к 1537 г. [4]), но оба приказа упоминаются под этими годами как уже давно сложившиеся учреждения. В конце XV века, повидимому, из стольнича пути выделился Житный приказ, впоследствии под названием Житного двора сделавшийся подразделением приказа Большого дворца [5]). Большой дворец ведал в изучаемое время только те дворцовые села и волости, которые входили в состав старинной вотчины московских князей. Дворцовые земли вновь присоединенных уделов ведались особыми дворцовыми приказами для каждого из них: таковы приказы Тверского дворца, Дмитровского дворца, Новгородского дворца, во главе которых стояли особые

---

[1]) Акты Историч., I, № 105.
[2]) Там же.
[3]) Акты Арх. Эксп., т. I, № 155.
[4]) Там же, № 183.
[5]) Древняя Русская Вивлиофика, т. 20-й.

дворецкие [1]). Житный приказ заведывал приходом и расходом хлебных запасов [2]). Казенный приказ ведал всю денежную и не денежную казну, сбор налогов, даже, повидимому, раздачу земель в поместья [3]). Суд не был сосредоточен в одном приказе, а входил в функции всех их, отчего происходила, конечно, большая путаница в подсудности, так что полной определенности ведомства приказов не существовало.

Но в руках думы, как мы видели, скоплялось все большее число новых государственных дел, требовавших ее решения. Необходимо было поручить разработку этих дел и собирание потребных сведений и справок особым административным органам. Так как ближе всего к этим делам стояли дьяки, присутствовавшие в думе, то под их начальством и образовались некоторые новые приказы. Трудно сказать, какие именно приказы этого рода сложились до половины XVI века: мы имеем совершенно определенные сведения только об одном из них — Разряде, первое известие о котором относится к 1535 году [4]). Разряд, или Разрядный приказ ведал военное дело, всех служилых людей и был, кроме того, канцелярией боярской думы и государя [5]).

Наконец, преобразования в областном управлении — именно учреждение губных старост—повели к появлению первого судебного приказа—Разбойного; уже в 1539 году упоминаются «бояре, которым разбойные дела приказаны» [6]). Разбойный приказ ведал контроль органов губного управления,—проверял присылаемые из губных учреждений протоколы следствия и суда, а также списки, точно обозначавшие доходы губных старост. Сюда шел доклад по делам, которые не могли решить губные старосты с целовальниками. Наконец, некоторые дела поступали из губных учреждений в Разбойный приказ на реви-

---

[1]) Акты Арх. Эксп., т. 1, №№ 201, 327.

[2]) Древн. Росс. Вивлиоф., т. 20-й.

[3]) Акты Арх. Эксп., т. I, № 230; Акты Историч., т. I, № 147; А. А. Э., т. № 251; А. И., I, № 134, III, VII, IV, № 147; А. А. Э., I, №№ 234, 242.

[4]) Древн. Рос. Вивл., т. 20-й.

[5]) *Ключевский*, Боярская Дума.

[6]) Акты Арх. Эксп., т. I, № 187.

зию, т. е. губные старосты с целовальниками производили только следствие, записывали в протокол показания сторон и свидетелей, а приговор постановлялся уже самим приказом [1]).

Наконец, к концу изучаемого периода стали подвергаться некоторым существенным переменам самый характер, направление и смысл правительственной деятельности: на очередь стали ставиться более общие задачи, начала мелькать идея общего блага, как цели государственного союза. Это отразилось в финансовой организации и во внешней политике.

В финансовой организации обращает на себя внимание составление новых писцовых книг. Первые переписи на Руси были, как известно, произведены татарами в XIII в. [2]). Затем они стали производиться время от времени удельными князьями в их княжествах. С объединением Руси является мысль о производстве новой *общей* переписи с целью ввести во всей стране одинаковую окладную единицу—московскую соху. Иван III посылает писцов для составления писцовых книг на Белоозеро, в Тверь с ее уделами, в Звенигород и т. д. [3]). В сороковых годах XVI века производится уже обширная общая перепись, для которой посылаются «большие писцы». Обычный тип писцовой книги этого времени сводится к тому, что после обозначения уезда и волости перечисляются села и деревни, дворы в каждом селе или деревне, затем поименно взрослое мужское рабочее население дворов и, наконец, количество окладных единиц, падающих на данное имение: «пашни соха», «две сохи», «полсохи» и т. д. Размер запашки, сенокосов, лесов и других угодий еще не означается [4]). Как ни несовершенны такие хозяйственно-статистические описания, самый факт их существования и распространения по всей стране весьма знаменателен.

---

[1]) А. А. Э., I, №№ 187, 192, 194, 224, 330; Доп. к А. И., I, № 31.

[2]) *Чечулин,* Начало в России переписей и ход их до конца XVI в., стр. 5, 10 и др.

[3]) Там же, стр. 10.

[4]) См. в грамотах коллегии экономии многочисленные сотные выписи из этих книг, выдававшиеся землевладельцам, как основа их платежей.

Этим не ограничились перемены в финансовой организации: при Иване III на место прежней несистематизированной подводной повинности организуется ямская гоньба. По некоторым дорогам, число которых к половине XVI века постепенно увеличивается, учреждаются «ямы», т.-е. почтовые станции. Каждым ямом заведывали 2 или 3 ямщика, которым население доставляло подводы и корм. Право пользования ямскими подводами и кормом определялось для каждого проезжавшего по казенной надобности особой подорожной. Ямская гоньба служила исключительно для удовлетворения государственных потребностей, но более упорядоченная ее организация все-таки явление новое и важное. Неизвестно, существовало ли при Иване III и Василии III особое центральное учреждение для управления ямской гоньбой—Ямской приказ—но несомненно был уже в Москве особый ямской дьяк [1]).

Наконец, с собиранием Руси, с политическим объединением великорусского племени прежние личные, частные мотивы внешней политики отступают на второй план перед новыми, национальными задачами. Первым наиболее ярким выражением такого направления внешней политики является свержение татарского ига Иваном III в 1480 году. Защита территории страны и обеспечение благосостояния населения ставятся затем как цели внешних отношений к ханам казанским и крымским: охрана южных и восточных пределов страны от крымских и казанских татар и походы на Казань привлекают особенное внимание московских великих князей. Наконец, в отношении к Литве ставится на очередь задача объединения всей русской народности под властью великого князя московского. Это притязание выражается в титуле «государя всея Руси», который принимают Иван III и Василий III при дипломатических сношениях с литовскими великими князьями, и в прямых требованиях от последних возвратить московскому великому князю его «отчину», Киев, Смоленск, Полоцк и другие западно-русские земли, наконец, в войнах с Литвой при Иване III и Василии III: первому, как известно, удалось завладеть после войны северскими княжествами — Одоевским, Оболенским, Новосильским и другими, расположен-

---

[1]) Ср. *Гурлянд,* Ямская гоньба в Моск. государстве.

ными между Окой и Днепром, а Василий III завоевал у Литвы Смоленск [1]).

Влияние политических условий сказалось на положении церкви, прежде всего в отношении русской церкви к константинопольскому патриарху. Константинопольские патриархи пытались до конца удельного времени поддержать зависимость от себя русской церкви, и до 1461 года им это в значительной степени удавалось: митрополиты поставлялись в Константинополе и чаще всего из греков или южных славян. Причина этого ясна: она заключалась в политической слабости северо-восточных русских князей. Но с ростом политического могущества великих князей московских стало неизбежно слабеть и подчинение русской церкви византийскому патриарху: в сущности право суда над митрополитом и разбора дел по апелляции на его приговоры было довольно рано утрачено патриархом, обратилось в пустую фикцию, в форму, лишенную реального содержания; затем все более частыми становятся факты поставления в митрополиты русских, так что, когда по смерти митрополита Феогноста в 1354 году был посвящен в митрополиты в Константинополе русский — св. Алексей, то греки при этом сочли необходимым сделать оговорку, что Алексей поставлен в виде исключения, а впредь митрополиты на Руси должны быть непременно из греков; оговорка, впрочем, осталась совершенно безрезультатной: митрополиты из русских появлялись на кафедре, несмотря на эту оговорку, все чаще и чаще. Константинопольский патриарх тем менее мог противиться тенденции русской церкви к автокефальности, что его епархия уменьшалась в размерах и беднела, и он становился в материальную зависимость от русской церкви: со времен митрополита св. Петра (1308—1326 годы) русская церковь стала приносить константипольскому патриарху добровольные дары. Наконец, в 1461 году, по смерти митрополита Ионы, без всяких сношений с Константинополем был поставлен, по повелению великого князя, митрополит Феодосий, так что с этого времени русская церковь сделалась автокефальной, независимой от константинопольского патриарха. Эта автокефальность нашла себе выражение в торжественном поста-

---

[1]) *Соловьев,* История России, т. V.

влении митрополитов по особому чину, сходному с чином поставления греческого патриарха. В первый раз торжественно поставлен был на митрополию митрополит Симон при Иване III в 1495 году [1]).

В 1305 году умер митрополит Михаил. Великий князь тверской Михаил Ярославич, владевший тогда Владимиром, выставил кандидатуру на митрополичью кафедру игумена Геронтия, имея, конечно, в виду создать в лице его покорного исполнителя своей воли. Но эта кандидатура столкнулась с другой: южный, галицкий великий князь Юрий Львович просил поставить для Галича особого митрополита Петра. Константинопольский патриарх, не желая делить митрополию, но имея в то же время в виду хоть сколько-нибудь удовлетворить желаниям Юрия, поставил его кандидата митрополитом всея Руси. Но тверские великие князья остались недовольными этим, и митрополиту Петру, положение которого во Владимире сделалось поэтому очень трудным, пришлось искать себе политической опоры в другом месте. Такую опору он нашел во врагах тверских князей — князьях московских, особенно в Иване Калите. Петр очень часто ездил в Москву, живал в ней подолгу и, склоняясь на просьбы Калиты, завещал похоронить себя в Москве, чем и было подготовлено перенесение сюда митрополичьей резиденции, совершившееся при преемнике св. Петра Феогносте в 1328 году [2]).

Мы видели, что в половине XIII века во всей России — южной и северной — было 16 епархий; к концу периода одни епархии закрывались, открывались другие (как Пермская, Сарайская, находившаяся в ханской столице Сарае; с 1454 года, когда фактически она была уничтожена, сарайский епископ переехал в Крутицы и стал как бы викарием митрополита). Потом общее число епархий дошло до 18-ти, из которых 9 было в северной России и 9 в южной. Титул архиепископа носили архиереи новгородские, суздальские и ростовские [3]).

---

[1]) *Голубинский,* История русской церкви, т. II, половина I, М., 1900; *Знаменский,* Руководство к русской церковной истории, изд. 5., Казань 1888.

[2]) *Голубинский,* История русской церкви, II, I, стр. 99, 101, 115, 157.

[3]) *Знаменский,* Руководство к русской церковн. истории.

Двор митрополита и архиереев вообще, а также церковное управление отражали на себе светские придворные и административные порядки изучаемой эпохи, носили феодальный характер [1]): у митрополита были свои бояре, отроки, стольники, конюшие и т. д., свой полк с особым воеводой. Суд по духовным делам принадлежал большею частью духовным лицам — протопопам и архимандритам, но для суда над церковными людьми по делам гражданским существовали у архиереев светские слуги — десятинники, заведывавшие десятинами, т.-е. округами, состоявшими из нескольких приходов, волостели, управлявшие отдельными церковными волостями, и посельские, ведавшие села. Десятинники заведывали также сбором разных податей с духовенства в пользу архиереев. Соборные протопопы в больших городах (по крайней мере в Москве) имели некоторую власть над причтами приходских церквей [2]). Но и здесь, как и в управлении государством, было мало порядка, определенности и постоянства: большею частью давались лишь отдельные временные поручения, постоянное же ведомство отдельных органов церковного управления слагалось чрезвычайно медленно.

Общее число монастырей к концу удельного периода было не менее, если не более, двухсот [3]). В удельное время сложились два основных типа монастырей: господствующим типом были монастыри общежительные, в которых предполагались полный отказ монахов от частной собственности и особого хозяйства, совместная жизнь, господство устава, до мелочных подробностей регламентирующего и образ жизни, и исполнение религиозных обязанностей; менее распространены были необщежительные монастыри, пустынножительные скиты, когда каждый монах жил и даже молился особо, за исключением отдельных случаев, и строгой регламентации не существовало. Монастыри второго типа распространены были только на севере, к северу от Волги, почему и обитатели их получили название «заволжских старцев» [4]). Церковно-административное положение больших и малых монастырей было неодинаково: малые

---

[1]) *Покровский,* Русск. истор. с древнейших времен.
[2]) *Голубинский,* История русск. церкви II, I.
[3]) Там же.
[4]) Там же.

монастыри находились в подчинении не только местной епархиальной власти, но иногда и большим монастырям, тогда как эти последние нередко становились в независимое положение от местного епископа и подчинялись непосредственно митрополиту, т.-е. делались митрополичьими ставропигиальными монастырями. Так, в конце XV в. Иосиф Санин, основатель Иосифова Волоколамского монастыря, добился изъятия своего монастыря из-под власти архиепископа новгородского, и монастырь был подчинен, по его настояниям, прямо митрополиту [1]).

Русское духовенство имело ряд феодальных привилегий. Можно, однако, думать, что духовенство далеко не удовлетворялось этими обычными привилегиями и ставило себе задачей их возможно большее расширение. Выражением таких стремлений явились так-называемые церковные уставы св. Владимира и Ярослава, недостоверность которых была уже указана и доказана на основании специальной литературы в первой части нашего труда. Таким образом названные сейчас церковные уставы ни в каком случае не могут быть причислены к памятникам церковного законодательства, хотя они и включались в «Кормчую»: это—памятники церковно-политической, клерикальной идеологии, попытки построить идеал церковного строя, как он представлялся наиболее крайним сторонникам господствующего положения церкви в человеческом обществе. Такой идеал, однако же, совершенно не подходил к реальным условиям русской общественной и государственной жизни удельного периода, и чем далее развивалась эта жизнь по мере приближения к концу периода, тем решительнее и резче выступало на вид это несоответствие. Вот почему идеал не был осуществлен, и даже те обширные привилегии, которые нашли себе выражение в ханских ярлыках и в ранних жалованных грамотах князей, подверглись сильным ограничениям в позднейших княжеских уставах. Мы имеем, напр., уставную грамоту великого князя Василия Дмитриевича, данную митрополиту Киприану в 1404 году. Здесь финансовые льготы сильно ограничены: люди, живущие в митрополичьих владениях, обязываются платить ордынский выход, т.-е. татарскую дань, ставить лошадей на ямы, пла-

---

[1]) Акты Арх. Эксп., т. I, № 9.

тить тамгу при торговых операциях (за некоторыми, впрочем, исключениями) и служить на войне в митрополичьем полку. Кроме того, митрополит лишен права ставить в священники и диаконы служилых и тяглых людей, а сын священника, отделившийся от отца, объявляется уже человеком великого князя [1]).

Русский церковный феодализм естественно, как и везде, соперничал из-за земли с феодализмом светским и потому поддерживал великих князей московских. Другим врагом были ереси, выражавшие интересы широких масс населения.

Собор 1503 г. высказался за строгое, беспощадное преследование еретиков, за пытки, ссылки и казни их, и торжественно подтвердил право церковных учреждений владеть земельным имуществом [2]).

Митрополиты св. Петр и особенно св. Алексей посвящали очень много времени чисто-государственным делам, содействуя возвышению Москвы [3]). После смерти св. Алексея Дмитрий Донской заставил поставить в митрополиты некоего Михаила-Митяя, который правил сначала митрополией без посвящения, потому что Донской не хотел допустить к себе Киприана, поставленного константинопольским патриархом из митрополитов галицких в митрополиты всея Руси. Затем Митяй отправился для посвящения в Константинополь, но в дороге умер. Бывший в свите Митяя Пимен выставил себя в Константинополе кандидатом великого князя, и патриарх его посвятил в митрополиты. Но великий князь не принял его и признал митрополитом Киприана, однако, не надолго: когда во время нашествия на Москву татарского хана Тохтамыша Киприан ушел в Тверь, то Дмитрий Донской прогнал его и опять призвал Пимена [4]). Этот эпизод наглядно показывает, в какой зависимости от великих князей московских находились еще в XIV веке русские митрополиты. Позднее, в XV в XVI веках, зависимость еще более увеличилась: митрополиты Зосима и Симон были поставлены, в сущности, по приказанию Ивана III, выбор же их собором епископов

---

[1]) Акты Арх. Эксп., т. I, № 9.

[2]) Там же. Ср. *Хрущев,* Исслед. о жизни и сочинениях. И. Санина.

[3]) *Голубинский*. История рус. церкви, II, I.

[4]) Там же.

был простой формальностью; Василий III назначил в митрополиты Варлаама, но потом, недовольный его стремлением к самостоятельности, лишил его кафедры и возвел в сан митрополита более угодливого человека—игумена Иосифова-Волоколамского монастыря Даниила; борьба боярских партий в малолетство Грозного сильно отражалась на замещении митрополичьей кафедры: так как митрополит Даниил был сторонником Бельских, то Шуйские лишили его кафедры и возвели в митрополиты Иоасафа; но и Иоасаф перешел на сторону Бельских и потому после нового торжества Шуйских был удален ими и заменен Макарием [1]). Простые епископы уже со времен Василия Темного назначались прямо из Москвы [2]).

Такова была действительность. Нельзя, однако же, сказать, чтобы все духовенство с ней беспрекословно мирилось. Большинство, конечно, покорно склонялось перед ней и, что особенно характерно, к этому большинству принадлежали так-называемые «иосифляне», последователи и ученики волоколамского игумена Иосифа Санина [3]). Но сам Иосиф иначе смотрел на отношения церкви к государству: он, правда, поддерживал единодержавие московских великих князей и желал вмешательства светской власти в церковные дела, но и единодержавие, и это вмешательство он рассматривал, как средства, орудия в руках церкви для достижения ее собственных целей, — для преследования еретиков и обеспечения церкви земельными богатствами. По этой теории, государство должно было служить орудием церкви, а не наоборот [4]).

Распространение христианства продолжалось и в конце удельного периода: св. Питирим начал проповедь христианства в Великой Перми (среднем и отчасти северном Приуралье); дело его довершил в 1462 г. четвертый епископ пермский Иона; в XVI в. св. Трифон вятский распространил христианство среди вогулов и остяков [5]).

В психологии общества все более заметными по мере приближения к концу периода становятся вполне сложившиеся

---

[1]) Там же.
[2]) *Жмакин*, Митрополит Даниил; *Голубинский*, II, I.
[3]) *Голубинский*, История русск. церкви, II, I.
[4]) *Хрущев*, Исследование о жизни и соч. И. Санина.
[5]) *Соловьев*, История России, V; *Голубинский*, История русск. церкви, II, I.

характеры, стройные, цельные и связные психические организмы. На первый план выдвигаются окончательно *эгоистические характеры.*

В самом деле: присмотритесь внимательно к личностям московских великих князей. Чем руководились они в своей деятельности, какие чувства и побуждения лежали, так сказать, на дне их души, определяли все прочие особенности их психической природы? Ответ на этот вопрос может быть только один: основными чувствами собирателей Руси были чувства эгоистические, их коренными побуждениями являлись всегда побуждения грубо понятого личного интереса. Московские великие князья, подобно судьям того времени, постоянно только и делали, что «своего прибытка смотрели»: корыстолюбие составляло одну из наиболее отличительных их черт. Недаром первый собиратель Руси великий князь Иван Данилович получил прозвание Калиты, т.-е. мешка с деньгами; недаром в два столетия московские Даниловичи путем «примыслов», т.-е. покупок и захватов, увеличили свой удел в 30 раз. Не в меньшей степени, чем корыстолюбие, склонность к стяжательству, им было свойственно другое низшее, элементарное эгоистическое чувство—рабское чувство страха. Трусливость и, как результат ее, коварство, склонность действовать из-за угла всего яснее видны в действиях того же первого собирателя Руси, Ивана Калиты, и в поведении одного из последних ее собирателей Ивана III. Калита не решается на открытую и честную борьбу с Александром тверским, а клевещет на него хану, приводит татар, с помощью их прогоняет Александра, потом интригует против него в Орде и, наконец, добивается его убийства там. Иван III разыгрывает ненужную и унизительную комедию с новгородцами из-за того, как они будут называть его,—«государем» или «господином»; эта комедия ему нужна только для того, чтобы придраться к новгородцам, найти предлог для новых насилий. Он трепещет перед татарским ханом Ахматом, собирается даже бежать от него на север, бросает свое войско, выведенное против татар, и уезжает в Москву, наконец, несмотря на негодование народа и резкие упреки ростовского архиепископа Вассиана, бежит вместе со своим войском с берегов Угры, где стоял против Ахмата, — к Боровску. И что́ особенно замечательно—при такой силе и напряжен-

ности нисших, элементарных эгоистических чувств, приближающихся по своей природе к слепым, животным инстинктами — мы тщетно стали бы искать в психическом складе московских князей индивидуалистических чувств, напр., самоуважения, чувства собственного достоинства, честолюбия или хотя бы чувства новизны, жажды новых, неизведанных впечатлений. Унижение перед сильным, заносчивость и высокомерие по отношению к слабейшему, коварство, предательство и обман равных по силе и значению — вот обычный образ действий всех потомков Даниила. Сказанное сейчас лучше всего свидетельствует и о слабости этических чувств и моральных побуждений у изучаемых личностей: преданные узким задачам, не выходившим из тесной сферы грубо понятых личных интересов, великие князья московские естественно не ощущали ни малейшей потребности в выработке какого-либо нравственного идеала, идеала житейской правды и в деятельном его осуществлении. Они шли по дорожке, проторенной предками, действовали по традиции, по рутине, так, как «повелось исстарины». Они были почтительны к старшим, ценили память своих дедов и отцов, но тут нет ни малейшего следа настоящей горячности чувства, чего-либо, что хотя бы немного возвышалось над уровнем посредственности и умеренности. Этой традиционностью и умеренностью окрашены были, наконец, общественные и религиозные чувства московских князей. Калите и его потомкам была, конечно, свойственна набожность, строгое и мелочное выполнение многочисленных обрядностей, но все эти внешние формы не были согреты настоящим внутренним проникновением искренне и глубоко верующих людей. В своей политической деятельности московские князья вовсе не задавались широкими планами и не одушевлялись общими идеями: они жадно, но вместе и осторожно приобретали себе княжество за княжеством, волость за волостью, село за селом, новые же политические понятия были им долго совершенно чужды и выросли незаметно для них самих из самого процесса собирания Руси, да и выросли-то очень мало, как мы убедились в свое время [1]).

---

[1]) См. характеристики московских князей у *Ключевского,* Курс русской истории.

Эгоист с XIV века и является окончательной типической фигурой в психологической жизни русского общества, господствует в этой жизни и задает ей основной тон. Ясно, какими реальными условиями было подготовлено это преобладание людей эгоистического склада: господство земледелия повело, как нам уже известно, к юридическому отверждению отношений человека к земле, подчеркнуло необходимость приобретательства; тот же основной экономический факт вызвал новые формы труда—крестьянскую аренду со ссудой или подмогой от землевладельца: опять подчеркнута необходимость капитала; далее: положение землевладельца при господстве земледелия преисполнено всякого рода опасностей: можно ожидать стихийных бедствий, неурожая, неуплаты оброка, отказа крестьян возвратить ссуду, крестьянского побега и т. д., и т. д.; получается атмосфера постоянного, непреходящего страха. Не одни экономические, но и социальные условия действуют в том же направлении: в изучаемую эпоху слагаются классы с их противоположными интересами, а это питает отчуждение и эгоизм. Наконец, и политический строй вырабатывает людей эгоистического склада: принцип кормления, проникающий весь государственный строй сверху до низу, как нельзя более содействовал развитию того же духа стяжания; слабая организованность средств управления, господство личной выгоды в понятии о цели государственного союза и идея принадлежности власти отдельному лицу как таковому, а не как придставителю всего общественного союза,— все это далеко не обеспечивало смелой свободной личной деятельности, вызывало необходимость осторожности, хитрости, робости, без которых не могло быть верного и прочного успеха. Если прибавить ко всему этому господство натурального хозяйства, изолировавшего отдельные лица и создававшего на всем пространстве страны приблизительно одинаковые житейские условия, то будет вполне понятно, почему преобладали в то время чистые эгоисты, и как этот психический тип распространился по всей стране.

Такие результаты получились бы без всяких ограничений и оговорок лишь в том случае, если бы хозяйственный быт, социальные отношения и политический строй удельного периода находились в состоянии застоя. Мы знаем, что на

деле было не то, что все элементы общественной жизни находились в движении, непрерывно развивались, что происходила борьба, подчас очень оживленная и горячая. Вот почему по мере плиближения к концу периода психологическое состояние общества становится сложнее, на-ряду с эгоистами появляются люди иных душевных свойств.

Кто привык к власти издавна или кто победил в борьбе за власть и пользуется ею как драгоценным приобретением, тот невольно проникается властными замашками, выдвигает на первый план свою личность, свое самолюбие и честолюбие. Зародыши феодализма в социальных отношениях, широта политических прав удельных князей, наконец, привычка бояр участвовать в правительственной деятельности князя своими советами создавали именно атмосферу, во многом благоприятную развитию чувства собственного достоинства, самолюбия, честолюбия, властности, одним словом — высших или более сложных эгоистических чувств или, что то же, чувств индивидуалистических. А преобладание таких чувств должно было постепенно вызвать к жизни тип настоящего индивидуалиста. Мы далеки от намерения утверждать, что этот тип уже сложился вполне в северо-восточной Руси XV и начала XVI века, но нельзя тем не менее отрицать, что тогда существовала некоторая индивидуалистическая струя, и что начали даже слагаться в известную систему отдельные элементы индивидуалистического типа.

Слабые зародыши таких элементов наблюдаются у представителя воззрений старинного удельного боярства, отодвинутого на второй план в боярской думе, при дворе и в администрации нахлынувшими в Москву служилыми, бывшими великими и удельными князьями, — речь идет о Берсене Беклемишеве. Он, между прочим, выражал недовольство тем, что великий князь Василий III «не любит встречи», т.-е. возражения ему в думе, «опаляется» на возражающих: однажды, когда Берсень говорил в думе о смоленском походе в духе неугодном великому князю, последний прямо его выгнал, сказав: «поди, смерд, прочь, ненадобен ми еси» [1]). Привычка к власти и горькое чувство личной обиды сквозят в этих «непригожих» речах Берсеня, за которые он потом лишился языка.

[1]) Акты Арх. Эксп., т. I, № 172.

Но еще с большей ясностью выступают индивидуалистические элементы в характерах двух политических противников — Иосифа Санина и Вассиана Патрикеева. Князь Василий Иванович Патрикеев, в монашестве старец Вассиан, вместе с отцом своим выказал свой непокорный, властный характер еще при Иване III, по приказанию которого оба — отец и сын — за свое «высокоумничанье» были пострижены в монастырь. Но и превратившись в старца Вассиана, он не отказался от старых стремлений, всю жизнь боролся за власть. Вассиан был учеником и последователем Нила Сорского в его воззрениях на монашество и в отношении к еретикам. Трудно сказать, насколько глубоко и искренне проникся князь-инок возвышенными взглядами своего учителя, с которыми мы сейчас ближе познакомимся, но одно несомненно: Вассиан не удовлетворился ими, а пошел дальше, придал учению «заволжских старцев» политическую окраску, выкинул знамя борьбы за права боярства против самовластных замашек московских государей [1]). Старец Вассиан «высокоумничал» таким образом нисколько не менее князя Василия Патрикеева.

Не менее властным был и характер Иосифа Санина: воспитавшись в монастыре Пафнутия Боровского, игумена-хозяина, Иосиф сумел очень скоро обогатить основанный им Волоколамский монастырь и сделаться серьезной общественной величиной. Поссорившись с новгородским архиепископом, в епархии которого находился его монастырь, Иосиф добился передачи монастыря в непосредственное ведение митрополита и поставил его под особое покровительство великого князя. Мы знаем уже, что он настойчиво поддерживал единодержавие и власть московских великих князей, но дорожил этим лишь как средством для установления авторитета господствующих преданий в церкви. Основное положение монастырскаго устава Иосифа гласит, что первая монашеская добродетель—безусловное, слепое послушание; каждый шаг монаха был строго регулирован; критики и сомнений не допускалось; недаром один из учеников Иосифа говорил: «всем страстем мати мнение, мнение—второе падение». Волоколамский игумен был суровый и неограниченный владыка не только над телом монахов которое он

---

[1]) *Соловьев,* История России, т. V.

жестоко истязал за малейшее нарушение устава, но и над духом, который был скован множеством мелочных предписаний, и для усмирения которого Иосиф Санин не отступал, по его собственному выражению, даже от «благопремудростного и благонаученного коварства». Конечно, это еще не вполне сложившийся индивидуалист, но все почти существенные элементы его с примесью эгоистического наследия прошлого уже налицо [1]).

Но страшные времена и жестокие нравы всегда вызывают против себя реакцию. Не каждый в силах настолько закалиться в житейской борьбе, чтобы подчинить все свое духовное существование таким элементарным мотивам, как страх и корыстолюбие. А ведь только торжество таких мотивов, только чистый эгоизм и сулил победу: ведь даже зарождающиеся индивидуалисты не были победителями. Берсень и Вассиан Патрикеев были прямо побежденными, да и Иосифу Санину не удалось осуществить свой клерикальный идеал, из его проектов имели успех лишь те, которые были действительно по плечу торжествующему чистому эгоизму. И вот явились побежденные, люди с иным, даже прямо противоположным эгоистическому, душевным складом, психологические антиподы эгоистов,—характеры этические.

В процессе образования, im Werden, такой характер можно наблюдать в личности св. Сергия Радонежского. Он, как известно, был совершенно лишен любви к стяжанию, приобретательских инстинктов и вожделений: он провозгласил и применил на деле идеал бедности и труда. Правда, к концу его игуменства дело значительно изменилось, монастырь, им основанный,—Троицкая Сергиева лавра—стал богатеть, но это только потому, что св. Сергий не в силах был противиться внешним влияниям. Св. Сергию не было свойственно чистое чувство страха,—оно переродилось у него в смирение; отсюда удаление от мира, иночество, отсюда же и примирение с существующими порядками и даже освящение их: так, св. Сергий налагает отлучение на тех, кто не слушается великого князя московского; он содействует Дмитрию Донскому в его борьбе с Дмитрием суздальским [2]).

---

[1]) *Хрущев,* Исследование о жизни и сочинениях Иосифа Санина; *Жмакин,* Митрополит Даниил и его сочинения, стр. 13-18.

[2]) *Соловьев,* История России, т. IV.

Но самым ярким представителем этического типа был в изучаемый период один из северных пустынножителей-монахов, глава заволжских старцев, Нил Сорский. Это была чисто-нравственная натура, выработавшая себе возвышенный идеал святой жизни и неустанно проводившая этот идеал в действительность. В век религиозного формализма, господства обряда над внутренним смыслом религии, в век некритического, слепого отношения к различным, часто совершенно неканоническим книгам и преданиям, в век крайней религиозной нетерпимости, неумолимой жестокости к еретикам и обогащения монастырей громадными земельными имуществами. Нил сумел возвыситься до настоящего понимания сущности христианства, проникся сознанием необходимости самостоятельного религиозного мышления на строго-проверенной почве истинно-канонических книг, усвоил себе высокую идею христианского всепрощения по отношению к заблуждающимся, проповедывал идеал простой и скромной, трудовой монашеской жизни, проникнутой стремлением к религиозному созерцанию и нравственному сомосовершенствованию. По монастырскому уставу Нила Сорского, главная задача инока—«мысленное делание, сердечное и умное хранение», т.-е. именно религиозное созерцание и нравственное очищение. Главное вовсе не аскетизм, понимаемый в смысле физического изнурения и бичевания,—в этом отношении нужна только умеренность в пище, воздержность,—главное—внутреннее духовное самоусовершенствование человека. Этот подвиг нравственного совершенствования человека должен быть, по возвышенному взгляду Нила Сорского, разумно-сознательным. Понятно, что при таких чувствах и воззрениях Нил не мог и не хотел считаться с действительностью, не желал и не в состоянии был поступиться хотя бы чем-либо в своем нравственном идеале, чтобы сделать его удобоприменимым к жизни. И потому в тех случаях, когда Нилу приходилось вступать в непосредственное соприкосновение с практическими задачами времени, он неизменно терпел неудачу; это случилось в отношении к двум вопросам: во-первых, по вопросу о преследовании еретиков, во-вторых, по вопросу о монастырском землевладении. Нил стоял за полное прощение еретиков, во всяком случае был против их казни и был горячим противником обогащения монастырей землями, но

совершенно безуспешно: в обоих вопросах победа, как нам уже известно, осталась за его противниками, иосифлянами, учениками Иосифа Санина [1]). Так, этические характеры, зародившись в удельной Руси, оказались отлученными от жизни, стали сильно страдать от господствующих житейских порядков. Это и заставило Нила Сорского и его учеников удалиться от мира, но не фиктивно, а реально: они не пошли в тогдашние большие и богатые монастыри, в которых, по позднейшему свидетельству Ивана Грозного, «точию одеянием были иноцы, а мирская вся совершалися» [2]), а удалились за Волгу, в северные леса, болота и пустыни, «дебри непроходимые и дрязги великие», и стали устраивать там уединенные отшельничьи скиты.

Нил Сорский происходил из крестьянского рода [3]). Но средние и нисшие слои современного ему общества сильно страдали от суровой действительности, и если инертная, безразличная и психически-неорганизованная, грубая масса мирилась с этой действительностью, и из нее вырабатывались постепенно такие же эгоисты, какие господствовали в социальных верхах, то отдельные более чуткие натуры здесь стали слагаться в этические характеры. Чаще всего люди этического склада, вышедшие из народной массы, оказывались более резкими протестантами против житейских порядков, чем был Нил Сорский, доходили до крайностей, иногда впадали даже в полное отрицание. Такими отрицателями были два еретика пятидесятых годов XVI века — Матвей Башкин и Феодосий Косой. Оба они в сущности уже выходят из хронологических пределов изучаемого периода, но их личности и их идеи и чувства были созданы, несомненно, условиями конца удельного времени, и потому еретические их учения найдут себе место в последующем изложении; мы увидим тогда, что оба они были людьми несомненно этического склада, потому что неустанно искали идеала житейской правды и в этом полагали главную, если не единственную, цель своей жизни.

Итак, усложнение реальной жизни повело к психологической дифференциации общества, к выделению из аморф-

---

[1]) *Архангельский,* Нил Сорский и Вассиан Патрикеев, ч. I (в «Памятниках древней письменности», 1881 г., XVI), стр. 91, 128—131.

[2]) См. его «Послание в Кириллов-Белозерский монастырь».

[3]) *Архангельский,* Нил Сорский, стр. 3.

ной, бесформенной в духовном отношении массы более или менее цельных, сложившихся и притом разнообразных характеров. Этот основной факт отразился многоразличными последствиями в разных сферах духовной культуры русского общества конца удельного времени.

Прежде всего он сказался в *нравственном состоянии общества.* Конечно, и здесь было очень много остатков старины, проявлений грубых, элементарных инстинктов и привычек. Симония, принуждение епископами нищих, живших при церквах, к работе в архиерейских вотчинах, праздная и роскошная жизнь в монастырях, распущенность в отношениях между полами, времяпровождение, характеризуемое в одной современной проповеди, как «всегда наслаждение и упитание, всегда игры и позорища, всегда бани и лежание, всегда мысли и помыслы нечистые»,—все это признаки настоящего полуживотного состояния, столь характерного для киевской еще Руси. Но господство эгоистов, особенно сильное в высших слоях общества, повлияло на нравы. Это особенно ярко отразилось на положении женщины высшего, отчасти и среднего круга. Пока общество не было организовано в психическом отношении, супружеская верность ценилась не особенно высоко, но эгоист, у которого так силен инстинкт собственности, причисляет и женщину к предметам своего полного обладания и в ревнивой заботе о ее целомудрии запирает ее в терем, создает затворничество женщин. В нашей исторической литературе склонны были приписывать затворничество женщин татарскому влиянию, но стоит только вспомнить, что подобное явление господствовало и в средневековой Европе в рыцарском быту, чтобы понять, что дело тут вовсе не в татарском влиянии, а именно в известной системе чувств и взглядов, созданной реальными условиями времени. Конечно, нельзя отрицать: *с нашей* точки зрения, затворничество женщин и нелепость, и очень плохая гарантия целомудрия, но в то время оно было знаменательным признаком перемены в нравах, протестом против половой распущенности.

Этого мало: наличность в обществе других характеров—этических и отчасти индивидуалистических — отклонила равнодействующую разных психологических влияний, указывающую уровень нравственных понятий, существующих в обществе, еще дальше от примитивных воззрений на

право и справедливость. Мы видели в свое время, что Русская Правда понимала преступление почти всегда как исключительно-материальный вред,—«обиду», если преступление относилось к лицу, и «пагубу», если оно касалось имущества; отсюда проистекала и такса штрафов и вознаграждений, установленная обычным правом. В изучаемое время, как показывает Судебник 1497 года, взгляд на преступление существенно изменился: оно стало считаться не только материальным убытком, но и злом нравственным, и потому денежные выкупы и штрафы заменяются телесными наказаниями и смертной казнью [1]). Многие исследователи в телесных наказаниях опять склонны видеть результат татарского влияния, но совершенно напрасно: в жизни каждого народа наступает такой момент, когда телесные наказания удовлетворяют нравственное чувство, соответствуют господствующим понятиям о праве и справедливости. Конечно, такие воззрения далеки от наших взглядов, но, ведь, нельзя все-таки не признать, что телесные наказания и казнь, помимо той важной общей идеи о преступлении как зле нравственном, которая в них отражается, имеют преимущество перед денежными выкупами уже по той одной причине, что устраняют неравенство в положении бедных и богатых, столь резко выраженное при господстве денежных взысканий за преступления: богачу ничего не стоило заплатить штраф и выкуп, а бедняк совершенно разорялся и терял свободу; телесное же наказание и казнь с одинаковой силой постигали людей разного имущественного достатка.

Те же три элемента—традиции исторического прошлого, господство людей эгоистического склада и зарождение этических характеров — выступают на вид и в *религиозной жизни* конца удельной северо-восточной Руси. Историческим прошлым было завещано изучаемому периоду двоеверие, беспорядочная смесь язычества с христианством. Такое двоеверие в очень значительной степени сохранилось и теперь и отчасти также переродилось в ряд грубых суеверий. Вера в скорый конец мира существовала на северовостоке России того времени. О сильном распространении веры в колдовство свидетельствует тот факт, что ве-

---

[1]) Акты Историч., т. 1, № 105.

ликая княгиня Соломония, первая супруга Василия III, колдовала с целью иметь детей и возбудить любовь к себе со стороны охладевшего к ней великого князя [1]). Особенной любовью в обществе пользовались преисполненные суеверий апокрифы и гадательные книги. Простой перечень их легко дает понять, как много занималось общество удельного времени гаданиями, недостоверными преданиями и рассказами. Из апокрифов особенно известны были «Исповедь Евы»—рассказ ее о грехопадении, сказание об Иуде, «Хождение Богородицы по мукам» и «Видение апостола Павла», трактующие о мучении грешников, аде и рае [2]). Большим распространением пользовались гадательные книги, как «Громник», «Молниянник», «Сносудец», «Зелейник», «Чаровник», «Рафли», «Аристотелевы врата», «Луцидариус» [3]). Последняя из этих книг—перевод с немецкого—содержит в себе разговор учителя с учеником о явлениях природы, составленный на основании различных средневековых преданий и апокрифов.

Эта склонность к гаданиям и суевериям, будучи в значительной мере остатком старины, не являлась, однако же, простым переживанием, бессмысленным обломком прошлого, не приспособленным к текущей жизни: напротив, она поддерживалась в сильнейшей степени тем чувством страха, которое составляет одну из основных стихий эгоистических характеров. Еще сильнее сказалось это чувство страха в религиозном формализме, все более утверждавшемся в изучаемый период: обряд—вот что казалось большинству главным в религии [4]); и в самом деле: если «мнение—второе падение», то лучше не думать и не рассуждать на религиозные темы, а соблюдать формы, исполнять обряды и быть спокойным, неподвижным в своем эгоистическом квиетизме. Такова психологическая основа религиозного формализма.

Но появились, как мы видели, в XV и XVI веках новые люди, для которых моральный идеал, идеал житейской правды составлял все в жизни. От них пошла свежая струя и в религии. Таков был Нил Сорский, стоявший, как мы

---

[1]) *Соловьев,* История России, т. V.

[2]) *Пыпин.* История русской литературы.

[3]) Там же.

[4]) Ср. *Жмакин,* Митр. Даниил, стр. 19, 23 и др.

знаем, за внутреннее понимание христианства, ценивший в религии главным образом нравственное содержание. Другие, по естественной реакции религиозному формализму и по социальным причинам пошли гораздо дальше Нила и впали в ересь. Таковы были жидовствующие, в значительном количестве существовавшие и в Москве, Матвей Башкин, игумен Троицкого-Сергиева монастыря Артемий, бежавший в Литву, а впоследствии совершенно отрекшийся от ереси, и Феодосий Косой. Основные черты еретического учения Башкина сводятся к следующему: во-первых, он отвергал таинство причащения, утверждал, что причащаются не тела и крови Иисуса Христа, а хлеба и вина; во-вторых, под церковью он разумел собрание верующих; в-третьих, он отвергал иконопочитание, признавал, что иконы то же, что идолы; наконец, в-четвертых, Башкин требовал критического отношения к источникам религиозного познания: безусловно-достоверными он признавал только Евангелие и творения апостолов и отвергал авторитет сочинений св. отцов и постановлений вселенских соборов. Не трудно заметить, что ересь Башкина носила на себе типические черты рационалистического сектантства, критики религиозной традиции на основе разума. Из другого начала исходил в своем учении беглый холоп Феодосий Косой: он критиковал традицию с точки зрения непосредственного чувства, был представителем духовного, мистического сектантства, которое источником религиозного познания признает слияние с Божеством в мистическом экстазе, непосредственное откровение, в этом экстазе получаемое. Общественное положение Феодосия Косого придало его воззрениям резкую социальную окраску, характер отрицания всех существующих учреждений: он высказывался против собственности, за общность имущества, против войны и против каких бы то ни было властей. Эти еретические учения были торжественно осуждены на соборах 1553—54 годов [1]).

Психологическая дифференциация общества повела—далее—к развитию эстетических чувств, к новым явлениям

[1]) Свящ. *Сергий Садковский*, Артемий, игумен Троицкий. «Чтения Общ. Ист. и Древн. России» за 1891 г., кн. 4; *Голубинский*, История русской церкви, II, I, стр. 819, 820, 822, 836, 840, 842; *Вилинский*, Послания старца Артемия; *Грунский*, К научной разработке русской литературы XVI в.: «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1908 г., январь, стр. 139—150, 161—170.

в сфере *искусства.* Если искусство предшествующего времени сводилось по преимуществу к заимствованиям иностранных образцов, к механической смеси чужеземных и туземных влияний, то в удельное время на северо-востоке России, как и в вольных городах, наблюдаются на-ряду с продолжающимися заимствованиями со стороны нередко удачные попытки более или менее самостоятельной и оригинальной переработки этих заимствований. Иностранные образцы давала теперь уже не Византия, а главным образом Восток и Италия.

Растет количество известий об отдельных иконописцах: известно, что митрополит св. Петр «извыче иконному художеству»; затем в XIV веке в Москве упоминаются иконописцы Захарий, Дионисий, Иосиф, Николай, Гойтан, Семен, Иван; в XV в. Ростове были известны иконописцы Дионисий, Тимофей, Ярец, Коня, а в Москве Долмат и особенно знаменитый Андрей Рублев; наконец, в первой половине XVI в. иконописанием занимались Феодосий Денисьев и московские митрополиты Симон и Варлаам [1]).

Но дело не ограничивалось количественным ростом производительности в иконописании, — стала слагаться вслед за известной уже нам новгородской школой иконописания новая школа — московская. В ней было, несомненно, еще много примитивного, хотя и меньше, чем в новгородской иконописи: преобладали главным образом две краски — желтая (охра) и зеленая (празелень); тени отличались еще резкостью, здания—простотой, причем арки и архитектурные линии проводились от руки, без помощи линейки и циркуля. На-ряду с этим наблюдаются, однако же, и новые, удачные приемы: складки на одежде изображены большею частью вполне реально, здания представлены в перспективе, в лицах есть некоторые элементы жизненности [2]).

Живопись Рублева, глубоко религиозная и красочная, идет от новгородского искусства XIV в. [3]). В Москве первой половины XVI в. у иконописцев наблюдается разнообразие индивидуальностей, сохранилась красота цвета, и заметно даже большое богатство разноцветности; есть

---

[1]) *Ровинский,* История русск. школ иконописания: «Зап. Археол. Общ.», т. VIII, стр. 5—7.

[2]) Там же, стр. 30—31.

[3]) *Грабарь,* История русского искусства, VI, стр. 226—237.

стремление к сложности и национальные мотивы. Особенно замечательны в этом отношении иконостасы в приделах Благовещенского собора [1]).

В архитектуре продолжалось заимствование иностранных художественных образцов, накопление сырого материала; особенно много заимствований сделано было из Италии и с Востока. Но, кроме механического накопления архитектурного материала, замечается и некоторая своеобразная его переработка; особенно такой переработке подвергаются традиции предшествующего периода. Московская архитектура конца удельного времени характеризуется соединением преданий новгородских и владимирских и вместе видоизменением этих преданий: лепные украшения в Москве встречаются в меньшем количестве, чем во Владимире, усваиваются новые формы—церковная глава в виде луковицы с удлиненным верхом и стрельчатые очертания арок и порталов. Исследователи истории русского искусства большею частью склонны видеть в луковичных куполах и в стрельчатых арках восточное влияние. Быть может, это и так, но нельзя не заметить, что почва для такого влияния подготовлена была местными условиями: по крайней мере, купол в виде луковицы удобен в том отношении, что на нем не задерживаются зимние и летние атмосферические осадки, столь обильные в средней России.

Внешняя история важнейших архитектурных памятников изучаемого периода сводится к следующему ряду фактов: в 1475—1478 годах Аристотель Фиоравенти построил Успенский собор, в 1484 — 1489 г.г. сооружен был псковскими мастерами в том же стиле Благовещенский собор, в 1491 г. Марк Фрязин построил Грановитую палату; архитектурному искусству Алевиза принадлежит постройка нового каменного дворца—низа нынешних теремов в Кремле (верх надстроен при царе Михаиле Федоровиче)—в 1499—1508 годах и Архангельского собора в 1504—1509 годах; наконец, итальянец Соларио построил кремлевские стены [2]).

Наконец, опять-таки на-ряду с старинными преданиями, много нового на северо-востоке удельной Руси наблюдается в *литературе и науке*.

---

[1]) Там же, стр. 287, 300, 304; ср. *Щепкин*, Московская иконопись.

[2]) *Новицкий*, История русск. искусства; *Грабарь*, Ист. русск. искусства, I, стр. 318—330.

Несомненное обогащение—и количественное и качественное—наблюдается, прежде всего, в области богословской литературы. Это сказывается очень ясно уже в литературе переводной. Нам известно, что еще киевская Русь была знакома с такими переводными сборниками поучений, как «Златоструй» и «Измарагд». Первые редакции этих сборников, образовавшиеся еще в киевский период, были унаследованы и в удельное время, продолжали по-прежнему читаться. Но дело этим далеко не ограничилось: на удельном северо-востоке России сложились новые редакции этих сборников, причем если относительно «Златоструя» можно установить прямое перенесение новой болгарской редакции на русскою почву [1]), то «Измарагд» во второй его редакции носит на себе несомненные следы туземных дополнений и переделок. Мотивы многих новых поучений, внесенных в «Измарагд», даже если допустить, что они всецело заимствованы из южно-славянских источников, несомненно отражают на себе текущую злобу дня русской действительности: расширен отдел поучений о семейной жизни, заметно отрицательное отношение к войне (ср. учение Башкина), особенно сильно осуждается богатство (ср. ересь Косого), сильно обличаются мистические верования, особенно много настаивают на необходимости уважения к священнослужителям [2]). Очевидно, новые религиозные движения наложили свою печать на вторую редакцию «Измарагда».

Обилие в XV веке переводных богословских произведений, заимствованных из южно-славянских стран, является вообще результатом оживления и углубления религиозной мысли, которая начала работать более или менее самостоятельно и оригинально. Так, в изучаемое время появились на Руси другие сборники поучений—«Маргарит», «Златая цепь» и «Златая Матица», затем аскетические произведения Василия Великого, Исаака Сирина, Саввы Дорофея, полемические сочинения против латинян Григория Паламы, Нила Кавасила и т. д. [3]). Не менее любопытно то, что

[1]) *Малинин,* Исследование «Златоструя» по рукописи XII в., Киев 1818, стр. 170.

[2]) *Яковлев,* К литер. истории др.-русск. сборников. Опыт исследования «Измарагда». Одесса 1893, стр. 194, 213, 214, 223, 243, 245, 268, 275.

[3]) *Пыпин,* История русск. литературы.

в переводной богословской литературе начинает обнаруживаться сильная струя западного влияния: во второй половине XV в., по заказу новгородского архиепископа Геннадия, Дмитрий Герасимов перевел с латинского пасхалию, разные сочинения против еврейства и трактат против мирян, вступающихся в дела церкви; переводили для Геннадия также доминиканец Вениамин и какой-то Юрий; наконец, во второй четверти XVI в. в Москве Максим Грек также обогатил русскую богословскую литературу некоторыми переводами с латинского [1]).

Если в переводной богословской литературе современная русская действительность отразилась многими важными своими сторонами, то это не в меньшей степени относится и к попыткам оригинального творчества в богословии и церковном поучении. Даже в самой форме богословских и церковно-учительных произведений конца удельного периода на-ряду со старым механическим заимствованием из византийских авторитетов и со слепым подражанием этим авторитетам можно наблюдать стремление к самостоятельности и оригинальности.

Главной темой русской богословской литературы продолжало оставаться нравственное поучение. Это можно подтвердить рядом примеров: от удельного периода сохранилось не мало поучений, в роде «Слова к судиям», «Слова о судиях и властителях, емлющих мзду и неправду судящих»; в начале XV века Матвей, епископ сарайский, в своем поучении к владельцам проповедывал о необходимости доброты по отношению к рабам, митрополит Даниил произносил проповеди против пиров, против нарядов и изнеженности высших слоев общества и т. д. [2]). Но на-ряду с этим, опять-таки под влиянием новых явлений в религиозной жизни, появляется несуществовавшая прежде догматически-богословская литература. По свидетельству Иосифа Санина, «ныне и в домах, и на дорогах, и на рынках все—иноки и миряне—с сомнением рассуждают о вере» [3]). Особенно важными памятниками этого интереса к религиозной догматике являются «Послание инока Саввы на жидов и на еретиков», «Послание Федора Жидовина», но

---

[1]) Там же

[2]) Там же.

[3]) Там же; *Хрущев,* Исслед. о жизни и соч. И. Санина.

главное—«Просветитель» Иосифа Санина, некоторые сочинения Максима Грека, а также «Истины показание» и «Многословное послание» Зиновия Отенского. Если первые три названных сейчас произведения представляют собою или труды компилятивные, или лишенные настоящей критики, принимающие без поверки апокрифический материал, то сочинения Максима Грека и Зиновия Отенского отличаются уже большим критицизмом, опираются на канонические книги, строго отделяемые от апокрифов [1]). Образуется таким образом известная привычка к религиозной метафизике, слагаются приемы и традиции догматического богословия. Отражением таких догматических интересов является и «Толковая Палея»—изложение библейской истории в духе и направлении противном иудейству [2]).

Как ни велика, однако, была еще роль чисто-церковной литературы, было бы большой ошибкой приписывать ей исключительное господство. Правда, сюда можно еще, пожалуй, отнести литературу паломничеств, но она только отчасти отличается церковным характером, притом попрежнему чисто обрядовым, внешне-религиозным, и все чаще переходит в литературу простых путеводителей. Таковы следующие произведения в XV в.—«Ксенос, глаголемый Странник» иеромонаха Зосимы, «Беседа о святынях и других достопамятностях Цареграда» неизвестного автора, путешествие гостя Василия и путешествие иеромонаха Варсонофия. Надо притом заметить, что к концу периода, с падением Константинополя в 1453 году, интерес к паломничеству слабеет, потому что утверждается мнение о превосходстве и большей чистоте русского православия сравнительно с верованиями греков; параллельно этому русские святыни начинают казаться важнее, чем святыни Константинополя и даже Иерусалима [3]).

Оставляя совершенно область церковной литературы, мы должны отметить продолжавшийся количественный рост *беллетристики.* Старая переводная беллетристика не только была всецело унаследована изучаемым временем, но и подвергалась дополнениям и переделкам, свидетель-

---

1) *Пыпин,* История русск. литературы.

2) *Истрин,* Рецензия на книгу Владимирова «Истор. др.-русск. литер».

3) *Пыпин,* История русск. литературы.

ствующим об интересе к ней читающей публики: так, к первой половине XV века сложилась вторая редакция заимствованной из Болгарии «Александрии» со многими добавлениями к древнему тексту, причем исследователи предполагают, что эта вторая редакция вырабатывалась из первой через ряд посредствующих, теперь нам неизвестных, ступеней [1]): здесь заметно усиление фантастического элемента, придававшего рассказу несравненно более занимательности, чем могли дать первые редакции.

Та же погоня за интересными по своей фантастичности сюжетами заметна и в переводах повестей, неизвестных киевской Руси: таковы «Сказание об Индии богатой» или об «Индейском царстве» и «Повесть о Соломоне». В первом пресвитер Иоанн, будто бы управлявший Индией, описывает греческому императору Мануилу чудеса своего царства. Вторых был целый ряд: такова «Повесть о Соломоне и Давиде», находящаяся в связи с немецким сказанием о «Соломоне и Морольфе», затем «Притча царя Соломона о царе Китоврасе»—чудесном существе, днем повелевавшем людьми, а ночью зверями, «Сказание о премудрости царя Соломона и о южской царице и о философех», «Суды Соломоновы» [2]).

В конце XV в. была переведена с немецкого «Повесть о мутьянском (=молдавском) воеводе Дракуле»: этот Дракула отличался неимоверной жестокостью и коварством, и характер его рисуется в повести ужасными красками: он—настоящее олицетворение диавола [3]). Во всех названных произведениях мы тщетно стали бы искать особых художественных достоинств, психологического анализа, реализма, характеров и типов: фабула и внешняя занимательность—все для автора и читателей; самое большее, что́ обращает на себя их внимание, кроме фабулы,—это назидание, нравственное поучение. Тем не менее характерно уже это стремление к занимательности сюжета, прежде столь слабое.

Литература житий в XIV и XV веках отмечена особенно деятельностью митрополита Кириана, переработавшего в

---

[1]) *Пыпин*, Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских, Спб. 1857, стр. 45—48.

[2]) Там же, стр. 89 и след., 111, 114—115, 117.

[3]) Там же, стр. 215.

новом стиле житие св. Петра, и очень плодовитых агиографов Пахомия Логофета, Епифания Премудрого и Пахомия серба. У всех этих писателей на первом плане риторика; до какой степени они увлекались риторическими прикрасами, можно усмотреть из того, что Епифаний Премудрый для описания нравственных качеств св. Сергия Радонежского подобрал 18 эпитетов, а св. Стефана пермского характеризовал даже 25-ю различными эпитетами [1]). Цель риторических житий—исключительно назидание, историческая же истина, фактическое содержание не только отступает на второй план. но, можно сказать, совсем теряет значение в глазах агиографов [2]). Для составления жития святого, фактические обстоятельства жизни которого были неизвестны, достаточно было одного его имени: жизнеописание составлялось по традиции,—из рассказа о монашеских подвигах и аскетических порывах с молодости, затем из биографии одноименного греческаго святого заимствовались фактические подробности: напр., рассказ о сокрушении языческих идолов Авраамием ростовским заимствован из греческого жития Авраамия Затворника, для жития св. Меркурия смоленского подробности взяты из греческого жития св. Меркурия кесарийского, источником жития св. Никиты Столпника переяславского послужило греческое житие св. великомученика Никиты и т. д. [3]).

Собственно историческая литература распадается на три отдела,—отдельные сказания, летописи и хронографы. Из отдельных сказаний, прежде всего, обращают на себя внимание сказания о Мамае (откуда Задонщина), Тохтамыше и Тамерлане. Эти сказания не представляют собою ничего существенно нового по характеру, литературным приемам и тенденциям, сравнительно с более древними; чувства ужаса, скорби, горечи, обиды, унижения волновали и составителей старинных повестей о половецких набегах, и в рассказах о татарах выразились лишь резче, сильнее; моралистическая тенденция—взгляд на бедствия от татар, как

[1]) *Ключевский,* Древне-русские жития святых, как историч. источник.

[2]) Там же.

[3]) *Кадлубовский,* Очерки по истории древне-русской литературы житий святых, Варшава 1902.

на наказание за грехи—обща повествованиям и киевского и удельного периодов. Гораздо больше новых элементов наблюдается в другой группе сказаний, в тех именно, которые посвящены падению вольных городов, Новгорода и Пскова: это—политические памфлеты, имеющие в виду проведение и утверждение идеи московского единодержавия [1]).

В летописаниях выразилась об'единительная московская тенденция. Первые попытки составления общерусского летописаного свода, «великого летописания», исходят от митрополита; исследователи предполагают существование двух таких обширных компиляций,—одной в начале XIV в., другой в его конце. Около 1423 года в канцелярии митрополита из этих первоначальных сводов, из местных летописей, хронологических сборников, произведений духовной литературы, грамот, посланий, юридических актов и произведений народной словесности был составлен первый законченный общерусский летописный свод, так-называемый «Владимирский полихрон». Это было произведение, совершенно лишенное какой бы то ни было политической тенденции [2]). В 1448 году в Новгороде был составлен на основании «Владимирского полихрона» другой свод, отличающийся преобладанием новгородских известий,—это известная теперь «Новгородская 4-я летопись». Этот свод перерабатывался в Новгороде в последующее время, а во второй половине XV и в первой четверти XVI века в Москве возникло несколько переделок «Владимирского полихрона» с добавлением данных, заимствованных из свода новгородского. Так последовательно сложились части известных теперь летописей двух Софийских, Воскресенской и Никоновской [3]). В Москве сводному летописному рассказу придана была и объединительная политическая тенденция, отразившая на себе процесс собирания Руси [4]). Впрочем, эта тенденция далеко не единственная в летописании удельного периода: напр., есть летописи, отражающие противоположные взгляды, смеющиеся над походом

---

[1]) *Пыпин,* История русск. литературы.

[2]) *Шахматов,* Общерусские летописные своды XIV и XV вв. «Жур. Мин. Нар. Пр.» за 1900 г., № 11, стр. 149, 153; № 9, стр, 159, 165-167.

[3]) Там же, № 9, стр. 92, 110, 111, 116, 117, и след.

Ивана III на Ахмата, над бегством великой княгини Софии от татар и т. д [1]).

Чрезвычайно важное, как показатели новых интересов, явление представляют собою хронографы. Это не что иное, как первые русские руководства по всеобщей истории, свидетельствующие своим содержанием о постепенном расширении исторического кругозора древне-русских читателей. Старейшей формой хронографа был так-называемый «Еллинский и Римский летописец», составленный в XV веке. В 1512 году появилась вторая редакция этой компиляции,— собственно «Хронограф» [2]).

Появилась, наконец, и специальная *политическая литература.* Два основных вопроса волновали политических писателей того времени: во-первых, вопрос о положении и значении верховной власти, власти великого князя московского; во-вторых, вопрос о праве монастырей владеть земельными богатствами и о праве монахов быт политическими советникамм государей. По отношению к этим вопросам политические писатели конца удельного периода делятся на две враждебные одна другой группы: одна может быть названа иосифлянской, хотя она во многом отступила от клерикализма Иосифа Санина, поставив на первый план власть великого князя без ее подчинения церковному авторитету; другая вышла, главным образом, из среды заволжских старцев, хотя опять-таки пошла дальше своего учителя Нила Сорского, не задававшегося политическими темами, имевшего в виду лишь религиозно-нравственные вопросы и задачи.

Иосифлянская группа политических писателей, унаследовав давно уже проводившуюся духовенством идею о богоустановленности власти и усвоив представления о том, что Константинополь пал вследствие отступления от православия царя и патриарха во флорентийской унии, и что истинное благочестие сохранилось только на Руси, развила из этих основ целую стройную и сложную теорию значения, задач и целей православного русского царства. В византийской литературе,—напр., в сочинениях Мефодия Патарского, Льва Премудрого, в так-называемых видениях пророка

---

[1]) *Пыпин,* История русской литературы.
[2]) Там же.

Даниила—было не мало мистических пророчеств о судьбе Царьграда. В числе этих пророчеств было одно, в котором говорилось, что «род русых» победит всего Измаила и овладеет Седмихолмым. Этот «род русых» у русских книжников, составлявших сказания о падении Царьграда, заменен был «родом русских». Затем в 1492 г. во вновь составленной на восьмую тысячу лет от сотворения мира пасхалии великий князь Иван III назван был новым царем Константином, а Москва—новым Константинополем. Подобные представления почерпались также из византийского сказания о Вавилонском царстве, передававшего о том, как греческий император Лев отправил в Вавилон послов, чтобы взять знамение от трех отроков, не сгоревших в пещи, и добыть вещи Навуходоносора; после многих опасностей послы принесли ему царский скипетр и шапку Мономаха. Эта легенда пополнялась другой — так-называемой «Историей властодержцев от Ноя»: от Ноя здесь выводился Август, потомком мифического брата которого Пруса объявлялся наш Рюрик, от Рюрика же произошел Владимир Святой, который после войны с византийским императором Константином Мономахом получил от него часть животворящего креста и царский венец. После брака Ивана III с Софией Палеолог эти мотивы соединились с новым элементом,—указанной сейчас теорией преемства Москвы от Константинополя в деле охраны православия. Еще в 60-х годах XV в. правительство проводило такую теорию в особо составленной брошюре «Слово избрано от святых писаний еже на латыню».

Одним из литературных предшественников «Слова на латыню» было известное уже нам «Послание инока Саввы на жидов и на еритики», где великий князь Василий Васильевич назван «потвердником благочестия» [1]. В «Слове» он именуется «богошественным поспешником истине, высочайшим изыскателем святых правил божественного закона, истинные веры православия, боговенчанным царем всея Руси». Но наиболее ярким выражением политической теории русского царства были составленные в XVI в. три послания старца псковского Елеазарова монастыря Филофея—одно к великому князю Васи-

[1]) См. «Чтения в Общ. Ист. Древ. Росс.» за 1903 год.

лию III, другое к дьяку Мунехину, третье к царю Ивану IV, написанные почти в одних и тех же выражениях. Основная идея посланий выражена так: «два Рима пали, третий (т. е. Москва) стоит, а четвертому не быть». Здесь говорится, по собственным словам автора, «о православном царстве пресветлейшего и великостольнейшего государя, единственного по всей поднебесной христианского царя, браздодержателя святых Божиих престолов, св. вселенской и апостольской церкви, которая просияла вместо римской и константинопольской и утвердилась в богоспасаемом граде Москве и которая одна во всей вселенной и лучше солнца светится. Все другие христианские царства исчезли совершенно и соединились в одно царство нашего государя» [1]).

Такова была теория московского православия и самодержавия, отстаивавшаяся политическими писателями иосифлянской партии. Те же иосифляне, по примеру своего учителя, горячо защищали право монастырей владеть землей. Так, в самом начале XVI века было составлено «Слово кратко» в защиту монастырских имуществ, приписываемое некоторыми известному переводчику при новгородском архиепископе Геннадии бывшему доминиканцу Вениамину. Здесь проводится идея неотчуждаемости церковных имений, обосновываемая учением о святости права собственности и неотъемлемости имущества, посвященного Богу. Насильственное лишение церкви ее имущества приравнивается к святотатству, наказываемому отлучением от церкви, анафемой, эпитимией и лишением погребения.

Страстный тон иосифлянской публицистики служит очевидным свидетельством того, что идея, ею отстаиваемая, встречала сильное сопротивление, что была политическая литература иного направления. Как было уже сказано, она вышла из среды заволжских старцев. Самым замечательным политическим памфлетом этого направления является так-называемая «Беседа валаамских чудотворцев Сергия и Германа», составленная в первой половине 50-х годов XVI века. Политическая теория «Беседы» прямо противоположна иосифлянской, противоречит ей решительно во

---

1) *Малинин,* Послания старца псковского Елеазарова монастыря Филофея.

всех пунктах. Вот несколько характерных выдержек, доказывающих это: «царем и великим князем достоит из миру всякие доходы своя с пощадою збирати и всякие дела делати милосердно с своими князи и с боляры и с прочими миряны, а не с иноки»; «подобает иноком приимати годовая урочная милостыня, всему иноческому и священническому и нищенскому чину, а вотчин и волостей со христианы отнюдь иноком не подобает давати»; «а где в мире будет власть иноческая, а не царских воевод, ту милости Божия несть» [1]).

Из сказанного видно, каким важным и новым явлением была на северо-востоке удельной Руси политическая публицистика. Она была отражением того усложнения реальных отношений, хозяйственных, социальных и политических, которое так характерно для конца удельного периода и которое через посредство психологической организации общества повлияло на все элементы духовной культуры.

Остается только указать на состояние *научных знаний*. Без сомнения, и здесь наблюдаются как наследие старины, так и зародыши новых научных идей. Остатком прошлого надо признать то обстоятельство, что по прежнему пользовались еще значительным авторитетом среди читателей «Физиолог» и сочинение Козьмы Индикоплова [2]). Но потребность в более обширных, основательных и, главное, действительно научных познаниях по естественным наукам была настолько велика и настоятельна, что количество пособий по естествознанию стало быстро расширяться. Так, приобрел значение известный уже нам «Луцидариус», в котором отразились естественно-научные знания средневекового европейского запада [3]). Далее: с целью толкования непонятных слов и выражений составлен так-назваемый «Азбуковник»; он скоро превратился в целую энциклопедию, главным образом по естествознанию [4]). В конце XIV века была переведена с греческого поэма греческого писателя VII века Георгия Писиды, содержавшая в себе описание

---

[1]) Беседа валаамских чудотворцев Сергия и Германа — в изд. Дьяконова и Дружинина.

[2]) *Пыпин,* История русс. литературы.

[3]) Там же.

[4]) Там же; *Соболевский,* Переводная литература Моск. Руси XIV—XVI в.в., Спб., 1903, стр. 14.

явлений природы [1]). В XV столетии переведены география Помпония Мелы и несколько астрономических и астрологических книг [2]). Но и все это мало удовлетворяло любознательных людей того времени: в различных сборниках XV и XVI веков все чаще и чаще попадаются отдельные переводные статьи по естествознанию,—например, о шарообразности земли, о громе и молнии и т. д. [3]). Одним словом, наблюдается постепенное, хотя и медленное, расширение и углубление знаний о природе.

Слабее развит был интерес к другим наукам. Впрочем, и здесь нельзя отрицать постепенное усиление внимания читающей публики к серьезному знанию: так, были переведены в XV веке арифметика и риторика. Содержание старинных, переведенных с греческого «Пчел» стало подвергаться немаловажным изменениям и дополнениям. Так, в одной «Пчеле» XIV—XV веков трактуются, между прочим, важные вопросы «о ученьи и беседе», «о власти и княженьи», «о любомудрии и о ученьи», «о законе» [4]). Во всем этом нельзя не видеть возрастающего интереса к серьезному знанию.

---

[1]) *Пыпин,* Ист. русс. литер.

[2]) *Соболевский,* Перевод. литература, стр. 41.

[3]) *Пыпин,* Ист. рус. лит.

[4]) *Семенов,* Древняя русская Пчела по пергаменному списку: «Сборник отд. рус. яз. и словесности Академии наук», том 54-й; Спб., 1893, стр. XV.

Литва, западная и юго-западная Русь с XVI до половины XVII века.

Период падения феодализма в Литве, западной и юго-западной Руси охватывает время от XVI до половины XVII века. Мало того: в это же время здесь произошла попытка дворянской революции, выразившаяся с особенной ясностью в протестантском и социнианском движениях. Но эта попытка потерпела неудачу, и дворянская революция в Польше, Литве и западной Руси так и не завершилась победой: эти страны, составившие после Люблинской унии 1569 года единый политический организм, так и застыли на переходном периоде от феодализма к дворянской революции. Вопреки общепринятому взгляду, Речь Посполитая была в существе своем не шляхетской республикой, какой она была формально, а республикой феодальной знати, аристократической олигархии, которая на деле диктовала свою волю суверенному формально шляхетству. Это положение найдет себе обоснование в одном из следующих томов настоящей работы. Только юго-западная Русь, точнее Малороссия, пережила дворянскую революцию в половине XVII века. Сейчас мы остановимся лишь на процессе падения феодализма в Литве, западной и юго-западной Руси. Прежде всего обращают на себя внимание перемены в количестве и распределении населения.

О том, какой значительной плотности достигло население собственной Литвы, Жмуди, Подляшья и Черной Руси в XVI и XVII веках, можно судить по инвентарям—хозяйственно-статистическим описаниям, подобным писцовым книгам северо-восточной Руси, хотя и обладающим некоторыми

существенными особенностями. Так, нет совсем «пустовщин» или «пустых земель» в инвентарях замка Довгялишки 1553 года[1]) и имения Березынки в начале XVI в. [2]). В волостях и селах, тянувших к двору Ворненскому в 1547 г. [3]) и к замку Радошковичи в 1549 г.[4]), пустовщин было очень мало. И если несколько больше пустоты наблюдается в Мядельской волости в 1545 году[5]) и в местечке Ганусишки в 1534 г. [6]), то и здесь плотность населения была вполне достаточной для своего времени, и о сколько-нибудь значительном запустении не может быть и речи. Хорошо населенной оказывается и Берестейская область по описанию 1566 г. [7]), а также и по инвентарям конца XVI столетия: не указывают совершенно пустовщин инвентари имения Коптевой 1577 г. [8]), Светльчовского имения 1580 г.[9]) и имений Пришихвосты и Болоткова в 1589 г.[10]). Таким образом, можно сказать, что население собственной Литвы с непосредственно прилегавшими к ней областями, колонизованными литовской народностью, постепенно и неуклонно возрастало, без всяких перерывов и катастроф. При этом темп роста населения был довольно быстрым.

То же в общем можно сказать и о Западной Руси, если исключить Чернигово-Северскую область, представляющую собою в колонизационном отношении, как сейчас увидим, уже переход к Руси юго-западной. В землях Полоцкой, Витебской, Смоленской в XVI и XVII веках мы находим уже многочисленные города и селения.

Наглядным подтверждением этого является тот факт, что в области Торопца, по писцовой книге 1541 г., когда он находился уже в руках Москвы, считалось не менее 15.000 человек обоих полов, что по тому времени было очень много, если к тому же принять во внимание пограничное

---

[1]) Документы Моск. Архива Мин. Юстиции, т. I, М., 1897, № VII.
[2]) Там же, № III.
[3]) Там же, № VI.
[4]) Там же, № VII.
[5]) Там же, стр.75-78.
[6]) Там же, стр. 71-74.
[7]) *Довнар-Запольский,* Берестейское староство XVI в: «Киевск. Унив. Изв», за 1898 г. № 2, в особ. ср. стр. 5 и 16.
[8]) Акты Виленской Археографич. Комиссии, т. III, стр. 278-290.
[9]) Там же, т. II, стр. 219-221.
[10]) Там же, т. VI, стр. 56-58, 87-86.

положение этого города [1]). Люстрации Пинского староства XVI в. также показывают достаточное население [2]).

Иной в значительной мере была судьба Чернигово-Северской области. Восточная часть Северской земли—по левому берегу Десны и обоим берегам Сейма—оставалась пустыней вплоть до XVII века и только с этого времени, особенно во второй четверти XVII столетия, населенность ее увеличивается: в 1625 г. Нежин называется «новооселым городищем» [3]), тогда же были основаны Батурин, Конотоп, Глухов, Борзна, Ивангород, Кролевец [4]). Главная масса населения приливала сюда из-за Днепра, а вслед за нею подвигались и польские паны, составлявшие, впрочем, всегда ничтожное меньшинство.

Запустение Киевской земли, известное нам для более раннего времени, продолжалось и в первой половине XVI века, но в это время начинается прилив населении с Волыни, Полесья, Северщины и Белоруссии в Киевскую область и поднепровские и прибужские степи,—слагается малороссийское казачество. Параллельно этому растет и число не казацкого населения, городского и сельского. По люстрациям половины XVI в., в Киеве считалось уже 2.000 жителей, в Житомире 260. в Каневе 720, в Черкасах 1.115 [5]). Начиная с 70-х годов XVI века и до половины следующего столетия, Киевская земля заселяется чрезвычайно быстро огромными массами выходцев, двинувшихся сюда из других областей западной и юго-западной Руси. Но и это был именно прилив со стороны, а не естественный прирост на месте; он вызван был не местными условиями, а хозяйственными порядками и социальными отношениями других областей, так что историю населения Киевской земли в изучаемое время можно характеризовать не как естественный, последовательно развивавшийся, процесс, а как ряд перерывов, катастроф и скачков.

---

[1]) *Побойнин,* Торопецкая старина.

[2]) Писцовая книга Пинского и Клецкого княжества, составленная Станиславом Хвальчевским в 1552-55 годах, Вильна 1884; Писц. книга Пинского староства 1561-66 г. 2 части, Вильно, 1874.

[3]) *Лазаревский,* Описание старой Малороссии, т. II.

[4]) Там же, стр. 2.

[5]) *Владимирский-Буданов,* Население юго-западной России от второй половины XVI в. до Люблинской унии: «Архив юго-западной России», ч. XII, том II, стр. 101.

Рост населения в Подолии, Галиции и на Волыни характеризуется в особенности люстрациями и инвентарями, до нас дошедшими. Таково, например, описание волынских и подольских замков с селами, к ним тянувшими, в 1545 году: здесь наблюдается очень многочисленное население, и редко попадаются пустые «селища», совершенно теряющиеся между сотнями сел и густо-населенных панских имений [1]). В половине XVI в. Веница имела уже 1.795 человек жителей, Браславль 1.945, Хмельник 1.350, Бар 1.450 [2]). Таким образом, западная часть юго-западной Руси в отношении колонизации и населения представляет собою много общего с собственной Литвой и западной Русью; население здесь увеличивалось едва ли даже не быстрее, чем в этих последних областях.

Основной факт хозяйственной истории изучаемого времени—*развитие денежного хозяйства.* Первым доказательством этого служат данные, касающиеся внешней торговли, ставящие вне всякого сомнения ее быстрое и относительно широкое развитие. Так, в Галиции выделяются крупные центры одинаково и внешней и внутренней торговли,—как Львов, Луцк, Каменец [3]). В 1589 г. милейчицкие (Милейчичи—в Берестейской земле) мещане вывозили в Польшу продукты сельского хозяйства, между прочим хмель [4]). Вообще в западных областях главное значение с начала XVI века приобретает хлебный экспорт. Большие партии хлеба ежегодно направлялись из Литвы и западной Руси к балтийским портам,—Данцигу, Кенигсбергу и Риге: напр., в 1561 г. великий князь продал в Ригу весь хлеб, полученный им с его жмудских имений [5]). На-ряду с хлебом важной статьей вывоза из Жмуди, Виленского и Троцкого поветов, Поднепровья и Подвинья служили продукты лесного хозяйства,—клепки, пепел, мачты, доски, смола, деготь; впрочем с 1547 г. правительство объявило торговлю лесными материалами казенной монополией [6]). Крупным центром торговли с

---

[1]) Моск. Архив Мин. Юст., Литовская Метрика, книга переписей IV, лл. 72 об., 95, 103 и сл., 118 и сл.

[2]) *Владимирский-Буданов,* Население юго-запад. России: «Архив юго-зап. России», ч. VII, том II, стр. 101.

[3]) *Линниченко,* Черты из истории сословий в юго-западной Галицкой Руси, М. 1894, стр. 220.

[4]) Акты Виленс. Археогр. Комиссии, т. VI, стр. 89.

[5]) *Довнар-Запольский,* Госуд. хозяйство.

[6]) Там же, стр. 489.

западом было Ковно, а в сношениях с Московской Русью такая жа роль выпала на долю Киева и Луцка; еще к самому началу XVI в. относятся указания на живые торговые связи Киева с Москвой и на приезды в Киев московских купцов: напр., в 1501 г. киевский мещанин Полозович купил у московского купца Васильева 20 локтей тафты [1]). Кроме хлеба и лесных материалов, Литва и западная Русь вывозили заграницу сермяжное сукно, скот, лен, кожи, меха, воск, а из-заграницы сюда ввозились соль, сукна, вино, пряности, шелк, золото, серебро, железо, медь, оружие. С XVI века налоги на вывозимые товары начинают играть видную роль в бюджете великого княжества Литовского, и на-ряду с этим на границах государства вырастает множество таможень, — так-называемых «комор» и «прикоморков [2]).

Но внешняя торговля существует, как известно, и тогда, когда хозяйство страны остается еще натуральным, и даже достигает иногда при этих условиях довольно крупных размеров. Вот почему гораздо большее значение, как доказательство развития денежного хозяйства, имеют факты, касающиеся торговли внутренней. Наши источники и в этом отношении дают нам достаточно обильный материал. Прежде всего ряд городов и местечек получает магдебургское право — явный признак роста их значения не только во внешней, но и во внутренней торговле: в 1503 г. привилей или жалованная грамота на магдебургское право дается местечку Высокому в Дорогицком повете [3]); потом Сигизмунд II Август дал то же право местечку Филиппову Городенского повета [4]), в 1597 году магдебургское право получил Витебск, в 1501 г. Мельник, в 1516 г. Милейчичи и в 1522 г. Воинь—все три в Берестейской земле, в 1504 г. Ортень, в 1505 г. Лосичи в Киевской земле, в 1585 г. Чернигов, в первой половине XVII в. Стародуб и Нежин; с начала XVI в. магдебургское право утверждается уже во всех древних подольских городах, а потом переходит и на

---

[1]) *Леонтович,* Акты Лит. Метр., I, 2, № 581.

[2]) *Довнар-Запольский.* Госуд. хозяйство Лит. Руси, стр. 374 и сл., 531 и сл.

[3]) *Довнар-Запольский,* Акты Литовско-русского государства, т. I, № 78.

[4]) Акты Виленск. Археогр. Ком., т. I, стр. 158.

Волынь; в 1518 г. его получает Ковель, в 1540 г. — Торчин, в 1564 г. — Олыка, в 1583 г. — Ляховцы, в 1584 г. — Корсунь, в 1592 г. — Чигирин, в 1600 г. — Канев, в 1630 г. — Веница (Винница) и т. д.[1]) Уже приведенный сейчас ряд фактов показывает, что чем западнее лежала область, тем сильнее и раньше развивалась в ней торговля: магдебургское право скорее и шире распространялось на западе, чем на востоке. Сравнительная экономическая отсталость восточных областей обрисовывается таким образом с достаточною ясностью.

Другим очевидным признаком развития внутренней торговли надо признать быстрый рост поступлений внутренних таможенных сборов. Так, в Слониме мыта в период времени от конца 50-х до конца 60-х годов XVI в. выросли на 1.333%, в Бельске на 465%, в Каменце на 64%, в Городне на 33%, в Кременце на 30%. Все вообще мыта давали казне в начале XVI в. 3.000 коп. грошей[2]), а в 60-х годах—17.500 коп, т.-е. сбор возрос почти вшестеро[3]). Говоря о внутренних проезжих и торговых пошлинах, уместно заметить, что многочисленность застав и таможень, расположенных на сравнительно небольшом пространстве, доказывает, что, вообще говоря, денежное хозяйство в Литве и западной Руси изучаемого времени слагалось по типу западно-европейского денежного хозяйства средних веков, т.-е. выражалось в форме сбыта, расчитанного на небольшой местный рынок. Характерно в этом отношении, напр., то, что на Волыни в 1545 г. насчитывалось до 57 мест, где собирались мыта, и из Полоцка и Смоленска очень трудно было провезти товар в Вильно и Ковно[4]). Впрочем, эту изолированность рынков не следует преувеличивать и вполне отожествлять с узостью мелких местных рынков на западе Европы: в Литве и западной Руси XVI, XVII столетий не было, как в западной Европе, экономически замкнутых областей размерами в 15 — 20 верст вокруг центра-города, торговые районы были гораздо шире, часто приближались по размерам к территориям поветов, и притом постепенно расширялись с течением времени: тор-

---

[1]) *Антонович,* Монографии по истории зап. и юго-зап. России.
[2]) Копа—60 грошей; грош—10 пенязей.
[3]) *Довнар-Запольский,* Госуд. хозяйство Лит. Руси при Ягеллонах.
[4]) Там же.

говля из сел стягивалась в города, образовывались промежуточные рынки, сближавшие далекие торговые центры между собою: так, Милейчичам Сигизмунд I дал в 1516 г. магдебургское право, «вбачивши трудность переезду от Мельника до Бельска» [1]).

В источниках истории Литвы и западной Руси XVI и XVII веков в изобилии рассыпаны известия о торгах и ярмарках. росших, как грибы после дождя, что служит третьим доказательством роста внутренних торговых сношений и связей. Так, в Городне обыкновенно бывало по 3 ярмарки в год [2]); этот город с 1576 года имел обширные соляные склады и снабжал заграничною солью едва-ли не всю страну [3]); в 1601 г. здесь производилась оптовая торговля не только солью, но и хлебом и сельдями [4]). Типическим провинциальным рынком второго разряда являлось местечко Филиппов Городенского повета: на местном базаре продавались соль, бочки, кади, соленая рыба, колеса и т. д. [5]). Склад соли существовал и в Берестье [6]). В конце XVI в. в Вилейском повете в местечке Порудомине бывала ежегодная ярмарка [7]). В то же время значительный торг производился в Орше, а в Речице (Троцкого повета) еженедельно по воскресеньям торговали скотом и хлебом [8]). В Каменце в 1565 г. и в Вильне в 1507 г. шла оживленная торговля сукнами, доходившая нередко до значительных размеров: так, виленский мещанин Васька Хитрый продал королю сукон на 432 копы грошей [9]). Проявлялась и деятельность капиталистов-скупщиков, являвшихся посредниками между мелкими производителями хозяйственных благ и потребителями последних; примером такой деятельности может служить факт 1589 года, когда берестейские мещане и земянин Остромечовский занимались скупкой коз у крестьян по селам [10]).

---

1) *Довнар-Запольский,* Акты Лит.-рус. гос., I, № 141.
2) Акты Виленск. Археогр. Ком., т. VII, стр. 72 и сл.
3) Там же, VII, стр. 89—90, 102—103.
4) Там же, стр. 103—104.
5) Там же, т. I, стр. 158—160.
6) *Довнар-Запольский,* Госуд. хоз. Лит. Руси при Ягеллонах, стр. 485 и сл.
7) Акты Зап. России, т. IV, № 10.
8) Там-же, IV, №№ 40 и 93.
9) *Леонтович,* Акты Лит. метрики.
10) Акты Виленск. Археограф. Комиссии, т. VI, стр. 92.

Как бы ни были, однако, многочисленны и ярки свидетельства о внутренней торговле, они приобретают значение полной убедительности лишь в том случае, если имеются налицо неоспоримые данные о затрате народной массой более или менее значительных денежных сумм: только при этом условии мы можем утверждать, что значительные круги населения были уже втянуты в торговый оборот, отказались в известной мере от традиций натурального хозяйства, потому что, если бы это было не так, у них не было бы денег и, следовательно, нечего было бы затрачивать. Вот почему самым решительным доказательством развития денежного хозяйства в Литве и западной Руси XVI и XVII веков является переход от натуральных владельческих оброков и государственных повинностей к денежным платежам землевладельцам и государственной казне. Так, напр., в одном имении Мозырской волости (Киевская земля) вся дань была переведена на деньги в 1506 г. [1]). В 1561 г. Сигизмунд II Август позволил городенским мещанам вместо толок (т.-е. работы на великокняжеской земле) вносить 12 грошей с волоки и платить чинш, т.-е. денежный оброк [2]). Исключительно денежный оброк встречаем далее в некоторых имениях Оршанской волости 1592 г. [3]) и Виленского повета 1586 г. [4]). В 1597 г. в Беловежском лесничестве с 6-ти сел дякло (первоначально побор хлебом и сеном) «водлуг давнего звычаю» взималось «пенезми» [5]). В Речице (Троцкого повета) в 60-х—90-х годах XVI в. горожане платили в господарский скарб также исключительно пенязями [6]). В Смоленской земле всюду в изучаемое время «врочные платы», т.-е. оброки, были денежными [7]). Мать Сигизмунда II Августа королева Бона стремилась сдавать оброчные статьи в своих обширных имениях за денежную плату [8]). По ревизии 1561—62 г.г. в Гомельской и Дубровенской волостях (Оршанского по-

---

[1]) *Довнар-Запольский,* Акты Лит.-Рус. госуд., I, № 93.

[2]) Акты Виленск. Археогр. Комиссии, т. VII, стр. 82—83. Волока—33 морга, около 19 десятин.

[3]) Акты Вил. Археогр. Ком., т. VII, стр. 456.

[4]) Там же, т. VIII, стр. 413.

[5]) Там же, т. I, стр. 156.

[6]) Акты Зап. России, т. IV, № 93.

[7]) *Довнар-Запольский,* Госуд. хоз. Л. Руси, стр. 263 и сл.

[8]) Там же.

вета) все оброки — главное чинш — переведены на деньги [1]). По уставе великокняжеским дворам Виленского и Троцкого поветов, изданной в 1514 г., на деньги переведены сбор за сено дякольное и мезлева (побор скотом) [2]). В XVI веке вводится постепенно в Литве и западной Руси в господарских имениях «волочная устава», по которой земля делится на особые пространственные единицы обложения, волоки (30—33 морга), причем все оброки обязательно переводятся на деньги; волочная устава была введена Сигизмундом I в Подляшье, королевой Боной в Пинском, Суражском, Бельском, Городенском, Кобринском, Кременецком поветах, Сигизмундом-Августом в 1557 г. в Виленском и Троцком поветах; на Подвинье и Поднепровье она была распространена в конце XVI и начале XVII в. [3]). То же еще раньше произошло на Волыни и в Киевской земле [4]). Арендная плата с господарских имений, отдававшихся частным лицам в пользование, постепенно повышалась: есть, напр., в XVI в. случаи повышения ее с 590 коп. грошей до 1.000 коп или со 171 копы до 400 [5]). Характерно, наконец, то, что важнейший денежный государственный налог — серебщина — увеличилась с конца XV века до конца XVI в пять раз [6]).

Таковы многочисленные признаки зарождения и развития денежного хозяйства в Литве и западной Руси XVI и XVII веков. Под влиянием этого нового крупного явления экономической жизни изменилось и соотношение других отраслей хозяйства, — добывающей промышленности, земледелия и промышленности обрабатывающей. Донежное хозяйство требует разделения труда, специализации занятий и развития более производительных ветвей производства, и это прежде всего сказалось на положении добывающей промышленности. Если брать эту последнюю абсолютно, без отношения к другим отраслям хозяйства, то придется признать, что она вовсе не падала сравнительно с предшествующим временем, а некоторые ее ветви, напр., лесное

[1]) Там же.
[2]) Там же, стр. 268 и след.
[3]) Там же, стр. 284 и след.
[4]) Там же.
[5]) Там же.
[6]) Там же, стр. 741 и след.

хозяйство — даже шли вперед вследствие усиленного спроса на их продукты на внешнем рынке. Очень значительная распространенность занятий охотой и особенно пчеловодством не подлежит сомнению и подтверждается целым рядом документов: борти, пасеки, бобровые гоны, ловы, ловища, подлазные земли, звериные и пташие ловы, иногда также сокольи гнезда на каждом шагу мелькают во множестве разного рода грамот, касающихся землевладения и относящихся к различным областям Литовско-Русского государства; всякого рода статистические описания также сильно подчеркивают важность добывающей промышленности: по люстрации 1552 года, в землях принадлежавших Браславскому замку в Подолии, водилось много зубров, оленей, лисиц, бобров, рыбы, пчел; отсюда ходили в Звенигородщину за медом [1]), в то же время в Черкасском старостве по Днепру, Ворскле, Орели, Самаре, Тясмину и обоим Ингулам до Тавани были бобровые гоны, бортные ухожаи, рыбные ловли, охотничьи угодья [2]); по ординации королевских пущ 1641 года всего было 1 миллион 135 тысяч десятин пущ [3]), и это громадное пространство представляло собою широкое поле для занятий охотой, пчеловодством и лесными промыслами.

Мы убедились таким образом, что влияние денежного хозяйства сказалось в добывающей промышленности, если взять ее самое по себе: на мех, воск, мед и лесные материалы был большой спрос заграницей. Но то же денежное хозяйство повлияло также и на относительное значение добывающей промышленности: оно содействовало более быстрому росту сельского хозяйства, в частности земледелия, а также обрабатывающей промышленности, и перед лицом этих в значительной степени новых явлений бледнели старые первоначальные промыслы. Усиление преобладания земледелия над добывающей промышленностью выражается прежде всего в том, что встречается все больше и больше грамот, в которых упоминаются одни только пахотные и сенокосные угодья без всякой примеси угодий охот-

---

[1]) Архив юго-зап. России, ч. VII, т. II, № VII.

[2]) *Любавский,* Начальная история малорусского казачества: «Журн. Мин. Нар. Пр.» за 1895 г., июль, стр. 232.

[3]) Ординация королевских пущ, составленная в 1641 г. при короле Владиславе IV.

ничьих и пчеловодных. Факты относятся почти ко всем областям Литовско-Русского государства,—к поветам Виленскому, Слонимскому, Троцкому, Дорогицкому, Берестейскому, Городенскому, к Волыни, Подолии, Подвинью и северному Поднепровью. По ревизии Кобринской экономии 1563 года [1]) и по составленной в 60-х годах XVI века писцовой книге Пинского староства также наблюдается полное господство земледелия [2]). Отражением того же явления следует признать и распространение волочной системы. Только на левом берегу Днепра, а также отчасти в Киевской земле и в восточной Подолии первенство оспаривалось у земледелия добывающей промышленностью, причем победа оставалась даже вполне за этою последнею в нижнем Поднепровье и в левобережной Украине.

Не подлежит, наконец, сомнению и сравнительно довольно сильный рост обрабатывающей промышленности, главным образом, городского ремесла и сельского кустарничества. Стоит раскрыть любое описание города того времени, чтобы убедиться в этом. Так, в Витебске в 1597 г. было много золотарей, т.-е. золотых дел мастеров, кравцов (портных), слесарей, ковалей (кузнецов), котляров (котельников), сыромятников, кожемяк, гончаров, шевцов, теслей (плотников) [3]). В Кременце в 1563 г. также встречаем токарей, ковалей, портных, золотников и т. д. [4]). Котельники, шевцы, рымари (шорники), чеботари, пивовары значатся в Баре в 1565 г. [5]). В Кобрине в 1563 г. видим также кравцов, рымарей и ковалей [6]). Описание Пинска, составленное в 60-х годах XVI в., дает такой длинный перечень всякого рода городских ремесленников: плотники, портные, сапожники, кузнецы, скорняки, слесаря, сыромятники, дубильники, седельники, гончары, токари, стекольщики [7]). Много данных об обрабатывающей промышленности относятся к Берестейскому повету: здесь в имении земянина Горновского в 1589 г. было «8 коп кафлев поли-

---

[1]) Ревизия Кобринской экономии 1563 г., стр. 51 и след.

[2]) Писц. книги Пинского староства, Вильна 1874, стр. IV, 121, 123 и сл.

[3]) Акты западной России, т. IV, № 118.

[4]) Архив юго-зап. России, ч. VII, т. II, № X.

[5]) Там же, № XI.

[6]) Ревизия Кобринской экономии, стр. 30.

[7]) Писц. книга Пинского староства, стр. VII.

ванных» (т.-е. изразцов), два стола и одни двери—все «работы цудные» (чудной работы) [1]); в том же повете в конце XVI в. выделывались полотна, скатерти, ручники [2]). Обработка льна челядью отмечена уставой великокняжеским дворам Виленского и Троцкого поветов, составленной в 1514 г. [3]). В местечке Филиппове Городенского повета выделывались бочки и кади, были кравцы, колесники и гончары [4]). В Городне в 1575 г. были солодовни и пивоваренные заводы [5]). Около половины XVI в. дворянин Мартин Палецкий построил близ Вильны «гуту скленую» т.-е. стеклянный завод.

Переходя к *формам землевладения*, приходится констатировать два ряда явлений: во-первых, наличность остатков старины, во-вторых, важные новообразования. К числу остатков старины принадлежит прежде всего землевладение крестьянское и мещанское. Мы наблюдали уже в предшествующее время обезземеление крестьянства на пространстве бо̀льшей части страны. В изучаемый нами сейчас период от крестьянского землевладения оставались одни только обломки и притом лишь в отсталых в хозяйственном отношении областях, на южной и юго-западной окраинах. По одной тяжбе XVIII в., в XVII столетии в южном Поднепровье «земля была малороссиян сполная и общая, покамисть они первее под полки, а в полках под местечка, села и деревне и в оных под свои жилища, двори, доми и футори осели и позаймовали; и потому сталися все добра малороссиян быть властными чрез займы. Они же займы свои малороссияне разными означали способами: одни оборували (опахивали), другие копцами обносили и рвом окопували, кляками (зарубками на деревьях) ограничали» [6]). Вот яркое и ясное описание вольного землепользования и его перехода к сябринному. Понятно, почему эти примитивные отношения к земле и вообще крестьян-

---

[1]) Акты Виленск. Археогр. Комиссии, т. VI, стр. 32.
[2]) *Довнар-Запольский,* Акты Лит.-Рус. гос., т. II, стр.205 и сл.
[3]) *Довнар-Запольский,* Госуд. хоз. Лит. Руси.
[4]) Акты Виленск. Археогр. Ком., т. I, стр. 158—160.
[5]) Там же, т. VII, стр. 90—91.
[6]) *Лазаревский,*—в «Записках Черниговск. стат. комитета, кн., I, стр. 26; Ср. *Багалей,* Займанщина в левобережной Украине XVII и XVIII веков: «Чт. в ист. обществе Нестора летописца», кн. 2, стр. 195; *Козловский,* Судьба малорос. крестьянства XVII—XVIII в.в., стр. 51.

ская земельная собственность сохранялись на левом берегу Днепра и в нижнем течении этой реки: здесь, как мы видели, добывающая промышленность сохраняла попрежнему свое преобладание, и лишь постольку, поскольку она местами отодвигалась на второй план перед земледелием, сюда проникало дворянское землевладение, и крестьянство обезземеливалось.

Землевладение мещан также сохранилось лишь в небольших размерах, и с XVI века дворянство стремится затруднить распространение мещанского землевладения, рост которого не соответствовал хозяйственным условиям времени: на долю мещан выпадали при развитии денежного хозяйства занятия торговлей и ремеслами, а земледельческое хозяйство монополизировалось в руках шляхты.

От предшествующего времени унаследовано было и даже продолжало расти землевладение церковных учреждений,— архиерейских кафедр, монастырей и приходских церквей. Так, в 20-х годах XVI в. Гринковичи-Ходковичи дали много земель Супрасльскому монастырю [1]. В 1585 г. пан Хребтович дал земли в церковь в Городенском повете [2]. В 1508 г. даны имения в церковь Богородицы во Владимире на Волыни [3]. В 1559 г. монастырь св. Троицы в Оршанском повете получил земли от Льва Ивановича Сапеги и т. д. Надо, однако, заметить, что в церковном землевладении, мало соответствовавшем вследствие своей неотчуждаемости новым хозяйственным условиям, наблюдаются существенные перемены: во-первых, рост его очень сильно замедляется, во-вторых, земли, принадлежащие церкви, облагаются службой, чем сближаются со шляхетскими имениями, в третьих, наконец, монастыри и церкви с их землями отдаются во владение дворянам, чем также в значительной степени стирается грань между шляхетским и церковным землевладением. Все это новые явления, обязанные своим существованием вновь возникшим хозяйственным обстоятельствам.

Судьбы господарского, великокняжеского землевладения до некоторой степени напоминают положение землевладения

---

[1]) Акты Вилен. Археогр. Комиссии, т. VII, стр. 10.
[2]) Там же, т. I, стр. 1—5.
[3]) Там же, т. II, стр. 3

церковного: и господарская земля в XVI в. была обложена службой, а также и не только рост ее прекратился, но размеры ее сильно сократились главным образом вследствие раздач земли шляхте, практиковавшихся особенно Александром и Сигизмундом II Августом. Вот характерные примеры сокращения размеров господарских земель: в 1550 г. к Остерскому замку тянуло 9 господарских сел, а в 1628 г. они все были уже розданы в частные руки [1]); в Киевской земле конца XV в. было много великокняжеских имений, а в 1550 г. их осталось только два [2]). Тем не менее господарь был все еще очень крупным землевладельцем: его имения в Виленском и Троцком поветах и в Жмуди занимали в 70-х годах XVI века площадь по крайней мере в 1 миллион десятин [3]).

В полном соответствии с новыми экономическими условиями находилось господствующее в области землевладения явление изучаемого времени—развитие шляхетского полусвободного, сословного землевладения, т.-е. такой земельной собственности, которая подлежала свободному распоряжению в пределах известной сословной группы: денежное хозяйство с преобладанием земледелия переживало лишь первую стадию своего развития, и потому неограниченная свобода распоряжения земельным капиталом была еще невозможна, тогда как совершенно необходима была эта свобода распоряжения в пределах сословия, направившего и организовавшего земледельческое производство. Вот почему прежние совершенно несвободные формы дворянского землевладения постепенно отмирают и приближаются к вотчине, под конец даже совершенно с ней сливаются. Мы уже указывали первые зародыши этого процесса в конце XV века,—образование пожизненного владения, владения в двух или трех поколениях, выслуги. В XVI веке этот процесс продолжался. Прежде всего сложились владения на ленном праве—в 30-х, 40-х и 50 годах XVI ст.: земли, пожалованные на ленном праве, обязательно несли военную службу и могли быть передаваемы по наследству потомству мужского пола; женщины от наследования устранялись;

---

1) *Довнар-Запольский,* Госуд. хоз., стр. 343.
2) Там же.
3) Там же, стр. 348.

отчуждение (продажа, залог и т. д.) обусловливалось согласием господаря [1]). Относительно выслуги или вечности, иначе вечистого держанья важно установившееся уже к концу XV в. правило, что она становится вотчиной, если переходит к наследникам без завещания [2]). Затем привилей великого князя Александра признает всякое земельное владение человека шляхетского происхождения вотчиной, раз в основании этого владения лежит давность, простирающаяся на время княжения Витовта, Сигизмунда или Казимира [3]). Это же признает и первый Литовский статут 1529 г. [4]). Таким образом открылся широкий путь к превращению условного, временного, несвободного земельного владения в свободное и наследственное.

На-ряду с этим наблюдается расширение вотчинного права в сторону большей свободы отчуждения земли. Первый статут разрешал свободно отчуждать только $^1/_3$ вотчин и то с согласия родственников, остальные же $^2/_3$ можно было только закладывать, причем родственники сохраняли право выкупа [5]). Второй Литовский статут, изданный в 1566 г., разрешил свободное отчуждение всей вотчины и совершенно слил выслугу с вотчиной [6]). Купли, т.-е. купленные вотчины, подлежали в изучаемое время совершенно свободному отчуждению.

Чтобы закончить речь о землевладении, остается только добавить, что так как денежное хозяйство делало лишь первые шаги по пути развития и потому не могло быть обширного рынка, очень большого спроса на продукты земледелия, то землевладение шляхты не концентрировалось, не слагалась в большинстве случаев в крупные имения, бывшие только у отдельных магнатов. Так, напр., в Полоцком воеводстве в 1552 г. 43% владельцев выставляли со своих земель одного коня, 26%—двух и только 31% более двух [7]).

---

[1]) *Довнар-Запольский,* Госуд. хозяйство Л. Руси, стр. 593.
[2]) Там же, стр. 601.
[3]) Там же, стр. 168.
[4]) Там же, стр. 610.
[5]) Там же, стр. 610.
[6]) Там же, стр. 613, 614.
[7]) *Лаппо,* Вел. княж. Литовское за время от заключени я Любл унии до смерти Стефана Батория, т. I, стр. 497.

Громадное влияние общих экономических условий времени на *формы хозяйства* также не подлежит сомнению. Там, где добывающая промышленность сохранила еще остатки прежнего своего значения, хозяйственной единицей оставалась по старому обширная крестьянская семья, осложнявшаяся примесью чужеродцов — сябров. Напр., в Овруцком повете в 1501 году крестьянская «служба» состояла из двух человек «с братьею и братаницы» [1]); в 1568 г. «пасербы» встречаются в значительном количестве на бортных промыслах в Беловежской пуще Берестейского повета [2]); в 1577 году в том же повете видим у крестьян «полуйников» и «потужников» [3]); вообще в местах, где добывающая промышленность не отодвинута была на второй план, «службы» и «дворища» были обширны по размерам, состояли из больших семей, в которых совместно вели хозяйство братья, сыновья и другие родственники.

Мы знаем, однако, что удельный вес добывающей промышленности сильно уменьшился. Поэтому сохранение больших хозяйственных единиц никак нельзя считать характерным для изучаемого времени. Господство земледелия и особенно развитие денежного хозяйства выдвигало на первый план отдельную личность, требовало личной инициативы и потому разбивало обширные родственные союзы на более мелкие хозяйственные единицы, на семьи в тесном смысле слова, т.-е. на союзы родителей и детей. Наиболее ясно отразился этот процесс в волочной уставе: она предписывала разбивать большие семьи и сябринные союзы, оставляя на каждой волоке отца с сыном или двух братьев, а остальных осаживая на пустых волоках [4]). Типическим примером измельчания крестьянского хозяйства могут служить данные, относящиеся к Пинскому староству 60-х годов XVI века: здесь подавляющее большинство крестьянских хозяйств имело 2—3 вола и 2—3 лошади, редко встречались хозяйства с 5—6 волами и 5 лошадьми и совсем в виде исключения видим 8—9 волов и 8 лошадей [5]).

---

[1]) *Леонтович*, Акты Литовск. Метрики, т. I, вып. 2, № 524.
[2]) Акты Виленск. Арх. Ком., т. II, стр. 135.
[3]) Там же, т. III, стр. 288—290.
[4]) Акты запад. Рос., т. III, № 19.
[5]) Писц. книга Пинского староства, стр. VII.

Другим важным последствием развития денежного хозяйства в области форм хозяйственной деятельности является рост барской пашни («фольварков», «пашни дворной») и параллельно этому развитие барщины («тяглой службы», «панщины»): то и другое необходимо потому, что с увеличением рыночного спроса на проданный хлеб и вообще на сельскохозяйственные продукты стало выгодным расширение пашни, и вместе стала ощущатьтся острая нужда в рабочих руках. Тяглая служба или панщина слагалась из разных работ — пахоты, бороньбы, жнитва, косьбы сена, причем в ней обыкновенно различались два элемента,— «пригон», т.-е. определенные работы в течение известного числа дней в неделю с каждого крестьянского двора, и «толоки», временные, экстренные помочи, к которым на небольшой промежуток времени привлекалось обыкновенно все наличное крестьянское население [1]).

Так, в Галиции XVI века панщина достигла громадных размеров, отнимая у крестьян 2, 3 и даже иногда 5 дней в неделю [2]). Значительную пашню дворную встречаем в Берестейском повете 1577, 1580, 1589, 1592 и 1599 годов [3]), в 1588 г. у великого князя были фольварки в старостве Городенском и державе Олитской, в старостве Берестейском и державах Кобринской и Каменецкой [4]), в 80-х и 90-х годах XVI в. пашня дворная и барщина значатся в Оршанском и Виленском поветах [5]), в 60-х годах в Хмельнике и Пинском старостве [6]). Нельзя, наконец, не отметить того общего факта, что введение волочной уставы всюду означало победу барщины над оброком.

Та же волочная устава дает нам возможность установить и третье последствие развития денежного хозяйства, рост наемного труда в разных отраслях промышленности; в уставе предусматривается наем на все работы. В 1584 г. в Городенском повете были «коморники, которые наймом

---

[1]) См., *Любавский*, Област. деление; *Довнар-Запольский*, Госуд хоз.; *Леонтович*, Панский двор и Крестьянский двор Л.-Р. Гос.

[2]) *Линниченко*, Черты из истории сословий в юго-зап. Галицкой Руси, стр. 203.

[3]) Акты Вил. Арх. Ком., III, стр. 288; VI, стр. 56, 57 и др

[4]) Акты зап. Рос., т. IV, № 1.

[5]) Акты Вил. Арх. Ком., т. VII, стр. 456, 468; т. VIII, стр. 13, 415.

[6]) Акты юго-зап. Рос., ч. VII, т. II, № XII; Писц. кн. Пинс. стар., стр. 113.

у домах мешкают» [1]). Нужда в рабочих руках при новых хозяйственных условиях, очевидно, обострилась до такой степени, что не хватало крепостных рабочих, и предприниматели пустились в поиски за рабочими вольнонаемными.

Наконец, необходимо отметить и четвертое последствие общих хозяйственных перемен, обнаружившееся в формах торговли и обрабатывающей промышленности: городские ремесла организуются в цехи, указания на которые щедро рассыпаны во всех грамотах на магдебургское право, а в сфере торговли слагаются коммерческие компании и товарищества, иногда очень значительные по числу участников и по размерам вкладываемых в торговые предприятия капиталов. В качестве типического образца укажем на факт 1580 года: паны Волович и Сапега, откупившие соляной промысел в Кодне и вывоз каменной соли из Кракова, приняли в компанию по торговле солью евреев Богдановича, Абрамовича и Шмулевича, не обладавших капиталами, но людей практики, умевших вести дело [2]).

Обращаясь к изучению *системы или техники хозяйства*, надо признать прежде всего, что перемены в этом отношении были сколько-нибудь значительными лишь в добывающей промышленности и в сельском хозяйстве, потому что обрабатывающая промышленность и торговля не настолько еще развились, чтобы поднятие их техники стало экономической необходимостью. Между тем, постепенно усиливавшийся спрос на продукты добывающей промышленности и сельского хозяйства на внешнем и внутреннем рынке вызывал к жизни более интенсивные системы производства, чему содействовали также более прочные и определенные отношения лица к земле, обеспечивавшие за землевладельцем и его потомством результаты его хозяйственных усилий, и тщательная организация барщинного хозяйства, считавшаяся уже с требованиями научной агрономии. По справедливому мнению одного исследователя, землевладелец изучаемой

---

[1]) Акты Вил. Археогр. Ком., т. I, стр. 158.

[2]) Акты Вил. Археогр. Ком., т. I, стр. 158. О цехах см. *Клименко*, Западно-русские цехи XVI—XVIII веков, Киев 1914, причем только в XVII и XVIII веках цехи падают: признак медленности падения феод. хозяйства в зап. Руси (см. стр. 146 и сл.).

[3]) Там же, т. III, стр. 304 и след.

нами эпохи «превращается в помещика хозяина, часто крупного экспортера леса и хлеба, притом образованного, следящего за сельскохозяйственной литературой».

В начале XVI в. еще нередко попадаются в разных местах, напр., в поветах Берестейском, Волковыйском, Виленском, Смоленском, Жмуди, «ляды и лядища» [1])—эти очевидные признаки переложной и даже подсечной системы полевого хозяйства. Но чем позднее, тем ярче обозначается торжество паровой-зерновой системы с трехпольным севооборотом и навозным удобрением. «Навозы» видим в Виленском повете еще в 1501 г. [2]). Волочная устава везде ввела трехпольную систему [3]). Неудивительно поэтому, что в Берестейском повете 1589 г. и крестьянская и барская пашня делятся на три поля: первое под житом, второе паренинное, третье под яринами [4]), в Виленском повете 1594 г. были «погнои» [5]), т.-е. удобренный навозом пар, а при описании Пинского староства в 60-х годах XVI в. Сигизмунд-Август указал составителю описания, пинскому старосте Довойне, что цель его—«земли подданных на волоки *в три поля* размерити и поровняти» [6]). Соответственный процесс интенсификации производства наблюдается и в пчеловодстве: конечно, оставалось и даже сильно было распространено прежнее первобытное лесное пчеловодство, бортничество, но на-ряду с этим везде видим развитие пасечной системы: пасеки наблюдаются, напр., в Мельницком повете в 1504 г., в Браславском в 1505 и 1552 гг., в Хмельницком и Каменецком староствах 1565 г. и в Веницком повете 1603 г. [7]). Таким образом, переход к более интенсивной системе пчеловодства совершался даже в экономически-отсталых частях страны, в юго-западной Руси,—в Подолии и Киевской земле.

Наконец, и *распределение хозяйственных благ* в Литве и западной Руси XVI и первой половины XVII в. потерпело

---

[1]) *Леонтович*, Акты Лит. Метр., т. I, вып. 1, №№ 623, 155, 167; Акты зап. Рос., т. I, № 218; т. II, №№ 14, 34, I и II, 35 и др.

[2]) *Леонтович*, Акты Лит. Метр., I, 2, № 603.

[3]) Акты зап. России, т. III, № 19.

[4]) Акты Вил. Арх. Ком., т. VI, стр. 57.

[5]) Там же, т. VIII, стр. 12.

[6]) Писц. книга Пинс. староства, стр. 4.

[7]) *Леонтович*, Акты Лит. Метр., I, 2, №№ 691, 822; Архив юго-зап. Рос., ч. VII; т. II, №№ VII, XII, XIII, XXII.

существенные перемены под влиянием роста денежного хозяйства и развития новых форм землевладения и форм хозяйства. Главнейшие новые явления в этой области экономической жизни заключаются не столько в удешевлении денег и повышении заработной платы, хотя то и другое и несомненны, сколько в росте земельной ренты и государственных налогов. Все это отражалось, разумеется, на экономическом положении народных масс, понижало сумму реальных хозяйственных благ, поступавших в их руки. Характеризуя конкретными примерами вкратце намеченные сейчас важные процессы хозяйственного развития, можно указать на следующие факты: в Галиции, кроме трети урожая, оплачивавшей еще в XV в. все подати и оброки, крестьяне XVI века обязаны были отбывать тяжелую панщину в 2, 3 и даже 5 дней в неделю [1]; в Виленском повете 1586 года денежный оброк с каждой волоки простирался до 1 копы грошей [2]; ту же норму находим в Гомельской и Дубровенской волостях 1561—62 г.: здесь чинш «службы» «доброго грунта» равнялся 1 копе грошей, «среднего»—50 грошам, «подлого»—40 грошам [3]; в других случаях наблюдается более низкий денежный оброк, но за то к нему прибавляются значительные натуральные поборы и продолжительная барщина: так, в Берестейской земле в 80-х годах XVI в. с волоки платили всего 20 грошей, но кроме того давались 4 бочки жита, 1 бочка овса и 1 воз сена, и отбывалась барщина в 2—3 дня в неделю [4]; в Пинском старостве 60-х годов XVI в. все платежи с волоки доходили лишь до 41 гроша, но кроме того приходилось работать на барщине 2 дня в неделю [5].

Таковы данные, указывающие на рост оброка и барщины в пользу землевладельцев. Не менее убедительны свидетельства, касающиеся увеличения государственного обложения. Важнейший денежный налог того времени—серебщина—при Сигизмунде I платился в размере 3 грошей с сохи, а при Сигизмунде II Августе повысился до 5 гро-

---

[1]) *Линниченко.* Черты из истории сословий в юго-зап. Галицкой Руси, стр. 203.

[2]) Акты Виленск. Археогр. Ком., т. VII, стр. 413.

[3]) *Довнар-Запольский*, Госуд. хоз.

[4]) Акты Виленск. Археогр. Ком., т. II, стр. 221.

[5]) Писц. книга Пинс. староства, стр. 121—122.

шей [1]). Сильно возрасли и проезжие и торговые пошлины, в чем легко убедиться из одного их перечня: сюда относились: 1) обыски или явки, 2) головшина, 3) мыто мостовое, гребельное и на перевозах, 4) торговые мыта разных названий, 5) тамга и 6) осмничее [2]).

Два основных класса окончательно выделяются в Литве, западной и юго-западной Руси XVI—XVII в.—класс землевладельцев и класс безземельных земледельцев. Правда, вследствие примеси добывающей промышленности оставалось, как мы видели, и промежуточное звено между двумя названными классами, точнее говоря, сохранялись еще остатки того первоначального недифференцированного социального целого, из которого выделились землевладельцы и земледельцы,—именно были еще местами крестьяне-собственники земли, соединявшие в своей личности землевладельца с земледельцем. Но на-ряду с этим сложился еще третий класс—городских торговцев и ремесленников. Создана была, наконец, и небольшая группа наемных сельскохозяйственных рабочих. После всего сказанного об экономической жизни нет надобности доказывать, что такая классовая определенность явилась следствием развития денежного хозяйства.

То, что справедливо по отношению к делению общества на классы, сохраняет свое значение и для его деления на сословия: не только экономические, но и юридические, различия выступили с совершенною ясностью, и XVI и XVII века здесь завершают процессы, начавшиеся в предыдущие столетия, и вносят в сословный строй новые элементы. Дальнейшее изложение будет служить не чем иным, как детальной мотивировкой, подробным доказательством этих общих положений по отношению к каждой общественной группе.

Первую крупную общественную группу в западной Руси составляли служилые люди.

Вообще говоря, можно попрежнему различать четыре основных разряда служилых людей: это—князья, паны, бояре и земяне. Что касается князей, то большинство из них были потомками местных удельных князей: таковы, напр., князья Друцкие, Слуцкие, Острожские и многие другие. Однако, позднее в группу князей попадали и думцы

[1]) *Довнар Запольский*, Госуд. хозяйство Литов. Руси.
[2]) Там же.

старинных великих князей, никогда сами не бывшие удельными князьями: таковы, напр., Радивилы, получившие княжеский титул в XVI в. по пожалованию германского императора Карла V [1]). К князьям непосредственно примыкали паны, исторические потомки древне-русских старших княжеских дружинников. Князья и паны представляли собою высший, привилегированный слой служилых людей. Экономической основой их привилегий служило крупное землевладение.

Гораздо более демократическими элементами служилого сословия являлись средние и мелкие землевладельцы— бояре и земяне. Те и другие были рядовыми людьми, подобными дворянам и детям боярским северо-восточной Руси, и к концу удельного времени получившими польское название шляхты. Термины «бояре» и «земяне» были в западной Руси тожественны по значению: в актах земяне зовутся нередко боярами. При уравнении литовско-русских служилых людей в правах с польской шляхтой, совершившемся, уже к концу удельного периода, боярами-шляхтой с полнотою прав стали лишь бояре благородного происхождения, доказавшие свое благородство «клейнотами», документами [2]). В Жмуди образовалась даже особая группа «бояр поседных», которые несли боярскую службу, но не причислялись к шляхте, а являлись общественным слоем, приближавшимся по значению к крестьянам [3]).

XVI век и первая половина XVII столетия внесли большую определенность и законченность в организацию шляхетского сословия. Это заметно уже в постановлениях первого Литовского статута 1529 года, ясно формулировавших некоторые юридические особенности шляхты, раньше державшиеся одним лишь обычаем: статут подтвердил личную свободу тех шляхтичей, которые держали имения под панами и князьями, установил, что шляхтичей следует призывать на суд не посылкой детского, а письменной повесткой («позвом»), определил повышенное де-

---

[1]) *Балинский и Липинский,* Starozytna Polska; *Любавский,* К вопросу об удельных князьях и местном управлении в Лит.-Рус. государстве: „Жур. Мин. Нар. Пр." за 1894 г., авг., стр. 353.

[2]) *Любавский,* Областное деление и мест. управление Лит-Рус. государства.

[3]) Там же.

нежное вознаграждение за убийство, поранение и увечье шляхтича и утвердил за шляхтой важное преимущество на суде: присяга шляхтича стала признаваться доказательством, имеющим полную достоверность. Далее: сейм 1547 года настоял на том, чтобы господарь не отнимал врядов, т.-е. государственных должностей, без доказанной вины лиц, их занимавших [1]); второй Литовский статут 1566 года ввел новые выборные шляхетские суды, юрисдикции которых подчинялись не только бояре-шляхта, но и князья и паны; в то же время уничтожены были отдельные хоругви князей и панов, и ополчения их вошли в состав ополчения шляхты всего повета; рядовая шляхта сблизилась с князьями и панами и в том отношении, что приобрела над своими крестьянами панские права во всей их полноте; сложилось окончательно и право шляхты собираться на областные сеймики не только для выбора сеймовых послов, но и для обсуждения дел, подлежащих решению на общем сейме [1]).

Во всех этих переменах в организации служилого сословия в Литовско-Русском государстве XVI и XVII веков нельзя не видеть, на-ряду с расширением и точным определением прав дворянства, еще одной важной черты,— уравнения рядовой шляхты с князьями и панами: служилое сословие не только обособилось окончательно от других сословных групп, но и консолидировалось, слилось в единое целое. Понятно, в какой тесной связи находилась эта перемена с хозяйственными условиями времени: первоначальное развитие денежного хозяйства не открывает еще достаточно обширных рынков для крупных земледельческих хозяйств, а, напротив, создает условия, выгодные для хозяйств среднего размера. Так как при том земледелие остается главною отраслью народного труда, то землевладельцы-дворяне и становятся во главе всего общества, задают общественной жизни основной тон, хотя экономически и подчиняются своим более богатым собратам.

Переходим к городскому сословию или мещанству. Развитие денежного хозяйства завершило классовое обособ-

---

[1]) *Любавский,* Литовско-русский сейм, стр. 523.

[2]) *Лаппо,* Вел. княж. Литовс. с 1569 по 1586 г. I, стр. 261-262-266' *Любавский,* Лит.-рус. сейм, стр. 698.

ление горожан, параллельно этому сложилась окончательно сословная организация не только по магдебургскому праву, но и по Литовскому статуту. Мы видели в предшествующем изложении, в какие формы она вылилась.

Что касается крестьянства, то здесь все туже завязывался узел крепостной неволи. Важным шагом в этом направлении было введение для Литвы и части русских областей волочной уставы или померы в 50-х и 60-х годах XVI в., лишившей крестьян хозяйственной самостоятельности и ограничившей их самоуправление [1]).

Окончательно крепостное право на крестьян утверждено было третьим Литовским статутом 1588 года, по которому в разряд «непохожих», лишенных права перехода, крепостных людей попадал всякий, кто прожил за известным владельцем 10 лет. Юридическая природа крестьянской крепости в Литве и западной Руси отличается двойственным характером: были нередки случаи прикрепления к земле, по крайней мере к определенной обширной волости, представлявшей собою замкнутое хозяйственное целое, но так как рынок в Литве и Западной Руси был гораздо обширнее в XVI и XVII веках, чем в феодальной Западной Европе, то явилась нужда в более или менее не стесненном передвижении земледельческих рабочих на обширной территории, и потому преобладало не прикрепление к земле, при котором не только крестьянин не может уйти с занимаемого им участка, но и землевладелец не может перевести его с участка на участок или продать, заложить, подарить, променять и завещать без земли, а прикрепление к личности землевладельца, дававшее возможность последнему производить безземельное отчуждение крестьянина и переводить его с одного клочка земли на другой, из имения в имение, из одной области в другую. На безземельное отчуждение крестьян есть указания в разных грамотах, а также в Литовском статуте.

Прикрепление крестьян имело важные последствия для их личных, имущественных и корпоративных прав: став лично-несвободными, крестьяне вполне подчинились вотчинной юстиции и полиции, почти совершенно заслонившим от них государственную власть; имущество крестьянина

---

[1]) *Довнар-Запольский,* Очерки по организации зап.-рус. крестьянства в XVI в., Киев, 1905, стр. 186 и след.

стало не собственностью его, а лишь владением, на которое имел право и его господин; народный, так-называемый «копный» суд, как увидим в свое время, совершенно потерял самостоятельное значение, стал играть роль исключительно-следственную, решение же дела зависело уже не от него. Одним словом, в организации крестьянского сословия начало обязанности восторжествовало над принципом права, и если шляхта и мещанство были сословиями свободными, то крестьянство надо назвать сословием вполне крепостным.

Прибавим к этому, что в господарских землях старосты-державцы в очень значительной мере стесняли крестьян и их самоуправление еще с начала XVI века: они увеличивали свои кормы и поборы, вмешивались в раздачу пустых земель, иногда даже прямо заменяли выборных «старцев» или старост своими слугами [1]). Общий смысл волочной уставы в центральных и западных областях, а также и смысл организации крестьянских служб в восточных областях заключался в точном регулировании податей, барщины и оброка; волочная устава перестроила и все крестьянское хозяйство, сопровождалась переселением крестьян с насиженных участков, часто унаследованных от отцов, на новые и запрещением продажи крестьянами своих земельных наделов [2]).

Новые хозяйственные условия естественно отразились, наконец, и на положении евреев в Литве, западной и юго-западной Руси между половиной XVI и половиной XVII века.

Развитие денежного хозяйства содействовало и большей классовой организации евреев. Еврейская масса обратилась с этого времени главным образом к занятиям торговлей и мелкими кредитными операциями, а богачи превратились в крупных банкиров, купцов и откупщиков. Вся еврейская масса поэтому сильнее объединилась и приобрела новые юридические отличия, сильно сближавшие евреев с мещанами. Великий князь Казимир в 1441 г. дал троцким евреям привилей на магдебургское право. Здесь установлена была исключительная подсудность троцких евреев выбираемому ими из своей среды пожизненно и утверждаемому великим

---

[1]) Там же, стр. 59.
[2]) Там же, стр. 247—248.

князем войту, который сам подсуден был лишь самому господарю [1]).

При великом князе Александре литовских евреев постигло большое бедствие, — в 1495 г. Александр велел изгнать всех евреев из великого княжества, еврейские земли и дома были конфискованы в казну, долги, сделанные у евреев частными лицами, велено было последним уплачивать также в великокняжескую казну, если эти долги были обеспечены залогом имуществ; в противном случае, долги просто признавались погашенными [2]). Основным мотивом этой меры была экономическая зависимость, в которую попали по отношению к крупным еврейским банкирам сам великий князь, многие князья, паны, бояре и земяне. Господствующее сословие, не умея распутать этот узел, разрубило его, разом уничтожило все юридические гарантии, какими евреи пользовались. Однако, потребность в кредите при развивавшемся денежном хозяйстве была настолько настоятельна, что в 1503 г. евреи были возвращены [3]). При этом они получили обратно всю недвижимость, а также восстановлено было и право их взыскивать старые долги. Правда, на евреев наложена была особая повинность — ставить на свой счет 100 всадников для военной службы, — но скоро и в отношении обязанностей евреи были вполне уравнены с мещанами, стали нести те же подати и повинности, что и городское население вообще [4]).

Уничтожение уделов в Литве, западной и юго-западной Руси совершилось при Витовте, Сигизмунде Кейстутовиче и Казимире. Витовт уничтожил уделы в собственной Литве и подчинил себе непосредсвенно Полоцк, Смоленск и Подолию. Сигизмунд поставил своих наместников в Турово-Пинском княжестве и Новгороде Северском. Казимир поддержал традиции своих предшественников, отстояв Полоцк, собственную Литву и Турово-Пинскую землю от попыток восстановить в них уделы, и кроме того утвердил свою непосредственную власть на Волыни и в Подляшье. Мелкие уделы более позднего времени слились постепенно с другими крупными имениями литовско-русской знати, и слу-

---

[1]) *Бершадский,* Литовские евреи.
[2]) Там же.
[3]) Там же.
[4]) Там же.

жебные князья в XVI веке уравнялись с знатнейшими панами.

Несмотря на это уничтожение удельной старины, судебная деятельность господаря оставалась бесформенной в течение всей первой половины XVI в. Сигизмунд I в начале XVI в. говорил о себе: «винен его милость каждому с подданных своих, а звлаща тым, которые с жалобами своими ку его милости приходять, справедливость делати з вирхности своее господарское» [1]). Сигизмунд II Август на Виленском сейме 1551 года заявил, что при обвинении шляхтича в важных уголовных преступлениях суд принадлежит господарю [2]).

Но эти остатки прошлого уже не характерны для изучаемого периода, они оказываются лишь случайно уцелевшими пережитками. В общем же и целом наблюдаются большие перемены, в особенности в организации средств управления.

В этом отношении XVI столетие особенно замечательно. Перемены прежде всего претерпела власть господаря.

Преемство господарской власти окончательно установилось на основе сеймового избрания, что и было торжественно санкционировано актом Люблинской унии Литвы с Польшей 1569 г.

По этому акту Речь Посполитая—единое государство, составившееся посредством соединения Польши и Литвы,—должно всегда иметь одного государя, носящего титул короля польского, великого князя литовского, русского, прусского, мазовецкого, жмудского, киевского, волынского, подляшского и ливонского, избираемого общим сеймом Польши и Литвы, помазуемого и коронуемого в Кракове. Избранный король при коронации должен подтвердить особой грамотой все права и вольности Польши и Литвы и обязан присягнуть в соблюдении этих прав и вольностей. Последнее замечание вводит нас уже в круг деятельности короля, который выяснится лучше всего, если мы рассмотрим верховные учреждения того времени.

Из верховных учреждений на первый план выдвигается, конечно, сейм. Мы видели, насколько неопределенно было

---

[1]) *Ясинский,* Очерки по истории судоустройства в Лит.-Рус. госуд., I, стр. 5.

[2]) Там же, стр. 6.

в удельный период понятие, обнимаемое этим словом: под сеймом тогда разумелось и полное собрание панов-рады, и собрание рады и шляхты одной собственной Литвы (вальный сойм), и, наконец, собрание панов-рады и шляхты-рыцарства со всего государства (великий вальный сойм). В начале XVI века можно наблюдать еще изредка остатки удельной старины в организации сейма: так, сейм 1502 года был, по-видимому, не чем иным, как собранием одних панов-рады [1]) Но с 1505 года мы постоянно наблюдаем одни только великие вальные сеймы [2]). Этого мало: в XV веке из русских земель, входивших в состав великого княжества, обыкновенно на сейм приезжали только старшие, т.-е. более богатые землевладельцы; в XVI веке на-ряду с ними прибывает и рядовая шляхта, как видно из заявления жмудинов на сейме 1507 г., они сказали, что не могут дать согласие на постановление сейма «без инших панов [3]), старших своих, которых на тот час на сойме не было». Итак, родовое дворянство прибывало на сейм в начале XVI в. поголовно в случайном составе. И на этом, однако, дело не остановилось и не могло остановиться, потому что при таких условиях сейм остался бы учреждением слишком уж малоорганизованным, следовательно и маловлиятельным. Поэтому начинает вырабатываться и прививаться к действительности идея шляхетского представительства. Так, на сейме 1512 года присутствовали по 2 выборных от поветов пограничных, а из непограничных поветов, где не требовалось вооруженной охраны на случай нападения неприятеля, явились все дворяне поголовно [4]). На сейме 1534 года уже от всех поветов были по 2 выборных шляхтича; вместе с тем, однако, каждому шляхтичу не возбранялось присутствовать на сейме и лично, так что два начала—начало непосредственного, поголовного присутствия дворянства на сеймах и начало представительства—смешивались и боролись между собою [5]). Однако, начало представительства постепенно одерживало верх: при Сигизмунде II Августе преобладают выборные; второй Литовский статут, изданный в 1566 году,

---

[1]) *Любавский,* Лит.-русский сейм, стр. 133.
[2]) Там же, стр. 148, 149, 180, 191, 303, 732.
[3]) Там же, стр. 180—181.
[4]) Там же, стр, 191.
[5]) Там же, стр. 301, 303.

окончательно установил выбор дворянством депутатов или «послов» в сейм на поветовых сеймиках—этих исторических наследниках старых областных соймов [1]). В то же время устанавливается деление литовско-русского сейма на два «кола» или две камеры: коло панов-рады и коло рыцарей, простой шляхты [2]). В акте унии 1569 г. этому соответствовало деление общего польско-литовского сейма на сенат и посольскую избу. Наконец, сейм 1566—67 годов установил некоторые подробности, касающиеся организации сеймов: кто из панов-рады опоздает к третьему дню после начала сеймовых заседаний, тот обязан беспрекословно признать действительными все решения, принятые сеймом до его прибытия; если опоздает рядовой шляхтич, он теряет право голоса на все время сеймовых заседаний; за неприбытие на поветовые сеймики назначены были штрафы [3]). Только одна—впрочем очень важная—сторона в организации сеймовых заседаний не была изменена сравнительно с удельным временем: попрежнему не существовало правильного голосования, не установился обычай решения дел по большинству голосов, требовалась «згода», общее согласие, открывавшее перспективы междуусобий и позднейшего обычая «срывать сеймы» своим несогласием с их решениями.

Параллельно организации сейма с точки зрения его состава шло и расширение ведомства этого учреждения. Раньше сейм, как нам уже известно, занимался главным образом решением вопроса об избрании нового господаря, внешней политикой и отчасти—под конец удельного времени—законодательством. Все эти функции сохранились и укрепились за сеймом и теперь: Сигизмунд I, Сигизмунд II Август, Генрих, Стефан Баторий, Сигизмунд III, Владислав IV, Ян-Казимир выбирались всегда на сеймах, и акт Люблинской унии санкционировал и торжественно формулировал такой способ замещения престола Речи Посполитой [4]); вопросы внешней политики занимали также внимание членов сейма: так, сейм 1514 г. высказался за продолжение войны

---

[1]) Там же, стр. 739
[2]) Там же, стр. 847.
[3]) Там же, стр. 758.
[4]) *Максимейко,* Сеймы Лит.-Рус. государства, стр. 162; *Лаппо,* Вел. кн. Литовск. с 1569 по 1586 г., I, стр. 697–698

с Москвой [1]), сейм 1522 г. выработал условия мира, предложенные московскому великому князю [2]); в 1532 г. сейм не согласился на войну с волошским воеводой [3]); в 1561 г. решил присоединить Ливонию [4]); ряд сеймов обсуждал унию с Польшей и т. д. [5]); наконец, сильно расширилось участие сейма в законодательной работе; все три Литовских статута—1529, 1566 и 1588 годов были утверждены и в значительной части выработаны на сеймах [6]); еще в 1514 г. господарь с радой отложили решение одной тяжбы о наследстве, обещавшись «обмовити со всею землею» о новом законе по этому поводу [7]); сейм 1551 г. прямо требовал, чтобы без согласия сейма не издавался ни один закон, и хотя на этот раз Сигизмунд II Август не удовлетворил этого требования, но Статут 1566 года признал, что сейму принадлежит неотъемлемое право участвовать в законодательстве и в ведении внешней политики [8]).

Тот же второй Литовский статут, следуя еще грамоте Сигизмунда I 1528 года, признавал, что установление налогов, особенно военных, как серебщины, подымщины, поголовщины, не может быть производимо господарем и радой без сейма [9]). И, действительно, не было ни одного сейма, на котором не обсуждали бы вопрос о сборе серебщины и других «податков земских», предназначавшихся на военные нужды. Многие сеймы занимались также установлением, отменой и облегчением других налогов—прямых и косвенных и вообще финансовыми делами: так, сейм 1528—29 гг. установил правила о даче в залог («заставу») господарских имений [10]), сейм 1538 г. определил размеры взысканий за недоимки [11]), сейм 1547 г. просил для шляхты разных финансовых облегчений и обсуждал вопросы о зам-

---

[1]) *Любавский*, Лит.-рус. сейм, стр. 198.
[2]) Там же, стр. 224.
[3]) Там же, стр. 306.
[4]) Там же, стр. 619.
[5]) Там же, стр. 305, 598, 658, 676-677, 745.
[6]) Там же, стр. 199, 628, 234, 252, 307, 520 и др.
[7]) Там же, стр. 197.
[8]) Там же, стр. 557, 733.
[9]) Там же, стр. 734; *Максимейко*, Сеймы Лит.-рус. гос., стр. 132—133.
[10]) *Любавский*, Литовско-русский сейм, стр. 249—250.
[11]) Там же, стр. 277.

ковой, дорожной, подводной и кормовой повинностях с шляхетских имений [1]), в 1554 г. на сейме составлено было ходатайство о фиксации канцелярских пошлин и об освобождении товаров, вывозимых из дворянских имений за границу, напр., хлеба и леса, от таможенных пошлин [2]) и т. д.

К числу важных и видных функций литовско-русского сейма принадлежало установление и регулирование военной повинности шляхетского сословия. Так, об обороне земской, о военной службе, о найме жолнеров, об организации гарнизонной службы и т. д. шла речь на сеймах 1512, 1514, 1515—16, 1522, 1528—29, 1532, 1544, 1551, 1554, 1565—66 [3]) и т. д. Сначала эта отрасль деятельности сейма не была организована и имела поэтому небольшое сравнительно значение: обыкновенно не сейм, а господарь и рада устанавливали размеры военной повинности и лишь объявляли на сейме свои решения по этому поводу; самое большее, что при таких условиях оставалось делать сейму,—это подавать свои просьбы, заявлять великому князю ходатайства, с которыми приходилось так или иначе считаться. Сейм 1544 года впервые выступил с требованием для себя решающего голоса по вопросу об определении военной повинности. Господарь тогда не дал на это принципиального согласия, хотя фактические уступки были сделаны [4]). Надо, впрочем, заметить, что еще первый Литовский статут 1529 года до некоторой степени давал юридическое основание для расширения компетенции сейма относительно военной повинности: в нем было узаконено, что оборона страны определяется «уфалой земской» (постанавлением шляхты) [5]). Статут 1566 года окончательно это санкционировал: господарь с радой потеряли право решать без сейма дела, касающиеся военной повинности и вообще обороны страны [6]).

Устройство новых государственных учреждений, определение их компетенции и более правильная организация

---

[1]) Там же, стр. 536 и сл., 541.
[2]) Там же, стр. 580, 582.
[3]) Там же, стр. 191, 198, 205, 226, 247-248, 260, 291, 566, 577, 684 и др.
[4]) Там же, стр. 292-293.
[5]) Там же, стр. 307.
[6]) Там же, стр. I, 307.

старых учреждений также стали постепенно входить в круг ведения сеймов Литовско-Русского государства. Уже на сейме 1511 г. шляхта Дорогицкого повета ходатайствовала о необходимости более или менее точно определить судебную компетенцию местного старосты [1]). Сеймы 1538 и 1544 годов настаивали на скорейшем замещении господарем всех высших должностей, отправление которых давало право на занятие места в господарской раде [2]): слишком малочисленный состав рады представлялся нежелательным. Сейм 1547 года, как и некоторые более поздние, ходатайствовал об учреждении выборных органов судебной власти [3]). Сейм 1565—66 гг. определил компетенцию поветовых сеймиков [4]), сейм 1568 г. установил в новом виде ведомство подскарбия земского [5]) и т. д. И здесь мы опять наблюдаем, как показывают приведенные сейчас факты, постепенный переход от ходатайств и просьб к решающей деятельности, усваиваемой сеймом во второй половине XVI века и практиковавшейся уже без всяких препятствий в XVII столетии.

Древнее государство обыкновенно не без большого труда усваивает себе функции, развиваемые государством нового времени—функции полиции безопасности и особенно полиции благосостояния. Поэтому сначала эти функции входят в круг непосредствевной деятельности верховных учреждений. Так было и в Литовской Руси: сейм, несомненный носитель верховной власти, занимался вопросами, имевшими отношение к полиции безопасности и благосостояния в той или другой местности. Так, сейм 1551 г. требовал запрещения ночной торговли в городских корчмах [6]); сейм 1568 г. установил таксу на продажный хлеб и одинаковые хлебные меры [7]).

Наконец, создавая новые законодательные нормы, ведая финансы, устраивая государственный порядок, регулируя повинности населения, одним словом, проявляя творческую

---

[1]) Там же, стр. 190.
[2]) Там же, стр. 279—295.
[3]) Там же, стр. 526.
[4]) Там же, стр. 698.
[5]) Там же, стр. 798.
[6]) Там же, стр. 553.
[7]) Там же, стр. 797.

деятельность, сейм вместе с тем зорко следил в изучаемое время за тем, чтобы эта творческая его деятельность не оставалась на практике безрезультатной, чтобы администрация не нарушала закона, не позволяла себе злоупотреблений. Еще на сейме 1522 г. жмудская шляхта жаловалась на злоупотребления жмудского старосты Яновича [1]). Сейм 1545 г. требовал ограждения шляхты от притеснений со стороны администрации [2]). На сейме 1547 г. шляхта восставала против судебной волокиты [3]) и в 1554 г. жаловалась на злоупотребления при производстве «волочной померы» и на побои, наносимые в разных местах шляхтичам должностными лицами [4]). Жалобы на злоупотребления администрации повторялись и на сеймах 60-х годов XVI века [5]).

Таким образом, к концу XVI века литовско-русский сейм окончательно сложился как учреждение, представлявшее интересы господствующего сословия—дворянства—и сильно ограничивавшее власть господаря. Когда после Люблинской унии литовско-русский сейм слился воедино с сеймом польским, то это еще более упрочило его политическое значение. Король остался в сущности почти лишь номинальным главой Речи Посполитой, основной нерв политического строя которой составляло именно собрание выборных представителей шляхты с прибавкой светской аристократии и епископов, входивших в состав рады или, как она стала называться теперь, сената.

Изучение положения и значение сейма бросило свет на политический вес и деятельность господаря. Но влияние сейма отразилось также на положении господарского совета—рады. По своему составу рада XVI века была совершенно похожа на раду предшествующего периода. Она состояла попрежнему из важнейших «земских» и «дворных» сановников, областных правителей и католических епископов и собиралась часто не в полном составе,—чаще всего составлялась меньшая рада из епископа, воеводы и каштеляна виленских, воеводы и каштеляна троцких и старосты

---

[1]) Там же, стр. 231—232.
[2]) Там же, стр. 299.
[3]) Там же, стр. 533.
[4]) Там же, стр. 585, 586.
[5]) Там же, стр. 711, 758.

жмудского [1]). После Люблинской унии 1569 г. в составе нового польско-литовского сената, который, как и сейм, нередко собирался и особо, в Литве и Польше, произошла, впрочем, довольно крупная перемена: в сенат не вошли маршалки и врядники дворные, присутствовавшие прежде в литовско-русской раде [2]). По своему социальному составу, рада была учреждением аристократическим: в 70 и 80 годах XVI века 75% панов радных принадлежали к литовско-русской знати и только 25% были выслужившимися незнатными людьми [3]). Сначала ведомство рады отличалось в XVI в. теми же чертами, что и раньше: она занималась всеми делами, которые доходили до господаря,—законодательными, судебными, административными, делами внешней политики. Так, рада 1506 г. посоветовала Сигизмунду I заключить союз с крымским и казанским ханами и объявить войну Москве [4]); вопросы об отношениях к Крыму и о размежевании с Польшей занимали внимание рады в 1508 г. [5]); рада 1526 г. снарядила посольство к московскому великому князю [6]). Вплоть до сейма 1544 г. размеры военной повинности устанавливались радой, и постановление ее по этому поводу лишь доводились до сведения сейма [7]). Монета в течение всей первой половины XVI в. чеканилась по совету господаря с радой [8]). Наконец, рада судила по гражданским тяжбам, уголовным преступлениям и преступлениям по должности, а также по измене. Эта судебная деятельность рады подверглась некоторому регулированию уже в первой половине XVI в.: Литовский статут 1529 г. установил апелляцию к раде на суд земских врядников и ежегодный специальный «судовый сойм» рады в Вильне [9]); в 1532 г. были установлены два «судовых сойма», т.-е. две судебных сессии рады в год [10]). Позднее, как увидим скоро,

---

[1]) *Любавский*, Лит.-рус. сейм; *Лаппо*, В. княж. Литовс. 1569-1586 г., стр. 696.
[2]) Там же.
[3]) *Лаппо*, В. княж. Литовс. с 1569 по 1586 г., I, стр. 6.
[4]) *Любавский*, Лит.-рус. сейм, стр. 174.
[5]) Там же, стр. 184.
[6]) Там же, стр. 240.
[7]) Там же, стр. 292.
[8]) Там же, стр. 521.
[9]) *Максимейко*, Сеймы Лит.-рус. государства, стр. 115 и сл.
[10]) Там же, стр. 119.

высшая судебная власть была организована еще сложнее и правильнее.

Само собою разумеется, что по мере того, как росло политическое значение сейма,—влияние и вес рады должны были уменьшаться: мы видели, как постепенно ряд важных государственных вопросов, решавшихся раньше господарем и радой, переходил в ведение сейма. Рада превращалась таким образом по преимуществу в подготовительное учреждение, предварительно, до внесения в сейм, рассматривавшее разные дела и докладывавшее о них сейму и подававшее господарю советы по делам текущего управления. Но если положение рады в отношении к сейму изменилось в смысле уменьшения ее значения, то за то возросло ее значение по отношению к самому господарю: теперь в сущности господарь уже не решал и даже не рассматривал дел без рады, и хотя юридически решающий голос в раде принадлежал ему одному, но на практике он подчинялся общему мнению, «згоде» панов радных: правда, от господаря зависело, в каком составе созвать раду для решения того или иного вопроса, но в этом отношении его власть была ограничена постановлением 1573 года, по которому при короле, кроме министров, постоянно должны были находиться 4 сенатора [1]); члены рады назначались господарем, но непременно с согласия самих панов радных [2]). Надо, наконец, прибавить, что во время безкоролевья рада заменяла короля, становилась одна во главе исполнительной власти.

Чтобы закончить речь о *верховных* учреждениях в Литовско-Русском государстве XVI—XVII веков, остается рассмотреть процесс образования и организацию верховного суда, — так-называемого главного литовского трибунала. Только-что нами было сказано, что господарь унаследовал от удельного периода функции верховного судьи, и что эти функции он нередко попрежнему делил с радой, причем иногда рада действовала и одна, без господаря, особенно когда он уезжал в Польшу. С начала XVI века устанавливается обычай, по которому господарь начинает поручать комиссиям из нескольких высших сановников разбор не отдельного какого-либо дела, а целого ряда дел,

---

[1]) *Лаппо,* В. княж. Литовс. с 1569 по 1586 г., стр. 689, 698, 700

[2]) Там же, стр. 687.

подлежавших рассмотрению в течение той или иной сессии великокняжеского суда. Это уже не суд рады, которая, будучи обременена множеством других дел, нуждалась в сокращении своих судебных функций,—это суд ассесорский [1]). Он был вызван к жизни не только необходимостью облегчить раду, но и потребностью господаря освободиться от множества судебных дел, стекавшихся на его решение. Ассесорский суд решал дела или вполне самостоятельно, не сносясь с великим князем, или, в случае затруднений, докладывал о деле господарю. В последнем случае дело решалось окончательно, в первом же на решение ассесорского суда можно было жаловаться господарю [2]).

Ассесорский суд в изучаемое время не был единственной формой суда, заменявшего самого господаря и его раду. Кроме него существовало еще две формы—суд маршалковский и суд комиссарский. Маршалки получали также от господаря различные поручения по разбору гражданских и уголовных дел [3]). Комиссарским судом назывался суд, сформированный специально для одного какого-либо дела, особенно такого, которое требовало разбирательства не в столице, а где-либо в области. Особенно часто комиссарский суд применялся вместо господарского суда при поземельных тяжбах. Комиссары каждый раз назначались великим князем [4]).

Но ни суд самого господаря лично, ни суд рады, ни ассесорский, маршалковский и комиссарский суды не удовлетворяли назревшим потребностям времени: главные их недостатки заключались в слабой организации, в отсутствии постоянства и прочности и в противоречии с интересами шляхты. Господствующее сословие еще до Люблинской унии стало стремиться к судебной реформе, которая устранила бы отмеченные сейчас недостатки судоустройства, и Литовский статут 1566 года даровал стране новое местное судоустройство, основанное, как скоро увидим, главным образом на принципе представительства, на выборе судей местным дворянством.

---

[1]) *Ясинский,* Очерки по истории судоустройства в Лит.-Рус. государстве, вып. I, стр. 52, 53.
[2]) Там же, стр. 57, 58, 60.
[3]) Там же, стр. 62 и сл.
[4]) Там же, стр. 71—73.

Отсюда недолго и нетрудно было уже перейти к идее об организации на тех же началах высшего суда. В 70-х годах литовско-русская шляхта совместно с польской вырабатывает проекты подобной оранизации [1]. В эпоху безкоролевья после смерти Сигизмунда II Августа появляются временные, так-называемые каптуровые суды, решения которых апелляции не подлежали, и в то же время, в 1573 г., некоторые воеводства установили у себя еще особые общие суды последней инстанции (iudicia generalia ultimae instantiae), которые должны были, по мысли учредителей, сохранить свое значение и после выбора нового короля. И эти суды, как и суды каптуровые, состояли из выборных от шляхты [2]. На сейме 1573 года было поручено раде выработать проект организации высших судов [3]. В 1578 г., при Стефане Батории, в Польше был учрежден выборный от шляхты верховный суд— коронный трибунал, а для Волыни, Подолии и Киевской земли, отторгнутых от Литвы и западной Руси и присоединенных к Польше по акту Люблинской унии, был организован особый луцкий трибунал [4]. Наконец, на сейме 1581 года был утвержден проект главного литовского трибунала, верховного суда, члены которого вибирались на поветовых сеймиках [5]. Это было, несомненно, новой победой рядовой шляхты над господарем и радой, из рук которой была вырвана высшая судебная власть и передана в руки органа, выборного от дворянства. В то же время учреждение главного литовского трибунала удовлетворяло и требованиям техническим: им устанавливались и утверждались элементы разделения властей, и тем обеспечивалась и известная независимость суда от администрации, по крайней мере в высшей инстанции, и большая скорость отправления правосудия.

Ведомство главного литовского трибунала обнимало весь тот круг дел, который входил в ведение господарского суда. В этом отношении изучаемое время также внесло много поправок и дополнений, в значительной степени устранивших господствовавшую прежде неопределен-

---

[1]) Там же, стр. 234.
[2]) Там же, стр. 244.
[3]) Там же, стр. 245.
[4]) Там же, стр. 247.
[5]) Там же, стр. 251.

ность и неорганизованность. Важнейшие перемены сводятся к следующему. Первый Литовский статут 1529 года наметил ряд дел, подлежавших господарской юрисдикции. В области государственного права сюда относились, во-первых, разные споры о значении и смысле господарских привилеев, во-вторых, дела, касавшиеся господарских имений и доходов, в-третьих, дела о признании за кем-либо дворянства. Из уголовных преступлений подсудны были господарю, во-первых, политические преступления, как измена, возбуждение на суде дела, уже решенного господарем, уничтожение или непризнание правительственных актов, подделка грамот или печатей, самовольное устройство новых мыт и самовольное пользование господарскими землями и имуществом, во-вторых, преступления против должностных лиц при исполнении ими обязанностей, в третьих, преступления, совершенные в месте жительства или пребывания великого князя, в четвертых, преступления, на суде, особенно против судей, в пятых, преступления по должности, в шестых, преступления против военной повинности и, наконец, в седьмых, преступления, ведущие к лишению чести или позорящие человека [1]). Второй статут 1566 г. уничтожил специальную подсудность господарю панов радных и врядников, запретил обращаться к великокняжескому суду, минуя нисшие инстанции, и отметил еще преступления против веры, как специально-подсудные господарю [2]) (так, впрочем, вероятно, было и ранее, только не было формулировано в законе).

Рост государственных потребностей и усложнение правительственных задач повели к крупным переменам и в организации *центрального подчиненного управления* в Литве и западной Руси XVI и XVII в.в. Если раньше в ряде органов центрального управления численное преобладание принадлежало дворцовым великокняжеским слугам—«врядникам дворным» и вместе с тем функции и «врядников дворных» и даже общегосударственных сановников—«врядников земских»—по собственно-центральному управлению были ничтожны, не отличались ни сложностью, ни полнотою власти, то теперь «дворные врядники», вытесненные, как мы видели, из сената после унии с Польшей, становятся в тень и в делах центрального управления, и в то же время «земские врядники»

[1]) Там же, стр. 113—123.

[2]) Там же, стр. 130, 131, 136.

постепенно усваивают себе положение и значение настоящих министров. Так, напр., важные перемены наблюдаются в должности подскарбия земского. Прежде он был по преимуществу казначеем, хранителем денежных средств государя и государства,—теперь он постепенно превращается в министра финансов в настоящем смысле этого слова, действует самостоятельно, по собственной инициативе: сейм 1561 г. обязал господаря не отдавать поборов с мельниц и корчем, а также пошлин ни в чье заведывание без представления подскарбия земского; последний назначал, награждал и сменял «поборцев», т.-е. сборщиков налогов, стал заведывать отдачей в аренду господарских имений, выдавать все деньги на расходы и т. д.; в 1568 г. подскарбий земский стал заведывать монетным делом [1]).

Далее: в XVI веке к ранее существовавшей должности гетмана прибавились еще два других гетманских «вряда»—гетман лифляндский, начальник лифляндского ополчения, и гетман польный или дворный. Этот последний начальствовал наемным войском—жолнерами, находившимися при дворе господаря и на границах («в поле»). При нем был назначавшийся королем писарь польный, ведший списки жолнерам и выдававший им жалованье. Старинный гетман, называвшийся гетманом наивысшим, был не только главнокомандующим армии, но и военным министром: он руководил комплектованием армии, наблюдал через особых своих посланцев за состоянием пограничных укреплений, вербовал наемные войска, раздавал земли с целью обеспечить исполнение военной повинности, вообще ведал оборону государства [2]).

Весьма важным и любопытным нововведением является также должность инстигатора, своего рода генерал-прокурора, обязанного возбуждать обвинения и без наличности истцов в преступлениях против господаря, государства или шляхтича [3]).

Усложение государственных задач, вызванное главным образом новыми условиями хозяйственной жизни, привело

---

[1]) *Любавский,* Лит.-рус. сейм, стр. 628, 799; *Лаппо,* В. княж. Литовское с 1569 по 1586 г., I, стр. 651 и след.

[2]) *Лаппо,* В. княж. Лит., I, стр. 436—440; *Любавский,* Лит.-р. сейм, стр. 793.

[3]) *Лаппо,* В. княж. Литовс., I, стр. 395—396.

к важным переменам и в *областном управлении.* Прежде всего надо обратить внимание на то, что сказалась потребность в новом областном делении. Старые воеводства оказались слишком крупными областными единицами, и потому в 1566 г. было учреждено 5 новых воеводств [1]). Вместе с тем тогда же было произведено более правильное, чем прежде, деление воеводств на более мелкие областные единицы—поветы [2]).

Но перемены коснулись и самой организации областного управления. Во главе поветов были поставлены старосты. Староства к концу XVI века делились на два вида: староства судовые и староства несудовые. Несудовые старосты были почти совершенно равны державцам, только поветы первых были крупнее, чем округа, подведомственные вторым [3]). Староства и державы давались или в награду за службу, или в залог [4]). Сроки пожалования за службу, определялись специальными условиями привилея или листа, дававшегося господарем на староство или державу, иногда пожалование производилось на неопределенный срок—«до воли и ласки господарской»;—иногда оно было пожизненным («до живота»), бывали даже случаи пожалования не только определенному лицу, но и его сыну («до двух животов») [5]). При даче державы в залог («в заставу») кредитор казны, становившийся при этом старостой или державцей, оставался в своей должности до уплаты занятого [6]).

Староста или державца заведывал господарским хозяйством в своей области, ведал замок, т. е. укрепление раздавал лавки и огороды, собирал оброки («цинши») и наблюдал за исполнением повинностей в тех городах, которые не имели магдебургского права, заведывал волостными землями: раздавал крестьянам волоки, заботился об умножении доходов господаря и т. д. [7]). Далее: державца заведывал финансами—сбором разных прямых налогов [8]). Наконец, несудовой староста или державца ведал суд над всеми

---

[1]) *Любавский*, Лит.-рус. сейм, стр. 725, и след.
[2]) Там же.
[3]) *Лаппо*, Вел. княж. Литовск., I, стр. 266.
[4]) Там же, стр. 268.
[5]) Там же, стр. 273—274.
[6]) Там же, стр. 274.
[7]) Там же, стр. 280, 281, 282.
[8]) Там же, стр. 283—287.

не шляхтичами и теми шляхтичами, которые жили в имениях «спадковых», т.-е. перешедших к господарю в качестве выморочных. Мещане городов, пользовавшихся магдебургским правом, также были не подсудны ему [1]).

Несудовой староста или державца был прямым историческим наследником наместника державцы удельного времени: подобно последнему, первый ведал только земли, принадлежащие самому господарю, а имения частных владельцев—князей, панов и шляхты — были от него независимы, являлись совершенно самостоятельными хозяйственно-административными округами [2]). В качестве органов хозяйственно-административных несудовые старосты и державцы получали и доходы исключительно от ведения господарского хозяйства. «Устава на волоки», изданная Сигизмундом II Августом в 1557 г., следующим образом определяет эти доходы: старосте или державце, шли «плат весь» с десятой волоки, третий сноп с гумна, кроме овса и сена, торговое и померное все, десятая рыба «при спущанью ставов», штраф с рабочих, невышедших на работу,—1 грош за первый день и 1 баран за другой, записное от волоки—14 пенязей и с бочки овса по пенязю там, где поступал на господаря овес [3]). Впрочем, иногда доходы достигали и бо̀льших размеров, иногда даже все доходы целиком поступали в его пользу [4]). Державцам соответствовали лесничие, ведавшие королевские имения, где велось лесное хозяйство, и тивуны земли Жмудской [5]).

Совершенно особым, в значительной степени новым, характером отличались староства судовые, установленные и введенные в 1566 году: правда, и судовой староста сохранял значение простого старосты-державцы, т.-е. органа по преимуществу хозяйственной администрации, но на-ряду с этим в качестве видного элемента примешались к его должности чисто-государственные функции: судовые старосты ведали администрацию и суд по важнейшим уголовным делам во всем повете, а не только в господарских

---

[1]) Там же, стр. 291—293.
[2]) Там же, стр. 293.
[3]) Акты зап. России, т. III, № 19.
[4]) *Лаппо,* Вел. княж. Лит., I, стр. 284.
[5]) Там же, стр. 303—305.

землях. Судебная компетенция судовых старост распространялась на следующие дела: 1) насильственный наезд на шляхетские дома, 2) насилие в господарских городах, 3) поджог и разбой, 4) насилие над женщинами, 5) злодейство, 6) обман, 7) убийство шляхтича. К административным функциям судового старосты принадлежали: 1) опубликование господарских универсалов (грамот к населению), 2) исполнение судебных приговоров, 3) полиция—охрана спокойствия и безопасности [1]).

Воеводы—высшая областная административно-судебная власть—назначалась господарем, но в землях Жмудской, Полоцкой и Витебской выбирались местными сеймами и утверждались господарем [2]). Главное значение воеводы было военное. Но, кроме того, воевода управлял попрежнему определенным округом, как державца, и в других поветах ведал военные дела, сбор некоторых налогов, а также наблюдал за частными землевладельцами и городскими самоуправляющимися общинами, чтобы они не нарушали законов [3]). Судебная компетенция воевод определена была вторым Литовским статутом 1566 г. в тех же размерах, как и указанная выше компетенция судовых старост [4]). Воеводы получали доходы с замковых земель, из торговых пошлин и, наконец, получали и денежное жалованье из казны, что придавало им особенное значение государственных сановников. Остатком старинного кормления можно считать только получавшиеся воеводами иногда, но, впрочем, совершенно добровольные, подарки от населения [5]).

Перечисленные сейчас важнейшие органы областной администрации имели многочисленных помощников. От прошлого попрежнему оставались всякого рода ключники и тиуны, а также наместники, городничие, хорунжие, возные, детские, вижи и т. п. Но, кроме того, прибавились новые органы местного управления. Сюда относятся прежде всего каштеляны. Собственно говоря, начало должности каштеляна относятся еще к XV веку; виленское и троцкое

---

[1]) Там же, стр. 294—299.
[2]) Там же, стр. 582.
[3]) Там же, стр. 585—587.
[4]) Там же, стр. 588.
[5]) Там же, стр. 615, 616.

каштелянства были учреждены в 1413 году [1]). Но только во второй половине XVI века каштеляны появляются в других воеводствах: в 1569 году в Смоленском воеводстве и в 1566 г. во всех остальных [2]). Каштеляны были начальниками шляхетских военных ополчений повета, находившегося в ближайшем ведении воеводы [3]).

В других поветах воеводства им соответствовали поветовые маршалки. Историческим родоначальником поветовых маршалков был маршалок земли Волынской, известный еще со времен Свидригайла [4]). Другие поветовые маршалки становятся заметными только с 1566 года [5]). Поветовые маршалки назывались также господарскими маршалками, потому что в мирное время они находились при дворе, служили постоянною связью между господарем и поветами и нередко, как выше было указано, исполняли поручения по господарскому суду, пока этот последний не был реорганизован с учреждением в 1581 г. главного литовского трибунала [6]).

Кроме каштелянов, маршалков и существовавших еще раньше городничих, к военному делу в поветах имели еще отношение войские, назначавшиеся также самим господарем и охранявшие во время войны, за отсутствием каштелянов и маршалков, поветовые за̀мки [7]).

В XVI веке коренной переработке подвергнуто было областное судоустройство в Литовско-Русском государстве. Судебная реформа была произведена окончательно в 1566 г., с изданием второго Литовского статута, но некоторые ее элементы возникли ранее. Еще первый статут 1529 г. ввел в областные суды двух или одного присяжных земян, не выборных, а назначаемых областными правителями, но тем не менее важных в качестве элемента, представляющего местное население [8]). В этих присяжных можно видеть зародыш будущего земского суда. Статут 1566 г. учредил

---

[1]) Там же, стр. 624.
[2]) Там же, стр. 624.
[3]) Там же, стр. 630.
[4]) Там же, стр. 315.
[5]) Там же, стр. 315.
[6]) Там же, стр. 317, 318.
[7]) Там же, стр. 339 и сл.
[8]) *Ясинский,* Очерки по истории судоустройства в Лит.-Рус. гос., стр. 91.

три суда—замковый или гродский, земский и подкоморский. Замковый или гродский суд собирался в начале каждого месяца и состоял из главы местной администрации—воеводы, старосты или державцы—и назначенных им из местной шляхты судьи и писаря [1]). Гродский суд ведал уголовные дала [2]). Земский суд был независим от администрации, собирался три раза в год и состоял из судьи, подсудка и писаря. На каждую из этих должностей местная шляхта на поветовом сеймике выбирала по четыре кандидата из своей среды, а господарь утверждал по одному из них, причем утвержденный оставался в своей должности пожизненно [3]). Земскому суду подлежали дела гражданские, и кроме того он ведал нотариальную часть: здесь путем записи в особые книги земского суда стало производиться укрепление актов гражданского права—завещаний («тестаментов», «духовниц»), договоров купли-продажи и мены, листов заемных и «заставных» (т.-е. закладных грамот) [4]) и т. д.

Наконец, для разбора межевых дел и поземельных тяжб был учрежден суд подкоморский, давно уже существовавший в Подляшье. Во главе подкоморского суда стоял подкоморий, назначавшийся господарем из местной шляхты и исполнявший свою должность пожизненно; его помощниками и заместителями были один или два коморника. Подкоморский суд был не коллегиальным, а единоличным: судил всегда или один подкоморий или один из коморников [5]).

Остается еще указать на поветовые сеймики, их устройство и функции. Являясь историческими преемниками старых областных соймов, поветовые сеймики отличались от последних не только лучшей организацией, но и тем, что ясно отражали социальное преобладание шляхетского сословия: *областные* соймы, собиравшиеся с целой земли, с обширной области, заменились сеймиками *поветовыми*, охватывавшими своим влиянием менее обширную территориаль-

---

[1]) Там же, стр. 198.

[2]) Там же.

[3]) Там же, стр. 200; *Лаппо,* Земс. суд в вел. княж. Литовском в конце XVI в., «Ж. Мин. Нар. Пр.» за 1897 г., июнь, стр. 266.

[4]) *Лаппо,* «Жур. Мин. Нар. Пр.» за 1897 г., июнь, стр. 280—283.

[5]) *Ясинский,* Очерки по истории судостройства, стр. 200—203.

ную единицу и тем самым открывавшими полную возможность рядовой шляхте съезжаться целиком, без всяких почти исключений, и тем воздействовать на важные государственные дела и защищать во всей полноте сословные свои интересы. Притом компетенция сеймиков постепенно расширялась. Второй Литовский статут 1566 г. знал лишь два вида сеймиков,—во-первых, сеймики подсеймовые, во-вторых, судово-избирательные [1]). В ведение подсеймовых сеймиков входило обсуждение предметов занятий будущего великого вального сейма, выбор представителей шляхты на этом сейме—сеймовых послов—и составление для них инструкции [2]). Судово-избирательные сеймики выбирали членов земского поветового суда [3]). Ко времени третьего Литовского статута, изданного в 1588 году, прибавились еще два вида сеймиков,—сеймики реляционные и для выбора судей трибунальских. Последние выбирали членов в высший суд—главный литовский трибунал, а на реляционных сеймиках выслушивались отчеты сеймовых послов и принимались постановления по повету во исполнение решений великого вального сейма [4]).

Представленное на предшествующих страницах изложение вопроса о средствах управления в Литовско-Русском государстве, а затем в польско-литовской Речи Посполитой XVI и XVII веков свидетельствует прежде всего о несомненных и крупных успехах судебно-административной системы Литвы и западной Руси с точки зрения административно-технической: действия отдельных лиц, разрозненные и неорганизованые, со слабой примесью функций рудиментарных учреждений стали заменяться действиями учреждений более или менее сложившихся и по своему составу и по своей компетенции; органы хозяйственного управления отодвинулись на второй план, стушевались перед учреждениями чисто-государственными; наметилось в основных чертах отделение суда от администрации; отмежевалась до известной степени область действия верховных учреждений, совершенно-отличная от сферы деятельности учреждений подчиненных. Второй чертой организации средств управле-

---

[1]) *Лаппо,* Вел. княж. Литовс. с 1596 по 1586 г., I, стр. 523.
[2]) Там же, стр. 523.
[3]) Там же, стр. 52.ɛ
[4]) Там же, стр. 523.

ния в Литовской Руси XVI и XVII веков надо признать резко выраженное в ней преобладание рядовой шляхты, дворянского сословия, которое подавляло своим влиянием по крайней мере юридически и аристократический элемент, и господарскую, монархическую власть: в сейме, главном трибунале, в поветовых сеймиках шляхта повелительно диктовала всем органам власти свою волю и заставляла их беспрекословно себе подчиняться. Магнаты — князья и паны—могли оставаться господами положения, лишь прикармливая рядовую шляхту. В результате получилась олигархически шляхетская республика. Изучение социального строя уже познакомило нас с тем, на какой хозяйственной почве сложилось такое преобладание дворянства, и как, следовательно, явления экономической жизни через посредство социального строя воздействовали на устройство государства. Но то же экономическое влияние сказалось в политической сфере и непосредственно: развитие денежного хозяйства было немыслимо без элементарного по крайней мере обеспечения прав свободной личности шляхтича: для того, чтобы эти права не превратились в одну пустую юридическую фикцию, лишенную жизненного содержания и практического смысла, необходимо было создать такую организацию средств управления, которая в главных чертах обеспечивала бы защиту правового положения господствующего сословия; ответом на эту хозяйственную потребность и было развитие судебно-административной техники в Литовско-Русском государстве XVI и XVII веков.

Те же экономические и социальные влияния заметны и в понятиях о субъекте власти и о цели государственного союза.

Что целью государственного союза стало признаваться общее благо, а не личный интерес,—это прежде всего видно из того, что почти совершенно исчезло начало кормления в административной сфере: мы только-что убедились в том, как мало осталось в изучаемое время от этого начала,—единственным и притом уже незначительным его обломком являлся обычай подношения подарков воеводе от местного населения, причем эти подарки никак уже нельзя признать сколько-нибудь значительным, обильным источником средств содержания областной администрации:

главная часть таких средств доставлялась уже самим государством.

Вторым признаком той же тенденции к общему благу и вместе доказательством того, что не личность, а общество стало носителем, субъектом власти, надо признать сильное развитие общего законодательства. В 1529 г. был издан Литовский статут, обширный законодательный свод, чрезвычайно богатый по содержанию, стоящий в этом отношении неизмеримо выше Судебника Казимира, затрогивающий все области права. Этим дело, однако, не ограничилось. Юридические потребности общества, жившего и развивавшегося в условиях денежного хозяйства, росли чрезвычайно быстро и подлежали возможно более скорому и полному удовлетворению. И потому Литовский статут 1529 г. был лишь первым изданием нового кодекса. Очень скоро сказалась потребность в его дополнениях, исправлениях, переделках, которая и отразилась на последовавших за его изданием сеймах. Под влиянием всего этого в 1566 г. появилось второе издание Литовского статута, произведшее, как мы имели уже неоднократно возможность убедиться, целую эпоху в истории литовско-русского права, особенно права государственного. Наконец, юридическим резюме предыдущего развития Литвы и западной Руси был третий Литовский статут, появившийся в 1588 году.

Благодаря экономическим и социальным особенностям эпохи—перевесу земледелия, расчитанного на внешний вывоз, господству шляхетского землевладения, неравномерному распределению хозяйственных благ, преобладанию шляхетского сословия,—идея общего блага, как цели общественного союза, и представление об обществе в целом, как носителе власти, приобрели в Литве и западной Руси XVI и XVII веков сословную окраску, общее благо понималось не как благо *всего* народа, а как благо народа *шляхетского,* как благо одного лишь дворянства, а под обществом, как носителем власти, разумелось опять-таки не все общество, не все классы и сословия, тогда существовавшие, а только одно шляхетское сословие. Мы видели уже, как ясно отразилось это в составе и функциях главного верховного учреждения того времени—великого вального сейма. То же становится заметным и весьма

ярко выражается в финансовой системе, как она сложилась уже в XVI столетии.

Здесь заслуживает внимания прежде всего вопрос об обложении государственными податями и повинностями господарских земель. Прежде сейм, как собрание шляхетское, устанавливал размеры обложения лишь для земель, находившихся во владении самой шляхты. Это вытекало из известного всякому средневековому обществу вотчинного принципа, по которому государственные права рассматриваются как простой элемент, как составная часть права собственности на землю. На этом основании землевладелец мог быть обложен податью или повинностью лишь с его согласия. Отсюда вытекало и податное и повинностное положение господарских земель в XV веке и ранее: размер податей и повинностей, шедших с господарских имений или, точнее, с крестьян, в них живших, определялся тогда исключительно волею одного господаря; сейм мог самое большее только просить господаря об уравнении в этом отношении его крестьян с крестьянами шляхетских имений. Так продолжалось долго и в XVI веке. Но уния 1569 года уравняла господарские земли с шляхетскими имениями в отношении податей и повинностей: последние стали одинаковы по размерам и здесь и там, причем установление размеров податного обложения окончательно перешло в руки шляхетского сейма [1]).

Характерно — далее — то, что дворянство, сделавшись господином положения, постаралось создать не только для себя, но и для своих крестьян привилегированное в финансовом отношении положение, постаралось взвалить главную массу податных тягостей на земли мещан и духовенства, облегчив население собственных шляхетских имений. Так, со времен третьего Литовского статута 1588 года население шляхетских имений освобождается от замковой и сторожевой повинностей, т.-е. не чинит и не строит укреплений и не несет службы по их охране, а повинность мостовую — обязанность чинить мосты — несет лишь в пределах данного имения. Само дворянство не платило прямых податей, военную повинность определяло

---

[1]) *Довнар-Запольский,* Госуд. хозяйство; его-же, Акты Лит.-Рус. госуд., II, № XX.

собственным решением на сейме и в XVI веке приобрело значительные льготы в косвенном обложении: шляхта освободилась от таможенных пошлин при вывозе продуктов сельского хозяйства и лесоводства и избавилась от уплаты судебных пошлин при суде господаря и панов-рады [1]). Не надо забывать притом, что и те немногие сравнительно жертвы, какие приносила шляхта государству, возбуждали большое ее недовольство, обязанности свои она исполняла весьма неаккуратно и пользовалась всеми предлогами и обстоятельствами для того, чтобы приобрести лишние льготы и облегчения. Податное положение городов, напр., было чрезвычайно тяжелым сравнительно с положением шляхты: городское население, кроме общих всем сословиям податей и повинностей, обязано было еще выставлять известные военные контингенты или давать вместо них особую подать — «поконевщину», участвовать в обороне области, к которой принадлежал город, доставлять на войну провиант и ремесленников и давать принудительные государственные займы.

Характерным признаком установления понятий о шляхетской пользе как цели государства и о дворянстве как носителе верховной власти является, наконец, организация суда. Здесь характерно не только то, что суды земский, подкоморский и даже замковый или гродский состояли исключительно из дворян, и что первые два из этих судов были выборными от шляхетства, но и то, что, во-первых, развилась и прочно утвердилась вотчинная юстиция и полиция на шляхетских землях, и, во-вторых, народные, копные суды окончательно потеряли самостоятельное значение, стали простым следственным учреждением, не постановлявшим приговоров, которые всецело стали зависеть от суда замкового или гродского (в уголовных делах), от подкоморского (в межевых) и от земского (в гражданских тяжбах). Приведем несколько примеров, которые доставляют достаточно яркие иллюстрации к высказанному сейчас положению. В одном деле, начатом в копном суде, речь идет о краже коня; копа находит виновного по следу, приговаривает «оного коня платить», но дело этим не кончается: гродский суд утверждает это решение.

---

[1]) *Довнар-Запольский,* Госуд. хоз.

В другом случае ответчицу, отказавшуюся выводить след, истец зовет в гродский суд, который и приговаривает виновную к уплате убытков. В третьем случае преступник был осужден копой, и копный приговор был утвержден гродским судом. Наконец, вот четвертый пример: копа обвиняет по подозрению в убийстве одну женщину, и решенне копы опять направляется в суд гродский [1]).

Переходя к истории церкви, как учреждения, и духовенства, как общественного класса, необходимо начать издалека, вернуться к удельным или феодальным порядкам и отношениям.

В течение всего XII века западно-русская церковь имела одного митропилита с церковью восточно-русской,—именно митрополита киевского, который после нашествия Батыя переселился, как известно, во Владимир на Клязьме, а в Киеве держал своего наместника. Но в XIV веке становятся заметными первые признаки выделения особой западно-русской митрополии. Без сомнения, основной причиной этого нового явления в истории западно-русской церкви как учреждения надо признать политические перемены: киевские митрополиты, жившие на северо-востоке удельной России, все более втягивались в круг политических интересов туземных князей,—владимирских, тверских, потом московских. Западно-русские, особенно галицко-волынские князья, а затем и князья литовские выступили в политической сфере против северо-восточных собирателей Руси. Поэтому вполне естественным является их стремление приобрести для подвластных им земель и церковную самостоятельность. Первую попытку в этом направлении мы встречаем в самом начале XIV века; в 1303 г. был самостоятельный митрополит галицкий, умерший около 1305 года. Затем, в то время как киевским митрополитом был св. Петр, живший большею частью в Москве и явно склонявшийся на сторону московских князей, митрополитом литовским в 1316 или 1317 году был поставлен Феофил, кафедра которого была, впрочем, закрыта при поставлении в общерусские митрополиты Феогноста в 1328 году [2]). В 1331 г. ненадолго была открыта

---

[1]) См. Акты Виленс. Комиссии для разбора древних актов, т. XVIII; ср. *Спрогис,* «По поводу статьи Народный суд в зап. Руси», «Ж. М. Н. Пр.» за 1894 г., май.

[2]) *Голубинский,* История рус. церкви, II, I, стр. 157.

опять галицкая митрополия, но Феогносту удалось в том же году добиться ее уничтожения [1]). Впрочем, она была опять восстановлена в 1337 и 1338 году и существовала до 1348 года [2]). По смерти Феогноста в 1353 году из Москвы был послан в Константинополь для поставления на митрополию св. Алексей; но еще при жизни Феогноста Ольгерд литовский отправил туда своего кандидата—Феодорита. Константинопольский патриарх отказался поставить Феодорита, ссылаясь на то, что Феогност еще жив. Тогда Феодорит поехал к патриарху болгарскому, которым и был посвящен в литовские митрополиты и поселился в Киеве [3]). Ольгерд так желал иметь своего особого митрополита, что принял Феодорита, не обратив внимания на незаконный способ его поставления, и хотя вскоре затем Феодорит был низложен константинопольским патриархом, как незаконно поставленный, но патриарх не решился идти против воли Ольгерда и поставил в литовские митрополиты посланного литовским великим князем Романа, бывшего на митрополии с 1354 по 1361 год [4]). После этого св. Алексей снова восстановил единство всей русской церкви, но ненадолго: ревностное содействие, которое он оказывал московским великим князьям в их объединительной политике, с точки зрения литовских великих князей исключало возможность подчинения ему западно-русской церкви, и потому мы видим в качестве особого митрополита литовского в 1375 г. Киприана [5]). По смерти Алексея, Киприан ненадолго занял-было и восточно-русскую митрополичью кафедру, но затем был изгнан Дмитрием Донским и до 1389 г. оставался только митрополитом литовским [6]). Но еще в 1371 г. польский король Казимир добился поставления на общую галицкую митрополию Антония, который и оставался на ней до 1392 года [7]), так что в 70-х и 80-х годах XIV века на Руси было три независимых друг от друга митрополита.

---

[1]) Там же, стр. 157.
[2]) Там же, стр. 157.
[3]) Там же, стр. 179-182.
[4]) Там же, стр. 182.
[5]) Там же, стр. 192-193, 211.
[6]) Там же, стр. 388.
[7]) Там же, стр. 208.

В 90-х годах XIV века и в течение всей первой половины XV столетия единство митрополии всея Руси было нарушено только один раз, когда в 1432 году Свидригайло выбрал в митрополиты литовские Герасима [1]). Но с 1458 года почти совершенно без перерывов киевская митрополия, которой подчиняются Литва, западная и юго-западная Русь, остается особой, независимой от митрополии московской. Причина этого лежала в той же политической разобщенности западной и восточной Руси, а ближайшим поводом послужила деятельность митрополита св. Іоны, воспринявшего традиции св. Алексея.

Церковная администрация в западной Руси удельного времени или—что то же—епархиальное управление отличались теми же чертами, как и на северо-востоке: двор и управление епископов и митрополитов отражали на себе светское влияние, — влияние панской вотчины и государственного строя удельной эпохи. У епархиальных архиереев были свои наместники, заменявшие их во всех делах церковной администрации и суда, свои бояре, подскарбие, маршалки с компетенцией, соответствовавшей компетенции одноименных светских слуг государства и отдельных панов [2]). Средствами содержания духовенства были церковные земли, плата за требы, пошлины судебные и сборы, поступавшие епископам с духовенства, главными из которых были сборное—прямая подать с духовенства—и подъезд—платеж по содержанию епископа и его слуг при объездах епархии [3]). Если положение митрополита и епископов во многом уподоблялось положению панов и князей, то простое духовенство было бедно и ближе всего подходило по своему положению к крестьянской массе. Было много монастырей, большею частью независимых по управлению и суду от епископов. Надо, впрочем, заметить, что и положение епископов не было равно положению панов: в раде они не участвовали [4]). Влияние государства и светского общества на положение западно-русской православной церкви как учреждения и западно-русского духовенства как общественной группы не ограничивалось тем воздействием, какое

---

[1]) Там же, стр. 416—418.

[2]) *Макарий*, История русской церкви, т. IX, Спб. 1879, стр. 132—133.

[3]) Там же, стр. 133.

[4]) Там же, стр. 133—137.

оказывали светские отношения и порядки на церковный строй. Существовала, кроме того, и непосредственная зависимость церкви от светского общества. Православные паны участвовали в избрании митрополитов, следили за церковным имуществом и церковным управлением, предотвращали злоупотребления епископов и ходатайствовали перед правительством о соблюдении интересов церкви, как они их понимали. Юридическим основанием этого было право патроната светских лиц над церковными учреждениями—церквами, монастырями и епархиями [1]. Таким правом патроната пользовались не только отдельные князья и паны, но и городские общины, особенно те, которые организовались на основе магдебургского права. Осуществление права патроната над церквами в городах выпало большею частью на долю братств, древнейшими из которых были два—львовское, появившееся с 1439 года, и виленское, учрежденное в 1459 году [2]. Духовенство тяготилось этой зависимостью от светского общества и пыталось от нее освободиться. С этою целью в 1506 году при митрополите Иосифе Солтане собран был церковный собор в Вильне, важнейшие постановления которого заключаются в следующем: на церковные должности необходимо ставить людей достойных; выбор их—дело епископов и православных панов; патрон теряет право лишать священника патронируемого им прихода его должности без ведома и согласия местного епископа [3].

Рознь между православным духовенством и светским обществом на практике приводила к усилению власти литовского господаря над православной западно-русской церковью: миряне жаловались на духовенство митрополиту и великому князю; духовенство — в том числе и епископы — в делах между собою также сплошь и рядом обращались к господарю, а не митрополиту. В результате получилось то, что в XVI веке господарь захватил в свои руки замещение всех церковно-иерархических должностей, и власть митрополита стала совершенно ничтожной [4].

---

[1]) *Знаменский*, Руководство к русской церковной ист., изд. I, стр. 159.

[2]) Там же, стр. 81.

[3]) Там же, стр. 161.

[4]) Там же, стр. 160.

Таково было в главных чертах положение западно-русской церкви и духовенства в Литве, западной и юго-западной Руси в удельное время, до конца XV века. XVI и XVII столетия принесли очень много нового. Главными явлениями были распространение протестантизма (главным образом кальвинизма и социнианства), развитие католицизма и установление и утверждение церковной унии. Все эти в значительной степени новые явления имели свои причины, коренившиеся в условиях собственно религиозной жизни, связанных, конечно, с социальными отношениями и политическим строем, и сопровождались известными последствиями в сфере религиозной; и поскольку это было так, о них нам еще придется говорить в свое время. Но и протестантизм, и католицизм, и уния имели также известную непосредственную социальную и политическую подкладку и сопровождались некоторыми последствиями в сфере церковного устройства и организации духовенства как общественной группы. Этих сторон дела и необходимо коснуться сейчас.

Наименьшее внимание при этом возбуждают кальвинизм и социнианство. Рассматриваемые со стороны общественной организации, они являются протестом против аристократического строя и проповедью демократической простоты и равенства. Условия общественной и государственной жизни Литвы и западной Руси вызывали на такой протест по преимуществу нисшие слои населения, но эти слои были слишком мало подготовлены с культурной стороны к восприятию новых религиозных учений. Поэтому и распространялись эти учения только между шляхетством, добивавшимся равенства с князьями и панами, и когда это равенство было достигнуто, быстро были подавлены, отступили на второй план, сохранили за собой сравнительно слабое меньшинство. Демократическое устройство церкви таким образом так же не привилось, как не привились и не развились демократические социальные и государственные порядки.

Гораздо более приспособленным, как учреждение, к социальным и политическим условиям Литвы и западной Руси оказался католицизм. Католический епископ виленский с самого своего появления в Вильне при Ягайле в 1389 г. становится членом господарской рады. Католические еписко-

пы, кроме того, занимали более независимое положение по отношению к светским панам, чем православные: они прикрывались и защищались авторитетом папы. Присутствие в раде и самостоятельность ставили таким образом высших иерархов католической церкви на равную ногу с знатнейшими литовскими и русскими князьями и панами. Такое же видное положение приобрели и проникшие в западную и юго-западную Русь католические монашеские ордена—доминиканский и иезуитский. Не надо, наконец, забывать, что и политическая необходимость унии с Польшей в интересах самоохранения Литовско-Русского государства от опасности, грозившей с востока, была благоприятным для католицизма условием, содействовавшим его распространению. Таким образом, строй католической церкви, утвердившийся в XVI в., более соответствовал господству шляхетского сословия, и если высшая католическая иерархия напоминала князей и панов, то католические священники отражали в своем положении простую рядовую шляхту.

Связующим звеном между католическим и православным духовенством в этом отношении явилось, несомненно, униатское духовенство. Правда, униатские епископы и даже митрополит не получили доступа в сенат, но зато они стали более самостоятельны по отношению к мирянам, чем епископы православные, кроме того, сильно повысили свое материальное обеспечение, так как получили много новых земель. Все это не могло не отразиться на социальном весе униатского духовенства.

Остается указать на то, что развитие католицизма и появление унии отразилось и на положении православной церковной иерархии; эта иерархия еще более обеднела и принизилась в социальном отношении, еще более сблизилась с низшими слоями общества, стала вполне демократической, а это облегчило приобретение ею симпатий народной массы. В этом кроется одна из основных причин того значения, которое приобрело православие, православное духовенство в национально-социальной борьбе в Речи Посполитой XVII века.

В психологии общества XVI и первой половины XVII в. продолжалось преобладание эгоистических, грубо-хищнических мотивов, настроений и характеров. В царствование Батория в епископы посвящались двоеженцы и женатые, и

это никого не удивляло, почти никому не казалось странным: кииевский митрополит Онисифор был двоеженец, епископы перемышльский Михаил Копыстенский, холмский Дионисий Збируйский и пинский Леонтий Пельчинский были женаты [1]). Жили епископы так же, как паны: постоянно ссорились и дрались друг с другом и с соседями, производили насильственные и опустошительные наезды на чужие земли, сопровождавшиеся убийствами и грабежами. Луцкий епископ Кирилл Терлецкий был образованный и энергичный человек, но энергию свою он главным образом тратил на убийства, грабежи и насильственные наезды [2]).

Характерно, что на сейме 1547 г. шляхта жаловалась господарю на виленских ремесленников, которые будто бы брали за свои работы слишком большую плату; при этом дворянство требовало установления строго-определенной раз навсегда таксы за ремесленную работу [3]).

Изучая психологический склад общества в северо-восточной России удельного периода, мы имели случай отметить на-ряду с господством эгоистов образование их духовных антиподов,—этических характеров, для которых нравственный идеал и моральные побуждения стоят выше всего. При этом было указано, что первая по времени форма, в какую отливаются подобные характеры,—это форма религиозная: нравственный идеал сначала рисуется лицу, протестующему против окружающих его житейских несовершенств и недостатков, в виде идеала религиозного, первая форма, в какую облачается общественный протест,—именно форма, заимствованная из области религиозных верований, так что религиозные натуры в сущности не что иное, как первая ступень в историческом развитии этических характеров. Наконец, мы убедились тогда, что среди таких религиозно-этических натур встречаются разновидности, во многом отличные друг от друга, и что основной причиной таких отличий является классовое и сословное положение лица: припомним примеры Нила Сорского, Матвея Башкина и Феодосия Косого. Все эти общие выводы с чрезвычайной полнотой подтверждаются изучением этических характеров

---

[1]) *Знаменский,* Руководство к русской церковной истории, стр. 163.
[2]) Там же, стр. 163.
[3]) *Любавский,* Лит.-русский сейм.

в Литве и западной Руси. Именно появлением таких характеров можно объяснить успех, сразу приобретенный протестантскими религиозными учениями на западно-русской почве,—главным образом кальвинизмом и социнианством. И характерно, что кальвинистами оказались главным образом крупные паны в роде Радивилов, тогда как к социнианству, как более крайнему учению, примкнули по преимуществу мелкие и средние дворяне, а из магнатов присоединился один только Кишка [1]). Замечательно и то, что увлечение кальвинизмом и социнианством среди большинства литовско-русской знати и рядового шляхетства было поверхностным налетом, скоро прошедшим эпизодом: движение ушло в нисшие общественные слои. В дворянстве же этическое миросозерцание приобрело своеобразную окраску религиозного фанатизма на почве преданности католицизму или позднее образовавшейся унии, причем фанатизм выражался и в беспощадной вражде и борьбе с религиозными противниками, и в стремлении к мученичеству.

Наиболее характерной фигурой в этом отношении является, несомненно, знаменитый полоцкий униатский епископ Иосафат Кунцевич, причисленный римским папой к лику святых. В личной своей жизни Кунцевич был суровым монахом, аскетом, неустанно стремившимся к нравственной чистоте. Это был в то же время смелый и глубоко убежденный человек, нисколько не боявшийся смерти и не раз заявлявший, что он охотно положит душу за папу и за унию. Он чужд был, наконец, всякого корыстолюбия: жители Могилева предлагали ему 30 тысяч флоринов за то, чтобы он оставил их в православии и не принуждал к принятию унии,—он отверг это предложение, говоря, что желает спасения их души посредством принятия ими унии. В 1623 году полоцкие горожане, раздраженные его постоянною проповедью унии и преследованием православных, избили его до смерти палками и бросили труп в Двину [2]).

Смесь эгоистических и индивидуалистических черт с значительным и все усиливающимся развитием последних становится характерной для литовско-русского дворянства

---

[1]) *Архангельский,* Борьба с католичеством и умственное пробуждение южной Руси к концу XVI в., Казань, 1886, стр. 13.

[2]) *Макарий,* История рус. церкви, т. XI, стр. 304, 305; *Знаменский,* Руководство к рус. церк. истории, стр. 174.

XVI и XVII веков. Типическим представителем такой в значительной мере уже новой психологии был князь Константин Константинович Острожский. Он ценил, правда, дружбу с Курбским и покровительствовал православному просвещению, но в то же время воспитал своего сына в католицизме, увлекался сочинениями Скарги и Мотовилла, гостеприимно принимал у себя в Остроге и иезуитов и протестантов [1]) и ради своей княжеской спеси и гордости, из желания пустить пыль в глаза, заплатил одному шляхтичу за то, что он во время двух обедов стоял за княжеским стулом, 70 тысяч злотых, жертвуя в то же время на типографию всего 15 тысяч [2]). Константину Константиновичу не были также чужды и некоторые эстетические вкусы: он любил изящную и роскошную обстановку, завел у себя в доме дорогие обои, шелковые занавески и проч. [3]).

Насколько сильно был развит индивидуализм не только в среде дворянства, но и в духовенстве,—видно из трех ярких примеров, представляемых характерами православного епископа Мелетия Смотрицкого, перешедшего потом в унию, униатского митрополита Ипатия Потея и православного митрополита Петра Могилы. Смотрицкий был необыкновенно честолюбив и самолюбив: он покушался на самостоятельность виленского братства, и главным мотивом его перехода в унию было именно честолюбие, причем он с такою же горячностью и с таким же талантом стал писать в защиту унии и против православия, с какими раньше обличал униатов. Он был мягок и утончен в обращении, любил роскошные дворцы и аристократическое общество [4]).

Честолюбие же двигало главным образом и Ипатия Потея в его отношении к религиозным учениям того времени: он, будучи воспитанником Краковской иезуитский коллегии, был сначала католиком, потом перешел к кальвинизм, затем принял православие и, наконец, кончил присоеди-

---

[1]) *Харлампович,* Западно-русские православные школы XVI и нач. XVII в., Казань 1898, стр. 238; *Ярушевич,* Ревнитель православия кн. К. И. Острожский, Смоленск, 1897, стр. 217.

[2]) *Ярушевич*, Ревнитель православия, стр. 217.

[3]) Там же, стр. 224.

[4]) *Голубев* Киевск. митр. Петр Могила, I, стр. 136—146.

нением к унии, увенчавшей его честолюбивые мечты возведением его в сан униатского митрополита [1]).

Петр Могила, еще будучи архимандритом Киево-Печерской Лавры, выказал свою властность, применяя очень крутые меры по отношению к непокорным монахам. Он не щадил своих денег на украшение монастыря. Обладая тонким эстетическим вкусом, Могила много заботился о восстановлении старинных построек, — обновил Софийский собор, Выдубицкий монастырь, церкви Спаса на Берестове и Трех святителей, один из приделов Десятинного храма. Обширный и разносторонний ум Могилы направил его внимание на интересы просвещения [2]). Вообще нельзя отрицать, что в характере Петра Могилы, на-ряду с индивидуализмом, наблюдается значительная примесь этических элементов.

Рост индивидуализма в высших слоях западно-русского общества в особенности с XVI века вполне понятен: это была эпоха быстрого развития денежного хозяйства, содействующего воспитанию индивидуалистических свойств,— предприимчивости, личной энергии, жажды перемен, так как без этого невозможен дальнейший хозяйственный прогресс; кроме того, и общественное преобладание шляхты и ее господствующая роль в государственной жизни вырабатывали властные привычки и склонность рассматривать свое я как что-то особенно ценное и важное, как центр житейских отношений и порядков.

Чтобы закончить общую психологическую характеристику западно-русского общества в изучаемое время и вместе с тем лишний раз отметить усложнение духовного склада этого общества, увеличение в нем психического разнообразия, укажем на характер последнего Ягеллона Сигизмунда II Августа,—несомненно типичного эстетика по натуре, и на шляхтича 2-й половины XVI в. Евлашевского— пример переходного характера. Сигизмунд II Август был человек недюжинного ума, большого и утонченного образования, но далеко не энергичный, предпочитавший эпикурейское наслаждение жизнью кипучей общественной работе. Он вовсе не был религиозен: проповеди Скарги лишь эсте-

---

[1]) *Макарий,* История рус. церкви, т. X, стр. 412, 413.

[2]) *Голубев,* Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники, т. I, Киев 1883, стр. 333, 319, 413 и сл.; *Знаменский,* Руков. к рус. церк. истории, стр. 178.

тически занимали его, но не заставляли преследовать ни православных, ни протестантов. К протестантизму он питал даже некоторую слабость. Сигизмунд-Август сильно подчинялся влиянию своей матери, королевы Боны, но не унаследовал от нее хозяйственных наклонностей: его эстетической натуре была чужда хозяйственная расчетливость и, любя роскошь и красоту, он оставил после себя очень много долгов. Наконец, утонченный эстетизм последнего Ягеллона сказался и в том, что он был великий любитель женщин, свидетельством чего, кроме многого другого, может служить известный его роман с Варварой Радивил.

У Евлашевского, оставившего любопытные записки, живо характеризующие их автора, были еще значительные остатки старины,—того душевного состояния, когда человек всего боится, живет в атмосфере постоянного, неизбывного страха: Евлашевский искренно верил в чары, пророческие сны и видения. Будучи религиозным человеком, Евлашевский, однако, уже не удовлетворялся традицией, искал нового, и его религиозная мысль естественно направилась в сторону одного из передовых религиозных течений—кальвинизма. Характерна вместе с тем проникающая Евлашевского веротерпимость—верный признак религиозно-этического характера. Моральные побуждения и этические эмоции вообще играли видную роль в духовной природе Евлашевского: он горюет о смерти сына, убитого его личными врагами, оплакивает смерть матери и брата, заботится об отце и сестрах, честно и добросовестно служит Ходкевичам, Радивилу, Острожскому, горячо любит родину. Наконец, в нем сильно развита любознательность, жажда знания и новых впечатлений: он научился русской грамоте и еврейскому языку, мечтал о заграничном путешествии и расширении своего образования [1]).

Описанное на предыдущих страницах усложнение психической организации западно-русского общества на-ряду с непосредственными влияниями реальной среды отразилось во всех сферах духовной культуры и прежде всего в области *религии.*

Подобно тому как в хозяйстве, общественных отношениях, государственном строе совершились в XVI и XVII веках

---

[1]) *Лаппо* Вел. княж. Литовс. с 1569 по 1586 г., I, стр. 512—515.

существенные и важные изменения, — много нового наблюдается в это время и в религиозных верованиях. Нет сомнения при этом, что перемены в реальных условиях и в религии были не только параллельными явлениями, но и находились в причинной связи между собою. Общая тенденция реальных изменений нам известна: она сводилась к преобладанию начал свободы, хотя и поставленной в сословные рамки, ограниченной пределами господствующего сословия. Освободительные тенденции захватывали, однако, не одну знать и не только шляхту или рядовое дворянство, но и мещан и даже отчасти крестьян, среди которых религиозный протест принимал особенно яркую социальную окраску. Это искание новой истины не находило себе благоприятной почвы, не получало удовлетворения на родине, образовательные средства которой были слишком скудны. Вот почему масса литовско-русской дворянской молодежи первой половины XVI века, особенно 30-х годов этого столетия, устремилась в поисках за лучшим образованием за границу,—в Виттенберг, Лейпциг, Женеву, Кенигсберг [1]). Здесь она нашла не только большой запас знаний, но и готовые средства для удовлетворения своей духовной жажды, системы протестантских учений, как нельзя более и лучше соответствовавшие своим характером и направлением основной тенденции, глубоким потребностям людей нового душевного склада, искавших свободы религиозного мышления. Помогли новому религиозному течению и выходцы из заграницы: из Польши, откуда пришло социнианство, и из восточной Руси, давшей литовско-русским искателям религиозной новизны единомышленников в лице известных уже нам Матвея Башкина, Феодосия Косого и троицкого игумена Артемия, скоро, впрочем, вернувшегося к православию. В результате получилось очень сильное распространение протестантизма во всех его видах и необычайный рост сектантства.

Из протестантских вероучений в Литве и западной Руси XVI века наименьшим успехом пользовалось лютеранство — наиболее умеренное из них. Правда, некоторые литовско-русские князья и паны превращали кое-где католические и православные храмы в лютеранские, но в основе

[1]) *Харлампович*, Западно-рус. правосл. школа, стр. 144.

подобных мер лежало не столько изменение верований, сколько желание секуляризовать церковные имущества, возвратить себе земли, находившиеся в руках церкви: лютеранство отрицало земельную собственность за церковью. Гораздо важнее и крупнее был успех более крайнего протестантского учения—кальвинизма. В короткое время его приняло большинство знатнейших дворянских фамилий,—кальвинистами стали Радзивилы, Ходкевичи, Глебовичи, Сапеги, Вишневецкие, Пацы, Воловичи и т. д.[1]). Значительный успех имели также социниане, иначе унитарии или антитринитарии, развившие протестантский рационализм до конца, учившие, что в священном писании нужно руководиться только тем, что согласно с разумом, и отвергавшие на этом основании все таинственное, мистическое, напр., догмат о св. Троице, божественность Иисуса Христа, искупительное значение его смерти, таинства и обряды [2]). Из крупных магнатов принял социнианское вероучение Ян Кишка. Большим успехом оно пользовалось в средних и низших слоях общества [3]). Наконец, сильно распространились и другие протестантские секты, учения которых своеобразно комбинировались с местными задатками религиозного протеста, с поисками нового религиозного мировоззрения, вытекавшими из неудовлетворенности старой традицией. До какой степени распространено было новое религиозное движение в XVI в. и как сильно оно разветвилось, видно из того, что в Новгородском воеводстве в 1596 году из 600 дворянских семейств не перешло в протестантизм только 16, а в Вильне около того же времени насчитывалось до 72 разных религиозных сект [4]).

В виду тесной связи истории народного образования в западной Руси с религиозными течениями следует здесь отметить, что протестантским школам принадлежала в XVI веке важная роль первых серьезных рассадников образования, давших сильный толчек просветительному движению.

---

[1]) Там же стр. 146.

[2]) Там же стр. 146.

[3]) *Архангельский*, Борьба с католичеством и умств. пробуждение южной Руси, стр. 13.

[4]) Там же стр. 14.

Протестанты всех оттенков ставили одной из своих главных задач распространение образования и притом не только в высших классах общества, но и среди всего народа, с целью поднять его умственный и нравственный уровень. Будучи демократическими по составу учащихся, протестантские школы вместе с тем имели и демократически устроенную администрацию: школами управляли протестантские общины, заботившиеся о материальной стороне дела и ведавшие также часть учебную,—напр., приглашавшие учителей. Программа преподавания отличалась большой широтой, охватывая св. писание, катехизис, грамматику, литературу, польский язык, арифметику, историю, древние языки, иногда даже правоведение. Первая протестантская, именно лютеранская, школа была основана в Вильне в 1539 г. Авраамом Кульвой [1]). Она скоро была закрыта правительством, но в 1550 г. Винглер основал в Вильне другую лютеранскую школу [2]). С 1550 года заводятся даже женские училища [3]).

Радивилы открыли в Вильне кальвинистскую школу, по образцу которой скоро было образовано много других училищ [4]). Почти все 150 социнианских общин, считавшиеся в пределах Литовской Руси, имели свои школы [5]). Однако, надо заметить, что как самый протестантизм сыграл в Литве и западной Руси роль лишь возбудителя религиозной мысли, роль преходящую и временную, так и протестантское школьное образование не утвердилось прочно, а только вызвало к жизни школы других вероисповеданий. В 40-х годах XVII в. значение протестантизма заметно уменьшается, и параллельно этому закрываются протестантские школы [5]). Причины всего этого ясны: религиозная свобода, проповедывавшаяся протестантизмом, выходила далеко из пределов сословных групп, образование было истинно-народным, демократическим, а общественный и политический строй Литовский Руси отличался как раз сословностью и преобладанием дворянства над народными массами. Таким образом протестантизм пробивался и прививался лишь в

---

1) *Харлампович,* Западно-рус. правосл. школы, стр. 152.
2) Там же, стр. 152.
3) Там же, стр. 154, 159.
4) Там же, стр. 162.
5) Там же, стр. 158, 166.

той мере, в какой он соответствовал миросозерцанию незначительного меньшинства, ставившего на первый план моральные задачи, иначе—людей этического склада.

Широкое и чрезвычайно быстрое распространение протестантских вероучений произвело сильное впечатление на католическое духовенство и на правительство, привыкшее видеть с конца XIV в. в католицизме одну из основ необходимой с его точки зрения политической унии с Польшей. Началось возрождение католицизма, переработка наивных, двоеверных религиозных понятий в высшие и более совершенные, стало развиваться и расширяться и католическое школьное образование. В этом отношении прежде всего обращает на себя внимание развитие старых, уже прежде существовавших школ. Так, напр., с 1523 года, с учреждения должности схоластика или попечителя Виленской католической школы, начинается ее процветание [1]). Но успехи католицизма и повышение уровня религиозных представлений и католического просвещения в особенности связаны с деятельностью ордена иезуитов. В 1570 г. основана была иезуитская коллегия в Вильне, в 1608 г. в Львове [2]). Стефан Баторий и Сигизмунд III усердно содействовали распространению иезуитских учебных заведений в Литве и западной Руси. Еще раньше, в 1566 г., Сигизмунд II Август содействовал учреждению в Вильне при церкви св. Яна училища гражданского права, где читались права римское, саксонское, магдебургское и литовско-русское [3]). В 1579 г. эта школа также была передана иезуитам, и Виленская иезуитская коллегия преобразовалась таким образом в высшее учебное заведение, в академию, при которой, впрочем, состояла и средняя школа. В академии считалось 10—12 профессоров и до 600—800 студентов в конце XVI и первой половине XVII в. [4]).

Для того, чтобы понять значение иезуитских школ для религиозной жизни литовско-русского общества того времени,—главным образом дворянства и отчасти мещанства, потому что лишь лица из этих сословий получали образование в этих школах,—необходимо познакомиться в

---

[1]) Там же, стр. 8.
[2]) Там же, стр. 10, 13.
[3]) Там же, стр. 36, 41.
[4]) Там же, стр. 50—52.

главных чертах с организацией в них учебного и воспитательного дела. Рассматривая внимательно учебный план Виленской иезуитской академии, более широкий, чем учебные планы других учебных заведений, основанных иезуитами, мы прежде всего видим, что точные науки находились там в жалком положении: не говоря уже о естествознании, слабо поставлена была математика, и даже арифметика сначала преподавалась только в философском классе. Лишь в 1614 г. она была введена в средние классы и при всем том преподавалась там плохо. Основой умственного развития были древние языки, философия, схоластическое богословие в духе Фомы Аквинского, каноническое право и еврейский язык [1]). Не трудно отметить всю недостаточность этой основы и узость круга приобретаемых знаний, однообразие и однотонность их. К этому надо еще прибавить, что задачи умственного развития понимались также не широко: требовалась и осуществлялась не полнота миросоззрения, не широта кругозора,—стремились только к развитию памяти и диалектических способностей, для чего применялись и соответствующие дидактические приемы, состоявшие в экзаменах и диспутах [2]). Наконец, умственное развитие и образование—известная сумма знаний, навыков и способностей—рассматривались не как цель сама по себе, а как средство для развития религиозности в католическом духе: даже богословская теория отступала на второй план перед практическим благочестием, перед исполнением церковных обрядов и практикой религиозных подвигов, причем то и другое иезуиты весьма успешно старались поставить так, чтобы не было одного только внешнего, формального исполнения религиозных обязанностей, а существовало религиозное увлечение, экстаз, вдохновение, искреннее и глубокое чувство. Вот почему эмоциональная сторона преобладала в системе иезуитского воспитания перед рациональной, чувство развивалось преимущественно перед разумом. Ректор коллегии, ее префект (заведывавший учебной частью) и учителя практиковали постоянные церковные службы, процессии и церемонии, поражавшие воображение и волновавшие душу воспитанников, импровизиро-

---

[1]) Там же, стр. 90—93.
[2]) Там же, стр. 95, 103, 111.

вали блестящие проповеди, часто применяли исповедь, производившуюся сначала раз в неделю, потом не менее раза в месяц, составляли братства из учеников, ставившие себе целью развитие набожности, пост и т. д. [1]). Для полноты воспитательного воздействия иезуиты предпочитали предметной системе классную: в каждом классе один преподаватель преподавал все предметы и подчинял своих воспитанников исключительно одному только *своему* воздействию, без примеси влияний других учителей [2]).

Лучшим признаком успеха католицизма, как религиозного верования, служит быстрый рост католического образования: тогда как раньше, в 50-х и 60-х годах XVI века, в виленской епархии до 500 католических церквей перешли к протестантам, а в Жмуди оставалось лишь 6 католических священников и лишь $^{1}/_{1000}$ часть населения сохранила верность католицизму,—в конце XVI и начале XVII века масса православных и протестантов вступают в лоно католической церкви, паны Сапега, Тышкевич, Гейдройц и др. дают иезуитским коллегиям обширные земельные владения, даже дети поборников православия, князей Андрея Курбского и Константина Константиновича Острожского, делаются ревностными католиками, к 1620 году количество учащихся в иезуитских учебных заведениях доходит до 10 тысяч человек, к ним надо присоединить еще виленскую и троцкую семинарии, основанные согласно постановления Тридентского собора, и основанную Яном Замойским в конце XVI в. академию в Замостье, превратившуюся затем в настоящий университет с факультетами богословским, юридическим, медицинским и философским [3]). Впрочем, Замостская академия, будучи светским по характеру своему учебным заведением, не подходила к унаследованному от прошлого общему складу и направлению мысли современного ей общества и потому пользовалась небольшим успехом, подавляемая конкурренцией иезуитских школ: в ней редко было более 100 слушателей [4]).

Успехи католического вероучения, очищенного и исправленного в XVI веке, отбросившего тогда большую часть

---

[1]) Там же, стр. 96, 102.
[2]) Там же, стр. 101.
[3]) Там же, стр. 120, 121, 112.
[4]) Там же, стр. 126—129, 137.

старинных обломков и всякой средневековой ветоши, совершенно понятны: если пробудившиеся в литовско-русском дворянстве освободительные социально-политические тенденции заставляли его сначала примыкать к новому, свежему, свободному вероисповеданию,—протестантизму, дававшему этим освободительным тенденциям идеологическую основу и религиозную санкцию, то ведь не надо забывать, что свободолюбие шляхты надо понимать с весьма существенной оговоркой, вскрывающей его истинный смысл: шляхта желала свободы только для себя, она добивалась лишь собственных сословных привилегий; а так как протестантизм, в особенности кальвинизм и протестантское сектантство отличались демократическим характером, то и естественно, что, послужив временным орудием в общественно-политической борьбе, протестантское вероучение во всех его различных разветвлениях скоро потеряло свой кредит среди массы литовского дворянства, увлечение протестантизмом оказалось лишь мимолетным эпизодом в истории религиозной мысли, питаемой социальными воздействиями, и скоро сменилось торжеством католицизма, освящавшего сословные привилегии и сближавшего литовско-русскую шляхту с польской и Литовско-Русское государство с королевством Польским.

Несомненно, те же политические, социальные и чисто-религиозные влияния отразились и на судьбах литовско-русского православия, в котором тогда примесь языческих верований и двоеверие играли видную роль. Православие долго преграждало юридически доступ к высшим должностям и затрудняло политическое влияние православной шляхты на практике, наконец, разобщало литовско-русскую православную дворянскую массу с католическими собратьями и с польскими соседями. Совокупность всех этих влияний ясно выразилась в процессе происхождения и утверждения церковной унии, почему для нас и является теперь насущной необходимостью познакомиться с этим процессом.

Причины церковной унии были таким образом чрезвычайно серьезны, очень глубоки и совершенно неустранимы. В теснейшей связи с ними находятся и ближайшие поводы, вызвавшие начало унии. Этими поводами были стремление западно-русских епископов освободится от подчинения константинопольскому патриарху, желание их приобрести

равенство с католическими епископами и, наконец, недовольство вмешательством мирян в церковные дела, выражавшееся в деятельности не только отдельных панов, получавших права патроната над церквами, но и в деятельности церковных братств. Конкретные обстоятельства, сопровождавшие образование церковной унии и ее развитие, были таковы: права львовского церковного братства были чрезвычайно сильно расширены в 1586 г. антиохийским патриархом Иоакимом и в 1588 г. константинопольским патриархом Иеремией [1]); такое расширение прав братства причинило большой нравственный и материальный ущерб местному епископу Гедеону Болобану, чем и было вызвано большое недовольство Болобана восточными патриархами [2]). В то же время патриарх Иеремия поставил митрополитом Михаила Рагозу, рекомендованного ему не духовенством, а одними лишь мирянами, чем еще более усиливалось недовольство епископов [3]). Этого мало: Иеремия не успел привлечь на свою сторону и нового митрополита киевского: не доверяя Рагозе, он снабдил особыми полномочиями луцкого епископа Кирилла Терлецкого, дав ему право надзора и суда над епископами в южной Руси с титулом патриаршего экзарха. Раздражив митрополита, Иеремия не удовлетворил, наконец, и Терлецкого, добивавшегося не экзархата, а прямо митрополичьей кафедры [4]). Общее недовольство объединило всех, даже соперников, какими были Рагоза и Терлецкий. В 1591 г. епископы луцкий Кирилл Терлецкий, львовский Гедеон Болобан, холмский Дионисий Збируйский и пинский Леонтий Пельчинский подали королю особую просьбу о необходимости установить церковную унию; к ним затем последовательно примкнули владимирский епископ Ипатий Потей, скоро сделавшийся вместе с Терлецким главным деятелем унии, и сам митрополит киевский Михаил Рагоза. В 1595 г. в Львове у Гедеона Болобана был даже созван собор об учреждении унии [5]). Правда, окружное послание против унии, изданное князем К. К. Острожским, заставило некоторых поколебаться, и

---

[1]) *Знаменский*. Руководство рус. церк. истории, стр. 165.
[2]) Там же, стр. 165.
[3]) Там же, стр. 166.
[4]) Там же, стр. 166.
[5]) Там же, стр. 167.

Гедеон Болобан, а также перемышльский епископ Михаил Копыстенский объявили себя верными православию, но это не помешало Терлецкому и Потею осенью 1595 года отправиться в Рим и признать там католический догмат об исхождении Св. Духа от Отца и Сына (а не только от Отца, как учит православная церковь), индульгенции, чистилище и церковное главенство папы, причем церковные обряды, национальный богослужебный язык и славянский перевод св. писания были оставлены за униатами. В конце 1596 года в Бресте был открыт церковный собор в присутствии экзарха александрийского патриарха Кирилла Лукариса и с участием светских панов и шляхты. Униаты открыли заседание в городском соборе, но православным местный епископ Ипатий Потей не дал ни одной церкви, и они собрались в одном частном доме. Обе стороны, как и следовало ожидать, приняли прямо-противоположные решения: униаты приняли унию и предали проклятию православных, православные сделали то же по отношению к униатам и отвергли унию [1]).

Затем начались гонения на православных,—аресты и изгнания православных священников, преследования братств и т. д. Князь К. К. Острожский в 1599 г. созвал в Вильне съезд православных и протестантских панов, которые постановили защищать свободу своих вероисповеданий [2]). Борьба усилилась еще больше, когда Михаила Рагозу на митрополичьей кафедре сменили сначала Ипатий Потей, а потом Иосиф Рутский. При Рутском образовался монашеский униатский орден,—базилианский. В конце-концов после 1612 года, со смертью других епископов, у православных остался только один иерарх—епископ львовский Иеремия Тиссаровский [3]). В 20-х годах XVII века борьба достигла крайнего обострения: в это время иерусалимский патриарх посвятил в православные митрополиты Иова Борецкого и поставил 6 православных епископов—в Полоцк, Владимир, Луцк, Перемышль, Холм и Пинск; однако, король не принял этой вновь поставленной иерархии, и она должна была оставаться в Киеве под защитой казаков [4]); к 1623 г.

[1]) Там же, стр. 168.
[2]) Там же, стр. 169.
[3]) Там же, стр. 171, 172, 173
[4]) Там же, стр. 173.

относится известное уже нам убийство полочанами католического полоцкого епископа Иосафата Кунцевича, повлекшее за собой новые чрезвычайно жестокие репрессии.

Поворотным пунктом к успокоению послужила смерть Сигизмунда III в 1632 году. Сейм, созванный для выборов нового короля, разрешил религиозный вопрос в примирительном духе: православным разрешено было иметь, особого киевского митрополита и четырех епископов—в Львове, Луцке, Перемышле и Мстиславе,—затем им дана была свобода вероисповедания, и утверждены права церковных православных братств, школ и типографий, а также возвращены несколько монастырей и церквей. Киевским митрополитом был выбран Петр Могила [1]).

Религиозная борьба, шумная и сложная, не могла пройти бесследно для религиозного сознания: следы его угубления наблюдаются в особенности в церковной литературе того времени, о которой у нас еще пойдет речь ниже. В то же время обеим борющимся сторонам пришлось позаботиться о выработке и усовершенствовании орудия борьбы—образования. Начало русским униатским школам положено было задолго до брестской унии: еще в 1577 г. папа Григорий XIII учредил в Риме греческую афанасиевскую коллегию, специальным назначением которой была подготовка деятелей церковной унии России с Римом; в этой коллегии преподавались древние языки, диалектика, философия, риторика, катехизис и богословие [2]), в 1582 г. известный иезуит Антоний Поссевин содействовал открытию католической семинарии для русских в Вильне, совершенно подобной римской афанасиевской коллегии [3]). Затем Ипатий Потей открыл униатскую школу во Владимире в 1598 г. и духовную семинарию в Вильне при Троицком монастыре в 1601 г. [4]). В начале XVII в. появляются униатские школы в Новгороде и Минске, а затем большое влияние на распространение униатского школьного образования приобретает базилианский орден. Во многих униатских школах преподаванием занимались иезуиты [5]).

---

[1]) Там же, стр. 176, 177.
[2]) *Харлампович*, Зап.-рус. правосл. школы, стр. 480, 483.
[3]) Там же, стр. 486—489.
[4]) Там же, стр. 494, 495.
[5]) Там же, стр. 501, 505, 516.

Униатские школы по учебным планам и программам, равно как и по методу преподавания, по его целям и по приемам воспитательного воздействия на учащихся, во всем походили на школы иезуитские. Это сильно вооружило унию в борьбе с православием и, на-ряду с ростом католической пропаганды, заставило православных высказаться прямо и определенно за перемену в школьном деле и за осуществление этой перемены в действительности. Но до последней четверти XVI века и количество православных школ увеличивалось довольно медленно, и качественный их уровень повышался не быстро. Правда, встречаются указания на монастырские школы и на школы в Турове, Владимире-Волынском, Красноставе и т. д., но все это были школы узко-церковные, в которых учителями были пономари и дьячки, обучение велось по богослужебным книгам, и вся программа исчерпывалась знакомством с азбукой, часословом, псалтырем и уменьем писать [1]).

Первая православная школа в новом западно-европейском смысле этого слова была основана во второй половине 70-х годов XVI века князем К. К. Острожским: это была знаменитая Острожская школа,—среднее учебное заведение, устроенное по греческим образцам и руководившееся сначала греческими учителями [2]). В 1602 г. Острожский основал другую школу,—при монастыре в Дермани. Он намеревался также преобразовать Острожскую школу в академию, но ему помешала смерть, а в 1624 г. Острожская школа была закрыта, и вместо нее основана иезуитская коллегия [3]).

Тот же греко-славянский характер, какой отличал Острожскую школу, приобрели и братские училища, росшие и умножавшиеся при городских церковных братствах в конце XVI и начале XVII вв. с необыкновенной быстротой. В 1586 году устроило школу львовское братство, вскоре за ним последовали братства рогатинское, городенское, галицкое, красноставское, перемышльское, сатановское, могилевское, брестское, минское, бельское, люблинское, саноцкое, замостское, киевское, луцкое, винницкое, немировское, пин-

---

[1]) Там же, стр. 192—203.
[2]) Там же, стр. 237, 244.
[3]) Там же, стр. 259—261.

ское, кременецкое и т. д. [1]). Греко-славянская наука осложнилась в XVII веке примесью латинской, введено было изучение польской литературы и т. д. [2]). В Киеве при Петре Могиле, в бытность его архимандритом Киево-Печерской Лавры, появилась особая лаврская школа [3]). Наконец, в 1632 г., став митрополитом киевским, Могила преобразовал киевскую школу в коллегию, где преподавались языки греческий, латинский и славянский, богословие и философия, и велись диспуты на латинском языке [4]). Это высшее учебное заведение сделалось, как известно, чрезвычайно важным рассадником образования в западной Руси и оказало впоследствии влияние также и на Русь восточную.

Тесная связь просвещения в изучаемое время с религиозным движением заставляет нас, наконец, указать сейчас на основные факты из истории книгопечатания в западной Руси. Первой западно-русской типографией, печатавшей славянские книги, была виленская, упоминаемая в 1525 году и позднее [5]). Но затем дело это заглохло до тех пор, пока его не возобновили бежавшие в 1565 г. из Москвы книгопечатники Иван Федоров и Петр Мстиславец, напечатавшие у Ходкевича в Заблудове в 1568—69 г. учительное Евангелие [6]). Потом Мстиславец работал в Вильне, а Федоров в Львове. В 1576 г. Федоров был вызван Острожским в Острог и здесь в новой типографии напечатал всю библию [7]). Затем здесь стали издаваться и богослужебные книги и переводные с греческого богословские сочинения. Так созданы были внешние условия, необходимые для распространения книжного просвещения и тем содействовавшие развитию литературы.

Прежде чем перейти к изображению литературной эволюции, мы должны остановить свое внимание на основных явлениях в *истории западно-русского искусства.*

Правда, изучение этой стороны исторической эволюции Литвы, западной и юго-западной Руси представляет очень

---

[1]) Там же, стр. 280, 281.
[2]) Там же, стр. 360.
[3]) Там же, стр. 358—359.
[4]) *Знаменский,* Руководство к рус. церк. истории, стр. 179, 180.
[5]) *Харлампович,* Зап.-рус. правосл. школы, стр. 239.
[6]) Там же, стр. 239.
[7]) Там же, стр. 240.

большое затруднение вследствие крайней неразработанности вопроса, но некоторые наиболее важные выводы все-таки можно сделать без особенного затруднения. Усложнение реальных условий общественной жизни, как мы видели, приводило к большей психологической определенности общества, к созданию высших, более сложных психических организаций, в составе которых эстетический элемент достиг уже значительного развития. Если первобытный эгоист—менее всего эстетик, если чувство красоты почти совершенно ему чуждо, то индивидуалист уже ощущает потребность в прекрасном, стремится к нему, и хотя, может быть, и не обладает творческим художественным даром, но все-таки понимает красоту. Не в меньшей степени свойственны эстетические влечения и религиозно-этическим характерам, потому что поэтический элемент не чужд религиозному чувству. Сказывались, наконец, и художественные традиции католического европейского Запада.

Все перечисленные сейчас влияния отразились в области архитектуры заимствованием и переработкой образцов романского, готического и византийского стилей. Правда, романский и византийский элементы постепенно осложнялись чуждыми примесями и искажались нередко до неузнаваемости; примером извращения византийского стиля являются Киево-Софийский собор и Выдубицкий монастырь в Киеве, возобновленные и устроенные в XVII веке Петром Могилой [1]): общий безвкусный, беспорядочный, неуклюжий характер этих сооружений является следствием именно смеси различных художественных наслоений, многосложности и разнообразия эстетических явлений, в которых архитекторы того времени разбирались с большим еще трудом. С течением времени, однако, все сильнее сказывалось влияние средневековой готики и итальянского ренессанса. «Палацы» многих западно-русских князей и панов построены были в стиле эпохи Возрождения. Католические церкви носили большею частью готический облик. Наконец, готический стиль отразился и на православных храмах и на частных зданиях: до сих пор на многих домах в городах Западного края попадаются несомненные детали готических архитектурных мотивов [2]), а одним из обычных типов церковных

---

[1]) *Знаменский,* Руков. к рус. церк. истории, стр. 178.
[2]) Ср. наблюдения Рериха.

сооружений является храм с двумя башнями-колокольнями над передней частью здания.

Наличность тех же широких и глубоких западных влияний на-ряду со своеобразной их переработкой наблюдается и в другой отрасли искусства—в живописи. Тут дело не только и даже не столько в заимствовании внешних приемов, в изяществе формы, в технике, сколько в самых мотивах художественного творчества, в сюжетах и смысле живописных изображений. Типично в этом отношении развитие южно-русской иконописи XVII века, в которой отразилось и западное влияние, и его переработка. Любопытна здесь икона под названием «Плоды страданий Христовых». Уже в самом названии иконы и в некоторых подробностях трактовки ее сюжета заметна католическая идея о распределении между верующими плодов страданий Христовых за деньги в виде индульгенций. Тут выражается также мысль о победе Спасителя путем Его крестной смерти над диаволом: концы креста, на котором распят Иисус Христос, расцвели, из цветка выходит рука, отпирающая ключем двери рая; расцвело также и подножие креста, причем здесь изображена рука, выходящая из цветка и угрожающая аду. Образцом для этой иконы послужила католическая религиозная живопись, богатая подобными символическими изображениями. Есть, напр., парижская икона XV века на подобную же тему. Но стоит сравнить эту последнюю икону с западно-русской, и мы без труда убедимся в наличности оригинальных подробностей, в несомненном собственном творчестве западно-русских художников, в изобретательности их: так, на парижской иконе церковь изображена в виде женщины, а на западно-русской в виде православного пятиглавого храма [1]). Подобные же влияния и оригинальные переработки наблюдаются в западно-русской иконе «Коронование Богоматери», в которой ясно выразилось средневековое поклонение Мадонне [2]).

Черты, столь характерные для развития западно-русского искусства, отличают и литературу, в частности литературу изящную, беллетристику: и здесь чувствовалось иностранное влияние, постепенно все более усиливавшееся, но сопро-

---

[1]) *Нарбеков,* Южно-русское религиозное искусство XVII—XVIII в.

[2]) Там же.

вождавшееся также при этом оригинальной творческой работой над художественным материалом, доставлявшимся более культурными народами европейского Запада. Унаследовав от киевского периода все те беллетристические произведения, которые уже в XII веке привлекали внимание древне-русских читателей, любивших занимательное чтение, западная и юго-западная Русь не могла удовлетвориться этой стариной, слишком примитивной и мало интересной, даже если обращать внимание на одни только фабулы повествовательных произведений. Первоначально именно с особенной остротой ощущалась потребность в фантастических, запутанных, преисполненных приключений и неожиданностей сюжетах, но очень скоро дело осложнилось еще примесью стремления к нравственному поучению. Из этих двух источников и вышел тот повышенный интерес к западно-европейским рыцарским романам, который мы наблюдаем в изучаемое время на западе России. Хорошо известно, что именно отсюда проникли позднее на московский северовосток такие произведения, как «Бова» и «Тристан», первые редакции которых помещены в одном Белорусском сборнике XVI века [1]). Эти рыцарские романы были переведены на западно-русский язык с сербского, а в Сербию они попали из Италии. Западно-русская литература XVI в. через посредство Польши обогатилась также и другими сочинениями, впоследствии перекочевавшими в Московское государство: сюда относятся «Повесть об Атыле короле угорском»—легендарная история Аттилы, а также громадные сборники повестей, известные под названием «Римские Деяния» (Gesta Romanorum) и «Великое Зерцало» (Speculum exemplorum), «Повесть о семи мудрецах», «История о Мелюзине» и т. д. [2]).

Историческая литература западной и юго-западной Руси, начавшись в удельное время таким замечательным историко-литературным памятником, как галицко-волынская летопись, не заглохла и позднее. Она нашла себе представителей в таких произведениях, как летопись Быховца, литовская или западно-русская летопись, «Хроника з летописцев стародавних» Феодосия Сафоновича и «Синопсис» Иннокентия Гизеля. Сюда можно бы прибавить еще не-

---

[1]) *Пыпин,* История русской литературы

[2]) Там же.

колько сочинений по истории церковной унии, о которых нам придется еще говорить, но они имеют значение не столько историческое, сколько церковно-полемическое.

Летопись Быховца представляет собою собрание разных литовских народных преданий, составленное около половины XVI в. довольно неумело и неискусно. Достоверность большей части этих преданий подвергается большому и вполне основательному сомнению, хотя исследователи находят все-таки возможным извлекать из летописи Быховца некоторые выводы, касающиеся древнего быта литовцев и т. д.

Гораздо более важное значение имеет литовская или западно-русская летопись, дошедшая до нас в нескольких рукописях, из которых особенного внимания заслуживают две,—рукопись Авраамки и Супрасльский список. Авраамка—духовное лицо, списавшее летопись по желанию смоленского епископа Иосифа в 1495 г., составленная им рукопись—это древнейший список западно-русской летописи. Супрасльский список писан в 1520 г. по приказанию князя Одынцевича и издан проф. Даниловичем под названием «Русская летопись». По некоторым признакам, исследователи заключают, что начало составления этой летописи относится к концу XIV века или началу XV-го. Это вполне достоверный и живой рассказ о западно-русской истории, хотя и уступающий во многом галицко-волынской летописи как в отношении художественно-литературном, так и в смысле исторического построения [1]).

«Хроника» Сафоновича и «Синопсис» Гизеля являются в сущности уже произведениями, выходящими из хронологических пределов, поставленных нашему изучению,—оба сочинения относятся к семидесятым годам XVII века,—но они являются несомненным отголоском предшествующей их появлению в свете эпохи. Политические и религиозные бури второй половины XVI и первой половины XVII в. вызвали элементарно-патриотическое, выражаясь точнее шовинистское настроение, одушевляющее в особенности «Синопсис», долгое время служивший учебной книгой русской истории и в восточной России. При всей грубости и элементарности общего построения важно то, что оно имелось

---

[1]) *Тихомиров,* О западно-русских летописях.

уже налицо, почему исторический материал располагался в известной перспективе [1]).

Нам остается представить в заключение характеристику западно-русской научной и богословской (вообще церковной) литературы. И та и другая находились в тесной связи и большом взаимодействии и отразили на себе то психологическое развитие западно-русского общества, которое, как то было показано выше, обнаружилось в изучаемую эпоху под воздействием реальных условий западно-русской общественной жизни.

Нам уже известны некоторые важные факты в этом отношении, имевшие место в конце удельного периода. В библиотеках западно-русских дворян XVI века встречаются в значительном количестве не только религиозные сочинения, но и научно-литературные, в особенности латинские: между ними видим сочинения Цезаря, Цицерона, Гомера, труды по философии, медицине и естествознанию.

Еще в XV веке заметно на западе России особенное отношение к св. писанию: усердные читатели его, число которых постепенно все более увеличивалось, старались выставлять на полях церковно-славянских рукописей объяснения некоторых непонятных старо-славянских выражений, а переписчики вводили, кроме того, множество русских слов в библейский текст. Это, несомненно, указывает на стремление отнестись сознательно к читаемому, осмыслить его. Одушевляемый такими именно мыслями, странствующий типограф Василий Тяпинский издал в начале XVI в. Евангелие в русском переводе. Дальнейший и очень важный шаг в этом направлении сделан был в первой половине XVI века одним из замечательных деятелей в истории западно-русского просвещения доктором Франциском Скориной.

Скорина был русский, родился в Полоцке и, что очень характерно, принадлежал к богатой купеческой фамилии. Он учился в Пражском университете в Чехии и там же начал свою замечательную и плодотворную издательскую деятельность, особенно развернувшуюся, впрочем, с 1525 года, когда Скорина поселился в Вильне. При поддержке со стороны виленского бурмистра Якова Бабича ученый, любознательнный и одушевленный просветительными стремле-

---

[1]) *Пыпин*, История русской литературы.

ниями, доктор Пражского университета развил здесь оживленную типографскую, издательскую и переводную работу. Скорина поставил себе целью дать полный перевод Библии на русский язык с надлежащими объяснениями и достиг своей цели. Задачи, преследовавшиеся Скориной, выходили из чисто-религиозного круга: он имел в виду не только известное религиозно-нравственное поучение — спасение души и исправление нравов,—но и стремился к популяризации научных знаний, «к научению простых людей русского языка», как он сам выражался [1]).

Понятно, что на этой почве развилась довольно сильно и ученая и в особенности церковная литература, ставившая на первый план сознательное отношение к религиозным вопросам. Существовали целые ученые кружки у Николая Радивила Черного в Вильне, Бресте, Несвиже, у Яна Костки и у князя Курбского [2]). На основе такой учености развивалась литература ораторская, лексикологическая, грамматическая, биографическая и даже стихотворная. Для доказательства этого достаточно указать на такие, напр., явления, как «Хронология» Андрея Рымши, его стихи и составленная им же биография Христофора Радивила [3]). Словарь и стихотворения Памвы Берынды (нач. XVII в.) [4]). Первая печатная славянская грамматика, изданная виленским церковным братством [5]), речи Кирилла Транквиллиона Ставровецкого и Сильвестра Коссова [6]) и т. д. Мы не упоминаем здесь о множестве переводных ученых сочинений, наводнивших западно-русскую литературу второй половины XVI и особенно XVII века.

Ученая закваска, интерес к отвлеченным вопросам, к теории отразились и в церковной литературе и выразились здесь сильнее и лучше всего в росте догматического богословия, в усиленной разработке вопросов христианской метафизики. Большой толчек в этом направлении дан был возбуждением вопроса о церковной унии, нашедшего себе

---

[1]) *Владимиров*, Доктор Франциск Скорина.

[2]) *Харлампович*, Западно-русские православные школы XVI и начала XVII в., стр. 245.

[3]) Там же, стр. 275.

[4]) Там же, стр. 310.

[5]) Там же, стр. 316.

[6]) Там же, стр. 385 и сл., 406.

освещение с католической точки зрения в известном сочинении иезуита Петра Скарги «О единстве церкви», где не только указывалось на мирской дух, грубость и невежество православного западно-русского духовенства и на вред для церкви от вмешательства мирян в церковные дела, но и обсуждались многие догматические вопросы [1]). Против этого сочинения были изданы две книги: одна, составленная Христофором Филалетом Бронским под названием «Апокризис», отличилась несомненным протестантским характером, другая—«Книга о единой истинной вере» вышедшего из Острожской школы священника Василия—написана в духе православия [2]). Брестская уния вызвала новое антиуниатское произведение—«Эктезис» [3]), а в 1605 г. вышло православное историческое сочинение о происхождении унии под названием «Перестрога» (т.-е. предостережение) [4]).

Полемика православных с униатами достигла особенного развития в XVII столетии: сюда относятся такие сочинения, как Мелетия Смотрицкого «Фринос, т.-е. плач церкви восточной» и «Оправдание невинности» — оба в духе православия и его же униатские произведения «Апология», «Расправа между Апологией и Антидотом» и «Увещание к русскому народу» [5]); в ответ на униатское сочинение Льва Кревзы «Оборона унии» Захария Копыстенский написал книгу, обстоятельно рассматривающую и опровергающую униатское учение,—под заглавием «Палинодия» [6]); Андрей Мужиловский отвечал на «Апологию» Смотрицкого в сочинении «Антидот» [7]); наконец, Петр Могила написал «Λίθος или Камень на сокрушение лжи» Кассиана Саковича, который в своем сочинении «Ἐπανόρθωσις—албо перспектива заблуждений дезунитской церкви» обвинял православных в склонности к протестантизму и порче церковных обрядов и уличал православное духовенство в невежестве [8]).

---

[1]) *Знаменский*, Руководство к рус. церков. истории, изд. 5-е, стр. 162.

[2]) *Харлампович*, Зап.-рус. правосл. школы, стр. 292, 273; *Знаменский*, стр. 165.

[3]) *Знаменский*, Руководство к рус. церк. истории, стр. 170.

[4]) Там же, стр. 170.

[5]) Там же, стр. 172, 173, 176.

[6]) Там же, стр. 173.

[7]) Там же, стр. 176.

[8]) Там же, стр. 180.

Догматическая полемика велась православными также и против протестантов и католиков. В этом отношении особенно замечательны произведения конца XVI века— «Списание противлюторов» Иоанна Вышенского, направленный против католиков «Ключ царства небесного» Герасима Смотрицкого и сочинения Стефана Зизания «Книжица на римский костел» и «Казание св. Кирилла Иерусалимского об антихристе» [1]).

Интерес к религиозной метафизике, обостренный полемикой с униатами, лютеранами и католиками, вызванный практическими потребностями времени, развивался и помимо непосредственных полемических задач путем построения самостоятельных догматических систем. Это в особенности становится заметным в XVII столетии. В 1600 году виленское церковное братство издало «Катехизис», представляющий собою не что иное, как часть курса по догматическому богословию [2]). Такое же значение имел далее «Катехизис» Лаврентия Зизания [3]). Однако, первым цельным догматическим трактатом надо признать только сочинение Кирилла Транквиллиона Ставровецкого «Зерцало богословия», за которым последовали труды Сильвестра Коссова «О седьми тайнах» (учение о таинствах), Феодосия Сафоновича «О церкви ея тайнах» и Исаии Трофимовича «Православное исповедание веры» [4]).

Наконец, необходимо указать и на то, что XVII век в истории западно-русской церковной литературы ознаменован был и развитием церковной проповеди. Особенно выдающееся положение здесь занимают «Учительное Евангелие» (собрание проповедей) Кирилла Транквиллиона Ставровецкого и проповеди Леонтия Карповича [5]). Риторический элемент, навеянный схоластической теорией, был очень развит в этих проповедях, но нельзя отрицать и их реальное влияние на современное образованное общество, для которого самая изысканность формы была привлекательна и тем втягивала его в круг моральных вопросов, затрогивавшихся проповедниками.

---

1) *Харлампович,* Зап.-рус. правосл. школы, стр 231, 263, 377.
2) Там же, стр. 324.
3) *Знаменский,* Руководство к рус. церк. ист., стр 179.
4) Там же, стр. 179.
5) Там же, стр. 179; *Харлампович,* стр. 399.

Мы видим, таким образом, как все стороны духовной культуры отразили на себе непосредственное влияние психической организации общества, сложившейся в свою очередь под воздействием экономических, социальных и политических факторов, и как эти элементы реальной жизни—в особенности классовая группировка общества—часто прямо вторгались в сферу духовных отношений и связей и придавали им своеобразную окраску.

Польша с начала XIV до половины XVII века.

Характер внешней торговли Польши в особенности с XV века существенно изменился: с захватом турками Балканского полуострова ослабела, даже совсем почти погибла, транзитная торговля востока с западом через Польшу, и в то же время польское скотоводство и земледелие стало приобретать западно-европейские рынки,—скот стал вывозиться на запад, крупным пунктом по экспорту хлеба стал Данциг [1]).

Конечно, развивалась и внутренняя торговля, делало успехи денежное, товарное хозяйство. Это виднее всего из того, что натуральные сборы и повинности стали заменяться денежными податями. Сюда относятся лановая подать в 2 гроша с лана, введенная в 1564 г. вместо поставки городами подвод натурой подводная подать с горожан, постойная подать, сменившая натуральную стадию, кварта, которая была установлена сеймом 1562 года в размере $1/5$ дохода с королевских имений, находившихся в руках держателей из знати, циза (акциз), чоповое (питейный сбор), наконец, черезвычайные сборы с крестьянских ланов (по 12—30 грошей с лана) и шос с городов [2]).

Характерно, однако, что рост денежного хозяйства рано стал задерживаться и замедляться. Он сильнее всего сказался в земледелии, но уже здесь не создался класс хлебных торговцев-экспортеров, шляхта сама вела вывозную хлеб-

---

[1]) *Кутшеба,* Очерк истории общественно-госуд. строя Польши стр. 81.

[2]) Там же, стр. 125, 126.

ную торговлю [1]). С другой стороны, заинтересованная в получении товаров иностранной индустрии, шляхта приобрела право беспошлинной их выписки и ввоза для себя из заграницы [2]), почему в XVI в. в Польшу проникла масса иностранных изделий [3]). Так как, кроме того, и цехи в их торговой и ремесленной деятельности подверглись под влиянием шляхты сильным ограничениям со стороны государственной власти, таксировавшей цены на продукты, ими вырабатывавшиеся [4]), то внутренняя торговля и обрабатывающая промышленность стали застывать, коченеть на достигнутом уровне [5]), прекратили или весьма сильно ограничили и замедлили свой последовательный ход вперед. В результате везде, кроме отчасти лишь крупного сельского хозяйства, работавшего на внешний рынок, на вывоз, в хозяйстве Польши XV—XVII веков наблюдается застой.

Но это исключение—приспособление сельского хозяйства к обширному внешнему рынку—привело к важным изменениям в формах и землевладения и хозяйства. Заинтересованная в приобретении, сохранении и расширении своих земельных владений, шляхта, в особенности же знать, позаботились о том, чтобы по возможности пресечь расширение церковного землевладения: в 1510 г. было запрещено завещать земли церковным учреждениям [6]). В XVI и XVII веках магнаты были экономически усилены колонизацией принадлежавших им обширных земель в южной Руси [7]). С другой стороны, увеличиваются под влиянием денежного хозяйства размеры оброка (чинша) [8]), а с конца XV в. распространяется всюду барщина, сначала обыкновенно еще небольшая—в один день в неделю, но в XVI в. нередко она возвышается до двух и даже до трех дней [9]), т.-е. становится уже тяжелой.

С формально-юридической точки зрения, по закону, все дворянское сословие, вся шляхта представляла собою равно-

---

[1]) Там же, стр. 81.
[2]) Там же, стр. 80.
[3]) Там же, стр. 82.
[4]) Там же, стр. 79, 81.
[5]) Там же, стр. 79, 81.
[6]) Там же, стр. 64.
[7]) *Балабан и Тромпчинский,* История Польши, стр. 85.
[8]) *Кутшеба*, Очерк истории общ.-госуд. строя Польши, стр. 74.
[9]) Там же, стр. 70, 75.

правную внутри себя сословную группу, господствовавшую в обществе. Ряд привилегий конца XIV и в течение всего XV века—в особенности такие, как Кошицкая 1374 года, Нешавская 1454 г., конституции 1493 и 1496 годов—расширили права шляхты очень сильно и формально их закрепили. Право выбирать короля, вотировать налоги, свобода от пошлин, исключительное право владеть землей—вот главные приобретения дворянства в это время [1]). В XVI в. закрепляется еще более важное право—на крепостных крестьян. По конституциям сеймов 1496, 1501, 1503, 1510 и 1511 годов крестьянин и его дети, кроме определенных редких случаев, лишались права перехода без резрешения господина. В 1496 и 1538 годах был облегчен иск о беглых хлопах. В Мазовии в 1563, 1565, 1577 годах установлено, чтобы те землевладельцы, к которым переселился крестьянин (кметь), ручались, что он расчитался с прежним господином [2]).

В результате оказалось, что крестьяне были заслонены от государства их господами и потеряли свое самоуправление. В 1496 и 1501 годах был запрещен вызов крестьян на гродский суд, а в 1518 г. Сигизмунд I отказался принимать жалобы крестьян на их господ [3]). Крестьянские солтыссства к концу XVI в. исчезают везде, кроме королевских имений: права солтыса переходят к землевладельцу, который оказывается единственным судьей над крестьянами [4]).

Принижается и городское сословие, падает и городское самоуправление. Все реже и реже городской совет, состоящий всегда из купцов, выбирается старым советом, чаще члены совета просто назначаются старостой или владельцем города. Советы выбирают, однако, все же председателя-бурмистра, ведают администрацию, суд и финансы и выбирают из числа ремесленников лавников. Единственным сколько-нибудь демократическим оазисом в этой уже бюрократической пустыне является представительство всего населения в 20—40 чел.. наполовину из купцов, наполовину из ремесленников, для контроля за финансовой деятельностью

---

[1]) Там же, стр. 60—62.
[2]) Там же, стр. 72.
[3]) Там же, стр. 72, 73.
[4]) Там же, стр. 73, 74.

совета [1]). Сильная борьба идет у горожан с евреями, привилегии которых и корпоративная организация подтверждаются в XV и XVI веках [2]).

Общее впечатление от устройства польского общества в XV—XVII веках сводится таким образом к господству дворянства, к полному падению феодализма. Но положение представляется таким лишь до тех пор, пока мы смотрим на него сквозь призму юридической формы, закона. И даже в этом отношении необходимо сделать оговорку: голота из шляхты не имеет права неприкосновенности личности без суда [3]). Еще важнее, однако, фактическое отклонение от буквы закона, наблюдавшееся во взаимоотношениях знати и рядовой шляхты: большинство рядовой шляхты, обремененное долгами князьям и панам, фактически подчинялось им, служило их интересам [4]). Вот почему Польша так и застыла надолго—до конца XVIII в.—в положении страны с упадочным феодализмом, несмотря на усилия таких королей, как Ягайло, Казимир Ягеллон, в особенности Стефан Баторий, стремившихся усилить королевскую власть [5]) и создать самодержавную дворянскую монархию. Магнаты были сильны уже при Александре, Сигизмунде I, Сигизмунде II Августе, в особенности же при Сигизмунде III, Владиславе IV и Яне-Казимире [6]). Поэтому хотя еще Владислав Локетек и Казимир Великий уничтожали уделы [7]), а Сигизмунд I истребил последние их остатки [8]), власть феодальной аристократии в центре не была сведена к нулю, напротив, была весьма значительна—отчасти по закону, в сенате, отчасти фактически—в сеймах и сеймиках.

Сенат выделился в особое учреждение окончательно при Сигизмунде I [9]), хотя еще Казимир Ягеллон в половине XV в. обязался по всем делам советоваться с четырьмя специально избранными для того панами—радой [10]). Сенат формаль-

---

[1]) Там же, стр. 77, 78.
[2]) Там же, стр. 83, 84.
[3]) Там же, стр. 63.
[4]) Там же, стр. 135; *Балабан и Тромпчинский*, Ист. Польши. стр. 86.
[5]) *Балабан и Тромпчинский,* История Польши, стр. 51, 55, 71, 75.
[6]) Там же, стр. 56, 58, 62, 77, 85, 94.
[7]) *Кутшеба*, Очерк истории общ.-гос. строя Польши, стр. 41.
[8]) *Балабан и Тромпчинский,* История Польши, стр. 60.
[9]) *Кутшеба,* Очерк истории общ.-госуд. строя Польши, стр 110.
[10]) *Балабан и Тромпчинский,* История Польши стр. 53.

но являлся совещательным учреждением [1]), но на деле его значение в законодательстве и управлении, начиная особенно с мельницкой привилегии Александра, было велико [2]). Со времен Сигизмунда I точно определился состав сената: туда входили епископы, воеводы, кашлетяны и министры,— именно маршалок (конюший и дворецкий), канцлер, подканцлер и коронный подскарбий (гетманы и подскарбий дворный не участвовали в сенате) [3]). Число сенаторов в XV в. было от 73-х до 87-ми, а в 1569 г., с присоединением литовской рады, дошло до 140 [4]).

Еще в XV веке шляхта добилась участия в местных судебных вечах, из которых потом образовались в областях сеймики с участием магнатов и рядового дворянства; сеймики скоро приобрели и финансовые права: с половины XV в. без их решения и утверждения сейма нельзя стало устанавливать новые подати [5]). Сеймики приобрели огромное значение особенно потому, что давали своим послам— представителям на сейме—наказы или инструкции [6]), императивные обязательные мандаты, от которых послы отступать не могли.

На сеймиках покоилась организация общего сейма, главным образом его посольской избы, кроме которой была еще сенаторская палата. Впервые посольская изба сейма оказывается вполне сложившейся в 1493 г. [7]). С 1505 г. исчезают из сейма представители городов, и только Краков был представлен на сейме 1551 г. без права решающего голоса, которое получено было его представителями с 1562 года [8]).

Посольская изба получила решающий голос в делах законодательства по Нешавскому статуту 1454 года, который утвердил законодательные права сеймиков [9]). Конституция 1505 г. только подтвердила это и признала также за сенаторской избой решающий голос в делах законода-

---

[1]) *Кутшеба,* Очерк ист. общ.-гос. строя Польши, стр. 99.
[2]) *Бальцер,* К истории общ.-госуд. строя Польши, стр. 172, 174.
[3]) *Кутшеба,* стр. 110.
[4]) Там же, стр. 111.
[5]) Там же, стр. 112.
[6]) Там же, стр. 155.
[7]) Там же, стр. 113.
[8]) *Бальцер,* К истории общ.-госуд. строя Польши, стр. 100, 162, 164.
[9]) Там же, стр. 99.

тельства [1]). Впоследствии сейм поглотил ряд королевских прав,—стал распоряжаться королевскими имениями, устанавливать таможенные сборы, чеканку монеты, управлять казной, организовывать администрацию, т.-е. назначать должностных лиц [2]).

В центральном и местном управлении, соответственно падению законченных, вполне развитых феодальных порядков и отношений, слабеет значение хозяйственных органов и придворных должностей, и выдвигаются на первый план должностные лица уже с государственными функциями. Таковы были маршалок, чинивший и уголовный суд в месте, где пребывал король, а не только уже заведывавший королевскими двором и конюшней; коронные канцлер и подканцлер—начальники канцелярии, ведавшие и военные дела и дела внутреннего управления; коронный подскарбий—казначей и министр финансов; с 1410 года гетманы—предводители войск во время походов сначала и назначавшиеся только на военное время; в конце царствования Казимира Ягеллона появилась постоянная должность великого гетмана, а с 1539 г. ему был дан помощник—гетман польный [3]).

Органами местного управления—административными и военными—были воеводы в воеводствах, старосты и каштеляны в поветах [4]). Их должности были пожизненны [5]): признак того, что феодальные учреждения так и застыли в состоянии упадка, не успели переродиться в сложившиеся вполне государственные учреждения.

Сложнее был организован суд. Нисшая инстанция нам уже известна из истории Литвы: то были суды гродский, земский и подкоморский, из которых первый ведал уголовные дела и состоял из лиц, назначенных администрацией под главенством старост, второй ведал гражданские дела и нотариальную часть и был выборным от шляхты, независимым от администрации, третий разбирал межевые дела, причем подкоморий получал назначение от короля, принадлежал к местной шляхте и нес свою должность пожиз-

---

[1]) Там же, стр. 99.
[2]) Там же, стр. 180, 181.
[3]) *Кутшеба,* Очерк общ.-гос. строя Польши, стр. 104—107.
[4]) Там же, стр. 100, 101.
[5]) Там же, стр. 108.

ненно [1]). Высшей инстанцией был королевский суд, который в то же время являлся судом первой инстанции для дел по государственным и дожностным преступлениям; но на деле прочного порядка судебных инстанций не установилось: в королевский суд, минуя первую инстанцию, часто обращались по всем делам [2]). С XVI века выше королевского суда стал сеймовый суд. Но сейм не мог справиться с массою судебных дел, и потому в 1518 г. был учрежден особый коронный трибунал [3]), соответствовавший по значению и составу главному литовскому трибуналу. Для не шляхтичей были, конечно, особые суды: для горожан они были организованы по магдебургскому праву, а крестьян судили владельцы и ими поставленные органы сельской администрации [4]).

В общем и целом таким образом ясно, какой переходный от феодального к дворянскому характер усвоил себе государственный строй Польши. Причина этого заключается в том, что попытка в начале XVII века разрешить вопрос о товарно-хозяйственном объединении всей восточно-европейской равнины в пользу Речи Посполитой путем подчинения ей и Московского государства кончилась неудачей: экономическое развитие Польши и Литвы, сначала быстрое, потом застопорилось, не дало надлежащего размаха, не вскормило сколько-нибудь значительной индустрии, обрабатывающей промышленности, а западно-русские и южно-русские области чем позднее, тем более тяготели экономически к Московской Руси. Поэтому Речи Посполитой не удалось стать экономическим и политическим гегемоном в восточной Европе, и ее политический организм начал, как в свое время увидим, распадаться именно с половины XVII века,—с того хронологического предела, которым мы кончаем изложение данного периода истории Польши.

Соответственно ходу и характеру развития польской материальной культуры за два века, протекшие с половины XV до половины XVII столетия, и духовная культура Польши и психология верхов польского общества отразили

---

1) Там же, стр. 117—119.
2) Там же, стр. 121.
3) Там же, стр. 121, 121.
4) Там же, стр. 123.

в себе столкновение двух настроений и двух складов душевной жизни—старого феодального и нового дворянского, причем сразу же наметился, а под конец и восторжествовал компромисс между обоими столкнувшимися течениями духовной культуры с сильным притом уклоном в сторону застывшего, окаменевшего в своем упадочном состоянии, феодализма.

Старая феодальная польская знать, магнаты, паны оставались верны прежнему духу элементарного хищничества долгое время: еще в 70-х и 80 годах XVI в. король Стефан Баторий вынужден был казнить магнатов, напр., Зборовского, за разбои и своеволия [1]).

Но среди дворянства и горожан уже в XV в. зародились новые течения: стали распространяться гуманизм, лютеранство, кальвинизм, отчасти даже такие сектантские учения, как антитринитаризм в его различных разветвлениях. Антитринитариане были объединены в одно учение и в одну общину появившимся в Польше в 1579 г. Социном, создавшим таким образом социнианство, во всем близкое к кальвинизму, кроме отрицания св. Троицы и искупления [2]). Социнианство захватило отчасти и шляхту, в единичных случаях в Литве даже магнатов, но в общем и целом эта разновидность антитринитаризма и анабаптизма говорила громко сердцу и уму по преимуществу городской демократии и отчасти крестьянства.

За то гуманизм и связанная с ним дворянская монархически-самодержавная идеология имели первых своих представителей в Польше уже во второй половине XV века: таковы были Ян Остророг, политический теоретик и реформатор, горячий сторонник сильной монархической власти, польский гуманист Григорий из Санок [3]). Продолжателями их, далеко опередившими своих предшественников, явились в XVI веке гуманист Николай Рей, кальвинист по религиозным взглядам, даровитый сатирик, автор романа «Житие честного человека» и трактата «О реформе рес-

---

[1]) *Балабан и Тромпчинский,* История Польши, стр. 73.

[2]) *Любович,* Реформация в Польше; *Грунский,* К научной разработке рус. литературы XVI в., «Жур. Мин. Нар. Просв.» за 1908 г., янв., стр. 156—158.

[3]) *Балабан и Тромпчинский,* стр. 55; *Пыпин и Спасович,* История славянских литератур.

публики» [1]), и поэт Ян Кохановский, талантливый подражатель Петрарке и Ариосто [2]). В науке Польша XVI века дала такого гения, как Николай Коперник, разрушивший господствовавшее раньше геоцентрическое мировоззрение [3]). Во времена Сигизмунда II Августа жил и писал Модржеевский, защитник демократии и крестьянства [4]).

Но этот новый дух, эти освободительные, индивидуалистические, демократические стремления возобладали в Польше только на время. И даже такие европейски образованные люди, как Стефан Баторий, его канцлер Замойский и король Владислав IV не могли противиться отступлению назад, к феодальной старине, католической реакции, возглавляемой иезуитами. Дорога в направлении к компромиссу, более близкому к прошлому, к старине, чем к новому, вновь слагавшемуся было одно время, проложена была еще, впрочем, в XV веке. Ярким примером такого приспособления новых культурных приобретений к интересам господ положения и традициям прошлого являлся историк времен Казимира Ягеллона (второй половины XV в.) Длугош, краковский каноник. Несомненно, образованность была не чужда Длугошу. Но ее половинчатость, незаконченность сильно повредила ему как историку. Создав у него потребность в критическом отношении к материалу и в установлении причинной связи явлений, она заставила его переделывать старые летописные тексты, и в то же время Длугош сохранил и средневековый взгляд на историю как процесс, руководимый перстом Провидения, и веру в чудеса, и астрологические предрассудки [5]).

Тому же процессу приспособления нового к старому много содействовали основание в 1578 г. при Батории иезуитской академии в Вильне [6]), реакционно-католическая политика Сигизмунда III [7]) и такие писатели, как Станислав Оржеховский, сначала лютеранин, а потом ревностный ка-

---

[1]) *Балабан и Тромпчинский,* стр. 68; *Пыпин и Спасович,* Ист. слав. лит.

[2]) Там же.

[3]) *Prowe,* Nicolaus Copernicus.

[4]) *Балабан и Тромпчинский,* История Польши, стр. 68.

[5]) Там же, стр. 55; *Пыпин и Спасович,* История славянских литератур.

[6]) *Балабан и Тромпчинский,* История Польши, стр. 74.

[7]) Там же, стр. 77.

толик и иезуит, Петр Скарга, талантливый проповедник, известный нам уже из истории Литвы. Круг замкнулся и в области духовной, как и материальной, культуры: Польша к половине XVII века окоченела в состоянии пошатнувшегося, но не исчезнувшего, в своих основах феодализма.

IV.

Попытки византийского возрождения в XII веке.

Речь Посполитая являет собою, как мы сейчас видели, образец страны, оказавшейся бессильной выбиться из пут феодализма, хотя и значительно ослабевших, но все еще крепких, державших ее до последней четверти XVIII века. Естественен переход от нее к другой культуре, тоже упадочной, также пытавшейся разбить феодальные цепи и опять-таки бесплодно: речь идет о Византийской империи XII века.

Мы видели [1]), что в X и XI веках Византийская империя разбилась на замкнутые экономические области, каждая из которых обслуживалась собственным небольшим рынком. Этому соответствовал захват почти всей внешней торговли Византии иностранцами, особенно венецианцами, генуэзцами и пизанцами, продолжавшийся и в XII веке [2]). В это время одни венецианцы посещали империю и жили в ней в количестве до 20-ти тысяч человек постоянно [3]), а всех бывавших там западно-европейских торговцев числилось до 60 тысяч [4]). Конечно, привилегии, которые получались западно-европейскими купцами в начале XII века от императоров Алексея и Иоанна Комнинов [5]), были признаком того же торгового преобладания запада. Но характерно, что уже Иоанна Комнина венецианцам пришлось принуждать к возобновлению торгового договора силою оружия [6]): явный признак, что местная, византийская хозяйственная жизнь

---

[1]) См. том II.
[2]) *Schaube*, Handelsgeschichte der Romanischen Völker des Mittelmeergebiets, стр. 236.
[3]) Там же, стр. 237.
[4]) Там же, стр 247.
[5]) Там же, стр. 223.
[6]) Там же, стр. 223.

уже начинала тяготиться иностранной опекой и высвобождаться из под нее. Еще важнее то, что генуэзцы долго не могли договориться с Мануилом Комнином, и когда, наконец, в 1155 году договор был заключен, то по его условиям генуэзцы поставлены были в положение, вполне равное пизанцам [1]): очевидно, местная торговля настолько окрепла, что нашла силы столкнуть между собою двух западных конкуррентов. И, действительно, византийский вывоз в XII в. сильно расширяется: вывозятся в большом количестве хлеб, вино, оливковое масло, ткани, дерево, предметы искусства и пр. [2]). Несомненно, крестовые походы оказали на Византию оживляющее коммерческое влияние. Все это дело венчалось и соответствующим концом: национальная партия, возведшая на престол Андроника Комнина, изгнала иностранцев из их квартала у Золотого Рога [3]).

Уже эти данные свидетельствуют о попытке экономического возрождения Византийской империи в XII веке. Правда, она, повидимому, скоро потерпела неудачу: уже Андроник скоро вернул венецианцев, через 10 лет вернулись и пизанцы с генуэзцами [4]), а потом, как известно, в начале XIII в. утвердилась на 70 лет Латинская империя, и Византия окончательно покатилась по наклонной плоскости под пяту османских султанов, но это указывает именно только на неудачу, нисколько не опровергая наличности самой попытки.

Порывы выбиться из под хозяйственной опеки не остались без отзвука в политической области. Здесь в особенности важна политическая тенденция династии Комнинов. Уже Алексей I был «приверженцем идеи военной реорганизации» [5]), т.-е. хотел приобрести для императорской власти прочную собственную опору в лице рядового дворянства, независимость от феодалов. Правда, это не могло помешать дальнейшему распространению и развитию византийского феода — пронии, но у преемников Алексея I — Иоанна, Мануила I, Алексея II — дворянские симпатии и

---

[1]) Там же, стр. 229.
[2]) Там же, стр. 245—246.
[3]) *Schaube*, Handelsgeschichte, стр. 247.
[4]) Там же, стр. 248, 249.
[5]) *Диль*, Византийские портреты, I, стр. 355.

соответствующий им националистический уклон политики обнаружились еще яснее, а Андроник был возведен на престол прямо духовенством, дворянством и буржуазией и сделал последнюю, героическую, но так же, как и в экономической сфере, неудачную попытку разбить феодальные цепи. Эта попытка, как известно, и погубила династию Комнинов и дала власть Ангелам [1]) чисто феодальным императорам, составлявшим переходное звено к Латинской империи.

Типична для всех указанных попыток возрождения и личность Алексея Комнина. В ней в процессе сложения наблюдается психология уже не феодала с его элементарным эгоизмом, а дворянина с индивидуалистическими стремлениями, интеллектуальными запросами, причем, конечно, и старое хищничество. эгоизм сохраняются так же: этим соединением двух несогласных элементов психической жизни и отличается дворянство. Алексей был храбр, любил военное дело, был охотник, наездник, ловок в интриге, самолюбив, умен, образован, умел говорить, обладал сильной волей, был спокоен и уравновешен; очень любил семью; хитростью и изменой, подкупом одерживал победы и на войне; борясь за власть, искусно лавировал между правительством и претендентами, терпеливо и тонко стремился к своей цели и достиг ее [2]).

Признаки возрождения нашли себе яркое проявление также в литературе и искусстве XII-го и отчасти последующих веков, когда Византия уже неудержимо клонилась к упадку. В исторической литературе XII века особенно выдаются труды Никифора Вриенния, Анны Комниной, Иоанна Киннама. Вриенний был красив, образован, близок ко двору и династии: он был женат на Анне Комниной и имел звание кесаря, был доверенным лицом императора Алексея, удачно сражался и участвовал в делах внутреннего управления. Его история—династическая, изображающая деятельность дома Комнинов, фоном которой были другие исторические события. Никифор Вриенний очень субъективен, тенденциозен, многое замалчивает, но у него хорошая, округленная классическая речь, есть юмо-

---

[1]) *Герцберг*, История Византии.
[2]) *Диль*, Византийские портреты, I, стр. 358—362.

ристические и героические места. Образцом для него был Ксенофонт [1]). В общем это был типичный мемуарист: мемуары становятся всегда излюбленным и обычным видом исторической литературы, когда начинает развиваться индивидуализм.

Дочь Алексея Комнина и жена Никифора Вриенния Анна Комнина получила изысканное воспитание и всестороннее образование. Классическую литературу—и художественную, и научную, и философскую—она изучила очень хорошо. Источниками для ее «Алексиады» служили рассказы современников и очевидцев, собственные наблюдения, документы, дипломатическая переписка и т. д. Были у нее попытки исторической критики, но слабые. Особенно отличалась тщеславием и любовью к отцу. Восхваление его и династии — ее главная цель. Любит внешний блеск, торжества, придворные церемонии, всей душой ненавидит латинян и считает крестоносцев опасными для империи. Остроумна, насмешлива, честолюбива, подражает Фукидиду и Полибию и в то же время любит сплетни, злословит, гордится своим происхождением и образованием [2]).

Иоанн Киннам—типичный идеолог дворянства. Он служил при дворе и в своем сочинении продолжал Зонару и Анну Комнину. Резко полемизировал он против запада: считал законной только византийскую императорскую власть и отвергал притязания папства и Священной римской империи. Его герой—тот, кому он служил,—Мануил Комнин, которому он в сущности и составил панегирик. Киннам—лучший выразитель смелых идей Мануила, его дворянски-самодержавных тенденций. Он добросовестный рассказчик, по стилю—подражатель Геродоту и Ксенофонту [3]).

И хронисты XII века не избегли влияния времени. Для образованных людей написал хронику Иоанн Зонара, занимавший одно время высокий административный пост и умерший монахом; в монашестве он и составил свою хронику, имевшую характер исторического руководства и излагавшую историю от сотворения мира до 1118 года. Зонара дал весьма обстоятельный рассказ, основанный на многочисленных источниках. У него нет, как было у Ма-

[1]) *Крумбахер,* Византийские историки и хронисты, стр. 40, 41.
[2]) Там же, стр. 42, 43, 45.
[3]) Там же, стр. 46—48.

лалы, чудес: это — руководство, рассчитанное на высшие потребности и изложенное весьма хорошо, плавно. хотя и с церковной и монашеской окраской [1]).

Нового немало и у автора стихотворной хроники для малообразованных читателей Константина Манасса: он настроен романически и поэтически, у него обычны цветы красноречия, мифологические намеки, сравнения, морализация [2]).

Самый демократический, простонародный из хронистов XII века Михаил Глика сохранял и больше всего остатков старины; основной тон — обычный, старый, богословско-религиозный; источники переписывал дословно; был противником классицизма. Поэтому его сочинения — исторические и богословские — были не по вкусу образованным верхам общества, но за то пользовались огромным распространением в его низах. При всем том, хотя Глика и не имел утонченного литературного образования, модного при Комнинах, но отличался значительной начитанностью и был редким представителем народной образованности [3]).

Запоздалыми отголосками прошлого возрождения в XV в. были из историков Лаоник Халкондил, гуманист, подражавший по изложению Геродоту и Фукидиду и давший талантливый, не лишенный исторического понимания, рассказ об истории Турции с предпосланным ей ясным обзором всемирной истории, Дука, превосходно и верно рассказавший о падении Константинополя, и Георгий Франз [4]).

Но не в одной исторической литературе веяло духом возрождения. Появились лирические, драматические произведения, романы (Продрома, Манассии и пр.), сатиры, задевавшие византийскую бюрократию, переделки индейских повестей — о Синтии (Синдбаде), «Стефанит и Ихнилат»; в науке стали было расцветать лингвистика и филология в лице Цецеса и Евстафия [5]).

Новый временный расцвет византийской живописи в эпоху Палеологов, обломки которого сохранились в иконографии Мистры близ Спарты и в новгородской иконо-

---

[1]) Там же, стр. 113, 114, 116.
[2]) Там же, стр. 117.
[3]) Там же, стр. 119—121.
[4]) Там же, стр. 63—68.
[5]) *Krumbacher*, Geschichte der byzantinischen Litteratur.

писи XV и XVI вв., а также в живописи Андрея Рублева, обязан своим существованием, надо думать, тем же тенденциям к возрождению, которые так ясно наметились в эпоху Комнинов, в XII веке. По крайней мере дух и характер этой живописи тот же: в ней есть и изящество, красота, нежность красок и вообще тот творческий, индивидуалистический тон[1]), который стал было отличать византийскую духовную культуру XII столетия.

Но то были слабые росты и, как мы видели[2]), лишь отдельные отголоски прошлого, скоро и окончательно зачахшие под ударами латинян: и в хозяйстве и государственном строе попытки возрождения были зачаточными,— такими они остались и в области общественной психологии и духовной культуры. Самое большее, что могло принести временное и слабое византийское возрождение XII века, это—искру знания и творчества, разгоревшуюся в гуманистическое пламя на почве Италии XV и XVI веков.

---

[1]) См. по этому поводу работы Кондакова и Лихачева, а также *Шмит*, Памятники Мистры, «Жур. Мин. Нар. Просв.», за 1911 г., июнь; *Грабарь*, История русского искусства, VI, стр. 61, 62, 74, 207, 263 и сл.

[2]) См. том II, глава шестая.

V

Падение феодализма во Франции.

Небольшие, местные, замкнутые рынки, на которые дробилась феодальная Франция, начали расширяться, товарное хозяйство стало работать на обширный рынок с XIII в., в особенности же в XIV и XV столетиях.

Об этом свидетельствуют прежде всего прямые известия о росте обширной торговли—внешней и внутренней. До XIII века французские купцы редко выезжали заграницу, и если выезжали, то не далеко [1]). С этого времени наблюдаются крупные перемены во внешней торговле: французские купцы непосредственно производят торговлю в Сирии, Египте, Марокко, на Кипре, в Англии и пр.: это в особенности надо сказать о купцах из Марсели, Монпелье, Нима, Тулузы, Каркассона, Арля и других городов Прованса и Лангедока [2]). В XIII в. города Шампани, Нормандии и Иль-де-Франса присоединяются к основанной раньше фландрскими городами ганзе для торговли английской шерстью [3]). Руанская гильдия в половине XII в. получает привилегию на торговлю между Нормандией и Ирландией и т. д. [4]).

Первым этапом по пути развития обширного внутреннего рынка в средневековой Франции был расцвет в XIII в. знаменитых шести шампанских ярмарок, представлявших собою все вместе непрерывно функционировавший рынок для всей страны, притягивавший к себе долгое время

---

[1]) *Pigeonneau,* Histoire du commerce de la France, I, P. 1885, стр. 240

[2]) *Schaube,* Handelsgeschichte der Romanishen Völker, стр. 141, 185, 215.

[3]) *Pigeonneau,* Hist. du commerce de la France, I, стр. 114.

[4]) Там же, стр. 118.

и иностранцев с севера, востока и юга—англичан, немцев, итальянцев, испанцев, фламандцев, так что здесь был и важнейший в то время европейский центр международной торговли [1]).

Упадок шампанских ярмарок в XIV веке, вызванный ближайшим образом столетней войной Англии и Франции и установлением непосредственных торговых связей и сношений между Англией и Фландрией, с одной стороны, и Италией—с другой [2]), не только не означал возврата к старой коммерческой замкнутости отдельных французских рынков, но, напротив, дал лишний толчок к дальнейшему их расширению внутри страны, к постепенному образованию единого национального рынка. Уже Людовик IX Святой запрещал своим бальи препятствовать торговле хлебом между отдельными бальяжами [3]). Организации купечества в XIV в. обнимают уже не один город, как прежде, а обычно целые провинции, напр., Нормандию, Орлеанэ, Иль-де-Франс [4]). Филипп II Август, Людовик X, Филипп VI, пытались объединить ганзы руанскую и парижскую, а Людовику XI удалось совершенно уничтожить их торговые монополии [5]). В XIV в. образуется объединенная компания всех торговцев, плавающих по Луаре и ее притокам, а в 1499 г. мы видим такую же единую компанию торговцев по Гаронне [6]). Еще в XIII в. проводятся довольно хорошие дороги от Парижа на Фекан и Дьепп, т.-е. на северо-запад, и три дороги на юг—одна на Бордо через Тур и Пуатье, другая на Тулузу и Каркассон через Периге и Лимож, третья в другие части Лангедока через Клермон, Невер и Бурж; все эти три дороги скрещивались, сходились в Орлеане, важнейшем торговом центре средней Франции [7]). 50 французских и фламандских городов XIII в. составили особую компанию по торговле шерстью и суknами [8]). Королевский ордонанс (указ) 1351 г. разрушает замкнутость отдельных

---

[1]) *Bourquelot,* Etudes sur les foires de Champagne, P. 1865, I, стр. 75 и см. 138 и др.

[2]) Там же, II, стр 305, 310.

[3]) *Pigeonneau,* Hist. du commerce, I, стр. 172.

[4]) Там же, I, стр. 177.

[5]) Там же, I, стр. 178, 180.

[6]) Там же, I, стр. 178, 181.

[7]) Там же, I, стр. 194.

[8]) Там же, I, стр. 220.

рынков, предоставляя свободу торговли везде и иногородним купцам [1]). При Карле VII и Людовике XI окончательно утверждается внутренняя торговля, рассчитанная на обширный, общенациональный рынок [2]).

Все это—прямые указания, но есть целый ряд косвенных признаков того же важного экономического процесса, неуклонно и непрерывно развивавшегося все время. Сюда относится, напр., зарождение и удешевление кредита: появление чека, векселя и тратты на шампанских ярмарках XIII века [3]), понижение процента тогда же до 10—15 [4]), умножение числа банкиров, по преимуществу сначала итальянцев, давших коммерческое воспитание и французам [5]). Падение коммун с их феодальной обособленностью, совершившееся в XIV и XV веках [6]),—явление того же порядка, также указывающее на разложение местных рынков. О том же говорит обогащение крупных торговцев и возвышение и распространение на смену коммун, так-называемых villes de bourgeoisie [7]). Все это дополняется такими фактами, как введение золотой монеты в XIII в., однообразие чеканки монет по законам Людовика Святого и особенно Людовика X [8]) и т. д.

Конечно, развитие денежного хозяйства с обширным рынком сопровождалось и подкреплялось и ростом индустрии, обрабатывающей промышленности, в особенности городской. Но, констатируя этот рост, приходится сейчас же прибавить, что он был в общем и целом слаб и выражался почти исключительно в выделке тканей, в особенности шерстяных, ковров и грубых сукон: этими изделиями с XIII в. славились Париж, Амьен, Реймс, Аррас, Марсель, Труа, Шалон, Каркассон, Тулуза, Нарбонна, Монпелье, Ним, разные города Бургундии, Шампани, Нормандии, Бретани и Мэна [9]).

---

[1]) Там же, I, стр. 347.
[2]) Там же, I, стр. 341.
[3]) *Bourquelot,* Etudes sur les foires de Champagne, II, стр. 103 и след.
[4]) Там же, стр. 126; *Pigeonneau,* I, стр. 223.
[5]) *Pigeonneau,* Hist. du commerce de la France, I, стр. 256, 257, 259.
[6]) *Смирнов,* Коммуна средневек. Франции, Казань, 1873, стр. 48.
[7]) *Pigeonneau,* Hist. du commerce, I, стр. 237.
[8]) Там же, I, стр. 270, 272, 274.
[9]) Там же, I, стр. 144, 174, 220.

Новые условия торговли вызывали интенсификацию техники производства и в особенности улучшение коммерческих приемов. Это неизбежно отражалось и на технике земледелия, тем более, что с XIII века слагается сельскохозяйственый рынок [1]). Но и здесь дело шло вперед с большою медленностью, перемены накоплялись понемногу и приводили в земледелии к преобладанию трехполья [2]), не более того.

Одним из самых важных последствий развития товарного хозяйства было удешевление денег [3]). Оборотной стороной этого явления была острая нужда в деньгах у крупных и средних землевладельцев феодального типа. Между тем приспособиться к новым хозяйственным условиям они были не в состоянии. Отсюда проистекли новые явления в области форм землевладения и хозяйства.

Феодальная знать разоряется и в погоне за денежными средствами разлагает классическую форму феодального землевладения, связанную с суверенитетом, отчуждая по частям отдельные феодальные права и доходы [4]). В XIII и XIV веках некоторые буржуа, обогатившись торговлей, приобретают иногда и целые сеньериальные имения [5]). Желая получать постоянный денежный доход и не умея сами хозяйствовать по новому, феодальные бароны в особенности с XIV века сдают массу своих земель в аренду буржуазии, клирикам и своим хозяйственным и военным слугам министериалам—дворянам, иногда даже крестьянам [6]). При этом арендаторы имеют право продавать и вообще отчуждать арендуемые имения с сохранением прав сеньера и с его согласия и при уплате особой пошлины (lods et ventes) [7]).

Но всего важнее в формах хозяйства те перемены, которые сложились во взаимоотношениях землевладельцев и крестьян.

---

[1]) *Bourquelot,* Etudes sur les foires de Champagne, I, стр. 60.
[2]) *Sée,* Les classes rurales et le régime domanial, стр. 542.
[3]) Там же, стр. 535.
[4]) Там же, стр. 560.
[5]) Там же, стр. 566.
[6]) Там же, стр. 569—571, 575; *Кулишер*, Лекции по истории экономич. быта Зап. Европы, изд. 3, Спб. 1913, стр. 78, 79.
[7]) *Sée.* Les classes rurales et le régime domanial, стр. 572—573.

С ростом обширного рынка, пришедшего на смену рынку местному, узкому, замкнутому, потеряло смысл прежнее прикрепление крестьян к земле, исключавшее возможность свободы передвижения по территории страны. Две возможности открывались при таких условиях: или освобождение крестьян, которое дало бы им возможность самим, свободно передвигаясь в случае нужды, переселяясь или уходя на работы по найму сельскохозяйственные и иные, удовлетворять возникавшие там и сям потребности в дополнительной рабочей силе; или, напротив, прикрепление крестьян уже не к земле, а к личности землевладельца так, чтобы землевладельческий класс взял на себя организацию снабжения разных местностей страны потребною для них рабочею силою. Конечно, современники не сознавали ясно смысла и значения совершавшихся в жизни процессов, которые развивались стихийно, и потому в зависимости от временных обстоятельств ставилось на очередь осуществление той или другой из указанных возможностей.

Сеньеры с ростом денежного хозяйства и расширением рынка почувствовали особенно-острую потребность в деньгах. Выкуп крестьян на волю, освобождение от серважа, полное или даже частичное, выражавшееся в замене произвольных поборов раз навсегда утвержденными нормами и и таксами [1]), давали сеньерам возможность обернуться, перехватить денег, утолить временно потребность в них. И вот в XIV и в конце XIII в. серваж сильно идет на убыль, освобождение совершается целыми деревнями [2]). Акт освобождения и является чаще всего основанием нового деревенского самоуправления: распределение и сбор определенных теперь, уж не произвольных поборов, оброков, арендных плат ведет в XIV веке к выбору крестьянских уполномоченных, сведущих людей [4]). В том же направлении действует рост государственного хозяйства, введение новых денежных налогов: ордонанс Карла V в 1379 г. вводит всюду сборщиков—нотаблей, выборных крестьянского населения [5]). В XIV и XV веках растет и бюджет сель-

---

[1]) *Luchaire,* Manuel des institutions franc., стр. 319.
[2]) *Sée,* Les classes rurales, стр. 261 и след.
[3]) Там же, стр. 609.
[4]) Там же, стр. 611.
[5]) Там же, стр. 614.

ских самоуправляющихся общин, появляются и зародыши сознания крестьянством коллективных его интересов.

Так осуществлялась постепенно и частично, далеко не вполне, первая освободительная возможность. Но само по себе освобождение лишь временно утоляло жажду денег, мучившую феодальных сеньеров, и потому естественно направляло их вожделения в сторону другой, ультра-крепостнической возможности. Чума половины XIV в. дала толчок к попытке осуществить возможность личного прикрепления, до крайности обострив нужду в рабочих руках вследствие уменьшения населения. Как и в Англии, и во Франции после чумы были изданы королевской властью таксы на труд, ставившие в тяжелое положение поденщиков, фактически также прикреплявшие их нередко к землевладельческому классу в целом. Самый замечательный из ордонансов этого рода—тот, который был издан в 1351 г.[1]). Нет сомнения, что подобные указы сыграли свою роль в происхождении крестьянского движения (жакерии) во Франции 50-х годов XIV века. Но не меньшую, вернее всего даже бóльшую, роль сыграли здесь отдельные, частные попытки личного закрепощения, предпринятые феодальными землевладельцами. Правда, исследователи обыкновенно приписывают происхождение жакерии грабежам наемных сол дат в XIV веке [2]). Но в то же время указывается на тесную связь сеньеров с этими разбойниками и на притеснения крестьян их владельцами [3]). Это лучше всего свидетельствует о крепостнических опытах сеньеров. Жакерия, несмотря на жестокую, безжалостную расправу с восставшими крестьянами [4]), все же пресекла возможность личного прикрепления и окончательно направила взаимоотношения крестьянства и землевладельцев на путь освобождения, хотя и не законченного не только в средние века, но и позднее, вплоть до самой Великой революции.

Выдающееся место в социальной истории Франции XIV и XV веков занимают города и буржуазия. Возвышение их, начавшееся еще в XII веке, отчасти даже в XI, создало

---

[1]) Там же, стр. 587.

[2]) *Luce,* Histoire de la Jackerie, P. 1859, стр. 7 и сл.; *Perrens* Etienne Marcel, P. 1860, стр. 232—233.

[3]) *Luce,* Histoire de la Jackerie, стр. 41, 45.

[4]) Там же, стр. 69, 180 и след.

целый ряд типов городского самоуправления в средневековой Франции. На истории их и необходимо теперь сосредоточить внимание.

Основных типов французского городского устройства было два—«коммуны» (communes) и «свободные города» (villes franches); последние подразделялись еще на «буржуазные города» (villes de bourgeoisie) и «новые города» (villes neuves) [1]).

Отличительный признак раннего типа французских самоуправляющихся городских общин—коммун—их политический суверенитет. Правда, суверенитет коммун не был полным: они не имели, напр., права чеканить манету; но суд, сбор налогов, управление, даже военная власть, не говоря уже о полиции, заведывание торговлей и промышленностью и благоустройством городов, находились большею частью в самостоятельном ведении органов коммунального управления не в меньшей мере, чем то можно было сказать и о феодальных баронах [2]). Таким образом, можно, не обинуясь, признать, что коммуна была сеньерией, частью феодального общества, обладавшей феодальными правами, обязывавшей всех своих подданных настоящей вассальной присягой на верность [3]). Недаром происхождение и расцвет коммун относятся как раз ко времени полного развития феодализма во Франции. Виднейшую роль в происхождении коммун сыграли торговые интересы местного, замкнутого, отчасти и иностранного рынка и торговые, купеческие ассоциации. Доказывается это особыми заботами коммун о торговле и тем, что классическая коммунальная область—Фландрия, Камбрези, Пикардия—лежала на торговых дорогах из Италии на Рейн и с Рейна в Англию [4]).

В истории коммун характерно прежде всего то, что они приобретали свое независимое положение редко мирным путем, большею же частью путем прямой борьбы с феодалами-баронами и епископами [5]). При этом коро-

---

[1]) *Sée,* Les classes rurales, стр. 281, 290; ср. *Luchaire*, Manuel des institutions françaises, стр. 378 и сл., 409, 445.

[2]) *Luchaire,* Les communes françaises à l'époque des Capétiens directs, P. 1911, стр. 97, 101, 102.

[3]) Там же, стр. 15, 98, 101.

[4]) Там же, стр. 33.

[5]) Там же, стр. 15, 16; ср. старые работы Гизо, Тьерри, Грановского и книгу Смирнова «Коммуна средневек. Франции».

левская власть, пока она—при Людовиках VI и VII—занималась, опираясь главным образом на духовенство, собиранием земли и власти в значительной мере на старых, феодальных основах, относилась к коммунам полувраждебно,—поддерживала их против светских феодалов и обыкновенно подавляла коммунальное движение во владениях епископов [1]). Но когда, в особенности при Филиппе II Августе и Людовике VIII, рядовое рыцарство и горожане стали реальной опорой королевской власти в борьбе с феодальной властью,—коммуны расцвели и достигли полного развития [2]).

Как учреждения феодальные по самому своему характеру, как торговая разновидность развитого феодализма, коммуны, вопреки мнению первых их исследователей [3]), не были организациями демократическими. Напротив, вся власть в них находилась в эпоху их расцвета в руках купеческой олигархии. Так, в Бовэ, по хартии Филиппа Августа 1182 г., во главе управления стояли 13 пэров (pares), из которых 7 представляли собою крупные купеческие корпорации и только 6 были представителями 21-й ремесленной организации [4]). В Амьене в конце XII в. власть была в руках 24-х эшевенов, из которых 12 выбирались главами торгово-промышленных корпораций и сами выбирали других 12 [5]). Часто коммунальные власти носили название присяжных—«iurati»; с конца XII в. в делах управления, особенно в организации финансов, участвуют, на-ряду с мэром и присяжными, пэрами, эшевенами и пр., еще отдельные влиятельные буржуа, главным образом главы корпорации [6]). Только к концу XIII в. наблюдаются общие собрания горожан, обсуждающие, в особенности вследствие плохого состояния коммунальных финансов и задолженности коммун [7]), вопросы о налогах [8]). Но в нормальных условиях они не собирались, не действовали [9]).

---

[1]) *Luchaire,* Les communes françaises, стр. 277.
[2]) Там же, стр. 280—282.
[3]) Гизо и Тьерри.
[4]) *Luchaire,* Les communes françaises, стр. 154.
[5]) Там же, стр. 155.
[6]) Там же, стр. 165.
[7]) Там же, стр. 196, 200.
[8]) Там же, стр. 171—172.
[9]) Там же, стр. 172.

Аристократические суд и управление были свойственны вообще всем коммунам. Так, в Руане избирательными правами пользовались всего 100 пэров, которые выбирали из своей среды 24 присяжных (iurati), из которых 12 были эшевенами и вместе с мэром являлись судьями, а 12 были советниками; общие собрания всех 100 пэров происходили раз в две недели [1]). Также 100 пэров, 24 эшевена и советника и мэр были в Ларошели [2]) и т. д.

Villes franches в обеих их главных разновидностях (villes de bourgeoisie и villes neuves) появились позднее коммун — в XII и XIII веках, а в XIV в. получили преобладание над коммунами в городской жизни Франции [3]). Сущность их устройства заключалась в том, что они не имели политической самостоятельности: городские выборные власти редко ведали в них судом, чаще городской полицией; за горожанами обеспечены были в них лишь гражданские права—свобода от серважа (крепостничества), право распоряжения собственностью, фиксация повинностей, торговые привилегии; судебные чиновники или приказчики (прево) короля и сеньеров ограничены были в своей власти таксой штрафов [4]). Villes neuves отличались от villes de bourgeoisie бельшею частью лишь тем, что они были городами, вновь основанными на незаселенной территории [5]). Соответственно всему этому оба разряда «свободных городов» получили свои права и привилегии обычно мирным путем—посредством покупки у сеньера [6]). Париж представлял собою типичный пример их внутреннего устройства: суд здесь над членами ремесленных корпораций был главным образом у королевского прево; лишь некоторые корпорации были подсудны купеческому прево или старшине, выбиравшемуся гильдией «торговцев на воде» (marchands d'eau), ведавшей и выборы прево, и городское хозяйство, и регулирование торговли города [7]).

XIV век—время, когда французская торговая буржуазия—и в частности парижская — впервые посягнула на

[1]) *Hegel,* Städte und Gilden d. germ. Volker, II, стр. 7, 8.
[2]) Там же, стр. 20.
[3]) *Sée,* Les classes rurales et le régime domanial, стр. 290.
[4]) Там же, стр. 290—293.
[5]) Там же, стр. 294.
[6]) Там же, стр. 290.
[7]) *Hegel,* Städte und Gilden d. germ. Volker, II, стр. 113.

политические вольности, точно определенные. Но это вводит нас уже в рассмотрение истории государственного строя Франции того времени.

Монашество, города, рыцарство (дворянство, министериалы)—вот три общественные группы, которые последовательно поддерживали и выдвигали вперед королевскую власть во Франции во второй половине средних веков. Но монашество еще больше, чем к королю, тяготело к папе и потому, особенно в лице аббата Сугерия, лишь временно развивало собирание земли при Людовиках VI и VII, не порывая коренным образом с основами феодального общества и государства. Города видели в королевской власти орудие для борбы с феодальной знатью и, как только к половине XIV в. окрепли экономически, захотели сами непосредственно овладеть верховною властью, не побрезговав и союзом с восставшим крестьянством, и все это столкнуло их с рядовым дворянством, рыцарством, министериалами, которые в борьбе с феодальной аристократией одни только ценили королевское самодержавие как незаменимое средство, выдвигавшее фактически к власти их самих: и феодальные симпатии духовенства и конституционные вожделения и демагогические тенденции буржуазии были одинаково чужды и враждебны рядовому дворянству, и потому одно оно было вдохновляющей и руководящей силой, приведшей в конце-концов к собиранию королями земли и власти во Франции и к успехам королевского самодержавия.

Землю собирали в особенности Филипп II Август, завладевший Нормандией, Анжу, Мэном, Пуату, Туренью [1]), и Филипп IV, занявший Шампань, Пикардию и пр., и в особенности Людовик XI с его торжеством над последним крупным феодалом—герцогом Бургундским. К концу XV в. земля была собрана королями.

Параллельно этому, но часто медленнее, собиралась власть. Администрация Филиппа II Августа при всех ее притязаниях и захватах держалась в сущности феодальных традиций—по крайней мере формально [2]). Существеннее были судебные и законодательные меры Людовика IX Святого: здесь важны и Etablissements de Saint-Louis,—зако-

---

[1]) *Гизо*, История цивилизации во Франции.

[2]) Там же; *Luchaire*, Manuel des institutions françaises, стр. 518 и стр. 539 и сл.

нодательство Людовика Святого и в особенности расширение круга дел, непосредственно подсудных королю и его суду, и введение апелляции и ревизии приговоров феодальных судов, причем апелляция направлялась в королевский суд и ревизия производилась тем же королевским судом. Новое положение последнего отразилось и на его организации: из королевского совета в XIII в. выделился парламент с его подразделениями: палатой пэров (cour de pairs) для суда над великими вассалами, «большой палатой», ведавшей суд в высшей инстанции для непосредственных владений короля (Иль-де-Франса), палатой жалоб (chambre de requêtes) и палатой следствий (chambre des enquêtes) [1]. Наконец, когда при Филиппе IV достиг крайней остроты вопрос о финансах, встал во весь свой рост и вопрос об организации и функциях генеральных и провинциальных штатов.

Исследователи справедливо видят зерно тех и других в феодальных собраниях, в совещаниях королей с их непосредственными вассалами, крупнейшими баронами, королевскими пэрами, причем иногда, с Людовика IX, состав этих совещаний—общих и провинциальных—осложнялся и участием буржуазии [2]. В достаточной степени выяснен и далеко не выборный, не представительный в нашем смысле слова характер генеральных и провинциальных штатов начала XIV века, времен Филиппа IV Красивого: так, на штатах 1302 года высшее духовенство—епископы, аббаты и приоры—присутствовало лично, низшее—капитулы и монастыри—выслало деканов или настоятелей, своих представителей по должности и при них еще от одного до трех рядовых священников или монахов; от городов явились консулы и по 2—3 рядовых горожанина; дворянство высшее присутствовало лично, а низшее—по приглашению правительства [3]. Так же в общем и целом составлялись и провинциальные штаты XIV века [4].

---

[1]) *Luchaire*, Manuel des institutions françaises. стр. 556—563. *Viollet*, Histoire des instit. politiques et administratives de la France, т. III; *Радциг*, Общ. движ. во Франции 1355-58 г.. «Ж. М. Н. Пр.» за 1913 г., июнь, стр. 276.

[2]) *Perrens*, La democratie en France au moyen âge, I, стр. 60—61.

[3]) *Luchaire*, Manuel des inst. françaises, стр, 503; *Радциг*, Политич. собрания во Франции в эпоху столкновения Филиппа Красивого с папой Банифацием VIII, «Ж. Мин. Нар. Пр.» за 1903 г., май, стр. 113.

[4]) *Радциг*, «Ж. М. Н. Пр.» за 1913 г., июнь, стр. 273—274.

Первые Валуа были типичными крупными феодальными владельцами, выразителями интересов феодальной аристократии [1]), не собиравшими власть, а ее растерявшими. Дворянская масса тогда находилась еще только в процессе организации экономического, социального и политического самоустроения. Но буржуазия, с одной стороны, еще при Людовике Святом, Филиппе Смелом, Филиппе Красивом и его трех сыновьях много натерпелась со стороны королевского самодержавия и бюрократического произвола [2]), с другой—не могла допустить вредной для ее интересов феодальной реакции. Отсюда и вышло городское движение половины XIV века и последующего времени, а потом дело осложнилось вмешательством окрепнувшего рядового дворянства, которое и доставило победу королевскому самодержавию и над самовластием феодальной аристократии и над конституционными тенденциями буржуазии.

Известен общий ход всех этих событий. На штатах 1355 года парижский купеческий старшина Этьен Марсель со своими ближайшими сторонниками из среды буржуазии отстоял совместные заседания всех трех сословий, право вето представителей третьего сословия в деле установления новых налогов, распространение налогов на всех, даже на короля, назначение сборщиков и назначение не королем, а штатами и, наконец, частый созыв штатов. Это было зерном, из которого выросло все дальнейшее. Король Иоанн Добрый, нуждавшийся в деньгах из-за войны с Англией, уступил во всем и издал в том же 1355 г. соответствующий ордонанс, но был разбит англичанами при Пуатье и попал в плен [3]).

Этьен Марсель для защиты вооружил горожан, и буржуазия приобрела таким образом более или менее надежную военную силу. Опираясь на нее, генеральные штаты 1356 г., в которых главенствовала буржуазия, ввели налог для защиты страны, распространявшийся в равной мере и на привилегированные сословия, начали преследование королевских чиновников, учредили новый королевский совет из 17 буржуа, 11 духовных лиц и 6 дворян и, наконец, провели

---

[1]) *Perrens,* La Democratie en France au moyen âge, I, стр. 103.

[2]) *Luchaire,* Les communes françaises, стр. 276, 283—284.

[3]) *Perrens,* La Démocratie en France au moyen âge, I, стр. 125—129, 139, 151.

великий ордонанс 1357 года. Сущность этой конституционной буржуазной хартии сводилась к следующему: постановления генеральных штатов имеют обязательную силу, значение закона; организуется управление через доверенных или делегатов штатов, т.-е., сказали бы мы теперь, ответственное перед штатами министерство; штаты получают право собираться два раза в год и без созыва их королем; депутаты неприкосновенны; вместо армии учреждается муниципальная милиция; устанавливаются, всеобщее равенство перед законом, строгая судебная ответственность должностных лиц за преступления по службе и правильное распределение налогов [1]).

Феодальная знать не могла допустить этого и, заключив перемирие с Англией, вооружилась против буржуазии [2]). Тогда Этьен Марсель попытался осоюзиться с крестьянством, с восставшими «жаками» [3]). Но жакерия была подавлена знатью, причем и буржуазия потерпела поражение, так как союз с жаками оттолкнул от нее и рядовое дворянство. После этого буржуазия стала приспособляться к королевско-дворянскому самодержавию, потерпев неудачу в своих конституционных стремлениях [4]). В результате такой приспособительной тактики экономические интересы буржуазии получили признание; Карл V, напр., оградил неприкосновенность жилища, смягчил налоги, падавшие на горожан [5]).

Начало XV в. ознаменовалось борьбою влияний арманьяков, формальным главой которых был герцог Орлеанский, и бургиньонов, возглавлявшихся герцогом Бургундским, причем, однако, фактическим вождем второй партии был ремесленник Кабош, представитель буржуазии, а арманьяки были живым олицетворением феодальной реакции. Победа Кабаша повела к ордонансу 25 мая 1417 года. Но, во-первых, этот ордонанс был далек от конституционных идеалов 1356 г.—он не шел далее выборов сановников и чиновников вплоть до членов королевского совета нотаблями, т.-е. самопополняющимся парламентом и сущест-

---

[1]) Там же, I, стр. 161, 171, и сл., 212—223.
[2]) Там же, I, стр. 228, 232 и след.
[3]) Там же, I, стр. 293—296.
[4]) Там же, I, стр. 391—392.
[5]) Там же, I, стр. 398 и сл.

вующим составом совета [1]), — а, во-вторых, и он не удержался надолго: дворянство и зажиточное крестьянство, представительницей которого явилась Жанна д'Арк [2]), восстановили полностию королевское самодержавие при Карле VII, не дав воли ни конституционным тенденциям буржуазии, сильно, впрочем, ослабевшим, ни феодально-реакционным вожделениям высшей аристократии. Земля и власть при Людовике XI фактически были собраны, и положена прочная основа укреплению королевского самодержавия террором, проводимым этим королем. Впрочем, его царствование относится в сущности уже к следующему периоду.

Филипп II Август и Филипп IV Красивый—характерные, типические личности жадных, алчных, сухих, жестких, вероломных приобретателей, вполне сложившихся, законченных эгоистов, действовавших где силком, где ползком,— смотря по обстоятельствам. Эта психология активного, грубого эгоизма была в полной мере свойственна французской феодальной аристократии не только XIII и XIV но и XV века: арманьяки—живой тому пример.

Это окрашивало в определенный цвет всю духовную культуру феодальной аристократии времен ее упадка.

Отсюда в XIII веке произошли поэмы о местных феодальных святых [3]). Отсюда вышли литературные выражения протеста знати против объединительной деятельности королей и возвышении ими незнатных людей [4]). Работа Бомануара о феодальном праве относится сюда же [5]). В XIV веке характерен в том же отношении сенешал Шампани Жуанвиль, давший в своих рассказах о Людовике IX биографию этого короля и личные о нем воспоминания. Жуанвиль насквозь проникнут традиционными католическим средневековым благочестием и феодальной верностью королю, как сюзерену; он хвалит поэтому Людовика IX за его религиозную нетерпимость, но защищает от королевской власти феодальные права. По уму и знаниям Жуанвиль—настоящий младенец: он видит только

---

[1]) Там же, II, стр. 133, 165, 169, 226—228.

[2]) *Luce*, La France pendant la guerre de Cent ans, P. 1890, стр. 263 и след.

[3]) *G. Paris*, La littérature française au moyen âge, стр. 215 и след.

[4]) Там же, стр. 156.

[5]) Там же, стр. 148.

мелочи, не может понять и объять целое, не улавливает основных причин даже военных событий, лишен критического чутья, многословен; в его стиле нет ни изящества, ни силы [1]). Старым феодальным духом отличалась и французская церковная проповедь XIII века: здесь папа изображается как прообраз Бога на земле, духовные сеньеры, епископы ставятся выше всех властей, восхваляется церковная наука, в особенности богословская схоластика Парижского универститета; проповедники ополчаются и резко высказываются против учения о королевском абсолютизме и не находят слов достаточно сильных и резких для обличения министериалов, служилых людей — дворян, опоры королевского самовластия, а также юристов (легистов), обосновывавших последнее римским правом, и, наконец, горожан, стремившихся к сомостоятельности и захватывавших права, принадлежавшие светской и духовной аристократии [2]).

Даже новая правансальская поэзия трубадуров в ее первоначальном виде в XIII веке оставалось верна феодальным традициям. Трубадуры-воители типа Бертрана де Борна [3]) отличались старой кровожадностью: недаром Данте изобразил его в „Аду" держащим в руках собственную окровавленную голову; недаром де Борн в своих песнях не останавливался перед выражениями вроде следующих: „вперед! пусть вид крови опьяняет вас, рубите головы, рубите руки, товарищи!... всего слаще видеть, как рвы наполняются телами умирающих — взрослых и детей" [4]). Но и первые трубадуры — поклонники дам, любовники и певцы любви трактовали любовные отношения как вассальные: дама рассматривалась как госпожа, сеньер, и как вассал без лена не служил, так и певец Элеоноры Аквитанской Бернард де Вентадорна не понимал любви без материального успеха, без внешней награды. Грубый адюльтер возводится здесь в идеал как противовес не менее грубому пониманию феодального брака как материальной сделки [5]).

---

[1]) Там же, стр. 129-130.

[2]) *Лекуа де ла Марш*, La chaire française an moyen âge, *P.* 1886.

[3]) Ср. *Коган*, Очерки по истории зап.-европ. литер., М., 1903, стр. 22.

[4]) Ср. *Летурно*, Эволюция литературы.

[5]) *Шишмарев*, К истории любовных теорий романского средневековья, „Жур. Мин. Нар. Пр." за 1909 г. ноябрь, стр. 120 – 123.

Но как ни значительны еще были остатки старой феодальной духовной культуры и психологии особенно в начале процесса падения феодализма во Франции, где феодальный порядок отличался особенной крепостью и твердостью, все же хозяйственные и социальные перемены чем позднее, тем более выдвигали на первый план рядовое рыцарство, дворянство, прежде угнетенное, и отсюда проистекали и начала новой дворянской культуры и психологии и частичное еще пока перерождение феодальной аристократии в дворянство.

Исходным пунктом развития новой дворянской психологии было чувство и настроение смирения и покорности перед сильными, зависимости от них и вообще от тяжелых условий жизни феодальной эпохи в полном ее развитии. Чувство зависимости естественно связывается с религиозным чувством, а религия служит основой морали. Отсюда проистекает первое психическое новообразование в рыцарской, дворянской среде, религиозно-этическое настроение.

В религиозном отношении это повело к мистицизму францисканцев, виднейшим и вместе умереннейшим представителем которого на французской почве, именно в Парижском универститете, явился Бонавентура [1]).

Но наиболее яркое выражение получило религиозно-этическое настроение дворянства в литературе. Новатором, инициатором, сделавшим здесь эпоху, был в XIII веке Кретьен де Труа, перенесший на французскую почву и оригинально переработавший цикл, известный под названием романов Круглого Стола. Здесь мы видим искание высшего морального совершенства, символизируемого св. Граалем — чашей тайной вечери, в которую Иосиф Аримафейский собрал кровь Христа; попасть в царство Грааля — задача рыцарей, разрешить которую выпадает на долю только тем, кто чист и свят, кто стоит выше земных радостей [2]). У Кретьена де Труа это настроение отразилось с особенною силой в проповеди и изображении куртуазной любви, в теории добродетели, облагораживающей любовь, исключающей и супружество и адюльтер [3]).

---

[1]) Ср. *Richard,* Ètude sur le mysticisme spèculatif de saint Bonaventure, P. 1873.

[2]) *Дашкевич,* Романтика Круглого Стола, стр. 42.

[3]) *G. Paris,* La littèrature française au moyen âge, стр. 95 и сл.

В XIII веке вообще в рыцарской поэзии блекнут и бледнеют цветы и краски чувственности. Де-Барнель в своих произведениях выше всего ставит само чувство, независимо от награды за него. У Гиро Рикьера из Нарбонны во второй половине XIII века гимны идеальной любви. В XIV в. Раймон де Корнет провозглашает любовь нравственной силой, источником нравственного совершенствования [1]). Характерен, наконец, живший в XIII веке автор первой части „Романа о Розе" Гильом де Лоррис, давший религиозно-этический кодекс чистой любви [2]).

Религиозно-этическое настроение сильно возвысило в идейном отношении рыцарство над проникнутой активным эгоизмом феодальной знатью. А это сознание идейного превосходства, подкрепляемое первыми социальными и политическими успехами рядового дворянства, нашло себе психологическое выражение в первом ярком проявлении индивидуалистических чувств — чувстве сатирическом: кто чувствует себя выше другого, тот смеется над ним. Смех приобретает значение едкого сарказма особенно тогда, когда побежденным, превзойденным, осмеиваемым оказывается недавний господин, владыка, перед которым приходилось смиренно склоняться.

Такова вторая стадия в развитии психологии французского дворянства второй половины средних веков. Этим сатирическим настроением отмечено в значительной степени XIV столетие. К его проявлениям в то время относится новый род поэзии трубадуров — сатирическая сирвента. Рим и духовенство думают только о брюхе и делают низости из-за денег — вот основной мотив обличений общественной сирвенты Гильельма Фигейры и Пейра Кардиналя [3]). Тогда же дворянская сатира на знать проникла на сцену, в драматическое искусство: это видно из многочисленных sottises, фарсов, которые ставились дворянской ассоциацией «Enfats sans souci» («Веселые ребята») [4]).

---

[1]) *Шишмарев,* К истории любовных теорий романского средневековья, «Жур. Мин. Нар. Просв. »за 1909 г., ноябрь, стр. 121-128, 135-140.

[2]) *G. Paris,* La littérature française au moyen âge, стр. 160-164.

[3]) *Стороженко,* Очерк истории зап.-европ. литературы, стр. 57.

[4]) *Fabre,* Les clercs du palais, Lyon 1875.

Сатира была только первым шагом в развитии индивидуалистических элементов дворянской психологии. За первым шагом скоро последовал второй. Он был еще так же невелик и не решителен, как и первый: то было зарождение и первоначальное развитие чувства новизны, жажды разнообразия впечатлений. Уже в романах цикла Круглого Стола приключения и борьба играют заметную роль, странствования рисуются как нечто в высшей степни привлекательное: «оставаться на одном месте считалось потерей чести» [1]). Затем развились и пышно расцвели романы приключений на бретонские, византийские и, наконец, национальные французские сюжеты, каковы в особенности «Мелюзина» и «Роберт-Дьявол» [2]).

Отсюда уже недалеко было до подлинного реалистического индивидуализма в отношении к женщине в любви. Ничего не может быть в этом отношении характернее второй части «Романа о Розе» Жана де Мёна: здесь видна трезвость [3]), разум говорит за чувственность; много тонкой иронии и цинизма, заставляющих сближать де-Мёна с Вольтером [4]). За де-Мёном последовали в XIV в. по тому же пути Гильом де Машо, Дешан, Виллон, а в XV столетии Христина Пизанская [5]).

И в драматической поэзии наблюдается соответствующее течение. Адам де ла Галь в своих пьесах окончательно порвал с прежней религиозной основой: сатирическая струя—напр., осмеяние монаха с реликвиями в пьесе «Об Адаме»—сюда проникла очень широко; в пьесе «О Робене и Марион» описывается любовь пастуха и пастушки и неудачное покушение знатного рыцаря на пастушку, причем дело кончается оживленным изображением сельского праздника [6]). В образовавшихся в XV веке также из мистерий нравоучительных пьесах — «моралите» — обсуждается ряд вопросов текущей жизни, откуда уже нетруден переход к современному театру [7]).

---

1) *Дашкевич*, Романтика Круглого Стола, стр. 51.
2) *G. Paris*, La litt. française au moyen âge, стр. 106-108.
3) *Шишмарев*, «Жур. Мин. Нар. Пр.» за 1909 г., дек., стр. 345.
4) *G. Paris*, La litt fr. au moyen âge, стр. 165—166.
5) *Шишмарев*, «Ж. Мин. Нар. Пр.» за 1909, дек., стр. 329—331
6) *G. Paris*, La litt. fr., стр. 190—193.
7) *Лазурский*, Курс истории зап.-европ. литературы, стр. 153.

Наконец, в науке проявляется новое индивидуалистическое стремление к серьезному знанию, разумеется, пока в зародыше. Характерны в этом отношении новые, чисто-рыцарские, дворянские исторические сочинения Вильгардуэна и Фруассара. Вильгардуэн в своем рассказе о завоевании Константинополя во время 4-го крестового похода прост, правдив, ясен, хотя временами и наивен; он ненавидит феодальную аристократию, обличает ее вероломство и жадность. В истории французской прозы сочинению Вильгардуэна исследователи приписывают такое же значение, как «Песни о Роланде» в истории французской поэзии[1]). Фруассар отличается еще большей примесью индивидуализма: он рисует широкую и живую историческую картину, изображающую историю всех почти стран в XIV веке— не только Франции, но и Англии, Германии, Италии, Испании и т. д. Он отличается жадной любознательностью, все записывает, живо, драматически рассказывает. Это первый профессиональный писатель, историк-специалист[2]), близкий по типу к буржуазным историкам.

Тот же буржуазный научный и общественный в значительной степени, более, чем у дворянства, индивидуалистический дух сказывается в конце XIV и начале XV в. у Жерсона, ученого и богослова, крестьянина по происхождению. Как богослов, Жерсон отрицал измышления классической феодальной схоластики и отстаивал обращение к первоисточнику—Евангелию, т.-е. проявил ясные критические тенденции, с уклоном в сторону реформации. Тот же характер виден и в его умеренном мистицизме. Он был также последователем Оккама в философии, т.-е. номиналистом, отвергал реальность общих понятий. Как церковно-общественный деятель, Жерсон боролся против папского абсолютизма и ратовал за соборы[3]). При всем том он знаменовал собою переход буржуазии от ее бунтарских порывов XIV века к консерватизму, защите королевского абсолютизма, что так характерно, как мы видели, для французской буржуазии XV века. К этому заключительному звену психологического своего развития в средние века буржуазия пришла, однако, через ряд ступеней, во многом

---

[1]) *G. Paris,* La littér. française, стр. 127.
[2]) *Стороженко,* Очерк истории зап.-европ. литературы.
[3]) *Schwabe,* Gerson, Berlin 1859.

близких отдельным моментам развития дворянства в то же время.

Исходным пунктом и здесь была та же психология смирения, покорности, самоутешения царством небесным, которое должно было вознаградить за земные страдания. Отсюда произошел готический стиль в искусстве — архитектуре, и пластике. «Sursum corda», «горе имеем сердца» — вот основной мотив готики, сменяющей с XII века старый романский стиль. Готика — «памятник порывающегося к небу чувства», яркое проявление религиозно-этического настроения, сказавшегося особенно ясно и в соборе Парижской Богоматери (XII в.), и в относящихся к XIII веку соборах Реймском, Амьенском и Руанском. Классической формой готического храма является впервые Реймский собор [1]). Этому соответствует мистицизм готической пластики, целые «скульптурные поэмы из св. Писания на порталах и фасадах» готических соборов, полные глубокого христианского религиозного чувства и могучей красоты, отражающей зачатки новой, по выражению одного исследователя, «взволнованной» жизни [2]). Надо, однако, заметить, что в готической архитектуре сказалась и техническая изобретательность и практичность, без которых нельзя было осуществить постройку огромных зданий с башнями, тянувшимися в высь, и с большими, высокими сводами: изобретена была и проведена в жизнь система контрафорсов. В угрожаемых местах каждого устоя, там, где он переходит в свод, к нему примыкают свободно перекинутые опорные арки — аркбутаны, передающие давление наружу, на массивно-сложенные, огромные столбы — контрафорсы, на которых, а вовсе не на стенах, и держится весь храм [3]). Только это и делает технически - осуществимыми все эти высокие и огромные сооружения.

Но буржуазия, в особенности буржуазия мелкая, в XII, XIII и XIV веках искала выражения своих идеалов не

---

[1]) *Каррьер*, Искусство в связи с общим развитием культуры, III, стр. 59, и сл.; *Reber*, Kunstgeschichte des Mittelalters, стр. 427 и след.; *Corroyer*, L'architecture gothique, стр. 17, 57, 69 и след.; *Gonse*, L'art gothique.

[2]) *Байе*, Очерк истории искусств, стр. 129; *Каррьер*, III, стр. 562

[3]) *Corroyer*, L'architecture gothique, стр. 42, 47, 48; *Кон-Винер* История стилей изящных искусств, стр. 113—114.

только в искусстве, но и в религии. Отсюда произошли сектантские учения того времени.

Первым из них было учение секты катаров, получившей в южной Франции также название альбигойцев. Большинство катаров, хотя далеко не все они[1]), держались дуалистических воззрений: видимый мир они признавали происшедшим от злого бога, бога тьмы, который и является господином этого мира, а от доброго Бога света происходит будущая жизнь; соответственно этому от того или другого бога происходят два рода людей — злые господа этой жизни и добрые люди, которым должно принадлежать будущее[2]). Что бы ни говорили о заимствованиях с востока, подкладка этого дуализма коренилась в условиях общественной жизни Франции второй половины средних веков. Угнетенные выводили себя от Бога справедливости и света, а господ земного, современного мира считали происшедшими от зла. Более резкое выражение классовых противоречий трудно себе и представить. То же стремление высвободиться из уз подчинения и от тяжести гнета сказывается и в отрицании таинств, обрядов и церковной иерархии[3]). Что же касается поддержки, оказанной катарам графом Раймундом Тулузским, то в основе ее лежало соперничество светских феодалов и феодалов церковных, епископов, аббатов, самого папы, откуда и произошел крестовый поход на альбигойцев, организованный в начале XIII века папой Иннокентием III. Как и всякое явление, возникшее в условиях возвышения дворянства, и этот поход повлиял в смысле, усиливающем значение этих условий, содействовал разложению феодализма, усилению дворян и, следовательно, выражавшей их интересы королевской власти, которая особенно при Людовике VIII, собрала именно вследствие похода на альбигайцев и графа Тулузского много южно-французской феодальной земли.

Дальнейший шаг вперед в том же религиозно-этическом направленни был сделан вальденсами в XII, XIII и XIV сто-

---

[1]) *Döllinger,* Beiträge zur Sectengeschichte des Mittelalters, I Theil, München 1890, стр. 157.

[2]) Там же, I, стр. 132—133, 147.

[3]) Там же, I, стр. 190 и след. Даже противники реалистического объяснения истории ересей вынуждены признать, что учение о том, что мир создан дьяволом, «близко массам»: *Карсавин,* «Очерки религ. жизни в Италии XII—XIII в.», Спб. 1912, стр. 61

летиях. Пьер Вальд или Вальдо был богатый лионский купец и ростовщик, издавна изучавший писание и много думавший над религиозными вопросами. Страх смерти и ада и впечатление от легенды о св. Алексее привели его к решению обречь себя на жизнь в бедности, для проповеди нравственной чистоты и удаления от мирских соблазнов. Он отдал недвижимость жене, вознаградил деньгами тех, кто пострадал от его ростовщичества, а остаток роздал голодным и нищим. По его примеру вальденсы, его последователи, бродили по двое в шерстяных вретищах и деревянных башмаках [1]).

Уже в этой бедности и странствованиях, не имевших уставной основы, которая имеется у монашеских орденов, сказалась индивидуализация религии, делавшейся у вальденсов личным актом [2]). Догматики у вальденсов почти не было [3]): как мистики, они второстепенное значение придавали догматам [4]). Что касается организации секты, то сначала наблюдалась значительная аморфность. Потом выделилось постоянное ядро—братья и сестры—проповедники, которые, имея обязанность миссионерства в подпольных кружках, отказались от физического труда и стали снабжаться верующими всем необходимым для жизни. Альбигойский крестовый поход начала XIII века, ударивший больно и по вальденсам, заставил их в интересах самозащиты организоваться крепче. Но все же и тогда они отдавали предпочтение личной заслуге перед саном. Преследования заставили строже обособиться «совершенных» или проповедников и вести подготовительную к ним ступень (novellani, studentes). В начале XIV в. образовалась по тем же причинам уже более определенная иерархия: введены были три сана—старшие (maiores), имевшие исключительное право совершать евхаристию, пресвитеры и диаконы. Догматически не порывая совершенно с католицизмом, вальденсы, однако, отрицали культ, как затемняющий самое моральное существо религии, отрицали посты, паломничества,

---

[1]) Там же, II, стр. 352—353; *Гаусрат,* Средневековые реформаторы, II, стр. 18—22, 29.

[2]) *Вульфиус,* Вальденское движение в развитии религиозного индивидуализма, Петрогр. 1916, стр. 6, 41.

[3]) *Dieckhoff,* Die Waldenser im Mittelalter; *Comba,* Histoire des Vaudois; *Müller,* Die Waldenser, стр. 98.

[4]) *Вульфиус,* Вальденское движение, стр. 14—15.

иконы, мощи. Центром религиозных действий стала исповедь, а так как для исповеди не нужен особый сан, то вальденсы в конце-концов приблизились к идее всеобщего священства [1]). Индивидуалистическое, не только этическое, начало выступает таким образом у вальденсов совершенно определенно.

Чтобы закончить изображение религиозной эволюции буржуазии, остается отметить еще Петра Иоанна Оливи, последователя иоахимизма, и отголоски движения Дольчино во Франции [2]). Но индивидуалистические и моральные достижения буржуазии поднимали ее над общим уровнем, питали чувство превосходства, создавали поэтому сатирическое настроение. Уже в настенную скульптуру готических соборов проникали сатирические мотивы [3]). Еще сильнее сказались они в литературе,—больше всего в «Романе о Лисе» и в фабльо. Но здесь выразилось также и то соединение активного эгоизма с индивидуализмом, которые характеризует психологию начинающей свое развитие, грубо хищнической пока по своей господствующей черте, буржуазии не меньше, чем характерно это и для дворянства. «Роман о Лисе»—апология хитрости, вероломства, ловкости и предприимчивости и вместе сатира на феодальную аристократию, в особенности на духовенство [4]). Здесь положительные идеалы развивающейся буржуазии и апофеоз средств, употребляемых ею в начинающейся борьбе за господство, сильно и резко подчеркнуты. И фабльо нападают на лицемерие монахов, но они другим своим острием направлены и на крестьян: обличают их грубость и невежество [5]). Наконец, в XIV веке и мелкая буржуазия городов присоединяет свой голос к сатирическому хору всей вообще французской буржуазии: появляется ассоциация парламентских писцов под названием «Базошское королевство» [6]); она ставит ряд фарсов, из которых в XV в. особенно выделяется «Адвокат Пателен», где восхва-

---

[1]) Там же, стр. 55—88, 110—115.

[2]) *Гаусрат,* Средневековые реформаторы, II, стр. 233.

[3]) *Каррьер,* Искусство в связи с разв. культуры, III, стр. 560; *Corroyer,* L'architecture gothique, стр. 158.

[4]) *Стороженко,* Очерк истории зап.-евр. литер., стр. 91.

[5]) Там же, стр. 73 и след.

[6]) *Fabre,* Les clercs du palais; ср. *Monmerquée et Michel,* Théatre français au moyen age, P. 1874.

ляется и служит предметом восхищения хитрость и ловкость простого пастуха, одурачившего и богатого купца, и плута-адвоката.

В буржуазной среде нашлись, как нам уже известно, и практические деятели, политики, которые явились яркими представителями нового психического склада. Индивидуалистические тенденции, особенно жажда власти, дали о себе знать, конечно, главным образом в крупной торговой буржуазии. Самым выдающимся практиком-индивидуалистом, вышедшим из этого класса, был знаменитый вождь конституционалистов половины XIV века Этьен Марсель. Мы видели, однако, что буржуазия в общем и целом позднее, особенно в XV веке, вынуждена была значительно понизить свой тон и прикрыть эгоистическим лисьим хвостом свои властно-индивидуалистические стремления. В результате и получился тот синтез эгоизма с индивидуализмом, который отличал тогда одинаково и рядовое дворянство и буржуазию—преуспевавшие классы общества, не добившиеся, однако, еще полной победы.

Что касается более широких масс населения, в особенности крестьянства, то его настроение лучше всего отразилось в жакерии. Но что такое была жакерия, если рассматривать ее с точки зрения психологии масс? Она, как и в значительной степени французские отражения движения, поднятого в Италии Дольчино, была крайним, но стихийным протестом против ультра-крепостнических тенденций, и именно эта стихийность лучше всего показывает, что жакерия не знаменовала собою какого-нибудь перелома в крестьянской психологии: крестьянство в массе своей было попрежнему еще психически-аморфно и, лишь будучи окончательно выведено из терпения, проявляло слепое ожесточение, мужество и свирепость отчаяния. Впрочем, не надо забывать, что с течением времени именно из среды крестьянства выделялись все в большем количестве наиболее выдающиеся элементы, пополнявшие собою ряды буржуазии, и что, следовательно, психические новообразования, наблюдавшиеся нами в буржуазии, корнями своими уходят отчасти в глубь крестьянской массы.

VI.

Падение феодализма в Англии.

XIV и первая половина XV в. в Англии—время падения феодализма.

Мы видели, что уже отчасти в XII и особенно в XIII столетии в Англии стала развиваться торговля шерстью. В следующие затем полтора века эта вывозная торговля приобрела очень важное значение [1]) и была основной причиной так-называемой Столетней англо-французской войны. Не менее важна стала и внутренняя торговля особенно с ростом городов [2]). Денежное или товарное хозяйство—вот основной новый факт хозяйственной истории Англии XIV и первой половины XV века. При Эдуарде I в Англии появилась компания оптовых торговцев-складочников (staplers), которые вывозили шерсть и кожи часто уже на собственных кораблях, а из Германии привозили хлеб [3]).

На почве этой торговли стали расти и приобретать привилегии города. Жители их стали освобождаться от крепостного права посредством выкупов, и потом приобрели откупа пошлин с рынков и ярмарок. Городская свобода привлекала много посторонних в города и содействовала развитию городского ремесла—обрабатывающей промышлен-

---

[1]) *Ochenkowsky*. Englands wirtschaftliche Entwickelung im Ausgange des Mittelalters, Iena 1879 стр. 11, 13, 26, 36, 181 и сл.; *Cunningham*, The growht of Engl. Ind. a. Com. стр 187, 195, 196, 197, 262—269, 415—416, 422 и сл.

[2]) *Ochenkowsky*, Englands wirtschaftliche Entwickelung, стр. 154, 156 и сл. *Cunningham*, The growth of English Industry and Commerce стр. 245, 320 и сл., 450 и сл.

[3]) *Cunningham*, The growth of English Industry and Commerce, стр. 196.

ности [1]): то был второй новый факт хозяйственной жизни периода падения феодализма.

Новое соотношение основных отраслей хозяйства повело к зарождению и развитию также и новых хозяйственных форм.

Первый момент в развитии денежного хозяйства характеризуется везде—также, как мы видели, и в Англии,—нешироким размахом денежно-хозяйственных отношений, дроблением страны на много небольших, узких местных рынков, охватывающих территорию в несколько десятков километров вокруг какого-нибудь торгового центра, чаще всего города. В этих нобольших товарно-хозяйственных единицах, экономически замкнутых областях хозяйственное равновесие было неустойчиво, легко поддавалось нарушению, как только видоизменялось хотя бы немного соотношение производственных и меновых элементов. Поэтому опасно было открывать простор личному усмотрению, все необходимо было точно учесть и строго регламентировать. Отсюда и произошли прикрепление крестьян к земле, а не к личности землевладельца, цеховой строй в ремесле и гильдейский в торговле с точным определением условий производства и обмена, количества и качества производимых товаров, цен их, отношений между мастерами, подмастерьями, учениками т. д.

Особенность денежно-хозяйственного развития Англии вследствие того, что в ней слаб был политический феодализм и потому больше было порядка и безопасности, чем в других странах, а также вследствие лучших путей сообщения и общей быстроты экономического прогресса, заключается в том, что денежное хозяйство с узким рынком в ней продержалось недолго, и скоро сменилось хозяйством с обширным рынком, экономически объединяющим почти всю страну. Так случилось уже в XIV веке. И отсюда произошли важные перемены в формах хозяйства и землевладения.

Они сказались прежде всего в торговле, в хозяйстве города: здесь для Англии особенно характерно то, что, соответственно расширению рынка, купеческие гильдии

---

[1]) Там же, стр. 192, 193 и др.; *Ochenkowsky,* Englands wirtschaftliche Entwickelung, стр. 53, 112 и др.; *Гранат,* К вопросу об обезземелении крестьянства в Англии, М. 1908, стр. 104, 110.

отдельных городов объединились по всей стране в одну большую гильдию, утвержденную королем [1]). Свобода и сила городов параллельно этому возрасли до чрезвычайности.

Не менее крупны были перемены в сельском хозяйстве. Мэнор, феодальное поместье, стал превращаться в сельскохозяйственное предприятие, расчитанное на обширный рынок, на широкий сбыт продуктов сельского хозяйства. Для того, чтобы увеличить сбор хлеба с барской пашни, лорд должен был улучшить технику производства; но этому мешала черезполосица барской пашни с вилланской и пашней свободных держателей при общинном владении; лорд поэтому начинает, опираясь на теорию своего полновластия, нарушать обычное право мэнора и прибегать к «огораживанию», к включению разных частей земли в свой домэн, в свою барскую пашню, занимает пустоши [2]), что было разрешено еще Мертонским статутом Генриха III в 1136 г. [3]) и подтверждено и расширено вторым Вестминстерским статутом Эдуарда I в 1285 г. [4]), выделяет свою пашню из общины и уничтожает [5]) ее черезполосность. Желая из своего домэна извлечь денежный доход, столь важный при новом товарном хозяйстве, и не умея сам вести хозяйство по новому, лорд стал сдавать домэн по частям и целиком в аренду—вилланам, свободным людям, рыцарям—за деньги и на определенный срок [6]). Появилась земельная спекуляция, так как поднялись цены на землю [7]). И крестьяне, все больше нуждаясь в деньгах, стали сдавать землю в аренду друг другу с разрешения лорда, продавать землю по частям или целиком, обезземеливаться [8]).

---

[1]) *Ochenkowsky,* Englands wirtsch. Entwick., стр. 162; *Cunningham,* стр. 191, 194; *Бондаренко,* Англ. город в сред. века, стр. 205.

[2]) *Ochenkowsky,* стр. 32; *Маркс,* Капитал, т. I.

[3]) *Петрушевский,* Восстание Уота Тайлера, стр. 305.

[4]) Там же, стр. 307.

[5]) *Маркс,* Капитал, т. I; *Петрушевский,* Восстание Уота Тайлера, стр. 302—303; *Ochenkowsky,* Englands wirtschaftl. Entw. стр. 32.

[6]) *Петрушевский,* Восстание Уота Тайлера, стр, 312, 316, 319, 321, 323.

[7]) Там же, стр. 315, 351 и след.

[8]) Там же, стр. 362 и след. 451; *Гранат,* К вопросу об обезземелении крестьянства в Англии, стр. 16, 188, 203.

В новых обстоятельствах лорду и его арендаторам уже невозможно было обходиться несвободным, крепостным трудом: будучи принудительным, он был малопроизводителен. И вот появляется и растет уже в первой половине XIV в. наемный труд. Многие вилланы пополняли собою число свободных, выкупаясь на волю. Стало уменьшаться число крепостных, английское крестьянство мало по малу становилось свободным [1]).

В 1348 г. Англию постигла чума («черная смерть»). Население уменьшилось почти на половину. Обострилась потребность в рабочих руках, и началась феодальная реакция [2]).

Но реакция никогда не бывает возвратом прошлого. Не была она таким возвратом и в Англии конца XIV и начала XV в.

Феодальное прикрепление вилланов было поземельным: они были крепки земле, а не личности землевладельца. Но нужда в рабочих руках и расширение рынка в XIV в., заставлявшее часто переводить рабочих с одного места на другое, из одного имения в другое, вызвали у землевладельцев тенденцию к личному, не поземельному прикреплению крестьян [3]). И это обстоятельство было даже ближайшим поводом к началу в графстве Кент знаменитого восстания Уота Тайлера 1381 г. [4]).

Нужда в рабочих была сильнейшим образом обострена эпидемией 1348 г. Рабочие руки сильно вздорожали. И вот правительство, верное интересам крупных и в особенности средних землевладельцев, решило положить конец «наглости и корыстолюбию» рабочих. В 1349 г. Эдуард III издал указ, по которому под страхом тюремного заключения предписывалось всем, не имеющим определенного дохода и занятия, наниматься на работу за обычную до чумы плату [5]). В 1351 г. уже при участии и под диктовку парламента был издан статут о рабочих с точным установлением заработной платы для всех отраслей труда [6]). Уста-

---

[1]) *Петрушевский,* Восстание Уота Тайлера, стр. 65, 541 и сл.

[2]) Там же, стр. 502 и след.

[3]) *Rogers,* History of agriculture, I, стр. 81; *Ochenkowsky,* Englands. wirtschaftliche Entwickelung, стр. 18 и след.

[4]) *Петрушевский,* Восстание Уота Тайлера, стр. 56.

[5]) Там же, стр. 393—395.

[6]) Там же, стр. 400—401.

новлено было даже прикрепление к занятиям: кто до 12 лет был крестьянином, тот терял право на переход в ремесленники [1]). Рабочее законодательство после чумы представляло собою таким образом в сущности попытку возродить крепостное право, придав ему новую форму под влиянием условий времени: крестьяне, бывшие прежде крепостными только своего лорда мэнора, теперь должны были быть крепостными всех, кто нуждался в их труде [2]), прикреплялись ко всему землевладельческому сословию. Старый феодализм здесь разрушался,—вводилось прикрепление к новому дворянству.

Результатом этих новых крепостнических тенденций и было восстание 1381 г., вынудившее сначала короля Ричарда II на уступки, а потом завершившееся страшным избиением и казнями восставших, против которых объединились и феодалы, и рыцарство, и духовенство—все общественные верхи, причем все сделанные уступки были взяты назад [3]). Нельзя, однако, сказать, что восстание 1381 г. оказалось бесплодным: вернуть крепостные порядки—даже с изменениями—не удалось. И социальная история Англии к половине XV в. закончилась тем, что на-ряду с социально-перерождающейся в дворянство феодальной знатью и возвышающимися дворянством и городской торговой буржуазией стало расти и развиваться свободное крестьянство, при многочисленных еще, конечно остатках крепостничества.

Новые хозяйственные и социальные отношения оказали могущественное влияние на государственный строй, всецело определили политическую историю. Лишь немногие короли, вроде Генриха IV, были вполне послушными орудиями в руках старых феодалов. В общем же и целом политическое развитие Англии XIV и первой половины XV в. шло под знаком растущего влияния дворянства и высших слоев буржуазии при постоянной борьбе этих новых классов со старой феодальной знатью.

Эдуард I (1272—1307), победитель Симона де Монфора, был по самому своему положению представителем интересов знати. Однако, он нашел необходимым исследовать сте-

---

[1]) Там же, стр. 436.
[2]) Там же, стр. 467—468, 474, 486.
[3]) Там же, стр. 24 и сл., 65 и сл., 124.

пень юридической обоснованности землевладельческих прав (Глостерский статут 1278 г. [1]), устранил в 1290 г. так-называемую субинфеодацию, т.-е. установил подчинение всех владельцев ленов непосредственно высшему сеньеру—королю, минуя промежуточных сеньеров, наконец, в 1297 г. признал право парламента разрешать налоги и субсидии [2]).

Эдуард II (1307—1327) попытался уже прямо опереться на рыцарство, дворянство, внешним выражением чего было приобщение к власти таких людей, как Гавестон и потом Деспенсеры. Против него и Гавестона поднялись графы Уоррик и Ланкастер, обещали осажденному ими в Скарборо Гавестону, что, если он сдастся, его будет судить парламент, но сейчас же после сдачи вероломно убили его. И сам король в конце-концов был низложен и тайно убит знатью [3]): так еще сильны были прежние господа положения.

Но опять объективная действительность была не за них: они полагали все свои надежды на Эдуарда III (1327—1377), но при нем продолжалось господство незнатных временщиков, вследствие новых, не феодальных причин началась Столетняя война с Францией, и окончательно организовался в две палаты парламент, собиравшийся притом весьма часто [4]).

Ричард II (1377—1399), при котором произведена была столь жестокая расправа с восставшим крестьянами, начал, однако, борьбу с феодальной знатью во имя королевского абсолютизма, любезного сердцу нового дворянства и богатого купечества. И он, впрочем, не достиг успеха: был разбит, лишен престола и убит [5]).

После кратковременного правления верного феодалам Генриха IV (1399—1413) снова возгорается начатая в новых интересах и прервавшаяся было на время Столетняя война при Генрихе V (1413—1422) и Генрихе VI (1422—1461). Феодализм еще держался и был силен, но он все же значительно уже ослабел даже и в политическом отношении: его солнце уже явственно склонялось к закату.

---

[1]) *Oman,* History of England.
[2]) Там же.
[3]) Там же.
[4]) Там же; *Грин,* История английского народа.
[5]) Там же.

Мы видели, как скудно было культурное творчество знати, правившей в эпоху расцвета феодализма, и как отличала это творчество необыкновенная эмоциональная бедность, сухость чувства, тесно связанная с господством активного эгоизма в психологии этого класса.

В описываемое сейчас нами время, когда феодализм стал клониться к падению, от старой психологии и старого небогатого культурного наследства сохранились уже только одни обломки, живыми представителями которых являлись поэты вроде Лидгета, Дугласа и Дунбара: первый искал тем в прошлом, воспевая его героев и идеализируя феодальную старину, а второй и третий изощрялись в аллегории и символике, т.-е. занимались старым дидактизмом, популяризуя старозаветные представления о мире и жизни [1]). Впрочем, Лидгет и Дунбар отчасти уже подчинялись и новым веяниям, испытав на себе влияние итальянской новеллы через посредство Чосера [2]). И это—лучшее доказательство того, как низко и быстро падала старая феодальнаа духовная культура.

Старый сухой и суеверный феодальный католицизм, как религия, стал понемногу светлеть и очищаться еще с XI в., со времени клюнийской реформы и деятельности Григория VII, особенно же с XII и XIII столетий, когда ярко разгорелся религиозно-моральный светоч в руках св. Франциска Ассисского. Англия уже в начале XIII в. дала великого религиозного учителя католицизма в лице Дунса Скота (1274—1308). Он был францисканцем и отличался таким же этическим, моральным душевным складом, как и святой из Ассизи. Это всего виднее из его волюнтаризма, из того, что для него не разум, а воля была главным в духовной жизни человека, соответственно чему он выше всего ценил в средневековой богословии или схоластике руководящее значение ее для жизни, нравственные начала. Для Дунса Скота любовь выше веры и надежды, больше, чем последние, приближает человека к Богу. Ценя разум ниже воли и нравственного чувства, подчиняя первый последним. Дунс Скот и в богословской метафизике отводил разуму второстепенное, не видное место вспомогательного средства. технического пособия; вера в богословии для него важнее

[1]) *Iusserand,* Histoire littéraire du peuple anglais, I, P., 1894.

[2]) Там же.

разума. Поэтому он утверждал, что нельзя разумом, логически обосновать и доказать догматы о троичности, воплощении и даже природе Бога (о Его разуме, воле и предвидении); все это можно постигнуть только верой. Характерно для токого примата веры и этики, что Дунс Скот в 1304 г. в Париже защитил догмат о непорочном зачатии Богородицы [1]).

Подобные испытывавшимся Дунсом Скотом морально-религиозные настроения ярко проявились особенно в XIV в. в дворянстве, городском сословии и крестьянстве. Это психологически понятно: они взросли и расцвели на почве пассивного эгоизма—того смирения, каким во время господства феодализма были проникнуты эти группы общества.

Одно из ярких выражений религиозно-этического миросозерцания—церковная готика. В Англию она была занесена в конце XII в.: в 1177 г. был построен готический кентерберийский собор французом Вильгельмом Сансом [2]). Но лучшим на английской почве памятником чистой готики является Вестминстерское аббатство, построенное в 1245 г. [3]). Здесь порыв души ввысь, к небесной обители, отказ от земных благ и наслаждений, стремление к нравственному очищению для достижения царства небесного нашли себе полное выражение. Вот первое психологическое приобретение дворянства и высших слоев буржуазии: пассивный эгоизм переродился в порыв к нравственно-религиозному очищению. И, как всегда, это сопровождалось развитием эстетического вкуса, чувства красоты: в этом последнем отношении готика неизмеримо выше романского стиля.

Этическая окраска отличает и первый период в деятельности Виклифа (1320—1384), типичного во многих отношениях представителя английской дворянской и буржуазной интеллигенции XIV века. Его обличения богатства и безнравственности духовенства, отрицание церковного иммунитета и землевладения имеют именно этический, моральный источник. Но характерно, что на этом Виклиф не остановился: нравственное чувство пробудило в нем кри-

---

[1]) *Werner,* Johannes Duns Scotus, Wien, 1881, стр. 2, 3, 5, 9, 50, 64, 68, 69, 305.

[2]) *Reber,* Kunstgeschichte des Mittelalters, стр. 464 и сл.

[3]) Там же, *Corroyer,* L'architecture gothique, стр. 84 и след.

тический ум и, будучи осужден буллами папы Григория XI, он при самозащите стал опираться на самостоятельное изучение священного писания, провозгласил его (в соч. «De veritate scripturae sacrae») единственным достоверным источником вероучения и на основании этого стал отрицать учение о пресуществлении хлеба и вина в тело и кровь Христа [1]).

В смысле развития критического дара, научного интеллектуализма Англия XIV в. дала яркого представителя в лице Роджера Бэкона (1314—1394). Когда тот или другой класс общества ведет борьбу за господство, и борьба эта начинает уже сопровождаться победами хотя бы и непрочными, то это победное шествие в трудной борьбе изощряет его духовные силы и способности и поднимает отдельных представителей класса на такую высоту, которая далеко не соответствует среднему культурному уровню социальной среды и времени, их создавших. Они, как гиганты, как огромные горы, высятся над всеми и обыкновенно не встречают сочувствия, страдают всю жизнь. Таков был Роджер Бэкон.

Он родился в дворянской семье, учился в Оксфордском университете, по окончании которого изучил в Париже языки латинский, греческий, еврейский и арабский, а также математику и физику. Потом он был профессором Оксфордского университета, где в лекциях своих проводил совершенно новую гениальную идею о связи математики с естествознанием. Это был великий обобщающий ум. Основною чертою его натуры было стремление к высшим интеллектуальным наслаждениям,—то чувство, которое современная психология именует интеллектуальным, и сущность которого заключается в том, что испытывается «радость от согласия, последовательности и связи мыслей и недовольство от дисгармонии, противоречия и недостатка связи» [2]). Здесь сильно развиты не только способность ассоциации по смежности и по контрасту, но и в особенности способность ассоциации по сходству, приводящей к высшим научным и философским обобщениям. Не надо забывать, что интеллектуальные натуры высшего типа вовсе не отличаются бедностью или односторонностью чувства: напро-

[1]) *Buddensieg,* Johann Wiclif und seine Zeit, Halle, 1885, стр. 102, 105, 109—110, 130—131, 150 и сл., 181 и сл.

[2]) *Гефдинг,* Очерки психологии.

тив,—им свойственно все великое, многогранное разнообразие человеческих чувствований, что только изощряет их обобщающую способность, точнее—даже обусловливает ее. И Роджер Бэкон жил богатою жизнью чувства, горел непритворным негодованием против лицемерия и распущенности католического духовенства. Не имея средств к жизни, он вступил во францисканский монастырь: он надеялся в тиши монастырской кельи продолжать свои научные занятия. Но эти занятия показались монахам колдовством, а моральные обличения Бэкона раздражали братию. Роджер Бэкон был поэтому заключен в тюрьму, где пробыл четыре года — до 1266 г., когда папа Климент IV освободил его. Выйдя на волю, Роджер Бэкон издал обессмертившее его сочинение «Opus maius»—род философской энциклопедии естествознания, причем в основу всего построения положен был принцип исследования явлений жизни природы путем опыта и наблюдения, и обобщения этих явлений, вывод общих законов, которые должны быть выражены в математических формулах. Это гениальное произведение не встретило в свое время ни малейшего сочувствия, напротив—навлекло на автора новые беды: он снова был заключен в тюрьму, где пробыл 10 лет и откуда вышел только за год до смерти [1]).

Роджер Бэкон был, однако, лишь единичным исключением, ранним предтечей эпохи возрождения в средневековой Англии. Ближе к общему уровню стоял поэт Гоуэр, кентский дворянин по происхождению, написавший на французском языке 50 баллад и одно дидактическое стихотворение, на латинском языке поэму «Vox clamantis» о восстании Уота Тайлера и на английском языке «Исповедь влюбленного». Особенно замечательны два последних произведения. В «Vox clamantis» силен обличительный, индивидуалистический элемент: посылаются упреки духовенству за увлечение Венерой и зайцами, дворянству за увлечение женщинами, купцы именуются грабителями и обманщиками, крестьяне лентяями. Еще сильнее и заметнее индивидуализм и эстетизм в «Исповеди влюбленного», которая обнаружи-

---

[1]) Ср. *Werner,* Psychologie, Erkenntniss—und Wissenschaftslehre des Roger Baco: Sitzungsberichte der kaiserl. Akad. d. Wiss. Phil — hist. Classe XCIII Band, Heft I — II, Wien, стр. 502, 517, 519, 522, 540.

вает сильное влияние итальянских новелл и подготовляет Чоссера. Но важен у Гоуэра и другой психический элемент— активный эгоизм: «Vox clamantis»—крик ужаса перед восстанием, ненависти и презрения к крестьянству [1]). В лице Гоуэра мы имеем таким образом уже в значительной степени сложившийся тип эгоистического индивидуалиста, характерный для нового приближающегося к господству класса—дворянства.

Самым блестящим представителем этого типа в английской литературе XIV в. является Чосер. Он родился в 1340 г. и был сыном виноторговца; он попал в пажи, потом получил выгодное место в придворном штате короля, путешествовал по Франции и Италии, где изучил Петрарку и Боккачио, долго занимал доходную должность начальника порта. Пока он был богат, он писал в старом стиле аллегорические стихотворения и «видения». Но затем, когда его постигли невзгоды и нужда, из под его пера вышли знаменитые «Кентерберийские рассказы». Здесь не только реализм, жизнерадостное настроение, склонность к смеху и шутке, но и сатирический дух, обличение лицемерия знати и духовенства и презрение к крестьянству. Умер Чосер в 1400 г. в бедности, не окончив своего лучшего произведения [2]).

И везде, где сказывается психология нового дворянства, мы наблюдаем те же явления. Так, напр., в так-наз. «Хронике Англии» есть индивидуалистический эстетизм: изложение литературное, видно знакомство с английской литературой, речи построены по всем правилам риторики, но рядом с этим—грубый эгоизм и страх перед «буйной чернью» [3]). Неудивительно, что и готический стиль в архитектуре подвергается на английской почве в XIV веке своеобразным индивидуалистическим видоизменениям, оригинальной переработке: Винчестерский собор с его сводами, массивной башней посредине и т. д.—яркий тому пример [4]).

---

[1]) *Jusserand,* Hist. litteraire du peuple anglais, I, стр. 373—377; *Петрушевский*, Восстание Уота Тайлера, стр. 593.

[2]) *Taine*, Hist. de la littérature anglaise, I, P. 1863, стр. 173—212; *Jusserand,* Hist litteraire du peuple anglais, I, стр. 269—345.

[3]) *Петрушевский,* Восстание Уота Тайлера, стр. 573, 575

[4]) *Springer,* Handbuch der Kunstgeschichte.

Чтобы закончить характеристику психологии дворянства и перерождавшейся в дворянство части феодальной знати, остается дать несколько психологических портретов или по крайней мере силуэтов представителей этого класса в XIV в. Гавестон и Деспенсеры, любимцы Эдуарда II, — фигуры характерные и по своей властности, т.-е. индивидуализму, и как яркие стяжатели, т.-е. эгоисты активного склада. Король Ричард II еще в молодости, во время восстания Уота Тайлера, проявил редкую смелость и находчивость, и позднее противопоставил феодальной знати свои властные тенденции, за что и погиб. Но в то же время он проявил большое лицемерие по отношению к восставшим крестьянам и долго не смел ослушаться герцога Глостерского, с которым потом жестоко расправился, почувствовав силу свою. Вообще нет ничего более характерного для психологии господствующих классов, как жестокая расправа с мятежниками 1381 г. и лицемерное потом прикрытие ее юридическими формами: парламент просил короля дать «сеньерам и джентльменам» амнистию во всех их жестокостях—пытках и казнях, совершенных ими без суда, что король и сделал, «принимая в уважение великое усердие и лойяльность, проявленные этими сеньерами и джентльменами, и их лучшие намерения» [1]).

Во многом типичен и Генрих V, в молодости гуляка и дебошир, потом храбрый воин и искусный вождь, умело опершийся на новую пехоту в борьбе с французским феодальным ополчением, и в то же время жестоко истреблявший пленных.

Но может быть самая колоритная фигура—Джон Гёнт герцог Ланкастерский. Он построил себе роскошный дворец в Лондоне на Стрэнде, художественно его украсил внутри и снаружи, собрал там много изящной мебели и картин; он был властной натурой, правил государством почти без соперников. И в тоже время только стяжательство, жажда обогатиться еще больше насчет церкви заставляла его поддерживать Виклифа [2]).

То, что сказано о дворянстве, в полной мере приложимо и к горожанам: и здесь эгоистический индивидуализм был господствующей чертой. Лондонский мэр Вильям Уоль-

---

[1]) *Петрушевский*. Восстание Уота Тайлера.
[2]) Там же. стр. 531.

ворс при Ричарде II был смелым и властным человеком. И в то же время лондонцы сожгли дворец герцога Ланкастерского и разгромили своих конкурентов—фламандцев и кредиторов—ломбардцев [1]).

Остается простой народ, крестьянство. Прежние психическая аморфность и пассивный эгоизм, психология смирения стали сменяться новыми явлениями уже в XIII веке: крестьянин стал противополагать силе силу и лицемерию коварство. Это сказалось в песнях о разбойнике Робине Гуде, как мстителе за угнетение и притеснения [2]). Восстание Уота Тайлера свидетельствует об огромном переломе в настроении многотерпеливого крестьянства. Недаром оно привело в ужас крестьянина-народника Лэнгли или Лэнглэнда, автора «Видения Петра пахаря» («Visio de Petro Plowman»). Он жалуется на «притязательность» рабочих после чумы: им нужны свежее мясо, рыба, они злобствуют на бога, ропщут на короля; он считает себя обязанным дать им религиозное наставление. Это понятно: по Лэнгли крестьянин, Петр—пахарь, указывает господствующим классам путь к правде, но «правда» эта реакционная: Лэнгли видит ее в возврате назад, к патриархальной, феодальной простоте [3]). Психология Лэнгли в сущности старая психология пассивного эгоизма, смирения и терпения.

Иное, новое в разных оттенках мы видим у лоллардов, в так-наз. «Исповеди Дожэка Страу» и у проповедника восстания 1381 г. Джона Болла.

Проповедь и сочинения Виклифа, отвечая одними своими сторонами интересам и настроению дворянства, другими отозвались в крестьянской массе. Идеи евангельской бедности, христианского равенства, нравственной чистоты как раз близки были деревенской бедноте и той массе деревенских капелланов, которая за ничтожную плату отправляла требы и проповедывала вместо настоящих владельцев церковных ленов и приходов. Лолларды, т. е. болтуны, как презрительно называли бедных бродячих деревенских проповедников их враги, и выразили наиболее наболевшие нужды крестьянства: тяжесть налогов, злоупотребления,

---

[1]) Там же, стр. 63.

[2]) *Taine*, Hist. de la litt. anglaise, I, стр. 140 и сл.

[3]) *Jusserand*, L'épopée mystiqe de William Langland, Paris 1893, стр. 118, 121, 122; *Петрушевский*, Восст. Уота Тайлера

гнет и произвол администрации, пристрастие судей, крепостное бесправие. И потому они имели огромный успех в крестьянской массе: «апостол труда и терпения», мужик почувствовал, что на его стороне правда, освящаемая авторитетом углубленного, нового понимания религии.

«Исповедь Джэка Строу» и проповеди Джона Болла пошли дальше,—претворили убеждение и веру в действие. Здесь развернулась впервые на английской почве широкая программа крестьянского радикализма, обозначился высший пункт, достигнутый идеологически движением 1381 г. Конечно, большинство, масса не могло дойти до этого и не исповедывало этого целиком, но характерно, что крестьянство уже в то время выделило меньшинство, способное возвыситься до столь широкой программы.

«Исповедь Дожэка Строу» рисует план захвата короля мятежниками, объявления, что король сам за восстание и крестьян, избиения всех светских и духовных сеньеров; для треб предполагалось оставить одних лишь нищенствующих монахов; во главе каждого графства должен был стать особый «выборный король»; законы предполагалось издать новые [1]).

Политическое равенство, секуляризация церковных имений, истребление епископов и монахов—все это следы влияния лоллардизма [2]). Но требования эти систематизированы и развиты в целую программу в «Исповеди Джэка Строу».

Джон Болл появился в качестве наемного бедного капеллана еще до проповеди Виклифа. Первое о нем известие относится к 1366 году. Уже тогда архиепископ кентерберийский вызывал его на свой суд, считая опасными и полными соблазна его проповеди. Еще до выступления Виклифа Болл проводил некоторые его идеи совершенно самостоятельно. В 1376 г. Болл был арестован, судим, отлучен от церкви и заключен в тюрьму в Мэдстоне. Восставшие кентцы освободили его в 1381 г., и он стал видным вождем восстания и пламенным его агитатором. Еще раньше он в проповедях своих восставал против безнравственной жизни духовенства, против привилегий церкви, стоял за передачу прихожанам всех монастырских имуществ, оставле-

---

[1]) *Петрушевский,* Восстание Уота Тайлера, стр. 197, 198.

[2]) Там же.

ние в каждом монастыре только по два монаха, уничтожение епископской власти с сохранением лишь одного архиепископа на всю Англию. С выступлением Виклифа Болл примкнул к нему всецело. Но скоро он пошел дальше его и является первым в Англии проповедником коммунизма, общности имуществ. Эти его воззрения с наибольшей яркостью сказались в произнесенной им 12 июня 1381 г. в Лондоне перед восставшими кентцами проповеди на тему: «когда Адам пахал землю, а Ева пряла, кто был дворянином?» Месяц спустя—15 июля 1381 г.—Болл был схвачен и казнен — повешен, обезглавлен, вынуты внутренности и четвертован [1]).

---

[1]) Там же, стр. 34, 35, 38, 131; 176—191.

VII.

Германия XIII, XIV и первой половины XV века.

В хозяйственной истории позднего средневековья в Германии наблюдаются, конечно, в общем и целом явления, сходные с английскими и французскими, — рост денежного хозяйства, городского ремесла и сельского кустарничества [1]), медленное улучшение техники хозяйства [2]), развитие денежной свободной аренды министериалов — рыцарей [3]), перевод крестьян на денежные оброки и пр. [4]). Несомненно также были и попытки личного, непоземельного закрепощения крестьян, вызывавшие, как и во Франции и в Англии, крестьянские волнения [5]), вылившиеся в XVI веке в бурную форму Крестьянской войны, охватившей огромную территорию.

Но все эти сходства не исключали основного различия — сильной задержки хозяйственного развития Германии сравнительно с Францией и Англией того времени. Незаконченность, недовершенность процесса экономического развития в Германии конца средних веков сравнительно с развитием французского и английского народного хозяйства бросается в глаза всякому сколько-нибудь внимательному наблюдателю. Национальным германское хозяйство тех времен так и не сделалось, — оно оставалось феодаль-

---

[1]) *Inama-Sternegg,* Deutsche Wirtschaftsgesch., II, стр. 306 и сл., 363; III, 2, стр. 1 и сл., 13 и сл., 455.

[2]) *Michael,* Gesch des deutschen Volkes, I, Freib. i. Br., 1897 стр. 26 и сл.

[3]) *Inama-Sternegg,* II; стр. 167 и сл., III, I, стр. 169—170.

[4]) Там же, III, I, стр. 394.

[5]) *Лампрехт,* Ист. герм. народа, II.

ным: не было национальной хозяйственной политики [1]), Золотая булла Карла IV в 1356 г. заключала в себе формальный отказ императора в пользу курфюрстов от прерогативы чеканки монеты [2]), неудачны были и попытки монетного объединения в конце XIV века [3]), не говоря уже о том, что при Гогенштауфенах было до 100 отдельных мест самостоятельного монетного чекана, причем вес монеты одного наименования различался иногда вчетверо [4]). Только рейнские курфюршества установили для себя — и опять-таки только для себя одних — общую, единую монету в 80-х годах XIV в. [5]). Некоторым коррективом к этому унаследованному от прошлого феодально-хозяйственному распаду являлись только взаимное хозяйственное тяготение Баварии, Австрии и Чехии [6]) и союзы городов— рейнский и швабский [7]), если не говорить даже о ганзейском, имеющем, как нам уже известно, особое, прямо противоположное даже, значение: процветание Ганзы, служившей естественным дополнением к феодальному хозяйству с местным узким рынком, свидетельствовало именно об отсталости Германии,—недаром Ганза стала клониться к упадку и хиреть только в XV столетии.

Именно в это последнее столетие, т.-е. с значительным запозданием, развивается и измельчание крестьянских участков, и свободная аренда министериалов и крестьян, и крестьянская пролетаризация и барщина [8]), параллельно чему сокращается все более королевский домэн, несмотря на попытки противодействия этому со стороны Габсбургов [9]) и падает церковное и монастырское землевладение [10]).

Понятно поэтому, что и цеховая принудительность, ремесленная монополия цехов и торговая монополия гильдий долго держится в отдельных частях Германии, и лишь к

[1]) *Inama-Sternegg*, Deutsche Wirtchaftsgesch, III, I, стр. 19.
[2]) Там же, III, 2, стр. 366.
[3]) *Lindner*, Gesch. des deutschen Reiches vom Ende des XIV Iahrh. bis zur Reformation, II, Braunschweig, 1876, стр. 109.
[4]) *Inama-Sternegg*, III, 2, стр. 367.
[5]) *Lamprecht*, Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter, II, стр. 466. Ср. там же, стр. 416—424.
[6]) *Inama-Sternegg*, Deutsche Wirtschaftsgesch., III, I, стр. 20.
[7]) Там же.
[8]) Там же, III, I, стр. 51, 54, 56, 212 и сл., 419—420.
[9]) Там же, III, I, стр. 148, 141.
[10]) Там же, III, I, стр. 163—165.

XV веку цехи и гильдии подаются под напором новых хозяйственных условий [1]). Характерно, что сравнительно-исторические сопоставления дают возможность поставить на один уровень французский город конца XIII века и немецкий — 20-х — 30-х годов XV столетия [2]). Понятными являются, наконец, и те иллюстрации мелкой торговли, которые берутся именно из истории Германии даже XV века [3]).

Соответственно описанным экономическим явлениям слагались и социальные отношения и политический строй Германии XIII, XIV и XV веков. Характерны в этом отношении две привилегии Фридриха II Гогенштауфена: в 1220 г. он признал полный суверенитет епископов в их владениях, а в 1232 г. сделал то же по отношению к светским князьям [4]). Если в первой из этих привилегий можно было видеть попытку духовных феодалов получить перевес, то вторая означала, что обе части феодальной аристократии — духовная и светская — столковались, вступили в компромисс на основе равенства. С тех пор феодальная знать в Германии до конца средних веков сохраняет свое господствующее положение, в особенности укрепленное формально по отношению к курфюрстам, крупнейшим духовным и светским князьям — Золотой буллой императора Карла IV Люксембургского, что наиболее ясно отразилось на власти его сына Венцеля [5]) и его преемников.

Конечно, преобладающее значение знати весьма сильно, очень заметно сказалось на положении городов, с одной стороны, и рыцарей-министериалов—с другой.

И в городах в XIV в. (мы не принимаем здесь во внимание ганзейские города, о которых речь пойдет особо) сказались новые хозяйственные влияния в той мере, в какой они в то время вообще были возможны в Германии: ремесло не сменилось промышленным капитализмом, но стало крупнее, чем проведена была довольно резкая грань

---

[1]) Там же, III, I, стр. 136—137.

[2]) *Зомбарт,* Современный капитализм, т. I, М., 1903, стр. 85.

[3]) Там же, I, стр. 175—182.

[4]) *Raumer,* Gesch. der Hohenstaufen und ihrer Zeit, III, стр. 409 и след.

[5]) *Бецольд,* История реформации в Германии, т. I, стр. 22; *Lindner,* Geschichte der deutschen Reiches vom Ende des XIV-rer Jahrh. bis zur Reformation, I, стр. 122, 123; II. стр. 405, 429—430, 441.

между мастером-хозяином, с одной стороны, и подмастерьями и учениками—с другой [1]). Мастер стал уже более предпринимателем, чем прежде. Вместе с тем он стал богаче, почувствовал себя сильнее и начал проявлять властные замашки. Отсюда произошла внутригородская борьба между патрициатом, состоявшим из землевладельцев и купцов, и ремесленными цехами. Городские советы были исключительно патрицианскими по своему составу и на деле всегда совет, отправлявший свои обязанности, по окончании своих полномочий производил выборы своих преемников нового состава совета. Ремесленники в совете не участвовали, и их должностные лица находились под контролем совета И вот в XIV в., в особенности к концу его, ремесленники большею частью добиваются участия в городском управлении в той или иной форме: то, как в Дортмунде, Магде бурге, Кёльне, они вступили прямо в городские советы, то, как в Мюнстере, Оснабрюке, Зоесте, они учредили свой особый совет и городское управление шло при взаимном согласии обоих советов—купеческого и общецехового [2]).

Но как ни слабо сравнительно развивались городские торговля и промышленность, — все же они шли вперед и повелительно диктовали и купцам и ремесленникам объединительную политику, поддержку императорской власти. При Сигизмунде в XV в. и делается более или менее решительная попытка в этом направлении [3]). Но еще и раньше, в особенности при Венцеле, наблюдались те же тенденции преимущественно в союзах городов — рейнском и швабском [4]). Поражения, тогда понесенные городами от князей, научили их при Сигизмунде искать союза с рыцарями, с рядовым дворянством, выделившимся из среды министериалов [5]).

Но рыцарство было слабо в силу той же хозяйственной недоразвитости Германии в позднее средневековье. К тому же и по той же причине оно не имело достаточно общих с горожанами экономических интересов, и потому

---

[1]) *Inama-Sternegg,* Deutsche Wirtschaftsgesch., II, стр. 95—98.

[2]) *Hegel,* Städte und Gilden der germ. Völker, II, стр. 493—497.

[3]) *Бецольд,* История реформации, I, стр. 25.

[4]) *Lindner,* Gesch. des deutschen Reiches, I, стр. 277 и сл.; II стр. 39 и сл.

[5]) *Бецольд,* История реформации, I, стр. 25.

имперские рыцари все чаще превращались в подданных тех же князей, а иногда селились и в городах и поступали в их военные слуги [1]). Города, опять-таки в силу своей сравнительной отсталости, действовали часто старыми, феодальными приемами и средствами, распространяя свой патронат на княжеских и рыцарских подданных [2]), не в силах будучи отрешиться всецело от устарелых феодальных традиций. Это также поселяло рознь городов и рыцарей, не говоря уже о вражде князей к городам.

По всем этим причинам, корень которых кроется все в той же хозяйственной отсталости Германии, союз городов и рыцарства при Сигизмунде не состоялся [3]), и Германия в хозяйственном, социальном и политическом отношениях к концу средних веков далеко не уподобилась Франции или Англии в то же время: упадок феодализма не был завершен, земля и власть не были собраны, и в то же время царила огромная, непримиримая противоположность классовых интересов, с трудом сдерживавшаяся господством княжеской олигархии, тесно осоюзившейся с папством [4]).

Понятно, что условия материальной культуры Германии второй половины средних веков наложили свою печать и на психологию разных классов общества, а следовательно и на немецкую духовную культуру того времени: здесь сказывались и весьма многочисленные, часто преобладавшие остатки старины, полного расцвета феодализма, и ростки нового, пробивавшиеся все сильнее и сильнее.

Начнем с вершины общества—с императоров и князей. Наибольшее количество остатков феодальной, грубо-хищнической, элементарно-эгоистической психологии мы видим у Венцеля, очень типичной в этом отношении фигуры немецкого и вместе чешского аристократа позднего средневековья. Он, как и отец его Карл IV, был алчен и достаточно труслив, как видно из его постоянных колебаний между князьями и городами, ведшими борьбу в его царствование. Он был недалек, жесток, распущен; выше всего ставил охоту и слушался в государственных делах больше всего товарищей по охоте. Но в то же время Венцель был и до-

---

[1]) Там же, I, стр. 27, 29 и др.
[2]) *Дживелегов*. Средневековые города.
[3]) *Бецольд,* История реформации, I, стр. 28.
[4]) Там же, I, стр. 31—32.

вольно образован, владел немецким, латинским и чешским языками и любил хорошо, по новому пожить [1]).

Фридрих II Гогенштауфен был выше Венцеля на целую голову, хотя жил и царствовал в первой половине XIII в., тогда как царствование Венцеля относится к концу XIV столетия. Но Фридрих II был именно поэтому не типичной фигурой своего времени, а исключением, одним из ярких проявлений высших психологических достижений, какие только доступны были тогда немецкой культуре. Вот почему он, несмотря на весь внешний блеск своего царствования, в сущности, поскольку в особенности речь идет о Германии, вынужден был плыть по течению, приспособляться к отсталости. Его резко выраженный новый индивидуализм не подлежит сомнению: в Италии, в особенности южной, где почва была, казалось, благоприятнее, он проявил властность и верное понимание, что арьер вассалы—рыцари и города являются естественной опорой императорской власти; в его христианстве заметны протестантские черты, быть может даже некоторая склонность не только к критицизму, но и к скептицизму и даже неверию. Он любил хорошо пожить, любил искусство, науку, был широко образован, смел и решителен не только в бою, но и в политике: напр., не постеснялся защищать интересы сарацин в ущерб христианам, ловко вел дело с Саладином и т. д.

Но общий тон психологии немецких князей XIII, XIV и XV веков был гораздо ниже той исключительной высоты, которой достиг Фридрих II Гогенштауфен. Здесь господствовал тип приобретателя, собирателя земли и власти в пределах своего княжества, подобный типу московских великих князей. Таковы были Габсбурги, Гогенцоллерны, в особенности же Виттельсбахи—беззастенчивые насильники, как пфальцграф Фридрих Победоносный в середине XV века, смелые, хитрые, крутые и необузданно-своевольные люди—смесь волка и лисицы, подобные Альбрехту IV баварскому [3]). Что касается духовных князей, то ничего не может быть красноречивее ходячего народного о них

---

[1]) *Lindner,* Gesch. des deutschen Reiches vom Ende des vierzehnten lahrhunderts bis zur Reformation, II, стр. 172—175.

[2]) *Raumer,* Gech. der Hohenstaufen, III, стр. 405—417, 488, 490, 496, 495; *Reuter,* Gesh. d. relig. Aufklarung, II, стр. 256—275.

[3]) *Лампрехт,* История германского народа, т. II, стр. 55—59.

мнения: «вот дело епископов: скакать на лошадях, добывать себе большие почести, набивать карманы, есть хороших кур и бегать за публичными женщинами» [1]).

Неудивительно, что в религии очень многое строилось на старом элементарно-эгоистическом, грубо-хищническом основании. Папский авторитет выражался почти исключительно в поборах, раздражавших и духовенство, и мирян (пациум, аннаты и пр). [2]) «Отношение между грехом и милостью сводилось к простой арифметической задаче»: чтобы получить отпущение грехов, надо было прочитать столько-то тысяч раз «Отче наш» или попросту откупиться от этого деньгами [3]). В Галле показывали мощи Христа и бутылку с молоком Богоматери; как святыня, чтилась даже земля из под Дамаска, из которой Бог сотворил первых людей [4]).

Все эти суеверия, к которым фактически сводилась старая, господствующая религия, уже встречались в кругах феодальной аристократии с потребностью более осмысленных религиозных воззрений. На почве Германии XIII века такая потребность нашла себе выражение в деятельности такого выдающегося представителя схоластики, как Альберт Великий, сам граф по происхождению, одно время бывший епископом и добровольно оставивший этот сан для научных и философских занятий.

Альберт Великий был чрезвычайно характерным, типичным выразителем и представителем аристократической психологии своего времени, перелома, в этой психологии совершавшегося. Он возвысился до некоторой самостоятельности, оригинальности в естествознании, в особенности в ботанике. Но главное было все-таки не в этой оригинальности, а в той любознательности, с которою Альберт Великий впитывал в себя разнообразные знания, как губка воду, что и сделало его энциклопедистом своего времени. Через посредство Аверроеса Альберт Великий нашел и философский авторитет, на который опирался,—именно авторитет Аристотеля. Важно, что здесь, в схоластике Альберта Великого, знание должно было дополнять и укреплять

---

[1]) *Бецольд,* История реформации I, стр. 83.
[2]) Там, же стр. 77—78.
[3]) Там, же стр. 103.
[4]) Там, же стр. 105.

веру [1]). Важно и то, что Альберт Великий был одним из виднейших насадителей алхимии на европейской почве [2]). здесь сказалась опять естественная в Германии феодальная отсталая в сущности психология и духовная культура. Но для немецкой отсталости характерно еще то, что XIV и XV века в Германии не дали более ничего нового, жили научными и схоластическими приобретениями XIII столетия [3]).

Теми же чертами—преобладанием старого феодального склада с примесями нового — отличается и литература немецкого феодализма в XIII, XIV и первой половине XV в.

Ближе всего к феодальному идеалу в чистом и развитом его виде стоял Генрих фон-Вельдеке, писавший в конце XII века. Это сказалось особенно в изображении им придворной жизни, обстановки и манер. Но утонченно-изящные любовные сцены уже знаменуют собою колебание старого феодализма, переход к индивидуализму и эстетизму, некоторый декадентский пошиб и уклон [4]). Изысканность, искусственность всегда отмечает собою литературу падающего класса. Чувство сменяется сантиментом [5]).

Несколько дальше отошел от феодальных преданий Гартман фон-Ауэ, который был новатором и в области литературной формы: он создал роман. Основная тема его романов—конфликты между честью и любовью [6]), нечто, уже носящее в себе элементы новой морали и психологии, имеющее признаки индивидуализма. Его роман «Бедный Генрих» особенно характерен: здесь рассказывается история рыцаря, который, будучи болен проказой, хотел, согласно распространенному средневековому предрассудку, вылечиться от этой болезни кровью невинной девушки, но раскаялся

---

[1]) *Michael,* Geschichte des deutschen Volkes seit dem dreizehnten Iahrhundert, bis zum Ausgang des Mittelalters, т. III, стр. 113 и сл. 460; *Renan,* Averroès et l'averroïsme P. 1861. стр. 231.

[2]) *Schäfer,* Die Alchemie, Flensburg 1887, стр. 25.

[3]) *Michael,* Geschichte des deutschen volkes, III, стр. 460.

[4]) *Golther,* Geschichte der deutschen Litteratur, I. стр. 201 и сл., 259. *Michael,* Gesch. d. deutschen Volkes, IV, стр. 6; *Куно-Франке,* История немецкой литературы, стр. 91, 93.

[5]) Ср. *Шишмарев,* К истории любовных теорий, «Ж. М. Н. Пр.» за 1900, ноябрь, стр. 127.

[6]) *Michael,* IV, стр. 8—9; *Куно-Франке,* стр. 96.

и женился на ней, хотя она была крестьянкой [1]). Тут нов отказ от старого суеверия, но женитьба больного рыцаря на крестьянке рассматривается не как нечто морально недопустимое, потому что он болен, а как признаки раскаяния, как некоторый подвиг, потому что он—рыцарь, а она крестьянка, т.-е. в совершенно старом духе.

Еще более оторвались от прошлого, хотя и далеко не вполне, и представляют собою уже переход к новой психологии дворянства и торговой буржуазии,—психологии в значительной мере индивидуалистической, выдвигающей на первый план высшие и широкие запросы личности, Вольфрам фон-Эшенбах, Вальтер фон-дер-Фогельвейде, Тангейзер и в особенности Готфрид Страсбургский.

У Эшенбаха главное—роман из бретонского, Артурова цикла, цикла Круглого Стола «Парциваль». В нем есть новые идеалы и порывы, находящие себе яркое выражение, напр., в желании Парциваля «завоевать щитом и копьем добычу для тела и рай для души» [2]) — оригинальная смесь индивидуализма, жизнерадостности с религиозностью. Но основная тема «Парциваля» все-таки средневековая, католическая, феодальная: Парциваль борется, падает, сомневается, отчаивается, но спасается тем, что от неверия переходит к религиозности и в ней укрепляется [3]). Если это и Фауст [4]), то именно средневековый, оставшийся на традиционной стезе, несмотря на все временные, преходящие колебания.

Фогельвейде был лирик, сочетавший в своей поэзии и средневековый католицизм (гимн Богородице) и гибеллинство в старом, феодальном смысле—он стоял за мировое господство императора Священной Римской империи — и в то же время новые стремления и настроения: сюда относятся и рыцарские любовные песни в искусственном, изысканном, сентиментальном стиле эпохи падения феодализма, и народные любовные песни, и политические «шпрухи», проникнутые духом общественной борьбы» [5]).

---

[1]) Ср. *Куно-Франке*, История немец. литературы, стр. 97.

[2]) Там же, стр. 102.

[3]) Там же, стр. 99—101; *Michael*, Gesch. d. deut. Volkes, IV, стр. 20 и сл.; *Golther*, Gesch. d. deutsch. Litt., I, стр. 213 и сл., 270 и сл.

[4]) *Michael*, Gesch. des deutschen Volkes, IV, стр. 20.

[5]) Там же, стр. 271; *Стороженко*, Очерк истории зап.-европ. литературы, стр. 58; *Куно-Франке*, История нем. литературы, стр. 77—81

Еще дальше по пути сближения с народной лирикой пошел Тангейзер [1]). Но больше всех индивидуалистом является Готфрид Страсбургский, гарожанин, чуждый всякого мистицизма и критически относящийся и к рыцарству и к церковной обрядности. В его романе «Тристан», сюжет которого преступная, недозволенная любовь Тристана к жене короля Изольде, мы видим настоящий апофеоз страсти, горячую симпатию к человеческим слабостям и страстям. Надо представить себе всю силу и значение феодальной иерархии, чтобы понять, как ярко отразил Готфрид в этом романе разложение феодальных отношений и традиций. Если что у него и осталось от погибавшего уже прошлого, то лишь тяготение к аристократическому обществу, как все же наиболее культурной части народа. Следует прибавить, что в писательской индивидуальности Готфрида все это дополнялось еще одной характерной новой чертой—необыкновенным для того времени изяществом стиля [2]).

Но влияние новой бюргерской психологии сказалось и в других отраслях литературы. В XIV веке переделывается «Рейнеке-Лис» с заострением критики старой феодальной знати, средневековой церкви и духовенства [3]). Французским фаблио соответствуют немецкие швенки. Подобное же значение имеет «Поп Амис»—сатира на духовенство [4]). На всех этих примерах лишний раз подтверждается та истина, что установление самого факта заимствования недостаточно еще для объяснения того или другого исторического явления, необходимо еще исследовать местные общественные условия, свойственные заимствующей культуре, и тогда будет ясно, что и заимствуемое видоизменяется применительно к особенностям данной страны, и заимствование не означает, следовательно, ни поверхностности, ни шаблона, отсутствия оригинальности. Сравнение французских «Романа о Лисе» и фаблио с «Рейнеке-Лисом» и швенками лишний раз подтверждает отсталось Германии позднего средневековья сравнительно с современной ей Францией.

---

[1]) *Golther,* Gesch. d. deutschen Literatur, I, стр. 279 и след.

[2]) Там же, стр. 220 и след.; *Michael,* Gesch. d. deutsch. Volkes, IV, стр. 60 и сл.; *Куно-Франке,* История нем. литературы, стр. 102, 103, 105; *Стороженко*, Оч. истории зап.-европ. лит., стр. 66.

[3]) *Golther,* Gesch. d. deutsehen Lit., I, стр. 198.

[4]) *Стороженко,* стр. 72; *Куно-Франке,* стр. 129.

Купеческая и мещанская мораль, противопоставлявшая себя феодальному грубому насилию, лицемерию, вероломству, нашла себе выражение в проповеднической деятельности Бертольда Регенсбургского, бывшего популярным, общедоступным и вместе с тем изящным оратором, отличавшимся и начитанностью и искренней религиозностью [1]).

Переходя к искусству, мы и здесь находим те же различные наслоения, созданные психологией разлагавшейся правящей знати и возвышавшихся рыцарства и бюргерства, оказывавшихся, однако, вследствие незаконченности социально-экономического процесса падения немецкого феодализма, не в состоянии стряхнуть с себя пыль веков, избавиться совершенно от влияния традиций.

В живописи долго и много было остатков старой мертвенности средневековой рутины. Но мастер Вильгельм и в особенности его ученик Винрих в XIV в. нежностью красок, изяществом выполнения [2]) напоминают уже византийскую живопись XIV века, наших Дионисия и Андрея Рублева.

В архитектуре XIV век дал Германии готику, развившуюся именно на почве и в атмосфере городского, бюргерского типа. Готический стиль, родившийся во Франции, привился в отсталой Германии позднее, но выражал именно ту же психологию стремления в высь, религиозности, мистицизма, которая так характерна для угнетенных еще, но стремящихся вперед горожан и для широких масс населения [3]). То же в общем движение вперед наблюдается в музыке, у Франка Кёльнского, творца теории консонансов и диссонансов [4]).

Настроение мелкой буржуазии и вообще народа, по крайней мере передовых его слоев, проявилось в разных оттенках мистического движения и в сектантских, еретических течениях. Наиболее умеренным из мистиков, во многом напоминавшим Нила Сорского, был в XIV в. Таулер; он отрицал крайности аскетизма, ценил не обряды и

---

[1]) *Galther,* Gesch. d. deutsch. lit., I, стр. 331; *Лампрехт,* История герм. народа, т. II, стр. 182—183.

[2]) *Мутер,* История живописи, т. I; *Michael,* Gesch. d. deut. Volkes, II, стр. 144 и сл., 179, 180.

[3]) *Reber.* Kunstgeschichte des Mittelalters, стр. 476 и след.

[4]) *Размадзе,* Очерк истории музыки, стр. 48, 49; *Науман,* Иллюстриров. всеобщая история музыки, I, стр. 211.

установленные молитвы, а духовное слияние с Богом, верил в божественное происхождение естественных желаний и потребностей; но и Таулер уже признавал принцип всеобщего священства [1]). Что касается Эккарта, то инквизиция обвиняла его в сочувствии еретикам и поддержке их, и он доходил до учения о мире, как непрерывной эманации Божества [2]). Генрих Сузо, защищавший Эккарта от обвинений, выставленных инквизицией, поставил себе целью слияние со вселенной и, преследуя эту цель, дошел до крайностей аскетизма: ходил в цепях, ложился на крест, утыканный гвоздями, отдавал себя на съедение насекомым и 20 лет не умывался [3]).

Эти крайности, угловатость, грубость немецкого мистического движения свидетельствуют лишний раз об отсталости Германии в конце средних веков. В том же смысле следует понимать и характер немецких еретических движений того времени: здесь Германия не дала ничего нового, оригинального. Но немецкая почва оказалась тем не менее восприимчивой к заграничным влияниям: появившиеся в Германии еще в половине XI в. катары особенно усилились в XIII столетии; потом распространились вальденсы, арнольдисты и т. д [4]).

---

[1]) *Куно-Франке,* История немец. литературы, стр. 116, 119, 121.
[2]) Там же, стр. 116, 117.
[3]) Там же, стр. 118.
[4]) *Michael,* Geschichte des deutschen Volkes, II, стр. 271, 272 278, 285.

VIII.

Феодализм и его падение в Нидерландах.

Расцвет феодализма в Нидерландах со всеми сопровождающими его явлениями в хозяйстве, общественном и государственном строе относится к XI и XII векам [1]). Герцоги брабантские, графы фландрские, графы голландские—вот важнейшие нидерландские бароны, с которыми из духовных сеньеров мог соперничать богатством и могуществом один лишь архиепископ люттихский. В XI и XII веках все эти феодалы пользовались почти полною самостоятельностью и независимостью, опираясь на хозяйственную замкнутость, обособленность своих владений, на сложившиеся в них местные рынки. Этому соответствовали, особенно в XII и XIII столетиях, цеховая и гильдейская организации в городах [2]).

Но две особенности природы Нидерландов дали толчек их развитию, несравненно более быстрому и дружному, чем развитие Германии. То были близость моря и обилие многоводных рек, в низовьях которых лежали Нидерланды.

Близость моря порождала мореплавание и рыболовство, в особенности торговлю сельдями, которые были в избытке; обилие воды заставляло бороться с морскими разливами и болотами, по осушке которых земледелие, скотоводство и сыроварение стали развиваться быстро и успешно и также питать собою внешнюю торговлю [3]). Тому же содействовали в XIII веке связи с шампанскими ярмарками и сношения через их посредство с Италией [4]).

---

[1]) *Лампрехт,* История герм. народа, II, стр. 230 и след.
[2]) Там же, стр. 438 и след.
[3]) Там же стр. 232, 234.
[4]) *Bourquelot.* Etudes sur les foires de Champagne, I, стр. 163 и сл.

Все эти условия рано и сильно начали подтачивать нидерландский феодализм и выдвигать на первый план города с их торговлей и промышленностью, в особенности с сукноделием. Города Фландрии образуют могущественную и богатую фландрскую Ганзу, служившую яблоком раздора между местными сеньерами, королями Англии и французскими королями. Складывалась городская свобода, скреплявшаяся уравнением более важных ремесленных цехов с купеческой аристократией в отношении участия в городском самоуправлении [1]). Конечно, и здесь торговый капитал продолжал оставаться господином положения [2]), экономически подчиняя себе ремесло—и мелких мастеров и ремесленных подмастерьев—рабочих.

Это экономическое и социальное развитие, знаменовавшее собою упадок феодализма и рост буржуазии, было быстрее и определеннее, чем в Германии. И потому в области духовной культуры новые явления на почве Нидерландов взросли выше и оказались более законченными. Так нидерландский мистицизм XIV и XV веков был гораздо культурнее, духовнее, утонченнее, чем немецкий. Если Рюисбрюк еще напоминал в своей мистике немецких собратов своих [3]), то Гергарт Гроот со своими «братствами общей жизни или доброй воли» пошел дальше. Члены братств имели общее имущество, общий стол, работали сообща и одинаково одевались, но, главное, держась весьма умеренного аскетизма, посвящали свое время в значительной мере науке и просвещению, составлению библиотек, воспитанию детей [4]). Из братств в XV в. вышел уже прямо гениальный мистик Фома Кемпийский, автор «Подражания Христу» [5]).

Не менее важны и характерны были новшества в области искусства—живописи и музыки. Братья ван-Эйки, изобретатели масляной живописи, были замечательны не только этим техническим нововведением, но и тем изяществом, нежностью красок и признаками жизненности изображения,

---

[1]) *Hegel,* Städte und Gilden der germanischen Völker im Mittelalter, II, стр. 230, 315, 317.

[2]) Там же, стр. 315.

[3]) *Лампрехт,* История герм. народа II, стр. 499.

[4]) Там же, стр. 500; *Бецольд,* Ист. реформации, I, стр. 122—123.

[5]) *Лампрехт,* История герм, народа, II, стр. 499—501; *Бецольд,* История реформации в Германии, I, стр. 122—123.

которые отличали живопись времен упадка феодализма и в других странах [1]). В музыке замечательны были Жан де Мурис, соответствовавший Франку Кёльнскому, и в особенности Дюфэ, сведший в единое стройное целое все достижения своих предшественников в теории контрапункта, полифонии, мензуральной системы [2]). Так, разными путями проникали в жизнь и психологию общества новые черты, свойственные торговому капитализму и его представителям—дворянству и буржуазии: индивидуализм и эстетизм, тесно с ним связанный, родственный ему.

---

[1]) *Мутер,* История живописи, т. I.

[2]) *Науман,* Илл. всеоб. история музыки, II, стр. 8-30; *Размадзе,* Очерки истории музыки ч. 2, стр. 45—65. Контрапункт — голос, составляющий не униссон главному голосу, а свободное по отношению к нему мелодическое образование; полифония—многоголосная, гармоническая, не униссонная музыка; при ней у разных голосов тоны разной продолжительности; измерение этой продолжительности с целью противопоставления главному голосу (cantus firmus) дискантирующих (второстепенных) голосов без нарушения музыкальной цельности—мензура, мензуральная система.

IX.

Италия во второй половине средних веков.

Факт развития в Италии второй половины средних веков, начиная с XIII века, торговли, денежного хозяйства, расчитанного на обширный рынок, непреложен. Мы не говорим уже здесь о Венеции, Генуе, Флоренции, Пизе—о них удобнее говорить особо, в другой связи. Но Амальфи, Анкона, Салерно торговали с Палестиной, Сирией, Египтом [1]), итальянские купцы—в особенности из Пьяченцы, Болоньи, Рима, Сиены—посещали с торговыми целями Англию и Ирландию [2]), вели коммерческие операции по Рейну с Германией [3]), широко развивали свою деятельность на шампанских ярмарках, а позднее вступили в непосредственные связи и сношения с Фландрией [4]).

Этот широкий размах внешней торговли Италии времен позднего средневековья имел себе соответствие и в торговле внутренней. Целый ряд ярких признаков свидетельствует о росте и расширении внутреннего рынка, о быстрой подготовке Италии с XIII века к образованию единого, большого, национального рынка. В Неаполитанском королевстве крупными и важными центрами внутренней торговли являются Салерно и Неаполь [5]), в северной Италии и Тоскане Милан, Асти, Пьяченца, Лукка, Сиена [6]). Особенно развиваются коммерческие сношения, проникая в массы населения, по

---

1) *Schaube,* Handelsgeschichte der Romanischen Völker, стр. 140, 147.
2) Там же, стр. 392, 399, 404, 495.
3) Там же, стр. 422 и сл.
4) *Bourquelot,* Les foires de Champagne.
5) *Schaube,* Handelsgeschichte, стр. 476.
6) Там же, стр. 639, 656.

Эчу и По, где выступают на первый план в этом отношении Феррара, Мантуя, Парма, Бергамо [1]). Главные ярмарки в бассейнах нижнего По и Эча образуют круг [2]), представляющий собою единое целое, т.-е. создающий один обширный рынок. С увеличением торгового значения водных путей города берут в свои руки от феодалов все речные пошлины и сборы, уменьшают эти поборы и с этою целью заключают между собою торговые договоры [3]). Цель городов—сделаться торговыми центрами для возможно большей территории. Отсюда [4]) происходит и забота городов об улучшении дорог и об установлении безопасного по ним проезда и привоза товаров [5]). Наконец, к половине XIII века устанавливаются прочнее вес и мера, преследуются недобросовестные, некультурные коммерческие приемы, напр., обмер и обвес, совершенно обычные в прежнее время, бывшие правилом, а не исключением, и строго преследуется городами подделка монеты [6]).

Все эти новые хозяйственные явления первостепенной важности совершались в Италии быстрее, чем во многих других странах европейского запада, и потому выдвигали ее как передовую страну. Поэтому уже XIII век, даже в первой еще своей половине, был в Италии заключительным моментом процесса падения феодализма. XV столетие относится уже к следующему историческому периоду.

Оживленная и все более оживлявшаяся торговля разрушала и разбивала феодальные отношения, подрезывала крылья феодальной аристократии. Города и отчасти рядовое рыцарство, дворянство, часто поступавшее к ним на службу, особенно на службу военную, служили источниками абсолютистских тенденций в итальянской политике императоров, глав Священной Римской империи, в особенности Гогенштауфенов, Фридриха Барбароссы и Фридриха II [7]). Характерна в этом отношении идейная поддержка, оказывавшаяся им рецепцией, возрождением римского права, главным образом трудами ученых юристов—профессоров Болонского универ-

---

[1]) Там же, стр. 699, 706, 709.
[2]) Там же, стр. 719 и след.
[3]) Там же, стр. 726, 751.
[4]) Там же, стр. 726.
[5]) Там же, стр. 734, 738.
[6]) Там же, стр. 764, 765.
[7]) *Giesebrecht,* Geschichte der deutschen Kaiserzeit, томы IV и V.

ситета,—истинных идейных представителей буржуазных интересов. В Италии, в особенности в Неаполитанском королевстве, совершается таким образом, соответственно расширению рынка, росту денежного хозяйства, падению феодальной знати, возвышению дворянства и особенно буржуазии, собирание земли и власти государями с явно абсолютистскими тенденциями. Крупнейший в мире феодал— римский папа принял в этом деле видное участие, сам став в ряд государей–– собирателей земли и власти.

Но после Бонифация VIII, с «вавилонским пленением» пап, т.-е. с переселением их из Рима в Авиньон, и особенно с «великим расколом», значение римского престола падает; феодальная сущность папства стояла в противоречии с новыми жизненными условиями, не вязалась с националистически-централизующими и абсолютистско-государственными тенденциями и укрепляла гибеллинские, антипапские тенденции в городах, выдвигая на первый план гвельфов, сторонников папы, да и то как феодала, а не как абсолютного итальянского монарха, только в цитаделях муниципального феодализма вроде Флоренции.

Передовой тон и дух итальянской жизни второй половины средних веков породил в итальянской духовной культуре XIII и XIV веков много новых, весьма характерных, замечательных явлений, которые все более выступали на первый план преимущественно перед старыми феодальными традициями, имевшими в Италии того времени также видных представителей, которые, как и итальянские новаторы, приобрели международное, европейское значение.

Между этими представителями феодальной духовной культуры в ее законченном виде первое место занимает Фома Аквинский (1225—1274 гг.) В характере его много старых, феодальных преданий: будучи знатного происхождения, Фома отличался чертами, типичными для средневекового богослова и ученого: он был склонен к уединению, к монашеской жизни, молчалив, чрезвычайно трудолюбив, так что расстроил себе работою здоровье [1]), ставил себе задачей примирить разум с верой путем подчинения первого последней и установить гармонию между церковью и государством посредством подчинения государей папской власти.

---

[1]) *Jourdain,* La philosophie de Saint Thomas d' Aquin, t. I, P. 1858. стр. VII, VIII.

Не будучи творческим умом, Фома Аквинский являлся, однако, великим систематизатором [1]) и, соединяя главным образом Аристотеля [2]) и Августина и борясь с Аверроесом, от которого он, однако, многому научился [3]), создал таким образом классическую форму средневекового католически-феодального мивоззрения.

К мудрости—высшему благу ведут человека разум и вера. Священные предание и писание—высшие, но не единственные авторитеты. Разум—тоже свет Божий, но он ограничен, несовершенен, не обладает полною мощью для открытия истины. И свет веры его здесь дополняет и просветляет. Вера имеет свою область, недоступную разуму, и, проникая в область ему доступную, облегчает ему познание истин естественного порядка, увеличивает и развивает силы разума [4]). Таким образом знание и вера не противоречат одно другой, и три царства, существующие в мировой жизни,—царство природы (natura), царство благодати (gratia) или нравственных истин, исторического откровения и царство славы (gloria)—высшее царство, где открывается непосредственное лицезрение Божества,—составляют единое целое. Поэтому и государство является подготовительною ступенью к церкви, подчинено ей, и папе подчинены все государи, как самому Христу [5]). Мало обращая внимания на чистые абстракции [6]), Фома Аквинский, однако, не мог обойти знаменитый спор реалистов с номиналистами. И здесь он совершенно в духе своей системы высказался за умеренный реализм. Фома отрицал существование общих понятий вне вещей: общие понятия, по его мнению,—существенная часть, сущность вещей, мысли Божества, отвлечения человеческого ума [7]). Нам известно из предшествующего изложения [8]), что и экономическая теория Фомы Аквинского

---

[1]) *Eucken,* Die philosobhie des Thomas von Aquino und die Kultur der Neuzeit, 2-e Aufl. Bad Sachsa, Südharz 1910, стр. 8.

[2]) Там же стр. 46; *Jourdain,* I, стр. 441 исл.

[3]) *Rèann,* Averroès et laverroisme, стр. 236.

[4]) *Jaurdain,* La philosophie de Saint Thomas d'Aquin, I. стр. 154—166.

[5]) *Eucken,* Die philosophie des Thomas von Aquino, I, стр. 12, 34, 35.

[6]) *Jaurdain,* La philosophie de Saint Thomas d'Aquin, I, стр. 282.

[7]) Там же, II, стр. 144.

[8]) Том II, глава пятая, IV, стр. 138; ср. *Maurenbrecher,* Thomas von Aquino's Stellung zur Wirtschaftsleben seiner Zeit, I.

была точным отражением хозяйственного склада феодализма в полном его расцвете. Таким образом Фома Аквинский был во всех отношениях типичным, законченным идеологом феодальной аристократии. Это, впрочем, в большей или меньшей степени можно повторить и о всех доминиканцах, этих «ученых адвокатах церкви», которые и в искусстве, напр., в живописи, поддерживали «догматическую окоченелость» [1]).

Переходя к психологии и духовной культуре дворянства в Италии XIII и первой половины XIV века, необходимо, в соответствие тому, что наблюдалось уже в конце предыдущего периода [2]), отметить развитие религиозно-этических характеров и настроений. Надо только прибавить, что в этом отношении, как и в других, психология дворянства во многом сходилась с психологией средней буржуазии того времени, главным образом торговой и отчасти ремесленной; это понятно, потому что оба эти класса находились в одинаковом приблизительно положении: оба были значительно еще придавлены феодальной аристократией, но уже расправляли крылья и готовились двинуться вперед. Поэтому мы будем рассматривать психологию и духовную культуру обоих классов одновременно, выделив особо лишь движения и течения мелкобуржуазные, массовые, народные.

Уже в движении итальянских катаров, в особенности с XIII в., видны высокий моральный идеал и евангеличность [3])— ясные признаки религиозно- этического душевного склада.

Итальянские вальденсы, в особенности XIV века, пошли дальше французских, дошли до частичного отрицания таинств и иерархии, настаивая на том, что таинство, совершенное грешным священником, недействительно [4]), и даже утверждая, что таинство заменяется внутренним следованием духу идеала [5]): опять-таки и здесь религиозно-этические настроения выдвигаются на первый план. Мораль была вообще главным содержанием проповеди вальденсов в Италии [6]). Следует заметить, что только более умеренные группы

---

[1]) *Мутер,* История живописи, I часть, Спб. 1901, стр. 27.
[2]) Том II, глава пятая IV, стр. 138.
[3]) *Карсавин,* Очерки религ. жизни в Италии XII--XIII в., стр. 65.
[4]) Там же, стр. 124.
[5]) *Вульфиус,* Вальденское движение, стр. 166.
[6]) *Карсавин,* Очерки религ. жизни в Италии, стр. 212.

итальянских вальденсов (леонисты, тортоланы) могут быть признаны представителями средних слоев городского населения, о чем свидетельствуют и их трудовые ассоциации, крайние же (ломбардцы, ребаптисты) выражали настроение широких демократических масс [1]). Средне-буржуазные элементы вальденства в Италии дали состав и содержание также движению «католических бедных», отрекшихся от ереси, но сохранивших обет бедности; важнейшим представителем этого движения в Италии начала XIII в. был Бернард Прим [2]).

Вальденские трудовые ассоциации (congregaciones laborancium) должны быть сближены и с ремесленными ассоциациями гумилиатов, появившихся в Италии с XII века. И здесь, конечно, как и у вальденсов, нисшие слои городского населения были представлены значительно [3]). Религиозно-этический характер гумилиатского движения не подлежит сомнению: смирение, терпение, умеренность в жизни, отрицание клятвы—вот отличительные черты их учения и житейской практики [4]).

Но, конечно, самым замечательным из религиозных движений позднего средневековья в Италии является францисканство. Известно, хорошо установлено специальной литературой по истории францисканства, что очень скоро движение растеклось на две струи—средне-буржуазную, в значительной степени интеллигентскую, и мелко-буржуазную, демократическую, народную, состоявшую из ревнителей, хранивших предания самого св. Франциска и даже пошедших отчасти дальше его, уклонившихся в ересь. Пока мы ограничимся краткой характеристикой первой струи, но предварительно надо наметить основные черты характера и настроения самого Франциска: в некоторых отношениях он был весьма типичной, характерной для своего времени личностью, при всех своих особенных, индивидуальных свойствах. И вышел он как раз из среднего слоя городского населения, причем был близок и к дворянской молодежи.

Франциск типичен для своего класса своими первоначальными светскими настроениями и стремлениями, обра-

---

[1]) Там же, стр. 119, 207.
[2]) Там же, стр. 90, 102.
[3]) Там же, стр. 220 и след.
[4]) Там же, стр. 244—245.

зованиеми и образом жизни в молодости. Он учился немного: неважно писал, не был научно образован, но он знал языки—французский и латинский, видал мир, странствовал, не плохо, умело, притом культурно, без хищничества и обмана торговал [1]). В его образе жизни выразились две основные черты: жажда новизны, приключений—недаром он мечтал о путешествиях и походах, даже участвовал в последних [2])—и честолюбие—желание быть первым, обращать на себя внимание [3]). Это—черты общие, характерные, типичные: зажиточная торговая буржуазия, из среды которой вышел св. Франциск, уже вкусила от сладостей жизни, с которыми познакомилась благодаря своим торговым путешествиям и капиталам, и возжаждала власти. Но жажда эта в обоих отношениях плохо утолялась. Сильна еще была феодальная аристократия, выдвигался новый конкурент—дворянство. Отсюда неудачи: роль амфитриона, magister bibendi мало удовлетворяет честолюбие; поход в южную Италию не удался: повидимому, товарищи—рыцари дурно обошлись с сыном купца, казавшимся им чужаком, выскочкой [4]); еще и раньше участие в войне ассизцев с герцогом Сполетским кончилось так же печально для Франциска—годом плена [5]). Крылья подрезаны, взлететь вверх, как хотелось,—не удалось. Суетность и призрачность, недоступность славы и чести в условиях того времени обнаружились воочию. Индивидуалистические порывы буржуазии так пока и оставались порывами, без осуществления.

На-ряду с ними было другое духовное наследие прошлого: смирение, покорность, религиозность, пассивный эгоизм. Характерно в этом отношении позднейшее изречение Франциска: «блаженны мертвые, потому что они находятся в покое» («beati mortui quia quiescunt») [6]). Если сопоставить это особенно с тем, что, по Франциску, совершенство, превращение в «евангельского человека» («homo evangelicus») возможно только со смертью, почему и следует

---

[1]) *Sabatier,* Vie de S. François d'Assise, P. 1894, стр. 4, 6, 11; *Карсавин,* Очерки рел. жизни в Италии, стр. 285, 286.

[2]) *Sabatier,* Vie de S. François d'Assise, стр. 10, 14, 18, 20.

[3]) Там же, стр. 10, 20; *Карсавин,* Очерки, стр. 286.

[4]) *Sabatier,* Vie de S. François, стр. 21.

[5]) Там же, стр. 14.

[6]) Там же, стр. 120.

радостно ее ожидать [1]), то будеть ясно, что в основе нового настроения Франциска, перелома, совершившегося в его душе, лежали элементы старой психологии, созданной угнетенным положением буржуазии, которой суждены были уже тогда некоторые порывы, но свершить ничего еще не было дано. Рецидив смирения — этой основной францисканской добродетели, от которой выводились и любовь, и экстаз, и мистическое общение с Богом [2]), был естественен.

К этому надо прибавить традиционность и догмы, и религиозных идеалов у Франциска [3]). Традиционна была и первая форма религиозно-этического настроения его— восстановление церквей [4]). Да и само это настроение, как видно из обзора религиозных движений того времени, причем этот обзор можно пополнить еще указаниями на еремитство, на движение кларисс, обязанное своим существованием ученице Франциска св. Кларе, на религиозные братства мирян [5]),—и это настроение оказывается также типичным. Даже организаторская беспомощность Франциска [6]) характерна: буржуазия еще была мало способна к организации, недостаточно сознательна и образована для этого.

Доброта, радость подвига и унижения, светлый взгляд на природу, на творение, тонкое и глубокое чувство красоты [7])—новые элементы в характере Франциска. Они отчасти логически, с неизбежной необходимостью вытекали из общего его духовного облика, слагавшегося из указанных выше характерных в классовом смысле элементов, отчасти являлись предвестием будущего. В общем таким образом религиозно-этическая природа личности св. Франциска Ассизского совершенно ясна, причем, в соответствии с его классовым положением, в ней была резко выражена традиционность.

---

[1]) *Карсавин,* Очерки рел. жизни в Италии, стр. 349.

[2]) Там же, стр. 319.

[3]) Там же, стр. 349.

[4]) Там же, стр. 293; *Sabatier,* стр. 65, 76.

[5]) *Карсавин,* Очерки религ. жизни в Италии, стр. 430 и след., 465 и след., 494 и след.

[6]) Там же, стр. 407; *Glaser,* Die Franziscanische Bewegung. Stuttg. und Berl. 1903, стр. 63.

[7]) *Карсавин,* Очерки религ. жизни, стр. 321, 324, 348.

Последняя была еще более ярко подчеркнута и усилена в официальной организации францисканского ордена и в постепенном обмирщении нищенствующих монахов, миноритов-францисканцев. Ограничимся здесь лишь главными указаниями в этом направлении.

Исходным пунктом процесса обмирщения была одна из основных функций ордена—проповедь. Франциск учил проповедывать примером, жизнью миноритов, но очень скоро, еще при жизни Франциска, проповедь словом заняла по крайней мере равное место с примером, а это вызвало необходимость образования. Отсюда появились в среде францисканцев образованные и ученые братья—scientiati, litterati. А у них естественны были стремления к науке, искусству, риторике, наконец, к обзаведению собственными библиотеками, т.-е. уже к частичному отказу от обета бедности. Естественна была и рознь между простецами и учеными, причем сам Франциск склонялся на сторону простецов [1]).

Вторым шагом в том же направлении была необходимость организации—оседлости, устава, администрации и иерархии,—усилившаяся с быстрым расширением ордена. В разных местах Италии и потом и других стран появились убежища, пристаница, еремитории для странствующих миноритов, и это повело к большей оседлости [2]). Уставы 1220 года и последующих вплоть до 1270 все более утрачивали характер нравственного поучения, уснащенного текстами из писания, каким, повидимому, был первый устав Франциска [3]), и все более принимали характер обычных монашеских уставов [4]). Появились соборы, скоро выродившиеся в собрания одной только орденской администрации, и то необязательные и не регулярные [5]). С 1219 г. появились в прибавок к настоятелям (praelati), министры, потом кустоды, введен был новициат (испытание, послушничество), министры и кустоды получили обязанность заботиться о материальных нуждах братии, т.-е. для администрации

[1]) Там же, стр. 372. 376, 377.

[2]) Там же, стр. 365.

[3]) *Котляревский,* Францисканский орден и римская курия в XIII и XIV вв., М. 1901, стр. 32.

[4]) *Карсавин,* Очерки, стр. 411 и сл.; *Glaser,* Die Franz. Beweg., стр. 120.

[5]) *Карсавин,* Очерки рел. жизни в Италии, стр. 367, 368, 417, 418

обет бедности фактически был уничтожен [1]). В конце-концов создана была для ордена фикция пользования имуществом, считавшимся собственностью римской церкви [2]). К этому присоединился ряд папских привилегий, данных францисканцам: изъятие из епископской юрисдикции, от подсудности папским легатам, если не было у последних специальных для того мандатов, обязательность папского разрешения для того, чтобы прелаты могли давать поручения миноритам, свобода от денежных поборов и т. д. [3]).

Живым олицетворением приспособления францисканцев к действительности явился генерал ордена и францисканский богослов, умеренный мистик, властолюбивый и практичный Бонавентура, умело нашедший среднюю линию и укрепивший отношения ордена и к папской курии и к университетам—оплотам католической схоластики [4]). В его лице крупная и средняя буржуазия окончательно нашла себя, обрела надлежащее место в обществе позднего средневековья, пошла по той линии компромисса, которая характерна была для нее и во Франции после конституционной вспышки 50-х годов XIV века.

Так было в религии. В искусстве наблюдается то же религиозно-этическое настроение уже в итальянской готике. Известен общий характер итальянской готической архитектуры: здесь взято было и переработано из всех стран все лучшее, причем главное внимание обращено было на украшения, откуда получилась и оригинальная итальянская черта готики—необыкновенная хрупкость форм [5]).

Еще характернее и важнее перемены в живописи. Здесь прежде всего имеет значение Чимабуэ, внесший много нового в композицию, рисунок и колорит. У него есть мистическое чувство и реальный жест. Несомненно сказалось в живописи Чимабуэ влияние Франциска Ассизского: расписывая церковь в Ассизи, Чимабуэ изобразил в духе Франциска страдания Христа. Чимабуэ был первым

---

[1]) Там же, стр. 416 и след.

[2]) *Glaser,* Die Franziscanische Bewegung, стр. 69.

[3]) *Котляревский,* Франциск. орден и римск. курия, стр. 105.

[4]) *Richard,* Etude sur le mysticisme spéculatif de S. Bonaventure; *Glaser,* Die Franz. Bewegung, стр. 81 и сл.

[5]) *Enlart,* L'Architecture gothique en Jtalie, P. 1894, стр. 222, 309; ср. *Reber,* Kunstgeschichte des Mittelalters, стр. 505 и сл.

живописцем с определеной индивидуальностью, в его живописи были жизнь, действие [1]).

Вслед за ним сиенцы Гвидо и Дуччио также в духе св. Франциска изобразили Мадонну как тип матери, особенно нежной и кроткой, исполненной идеальной красоты у Дуччио. Сиенцы вообще ввели в живопись мистический сентиментализм [2]).

Но наиболее замечателен Джотто. Натурализм, жизненность, действие, движение, психологическая выразительность сочетались в его художественной личности с религиозностью в духе и направлении св. Франциска. Христа он изображал в его человеческой природе, Мадонну как мать. Детство Христа и его страдания—основные его темы опять-таки в духе Франциска. Джотто умел также выдвинуть в своих картинах главный центр, главную фигуру и сосредоточить на ней все внимание. Трезвая натура, реалист по природе и общественному положению, Джотто обладал свежестью, тонким чувством меры и красоты, инстинктивно, без научного исследования почувствовал, схватил и выразил перспективу и светотень [3]).

Из джоттистов самым выдающимся был Орканья, соединивший драматизм и композицию Джотто с нежностью сиенцев. Орканья изучил Данте, и у него также есть религиозность и мистицизм. В некоторых отношениях он явился даже предшественником Фра Анжелико: в своем «Рае» он сумел выразить блаженство созерцания в изображении праведников [4]).

Итальянская скульптура XIV века уступала живописи в своем развитии. Тем не менее и в этой области явлением, параллельным Джотто, сиенцам и его школе, был Андреа Пизано [5]).

---

[1]) *Zimmermann,* Giotto und die Kunst Jtaliens im Mittelalter, I B., Leipz. 1892, стр. 178, 182, 186, 206, 222; *Вышеславцев,* Джиотто и джиоттисты, Спб. 1881, стр. 9, 10.

[2]) *Zimmermann,* стр. 185, 186; *Вышеславцев,* стр. 11, 202; *Мутер,* Ист. живоп., I, с. 14-15.

[3]) *Thode,* Franz von Assisi und die Anfänge der Kunt der Renaissance in Jtalien, Berl. 1885, стр. 425, 437; *Zimmermann,* Giotto, стр. 287—289, 311, 313, 362; *Вышеславцев,* Джиотто, стр. 14, 39, 45, 48, 49, 60—63, 124, 141, 186, 188; *Мутер,* История живописи, I, стр. 17—24.

[4]) *Вышеславцев,* стр. 290—300; *Мутер,* I, стр. 30.

[5]) *Вышеславцев,* Джиотто, стр. 283—284.

Наконец, то же соединение индивидуализма с мистической религиозностью наблюдается в музыке, Маркетто падуанский в конце XIII века, подобно Франку кельнскому в Германии, развил законы музыкальной гармонии—консонансов и диссонансов [1]). Характерны для XIII века и мотеты—гармонические сочинения чаще всего в три голоса, имеющие в теноре отрывки из григорианской мелодии или народной песни; остальные голоса должны согласоваться с этой темой, так что получается соединение различных мелодий в одно целое [2]).

В литературе «сто древних новелл» соответствуют своим сатирическим духом французским фабльо [3]), «Цветочки св. Франциска»—собрание новелл, сохраняющих аромат сельской Италии, соединяющих мораль с чувством жизни, отражают то же францисканское религиозное влияние [4]); поэты Гвидо Гвиничелли и Гвидо Кавальканти в XIII веке подражали трубадурам [5]). Но они важны также как предшественники Данте—самого выдающегося гения итальянской культуры XIII и XIV веков, сочетавшего религиозность, эстетику, художественность и индивидуализм.

Некоторые новейшие исследователи Данте [6]) дают картину целой психической эволюции, пережитой великим итальянским поэтом, усматривают в нем такую смену господствующих настроений: сначала—до 1290 года—Данте занимает любовь к одной Беатриче, потом—до 1310 г.—любовь ко всей реальной, земной жизни—науке, политике, славе, земному счастью, наконец, до конца жизни видна у Данте любовь к трансцендентальному миру, заметно смешение мистицизма с интересом к реальной жизни. Эта эволюция, повидимому, намечена верно. Но не надо забывать, что в основе ее лежало нечто целое и единое, составляющее основное содержание духовного облика Данте, и что понять этот облик нельзя, не соединяя вместе харак-

---

[1]) *Науман,* Иллюстр. история музыки, I, стр. 213; *Размадзе,* Очерк ист. музыки, стр. 52—54.

[2]) *Саккетти,* Краткая историч. музыкальная хрестоматия, 2-е изд., Сп. 1890, стр. 63.

[3]) *Стороженко,* Очерк истории зап.-европ. литер., стр. 78.

[4]) *Муратов,* Новеллы итальянского возрождения, I, М. 1912, стр. 15, 16.

[5]) *Стороженко,* Оч. ист. зап.-европ. лит., стр. 57.

[6]) Мы имеем здесь в виду глав. обр. Скартаццини и Дельфа.

терное в данном отношении в течение всей жизни поэта, тем более, что в сущности в каждый данный момент эволюции характера Данте имелись по крайней мере в зародышевом состоянии все отдельные элементы, свойственные этому характеру.

Говоря вообще, Данте был религиозно-эстетически-индивидуалистической натурой, т.-е. его характер представлял собою осложнение типа, лучшим представителем котораго был Джотто, сильной примесью индивидуалистических элементов [1]).

Лучшим свидетельством о глубокой религиозности Данте является, конечно, «Божественная Комедия». Здесь ясно указывается религиозный «правый путь» человеческого существования—«просветление, искупление, конечная цель которого—созерцание Божества». Много религиозных элементов и в любви Данте к Беатриче: недаром под влиянием этого чувства Данте ощущал в себе веру и любовь к Богу; недаром он в «Божественной Комедии» вложил в уста Беатриче такие слова:

«Стезею блага
Тебя в былом любовь ко мне вела».

Только религиозный человек мог сказать, как сказал Данте:

«Наукою земной
Нам не достичь желанного познанья...
Будь смертному доступны все понятья,—
К чему тогда и таинство зачатья
Мариина? Открыть вещей закон
Стремились Аристотель и Платон,
Бессильные пред тайной мировою».

Но та же любовь к Беатриче проникнута не только религиозностью, но и тем мистическим эстетизмом, который составлял такую отличительную черту Джотто: вот почему Данте поэтически выразил эту любовь «в форме старинной провансальской легенды о даме, вкушающей сердце

---

[1]) При изображении характера Данте мы пользовались главным образом трудами *Kraus,* «Dante, sein Leben und sein Werk», Berlin, 1897, и Скартаццини, «Данте», перевод Введенской, Спб. 1905, а также сочинениями Данте, в особенности «Божественной Комедией», отрывки из которой приводятся здесь по переводу Чюминой.

своего возлюбленного». Но и вообще эстетизм, живое и глубокое чувство красоты, был в высшей степени свойствен Данте: его «Новая Жизнь» («Vita Nuova»), начавшись простым подражанием провансальским трубадурам, скоро возвысилась до яркой оригинальности; «Пир» («Convivio») в своем роде—руководство поэтической эстетики; самую жизнь Данте понимал эстетически; по его словам,

«Наша жизнь—природа и искусство».

Неудивительно при таких условиях, что в Данте живо было чувство морального превосходства над феодальной знатью, и что соответственно этому сатирическое настроение по отношению к знати—насмешка и обличение—нашло себе яркое выражение в «Божественной Комедии»; здесь повторилась лишний раз та эволюция индивидуалистических чувств, какую мы наблюдали в дворянском сословии второй половины средних веков. Так, говоря о мучениях ростовщиков в аду, Данте пишет остроумную и злую сатиру на феодальную знать: он никого не называет по имени, но описывает гербы, по которым можно узнать знатнейшие флорентийские фамилии — Дonианфильяцци, Убриакка, Буйамонте, падуанских Скравиньи; по имени назван тут флорентинец Витальяно дель Денте; обличаются лицемеры—флорентийские подесты Каталано и Лодеринго и «хитрая лисица» Гвидо де Монтефельтро, сначала воин, потом монах, дававший папе Бонифацию VIII советы быть вероломным, наконец, высказывается резкое порицание за корыстолюбие знатным флорентийским фамилиям Киарамонти, Висдомино, Кортиджиони и др. Характерно в связи с этим уже не прежнее, феодальное, а новое, дворянское отношение к знатности происхождения: она ценится, но ее необходимо подновлять заслугами:

«О крови чистота! ничтожна ты...
Воистину ты плащ, который с каждым днем
Мы надставлять должны в усердии своем,
От ножниц времени его оберегая».

Индивидуалистическое стремление к разнообразию впечатлений, чувство новизны было в высшей степени свойственно Данте: оно выразилось и в любви его к путеше-

ствиям, и в жажде знаний, заставлявшей его изучать языки, физиологию, психологию, астрономию, Аристотеля, Аверроеса, Авиценну, Гиппократа, Птоломея, заниматься наукой и философией даже и в изгнании, в бедности, почти в нищете.

Любовь к славе также волновала Данте. В «Божественной Комедии» он говорит:

«Не сожалей о трудностях дорог,
Которые ведут к бессмертной славе!
Кто нежится, тот ждать ее не в праве».

Несмотря на весь мистицизм чувства Данте к Беатриче, даже здесь замечается реалистический, индивидуалистический элемент:

«Во мне пылает кровь,
Я узнаю огонь минувшей страсти,
И снова весь я у нее во власти».

Но всего замечательнее в характере Данте то, что он был не только индивидуалист, но эгоистический индивидуалист: он соединял любовь к власти с преследованием ближайших практических интересов, причем не чужд был подчас эгоистически-мелкого сомолюбия. Так, он в изгнании в 1303 г. разошелся с флорентийской партией «белых» и образовал свою собственную партию потому только, что «белые» не слушали его советов. Данте прошел все ступени политической иерархии во Флоренции—вплоть до высшей должности республики — должности приора. В трактате «О монархии» он выводит императорскую власть от Бога и настаивает на том, что только единая монархия может установить на земле мир и этим обеспечить возможность всестороннего развития личности: здесь уже в готовом виде имеется вся дворянская политическая идеология, и в этом смысле Данте является предшественником Маккиавелли. Характерно, наконец, что, говоря о нравственном «правом пути», Данте не забывает упомянуть на первом плане о единой всемирной монархии.

Остается отметить основные черты психологии и духовной культуры широких масс населения—городской мелкой буржуазии и крестьянских масс. Важнее всего в этом

отношении крайние ревнители францисканства—спиритуалы и стоящие в связи с ними движения Сегарелли и Дольчино, а также такие явления, как «Аллилуйа» и флагелланты.

Надо, впрочем, заметить, что и среди катаров и вальденсов народные массы составляли большинство. Это в особенности следует сказать о ламбардцах, рункариях, спе节онистах, ребаптистах и других крайних толках вальденства: по словам инквизиторов, «ересь больше любила низшие слои общества» [1]).

Но в вальденство и особенно в катары шли большею частью лишь более или менее сознательные элементы народной массы. Широкие круги населения примыкали в XIII веке к таким стихийным движениям, как „Аллилуйа“ и флагеллантство. Знаменем этих движений был мир—внутренний и внешний: уничтожение войны в прямом, собственном смысле этого слова и уничтожение войны социальной—ростовщичества, денежного хозяйства с производимым им классовым расчленением. В 30-х годах XIII в. „Аллилуйа“—массовое движение за мир—началось в северной Италии и было поддержано проповедью Иоанна Виченцского, а в 60-х годах с юга, из Перуджии двинулись по средней и северной Италии массы флагеллантов-самобичевателей во имя общего мира, пополняясь по пути тысячами новых адептов, захваченных массовым возбуждением [2]).

Движение францисканцев-спиритуалов, начавшись требованием строгого соблюдения правила св. Франциска, тесно сплелось с иоахимизмом и превратилось в сектантство, порвало с традиционной католической церковностью и религией средневекового, папского католицизма. Во второй половине XIII века генералом ордена францисканцев стал строгий ревнитель правила св. Франциска Иоанн Пармский. Еще раньше этого в ордене проявлялись иоахимитские идеи: их проповедывали Гуго из Монпелье, Бартоломей Гвизаул из Пармы, Герардин из Сицилии [3]). Появились комментарии к Исаии и Иеремии, в 1254 г. спиритуал Герард из Борго Сан-Доннино опубликовал „Введение в Вечное Евангелие“—вступление и комментарий к

---

[1]) *Карсавин,* Очерки религ. жизни в Италии, стр. 164, 197, 207.
[2]) Там же, стр. 525, 530, 533, 534, 540.
[3]) *Котляревский,* Франциск. орден и римс. курия, стр. 194, 195.

сочинениям Иоахима из Фиоре [1]). Иоанн Пармский был также обвинен в иоахимизме и должен был оставить свой пост. Затем Оливи в южной Франции систематизировал учение спиритуалов, придал ему схоластическую форму [2]). Преследования итальянских спиритуалов и их вождей продолжались беспрерывно: поплатился тюрьмой Якопоне да Тоди и многие другие [3]). Анжело да Кларено и в особенности Убертино Казале в своих сочинениях завершили слияние учения спиритуалов с иоахимизмом, проповедь царства бедности и смирения, и дело кончилось полным разрывом с римской церковью и образованием сект, каковы бегоарды, бегины и фратичелли [4]): ревнители преданий св. Франциска окончательно сделались еретиками.

От них пошли „апостольские братья" Сегарелли. Они не были, однако, сильны и многочисленны. Сегарелли был крестьянин по происхождению, настроен религиозно-мистически, не был принят в францисканский орден, как человек слишком простого происхождения, роздал все свое имущество и образовал кружок братьев. В братстве, впрочем, скоро начался внутренний раскол, Сегарелли временно нашел себе убежище в Парме, но был изгнан оттуда и в 1286 году сожжен [5]).

По смерти Сегарелли главой его последователей объявил себя Дольчино. Он объявил папу Антихристом, отвергал церковь и монашество, проповедывал иоахимизм и осуществление вечного Евангелия через посредство апостольских братьев праведною их жизнью без монашеского обета. Три года держался Дольчино на горе Цебелло в Веччелльской епископии пока, наконец, в 1307 году не был разбит и мучительно казнен. Его последователи слились с фратичелли и бегинами [6]). Таковы были главные формы проявления протеста в итальянских народных массах XIII и XIV веков. Они свидетельствуют о том, что на-ряду со старой аморфностью и пассивным эгоизмом вырастали здесь и религиозно-этические стремления и движения.

---

[1]) *Glaser,* Die Franziscanische Bewegung, стр. 118.

[2]) *Котляревский,* Франц. орден, стр. 258 и сл.

[3]) Там же, стр. 279, 280, 292; *Glaser,* стр. 128.

[4]) *Glaser,* стр. 137, 143, 147-148; *Котляревский,* стр. 291-293.

[5]) *Котляревский,* стр. 302; *Гауфат,* Средневек. реформаторы, II, стр. 238-274.

[6]) *Гауфат,* Средневек. реформаторы, II, стр. 276-313; *Котляревский,* стр. 303-305.

X.

Падение феодализма в Испании.

Эпоха падения феодализма в Испании — XIII, XIV и первая половина XV в. Как и везде, она отмечена здесь успехами внешней и внутренней торговли, денежного или товарного хозяйства, разрушением замкнутых рынков и установлением торговых связей между отдельными местами, т. е. образованием обширного, национального, отчасти и международного рынка.

Именно XIII век является исходным хронологическим моментом этого важного экономического процесса. На первом плане здесь стоит Каталония, в особенности Барселона. С XIII века начинаются оживленные торговые сношения барселонских купцов не только с южной Францией и Италией, но и с Сирией и Палестиною, с Африкой— Сеутой и Ораном; каталонцы проникают на шампанские ярмарки, и уже в первой половине XIII в. наступает торговый расцвет Каталонии, особенно Барселоны [1]).

Но было бы большой ошибкой считать Каталонию исключением в данном отношении: нет, генуэзцы, например, уже в том же XIII веке торговали и с Кастилией, Лионом, Наваррой, вывозя из Испании оливки, оливковое масло и серебро [2]). Весьма важна в торговом отношении была издавна Галисия с ее главным центром Сант-Яго де Компостелла, куда на поклонение мощам св. Иакова тянулись отовсюду, из всех стран паломники, всегда соединявшие в своих путешествиях религиозные цели с торговыми [3]).

---

[1]) *Schaube,* Handelsgeschichte der Romanischen Völker, стр. 210, 316, 374, 544, 550.

[2]) Там же, стр. 332.

[3]) Там же, стр. 331.

Сант-Яго был поэтому также и крупным центром внутренней торговли, разбивавшим в значительной степени местную коммерческую обособленность. Но сверх того с XIII века и позднее имеются и другие следы крепнувших торговых связей между отдельными частями Испании. Так, те же каталонцы ездили в Андалузию для торговли с испанскими сарацинами [1]). Возникновение в конце XIII в. в Кастилии германдад, т.-е. союзов городов, которые долго были сильны и в XIV веке, свидетельствует о том же расширении внутреннего рынка, как и победа над ними в XIV в. короля Альфонса XI [2]): германдады к тому времени уже оказались пройденной ступенью в процессе развития товарного хозяйства, расчитанного на обширный сбыт.

Уже этот рост городов, проявлявшийся во всей вообще Испании, преимущественно в Кастилии и Каталонии [3]), свидетельствовал о крупных переменах в устройстве общества. Он и рост значения дворянства и легистов были оборотной стороной падения феодальной аристократии [4]). В Кастилии, Арагоне, Каталонии параллельно этому становятся в XIV веке влиятельными кортесы—средневековые сословно-представительные собрания, заменившие собою съезды феодалов, королевских пэров [5]).

Городская жизнь, развитие денежного хозяйства разбивали старое крестьянское крепостничество. Уже в конце XIII в. был возможен переход крестьян под условием выкупа личности и лишения земельного участка [6]). В XIV и XV веках то же денежное хозяйство вызвало рост барщины [7]), попытки личного прикрепления крестьян, подобные тем, какие наблюдались в то же время в Англии и Франции. В 1462 г. в Каталонии вспыхнуло целое крестьянское аграрное восстание. Оно было подавлено королем Хуаном II, и формально сохранено было крепостное право [8]),

---

[1]) Там же, стр. 317.

[2]) *Пискорский,* История Испании и Португалии, стр. 57-60.

[3]) Там же, стр. 59; *Пискорский,* Крепостное право в Каталонии в средние века, стр. 121 и сл.

[4]) *Пискорский,* История Испании и Португалии, стр. 62-63.

[5]) *Пискорский,* Кастильские кортесы; *Пискорский,* Ист. Исп., 63-64.

[6]) *Пискорский,* Креп. право в Каталонии, стр. 41.

[7]) Там же, стр. 57.

[8]) Там же, стр. 182 195.

но попытка его усилить, превратить в полное личное прикрепление в Испании, как и всюду в Западной Европе того времени, все же потерпела неудачу. Движение каталонских крестьян продолжалось и позднее, и дело кончилось отменой в 1486 г. так называемых „шести дурных обычаев“ (феодально-крепостных поборов) и заменой их единовременным денежным выкупом или ежегодным денежным же платежом; вместе с тем отменена была уголовная юрисдикция помещиков по отношению к крестьянам, уничтожена барщина, не основанная на грамотах, крестьяне получили право уходить от землевладельцев, теряя, однако, при этом свой бывший крепостной участок, наконец, им предоставлены были права свободного распоряжения, движимым имуществом и право отчуждения купленной ими земли [1]).

Описанным хозяйственным и социальным переменам соответствовало в политической сфере собирание земли и власти. Известно, что в этом отношении в Испании выделились два главных центра — Кастилия и Арагон. XIII век и здесь был поворотным пунктом: кастильские короли объединили под своей властью Леон, Астурию, Галисию и завоевали у мавров северо-восточную Андалузию, а короли арагонские отняли у мавров Валенсию, Мурсию и Балеарские острова и соединили с Арагоном Каталонию [2]). Королевское самодержавие отодвигало на вторй план в XV в. и кортесы и города с их старыми феодальными привилегиями.

В религиозной жизни Испании времен падения феодализма особенно выделяются две яркие, весьма характерные фигуры — в XIII веке св. Доминик, в XIV столетии Раймунд Луллий. По историческому значению своему оба они представляют параллели Фоме Аквинскому и Бонавентуре: они выражали в своей деятельности компромиссное течение в среде дворянства и торговой буржуазии по отношению к старой феодальной аристократии. Соответственно местным, испанским условиям, в которых важную роль играла борьба с маврами, причем католицизм являлся первенствующей организационной силой, традиционность, правоверие были весьма резко выражены и у Доминика и у Раймунда

[1]) Там же, стр. 203, 211-213.
[2]) *Пискорский,* История Испании и Португалии.

Луллия. Элементы морально-религиозные и научно-философские, составлявшие везде типическую черту позднего средневековья и притом именно психологии новых, выдвигавшихся на первый план классов общества, играли у Доминика и Раймунда Луллия роль украшений и подкреплений старой католической традиции, — не более того.

Доминик был богат и образован. Проповедь и преследование инквизиционным судом упорствующих еретиков — вот основные задачи, выдвинутые им поэтому для доминиканского ордена, утвержденного папой Ганорием III в 1216 году. Поэтому первенствующее значение придавалось обучению, образованию будущих братьев, длившемуся 6—8 лет. Только в 1219 г., побывав на соборе францисканцев, Доминик под влиянием впечатлений, там воспринятых, установил и для братии своего ордена обет бедности, проводившийся, однако, менее строго, чем у францисканцев: здесь отрицалась только частная, личная собственность, орден же в целом мог иметь собственность. С 1230 г. доминиканцы начинают играть видную роль в университетах. Все свои усилия они направляли на защиту католической догматики и дисциплины [1]).

Уже XIII век сделал Испанию одним из очагов католической образованности. Еще в 1212 г. был основан университет в Валенсии, потом появились университеты в Саламанке и Вальядолиде, а Альфонс X во второй половине XIII в. учредил академии в Мурсии и Севилье. XIV век дал Испании такое светило католической науки, как Раймунд Луллий. Он хотел сделать христианство всемирной, универсальной религией и достигнуть этого он думал путем науки, диалектики; католические догматы старался представить истинами ума, знания, настаивал на том, что быть католиком значит быть разумным человеком, и что истины откровения и истины разума тожественны [2]). Основная идея учения Раймунда Луллия—это идея разумной необходимости: разумно-необходимо, чтобы Бог был один по существу и троичен в лицах, так как в самом Боге-Отце, а не вне его должен находиться предмет любви—Сын и

---

[1]) *Rings,* Das Werk des Heiligen Dominiks; *Котляревский,* Франциск. орден и римск. курия, стр. 46, 75, 145, *Карсавин,* Монашество в средние века, стр. 88-90.

[2]) *Rèter,* Geschichte der religiösen Aufklärung, стр. 95—98.

предмет познания—Дух Святой [1]). Соответственно этому Раймунд Луллий был реалист в средневековом смысле этого слова, т.-е. настаивал на реальности общих понятий, и отрицательно относился к Аверроесу и скептицизму аверроистов, пустившему сильные ростки в XIV веке [2]).

В литературе Испании XIV века замечателен, как выражение психологии и идеологии дворянства, сборник рассказов «Граф Луканор», составленный дон-Хуаном Мануэлем: здесь местами видны рыцарское направление и галантность, местами проявляется сатирическое настроение, в особенности в отношении к монашеству [3]). Сатирическим духом проникнуты были также сочинения Хуана Рюиса пресвитера гитского [4]) и хроника, которую составил в конце XIV в. дон-Педро Лопес де Айала. Айала уже не легковерен, серьезен, деловит и отрицательно относится к феодальной аристократии [5]). Большой достоверностью, хорошим описанием нравов, обилием документов и писем отличается хроника, окончательно обработанная в XV веке Хуаном Пересом де Гузманом [6]).

Тою же примесью новых индивидуалистических чувств и настроений, отличавших дворянскую и буржуазную психологию, замечательны рыцарские романы, проникшие в Испанию с конца XIV в. Из них главный—«Амадис гальский,» переделка португальского романа Васко де Лобейры. Здесь много приключений, жажда новизны впечатлений и переживаний, восхваление дворянской, рыцарской храбрости и нравственности. Характерен огромный успех «Амадиса», страстный восторг, им вызванный [7]).

Заслуживают, наконец, внимания в том же смысле зародыши светской испанской драмы XV века—«Куплеты Минго Ревульго» и «Селестина». «Куплеты Минго Ревульго», автором которых был Родриго Кота, представляют собою обличение правительства и феодальной аристократии, порицание по адресу народных масс и восхваление средних

---

[1]) *Rènan,* R. Lulle; «Histoire littèraire de la France,» par les membres de l'Institut, t. XIX, P. 1885.

[2]) *Rènan,* Averroès, et l'averroïsme, стр. 255 и след.

[3]) *Тикнор,* История испанской литературы, т. I, стр. 62.

[4]) Там же, стр. 67—71.

[5]) Там же, стр. 87, 149—151.

[6]) Там же, стр. 165.

[7]) Там же, стр. 183—194.

классов общества. «Селестину» начал тот же Кота, а окончил Фернандо де Рохас. Это драма, темой которой является преступная любовь, причем за нарушение морали любовники наказываются трагической смертью. «Селестина» пользовалась огромной популярностью и вызвала ряд подражаний [1]).

Остается, наконец, отметить типичное для позднего средневековья и в Испании готическое искусство, особенно соборы в Толедо, Бургосе, Севилье. Оригинальной чертой испанской готики считают обыкновенно арабское влияние в архитектурной орнаментации [2]). Но в общем психологическая основа испанской готической архитектуры и пластики та же, что и везде: религиозно-этическое, а затем также отчасти и сатирическое настроение.

---

1) Там же, стр. 213—221.
2) *Reber*, Kunstgeschichte des Mittelallters, стр. 519 и след.

XI.

Венгрия в XIV и XV веках.

Венгрия с XIII и особенно XIV века начинает принимать деятельное участие в международной торговле того времени [1]). Рост внутренней торговли, товарного, денежного хозяйства подтверждается развитием венгерских городов особенно сильным и быстрым в XV столетии [2]). Характерно здесь и то, что именно в XV в. горожане подняли знамя восстания во имя уничтожения внутренних таможенных пошлин или по крайней мере уменьшения их [3]).

Таким образом и в Венгрии падение феодализма имело общую всем странам, знакомую нам экономическую основу. Самый же упадочный характер венгерского феодализма в XIV и XV веках не подлежит сомнению. Феодализм продолжал еще существовать: старая феодальная аристократия была сильна и нередко поднимала голову даже в конце XV в., напр., при короле Владиславе II Ягеллоне [4]); королевский престол замещался по выбору сейма вплоть до конца первой четверти XVI века [5]); при Матвее Корвине во второй половине XV в. графы—правители комитатов (венгерских областей) были еще наследственны [6]). Но возвышались города, торговле которых покровительствовали короли [7]).

---

[1]) *Schaube,* Handelsgeschichte der Romanischen Völker.

[2]) *Sayous,* Histoire générale des Hongrois, стр. 263; *Борецкий — Бергфельд,* История Венгрии, стр. 81.

[3]) *Борецкий—Бергфельд,* История Венгрии, стр. 103—104.

[4]) Там же, стр. 109.

[5]) *Sayous,* Hist. gen. des Hongrois, стр. 193 и сл.

[6]) Там же, стр. 262.

[7]) Там же, стр. 263.

Росло значение рядового рыцарства, дворянства, которое вместе с горожанами проникло в сейм [1]) и добилось на сейме 1514 г. полного юридическаго уравнения с феодальной аристократией [2]). Идейным вождем и представителем венгерского дворянства в этом деле был известный венгерский юрист или легист Вербеци. Ему же принадлежит и руководство дворянами в их крепостнических стремлениях [3]).

Крестьянство в Венгрии под влиянием новых донежно-хозяйственных отношений и условий испытало те же опасности и тревоги, как и в других странах в аналогичных обстоятельствах: дворянство даже больше старой феодальной знати прониклось стремлением сделать крестьян крепостными, именно хотело прикрепить их к личности землевладельца; этим вызван был бунт крестьян в начале XVI в.; вождем крестьянского восстания был Дожа; крестьяне были подавлены с обычной жестокостью и беспощадностью; крепостное право было сохранено, но в личную крепость оно все же не превратилось [4]).

Духовная культура Венгрии времен упадка феодализма и зарождения новых порядков также характерна, типична. Людовик Великий учредил еще в XIII в. университет, а Матвей Корвин библиотеку, причем обнаружил явные гуманистические вкусы и интересы, не проникшие, впрочем, в глубь венгерского дворянского и буржуазного общества, которое до них, очевидно, еще тогда не доросло [5]). Новые тенденции помимо этого и отмеченной выше деятельности Вербеци сказались также в проповедях духовной поэзии и переводе Библии, что все было делом венгерских францисканцев и выражало религиозно-этическое направление; наконец, проявилось в начале XVI в. и сатирическое настроение в поэме Франца Апати [6]).

---

[1]) Там же, стр. 258 и сл.; *Борецкий—Бергфельд,* стр. 81.

[2]) *Sayous,* Hist. gén. des Hongrois, стр. 278.

[3]) Там же, стр. 271, 278, 279; *Борецкий—Бергфельд,* История Венгрии, стр. 110 исл.

[4]) *Sayous,* стр. 276, 279; *Борецкий—Бергфельд,* стр. 113, 115, 116.

[5]) *Katona und Szinnyei,* Geschichte der ungar. Literatur, стр. 22—23.

[6]) Там же, стр. 14—16, 22.

XII.

Чехия с половины XIV до конца XV в.

Денежные платежи крестьян (чинши, оброки) и барщина с XIV века [1]), прямые свидетельства о росте торговли [2]), известия о развитии производства сукна, сельскохозяйственных орудий [3]) и т. д.—вот признаки, ставящие вне сомнения переход Чехии второй половины XIV и всего XV в. к товарному или денежному хозяйству с более обширным, чем прежде, рынком.

Соответственно этому возвышались в устройстве общества новые классы-дворянство или рыцарство и купечество, торговая буржуазия. Социальные противоречия осложнялись и обострялись еще, с одной стороны, соперничеством между светской и духовной феодальной аристократией, а с другой—волнениями крестьян, страдавших от крепостного права, новых податей, повинностей, барщины. Особенно много вражды вызывали огромные земельные богатства церкви, в частности монастырей: до четверти всей земли в Чехии принадлежало этой духовной феодальной знати [4]). Церковные и монастырские земли привлекали взоры и светских феодалов, и рыцарства, и купечества, и крестьянства. Денежное хозяйство требовало уничтожения и феодальной регламентации промышленности и торговли, выразившейся в немецком (магдебургском и хельм-

[1]) *Ясинский,* Очерки и исследования по социальной и экономич. истории Чехии в средние века, т. I, стр. 106, 196 и след.
[2]) *Lippert,* Social-geschichte Böhmens, II, стр. 213.
[3]) Там же. II, стр. 213.
[4]) Там же, II, стр. 60 и след.

ском) праве в Чехии [1]). Новая буржуазия, вышедшая по преимуществу из низов чешского народа, хотела большей торговой и ремесленной свободы. И здесь церковный феодализм, особенно сильно развитый в Чехии, опять-таки становился поперек дороги требованиям времени.

В политическом строе Чехии XIV—XV веков падение феодализма нашло себе также яркое выражение: значение в управлении государством имел уже не только аристократически-феодальный совет, но и «великий совет», сейм, сословно-представительное учреждение, состоявшее из князей, баронов, епископов, дворян и горожан [2]). Светская аристократия обнаруживала ясные стремления к ограничению королевской власти, а дворянство и буржуазия склонны были к королевскому абсолютизму, тогда как в крестьянских массах и среди городских ремесленников все более крепли, на-ряду и в связи с социально-уравнительными тенденциями, мечты о тысячелетнем, нескончаемом царстве добра, правды и равенства, о первоначальной и непосредственной демократии, о самоуправляющихся народных общинах.

На почве всех этих основ и начал материальной культуры выросло и важнейшее явление духовной культуры Чехии XIV и XV веков—гуситское движение, социальная подкладка которого понятна лишь в том случае, если иметь в виду совершившиеся тогда в Чехии перемены в хозяйстве, обществе и государстве.

Еще предшественники Гуса, напр., Матвей из Янова, важнейший из них, олицетворяли собою протест против феодализма, главным образом духовного,—епископского и монастырского. Во имя этого протеста они подняли вопрос о демократизации церкви: Матвей из Янова требовал поэтому причащения мирян под обоими видами—хлебом и вином,—на-ряду с духовенством («чаши» для мирян) и свободной проповеди на народном, чешском языке. Дальше его постепенно и последавательно пошел Ян Гус, представитель зажиточной буржуазии, гармонически сочетавший в своей личности высокое религиозно-этическое настроение с чувством собственного достоинства и образованностью, новыми, характерными для его класса индивидуалистическими приобретениями в психологии.

---

[1]) Там же, II, стр. 124; ср. *Томек,* История Чехии.
[2]) *Lippert,* Socialgeschichte Bohmens, I, стр. 427.

Широкая образованность, даже ученость Гуса не только церковная, богословская, но и светская, выразилась в его работах по чешской грамматике, исправлении перевода священного писания на чешский язык, в составлении им церковных гимнов, отразивших и его религиозные чувства. Гус познакомился с сочинениями Виклифа и, несмотря на признание их римской церковью еретическими, проявил достаточно смелости мысли и независимости убеждений, чтобы принять сначала два его основных положения: во-первых, обоснование религиозных верований исключительно св. писанием, во-вторых, обличение раскошной жизни, богатства и распущенности духовенства. И в университете, в профессорской работе и в проповеднической своей деятельности в качестве священника, Гус отстаивал оба эти положения Виклифа. Это привлекло к нему все слои чешского народа, кроме духовенства, резко против него выступившего и добившегося его отлучения от церкви. Отлучение стало окончательным, когда Гус резко высказался против индульгенций, заявив, что они недействительны без искреннего раскаяния в грехах со стороны того, кто их покупает и провозгласил свободу разума в вопросах религии: папа и даже соборы, все духовенство не могут авторитетно и непогрешимо толковать св. писание: в этом толковании каждый должен руководствоваться лишь собственным разумом. Наконец, в своем сочинении «О церкви» Гус определил церковь, как собрание верующих, предопределенных своей нравственной жизнью к спасению, и отрицал учение католической церкви о папе, как главе церкви. Результат известен: Гус был осужден на Констанцском соборе и в 1415 году сожжен на костре.

Этим было кончено личное дело Гуса, типического интеллигента из буржуазии XIV—XV вв.: он знаменовал собою переход от религиозно - этического настроения, от пассивного эгоизма, психологии покорности и смирения, к боевому индивидуализму, самостоятельности мысли, активности, хотя и опирающимся попрежнему на религию.

Но общественное движение этим не кончилось,—оно, напротив, только еще началось деятельностью Гуса и выразилось в сложном явлении, известном под названием гуситства.

Гуситское движение в начальной своей стадии, в первые четыре года, последовавшие за смертью Гуса, имело единый характер, объединяло в союзе все общественные элементы, восстававшие против духовенства: требовали постарому причащения под обоими видами и проповеди на чешском языке для уравнения прав всех групп общества и народа с правами духовенства, стремились все—и светская феодальная аристократия, и дворянство, и купечество, и ремесленники, и крестьяне захватить огромные земельные богатства церкви, а крестьяне сверх того хотели избавиться от крепостного права. Переворот 1419 года—изгнание короля Венцеслава, а потом и его брата и преемника Сигизмунда—был произведен главным образом городской демократией.

Это было уже сигналом к открытой дифференциации в среде гуситов. Корни ее существовали и раньше. Светская феодальная аристократия хотела только обогатиться землей насчет духовенства и уравняться с ним в церковном отношении, т-е. стояла на первоначальной платформе гуситского движения. В то же время она отстаивала старые крепостные отношения и требовала от крестьян оброков и барщины. Близко к светским феодалам в религиозной умеренности стояла и городская крупная и средняя промышленная и торговая буржуазия, захватившая в городах движимые богатства церкви и отменившая там ее феодальные права, а также феодальные ограничения торгово-промышленной свободы, существовавшие в немецком праве в городах с немецким купеческим населением. Обе эти группы составили партию каликстинов.

Мелкое дворянство больше тянуло уже к крестьянам в жажде земли церковной и светски-феодальной; предводителем его был Ян Жижка, военный вождь таборитов, как стали называться крайние гуситы. Но Жижка и дворяне были правым крылом таборитов, умеренными, как и позднейшие военные вожди таборитов Прокопы Большой и Малый. Ремесленная и рабочая демократия и крестьянство составляли крайнюю левую таборитства, в которой, впрочем, можно также различать отдельные оттенки.

Целый ряд народных проповедников—Мартинек, Ян из Ичича, Маркольд, Коранда, Чапек—провозглашали близкий конец старого мира и торжество тысячелетнего царства Христа, когда люди будут бессмертны, не будет болезней,

дети будут рождаться безболезненно и без первородного греха, питание будет происходить по ангельскому способу, не нужны будут библия и таинства, не будет принудительной власти, законов, податей, оброков, барщины, частной собственности; в ожидании этого надо мстить злым, противникам Христа, раздать все, уйти в горы и бороться, истребляя имущество врагов Христа [1]). Сделаны были даже попытки создать полный коммунизм с продажей всей движимости и недвижимости и передачей вырученных денег в общие кассы в Таборе (Фаворе), Воднине и Писеке. Но на деле частная собственность и мелкое производство сохранились, и ревностные табориты из крестьян и ремесленников передавали в общие кассы лишь избыток своих доходов. Вообще крайние табориты не приобрели господствующего влияния: им пользовались умеренные, вождями которых были мелкие дворяне.

Восстание и война с королем Сигизмундом продолжались до 1434 года, когда табориты были разбиты. Восторжествовали каликстины или утраквисты, т.-е. началась феодально-буржуазная реакция. В 1436 г. были изданы компактаты, по которым Сигизмунд был признан королем, земли духовенства оставлены за светской знатью и дворянством, мирянам дано причащение под обоими видами, наконец, и табориты сохранили своих выборных священников и самоуправление. Но в 1452 г. наместник Чехии, вождь каликастинов, сделавшийся скоро и королем чешским, Георгий Подебрад уничтожил последние следы самоуправления таборитов.

После Георгия Подебрада утраквисты постепенно слились с католиками. Только некоторые секты, уцелевшие от первоначального утраквизма или католикстинства, сохраняли оппозиционный характер против католицизма и феодализма. Главной из них были богемские братья, к которым примкнула главным образом часть чешского дворянства. Основателями этой секты были два брата Хельчицкие Петр и Григорий, из которых особенно замечателен первый. В своих сочинениях, появившихся в 20-х годах XV в., Петр Хельчицкий высказывался против войны и смертной казни,

---

[1]) *Ястребов,* Этюды о Петре Хельчицком и его времени, вып. 1, Спб. 1908, стр. 41—51.

против светской власти, таинств, чистилища, почитания святых, стоял за евангелический анархизм, за то, что государственная организация противоречит христианству [1]). Богемские братья впоследствии совершенно слились с протестантами.

---

[1]) *Ястребов*, Этюды о Петре Хельчицком, вып. 1, стр. 116, 120, 151, 160, 191, 219 и сл.

XIII.

Падение арабского феодализма.

Со времени последних Аббасидов, потом и после них, в XIII, XIV, XV веках арабская торговля и в Азии, и в Африке, и в Испании растет и развивается; пораллельно этому идет вперед и развитие обрабатывающей промышленности, расчитанной на более или мене обширный рынок, и делает крупные успехи арабское земледелие [1]).

Это послужило хозяйственной основой падения арабского феодализма в социальном и политическом отношениях. Арабская икта, лен перестает быть исключительной принадлежностью феодальной аристократии: иктой начинают владеть и вольноотпущенники, естественно тяготевшие к халифам, поддерживавшие их власть в противовес крупным феодалам старого типа [2]). Возвышались и торговые и ремесленные города [3]), причем, разумеется, обширный сбыт ремесленных изделий был невозможен, немыслим без посредничества капиталистов-скупщиков, так что торговый капитал господствовал в городах.

В политическом отношении собирание земли и власти или по крайней мере тенденции в этом направлении наблюдаются у разного рода династий различных национальностей, утверждавших свое господство в арабских государствах. Характерно в этом отношении господство мамелюкских султанов в Египте и Сирии: мамелюки происходили из

---

[1]) *Kremer,* Kulturgeschichte des Orients unter den Chalifen, II, стр. 274, 315, 331.

[2]) *Tischendorf,* Das Lehnswesen in den moslemischen Staaten, 30.

[3]) Там же, стр. 30.

военно-пленных рабов [1]) и были кадрами нового служилого класса, дворянства, подобно арабским вольноотпущенникам; они служили телохранителями, гвардией египетских султанов и укрепляли и расширяли их власть [2]). В 30-х и 40-х годах монголы завоевали Персию, Месопотамию, Кавказ, Армению и половину Малой Азии; в 1258 г. внук Чингис-хана Хулагу разбил войско багдадского халифа, взял Багдад и казнил халифа. Его преемники так-называемые ильханы («повелители народа») продолжали в Азии объединительные попытки мамелюкских султанов. Во второй половине XIII в. Бейбарс и другие мамелюкские султаны владеют Египтом и Сирией, и так продолжается 150 лет [4]). В мусульманской Испании ту же объединительную, собирательную работу совершали альмохады (из северной Африки), но уже в 1229 г. они были изгнаны оттуда, а в XIV в. местные арабские халифы признали себя вассалами кастильского короля [5]). Наконец, в начале XIV в. османские турки подчинили себе все арабские владения во всей западной Азии и северной Африке [6]).

Все эти крупные экономические, социальные и политические перемены отразились и на духовной культуре. Собиратели земли и власти у арабов отличались не менее резко выраженным активным эгоизмом, чем их исторические двойники в других странах. Бейбарс, напр., был груб, коварен, не останавливался перед хитростями и подлостями, для толпы носил личину благочестия [7]).

Эта психология, свойственная всем старым феодалам, отступала, однако, уже на второй план перед новыми, индивидуалистическими порывами и запросами у представителей рядового дворянства и буржуазии. Новые настроения проявляются и в науке, и философии, и в литературе, и в искусстве.

Дворянство и буржуазия в своем развитии выделили из себя довольно уже многочисленную арабскую интеллигенцию, откуда произошло именно в XIII, XIV и XV веках у арабов

---

[1]) *Мюллер,* История ислама, III, стр. 268.
[2]) Там же, III, стр. 181.
[3]) Там же, III, стр. 246, 247, 253, 254.
[4]) Там же, III, стр. 264.
[5]) *Мюллер,* История ислама, IV, стр. 237, 247, 249.
[6]) Там же, III, стр. 373.
[7]) Там же, III, стр. 265.

Азии, Европы и Африки развитие грамматики, математики, астрологии, медицины, алхимии [1]). Труды Гебера в алхимии, при всей фантастичности и неосуществимости цели,—получения золота—и при ложности представления о «философском меркурии», как основной материи, получаемой будто бы из ртути путем устранения из нее жидкости или текучести (воды), потом летучести (воздуха), наконец, земли [2]), приводили на практике к химическому анализу, делали алхимиков предшественниками современной химии [3]). В качестве другого характерного образца развития арабской науки следует указать на математику. Еще в IX в. Мохамед-бен-Муза аль-Хваризми написал трактат по алгебре, где впервые употребил и это наименование целой отрасли математики и создал учение об уравнениях, хотя еще и без математических символов, его выражающих; но особенно двинули вперед математику и передали ее элементы для дальнейшего развития Западной Европы арабские ученые Кордовы и Севильи XIII—XV веков [4]). Наконец, нельзя не отметить новых явлений в разработке истории. И здесь первенство принадлежит испанским арабам: уже у историка Ибн-Хайяна из Кордовы заметны беспристрастие и правдивость [5]), а Абдур рахман-ибн-Халдун был довольно типичным историком-ученым, ставившим себе серьезные задачи научного исторического исследования [6]).

Любопытной и опять-таки новой для возвышавшихся дворянства и буржуазии чертой было развитие активного эгоизма, восхваление ловкости и хитрости, сатира и ирония, т.-е. примесь индивидуалистической психологии. Здесь особенно характерна литературная деятельность Харири, великого стилиста своего времени, представившего в своем «Странствующем подмастерье» апофеоз ума, хитрости, остроумия, юмора, и давшего в других сочинениях образцы горькой иронии [7]). В связи с этим стоит как дальнейшая

---

[1]) *Huart,* Littérature arabe, стр. 137 и сл., 289 и сл., 293 и сл., 310 и сл., 340 и сл.

[2]) *Berthelot,* Les origines de l'alchimie, P. 1885, стр. 280.

[3]) Там же, стр. 285.

[4]) *Шереметевский,* Очерк истории математики в приложении к переводу «Элементов высшей математики» Лоренца.

[5]) *Мюллер,* История ислама, IV, стр. 188.

[6]) Там же, IV, стр. 253, 256.

[7]) Там же, III, стр. 214.

ступень дворянски-буржуазного синтеза эгоистических тенденций с индивидуалистическими и в частности эстетическими и интеллектуалистическими настроениями психология эпикурейского наслаждения жизнью, наиболее яркими проявлениями которой были «Сад роз» Саади [1]) и литературная деятельность Хафиза, писавшего в Персии при владычестве ильханов (монгольских ханов) в XIV в. и видевшего в любви и вине утешение в горестях жизни [2]).

Характерно, однако, то, что Хафиз под старость превратился в один из авторитетов другого нового течения в арабской духовной культуре—суфизма [3]), арабской мистики. Здесь повторилось, вследствие сходства условий материальной культуры, то, что нами наблюдалось в других странах в эпоху падения феодализма. Как ни рвались вперед к власти и господству в жизни дворянство и торговая и промышленная (ремесленная) буржуазия, окончательно разделаться с феодальной аристократией или даже занять равное с ней положение они были еще не в состоянии. Отсюда произошло видоизменение старой психологии смирения, пассивного эгоизма, превращение ее в религиозно-этическое настроение, чуждое в некоторой степени традиционному правоверию: источником религиозного и нравственного просветления сделался уже не Коран, а непосредственное таинственное, мистическое общение с Божеством в экстазе. Это и есть суфизм, явление параллельное францисканству и вальденству. Оно имело у арабов в XIII веке такого видного представителя, как Джелаль-ад-дин-Руми, автор суфически-пантеистических поучительных стихотворений [4]): пантеизм—обожествление всей природы—был необходим здесь как идейная основа слияния человека с Богом.

Этот пантеизм был теоретически, философски обоснован в оригинальных толкованиях Аристотеля, произведенных Ибн-Рушдом, которого на западе Европы звали Аверроэсом. Аверроэс представлял себе материю как целое, осуществляющее в своем развитии и движении все присущие ей формы, причем высшей формой является Бог, и от

---

[1]) Там же, III, стр. 212.
[2]) Там же, III, стр. 400.
[3]) Там же, III, стр. 400.
[4]) Там же, III, стр. 211, 212.

нее происходит все движение или развитие, которое делает существующими в действительности все низшие формы. Бог является одновременно и движущей формой и движимой материей, откуда и вытекает в конце-концов пантеизм. В учении о разуме Аверроэс отличал мировой, коллективный разум всего человечества, бессмертный, вечный, дающий безусловную истину, и индивидуальный, личный разум, преходящий, уничтожающийся вместе с личностью, с личной жизнью человека. Поэтому из учения Аверроэса вытекало отрицание бессмертия души [1]). В общем учение Аверроэса было интеллигентским противоречием традиционной религии и ближе всего подходило к теориям Роджера Бэкона, бывшего его горячим последователем; за то Фома Аквинский, Раймунд Луллий были противниками Аверроэса [2]), и понятно, почему аверроизм нашел себе осуждение и преследование и со стороны калифа Аль-Мансура еще при жизни Аверроэса [3]), и впоследствии, в XVI в., со стороны католической церкви, папской власти.

Религиозно-этическое настроение в связи с эстетическим вкусом и фантастикой выразилось и в арабском искусстве XIII, XIV и XV веков. Фантастика ярче всего отразилась в скульптуре. Грандиозные мечети с массой украшений составляли предмет усердия и забот арабских монархов и художников-архитекторов и в Египте, и в Сирии, и в Испании. Высшие достижения арабской архитектуры времен падения феодализма—Хиральда в Севилье и Альгамбра [4]).

В широких массах населения, попрежнему угнетенных, протест выражался в дальнейшем развитии тех сект, о которых у нас шла речь в изложении предшествующего периода арабской истории, но особенно в развитии суфийских сект. От Джелал-ад-дина-Руми пошли и правоверные нищенствующие мусульманские монахи, подобные францисканцам и отчасти доминиканцам,—дервиши [5])

---

[1]) *Renan,* Averroes et l'averroïsme.
[2]) Там же.
[3]) *Мюллер,* История ислама, IV, стр. 239.
[4]) *Gayet,* L'art arabe, стр. 79, 86; *Мюллер,* История ислама, IV, стр. 239, 256.
[5]) *Мюллер,* История ислама, III, стр. 212.

XIV.

Падение феодализма в Турции [1]).

Хозяйственное развитие Турции в XVI и первой половине XVII века, когда происходило падение турецкого феодализма, направлялось, несомненно, в ту же сторону развития товарного хозяйства с обширным рынком, как и в других странах. Недостаточная разработка истории Турции не дает прочной фактической опоры для этого вывода, если иметь в виду всю территорию, занятую турецким завоеванием. Но уже походы султанов в Венгрию, покорение ими части этой страны и рост торгового значения греков, которые, будучи подданными турецких султанов, уже в XVIII веке стали играть видную коммерческую роль, доказывают именно рост денежного хозяйства в Турецкой империи.

Мы видели выше, какое значение имели в истории арабского феодализма мамелюки и вольноотпущенники: они были основой возвышения власти халифов и принижения феодальной знати. Такое же значение в Турции принадлежало янычарам—наемному, оплачиваемому войску, служилому классу, явившемуся противовесом турецким ленникам. С XVI до половины XVII в.—с Сулеймана Великолепного до Ибрагима и его ближайших преемников—и шел неуклонно вперед процесс падения турецкого феодализма.

Основные этапы его таковы:

Падение ленной системы при Сулеймане Великолепном началось с того, что его визирь Рустем-паша стал сдавать на оброк коронные имения и общественные земли незнат-

---

[1]) *Tishendorf,* Das Lehnswesen in den moslemischen Staaten, стр. 50—108.

ным людям, часто даже христианам и евреям. В конце XVI в. визирь Уздемир-Оглы-Осман-паша раздавал крупные лены иностранцам, покровительствовал рядовому дворянству (Sipahis), служившему в военной службе за жалованье, и ввел янычар. В XVII в. быстро пошло вперед уничтожение ленов и уменьшение числа ленников: раньше в Румелии было 12 тысяч ленов, с которых служили на ленном праве до 40 тыс. панцырных всадников, а в XVII в. осталось всего семь или восемь тысяч человек ленной конницы, $^9/_{10}$ всех ленов перешли в руки нового дворянства, образовавшегося из числа крупных сановников, придворных и гаремных слуг. Нужда казны в деньгах, все более обострявшаяся (характерный признак роста и расширения товарного хозяйства), привела к изданию еще в первой половине XVII века закона, по которому 50% дохода с феодальных владений должны были вноситься в казну, а в 1652 г. на всех держателей крупных ленов и государственных имуществ наложено было обязательство отдавать казне все избытки, остававшиеся за удовлетворением необходимых потребностей. Насколько пал турецкий феодализм в течение XVII века,—видно из того, что в XVIII столетии вместо 200 тысяч ленников, составлявших конное феодальное ополчение, во всей империи осталось их только 20 тыс. человек. Мустафа III в 1768 г. совсем уничтожил феодальное ополчение и обязал ленников вносить в казну по 50 пиастров за каждого поставлявшегося ими прежде на службу всадника. Остатки феодализма в Турции сохранялись и позднее—в конце XVIII и даже в XIX в., но то были уже простые пережитки прошлого, не имевшие реального значения.

XV.

Падение феодализма в Индии.

Эпоха падения феодализма в Индии — XV, XVI и XVII столетия, время сначала образования, потом господства мусульманской империи. Дело началось образованием в Индии независимых мусульманских владений в XV в. В XVI — XVII веках посредством завоевания собрана была земля и власть во всей Индии в руках мусульманских султанов. Конечно, экономической подкладкой этой собирательной работы было развитие денежного хозяйства с рынком, хозяйственно объединявшим в значительной мере всю страну; рост такой именно торговли прочно установлен исследователями [1]).

Социальной основой того же процесса падения феодализма явилось образование мусульманского служилого сословия, все более оттеснявшего от власти старую феодальную светскую аристократию и брахманов — представителей духовного феодализма. Устанавливалась постепенно и новая администрация, приобретавшая бюрократическую окраску [2]).

Оффициальной религией, поддерживавшей единство мусульманской империи в Индии, было, резумеется, магометанство. Но сохранились и индуизм и несравненно менее распространенный буддизм, и шиваитские и вишнуитские секты. И кроме того прибавились секты новые, отражавшие новую психологию буржуазии—торговой и ремесленной и крестьянства.

---

[1]) *De la Mazelière,* Essai sur l'évolution de la civilisation indienne, t. I, стр. 312 и сл.

[2]) Там жс, стр. 287 и сл.

Уже у Джаядевы вишнуизм, отстаивавший единобожие и всеобщее равенство, был религией любви [1]), наиболее близкой передовым слоям крестьянства. В начале XV в. Кабир— ткач по профессии—основал новую секту, родственную по духу вальденсам и отчасти францисканцам: он восставал против суеверий, каст, феодализма, особенно духовного, брахманского, против идолопоклонства, проповедуя, что все, любящие Бога и делающие добро, — братья; что необходимы созерцательная жизнь и нравственная чистота [2]).

В связи с сектой, основанной Кабиром, и под ее влиянием образовались еще две замечательные секты: одна основана была белильщиком Даду, другой—секте Сикх — положил начало купец Нинак. Единобожие, братство, нравственная чистота и здесь выдвигались в качестве основных положений новой религии. В XVII веке сикхи пошли дальше, повели священную войну против существовавшего строя во имя равенства и братства, напоминая этим движение Сегарелли и Дольчино. И, как в этом последнем случае, сикхи были подавлены и почти уничтожены силой оружия: их победил император Аурангзеба [3]).

На-ряду с этим религиозно-этическим настроением, приобретавшим все более господствующее положение в духовной жизни более или менее демократических слоев,— в дворянстве и буржуазии мусульманской Индии проявлялось и эпикурейское стремление к наслаждению жизнью, сказавшееся в особенности в поэзии Vallabha в начале XVI столетия [4]). Развивались в той же среде и интеллектуальные потребности и интересы, причем сказалось сильное арабское влияние, выразившееся в особенности в развитии астрологии [5]).

---

[1]) Там же, стр. 227.

[2]) *Барт*, Религии Индии, стр. 273, 274.

[3]) Там же, стр. 275, 277, 278, 282, 283.

[4]) *De la Mazelière,* Essai sur l'évolution de la civilisation indienne I, стр. 228.

[5]) Там же, I, стр. 320 и след.; *Weber*, The History of Indian Literature, стр. 263.

XVI.

Падение феодализма в Египте.

В период от 2150 до 1580 года, при 11—17 династиях, в эпоху так-называемого Среднего царства феодализм в Египте постепенно падает: совершается «собирание» Египта Фивами.

В основе этого «собирания» лежали, как и везде, крупные хозяйственные перемены. Население страны, повидимому, сильно увеличилось, так что пришлось расширить весьма значительно земледельческую площадь: земледельческая культура проникает в западные оазисы Ливийской пустыни, особенно Файюм [1]). Вероятно, и техника земледелия улучшилась: на это указывают и правильные измерения высоты нильской воды, введенные Аменемхетом III. Далее: подвергаются эксплоатации каменоломни к востоку от Фив, и завоевывается часть Нубии до второй полосы нильских порогов, что дает возможность добывать здесь золото [2]). Но главное, что в хозяйственном отношении обращает на себя внимание, — это рост торговли.

Здесь первенствующее значение имела торговая дорога, соединявшая Фивы с Красным морем, от берега которого ходили торговые суда на Синайский полуостров, в Аравию и в страну Пунт; на этой дороге лежали и каменоломни. Оживленные торговые сношения велись также с Палестиной и Сирией [3]). Теперь уже земля не играет такой исключи-

---

[1]) *Ed. Meyer.* Geschichte des Altertums, I, стр. 266: *Брэстед,* История Египта, т. I, М. 1915, стр. 202—203.

[2]) *Meyer,* I, 2, стр. 256; *Виппер,* Древ. восток и эгейс. культура.

[3]) *Meyer,* Gesch. d. Alt., I, 2, стр. 239; *Виппер,* Древний восток; *Брэстед,* Ист. Египта, I, стр. 263, 288.

тельной роли, как прежде: мерилом ценности является медь [1]). Очевидно, в замкнутом, расчитанном на узкий рынок хозяйстве появляются трещины, которые, постепенно расширяясь, преобразовывают его в хозяйство денежное, товарное, имеющее в виду уже рынок обширный.

Новые хозяйственные условия повели к социальным и политическим переменам. Правда, крепостное право сохранилось: чтобы разбить цепи крепостной неволи, необходимо было дальнейшее развитие товарного хозяйства. Но старая феодальная знать падает, и возвышается новый служилый класс — дворянство, люди, «следующие за царем во всех его путях», как в военном деле, так и в гражданском управлении и получающее за то земли, жалованье и «золото похвалы» — ордена [2]).

11-я династия в лице Ментухотепа IV около 2150 г. уже формально объединила весь Египет под властью фиванских фараонов. Но то было объединение еще на чисто-феодальной основе: старина сохранилась, требовалось только, чтобы феодальная знать отбывала и платила царю вассальные повинности и сборы [3]).

Дальше пошла 12-я династия, которой принадлежат оросительные работы в Файюме и захват золотых приисков в Нубии. Наследственность должностей теперь уничтожается, отменяется финансовый иммунитет, вводятся правильные статистические переписи [4]). Устанавливается царская бюрократия: первый министр, казначей и другие чиновники [5]). Появляются, наконец, и свободные ремесленники и купцы [6]).

В XVIII столетии до Р. Х. Египет подвергся нашествию гиксов-хетитов из Малой Азии. Гиксы держали его под своей властью до 50-ти лет. По вопросу о значении владычества гиксов и характере следовавшей затем эпохи — до 1580 года — между исследователями существует серьезное разногласие: одни [7]) полагают, что произошла фео-

---

[1]) *Брэстед,* История Египта, I, стр. 205.

[2]) *Виппер,* Древний восток и Эгейская культура.

[3]) *Тураев,* История древнего востока, I, стр. 227—228.

[4]) *Meyer,* Gesch. d. Altert., I, стр. 251; *Брэстед,* История Египта, I, стр. 247—249.

[5]) *Брэстед.* I, стр. 246; *Meyer,* I, 2, стр. 253; *Тураев,* I, стр. 233.

[6]) *Meyer,* Gesch. d. Altert, I, 2, стр. 249; *Erman,* Aegypten und aegyptisches Leben im Altertum, II, стр. 592 и сл., 658 и сл.

[7]) *Meyer,* Gesch. d. Alt., I, 2, стр. 296—297.

дальная реакция, другие [1]), что феодализм исчез. Хотя остатки феодализма и должны были сохраниться и действительно еще существовали, но более правильно все-таки второе мнение. Гиксы сыграли для объединения Египта и падения в нем феодализма такую же подсобную роль, как татары в удельной Руси. Фиванские цари только платили им дань со всего нижнего Египта, сохраняя во всех прочих отношениях полную самостоятельность, что, конечно, крепко объединяло вокруг них верхний Египет. Что касается Египта северного, нижнего, то непосредственное господство гиксов и насилия их наместников—сборщиков дани естественно располагали местное население, прежде склонное к сепаратизму, стать под руку родственных фиванских владык, чтобы избавиться от чужеземцев. Это произошло, когда фиванский фараон Аамес или Амазис, основатель 18-й династии, окончательно изгнал гиксов из Египта после 1580 года.

Конечно, изложенные сейчас социальные условия в Египте, как и везде, изменили психологию и духовную культуру общества. Правда, феодальная знать, поскольку она социально не изменилась, осталась верной психологии активного эгоизма. Но она в большей своей части уже начала социально, а следовательно и психологически перерождаться в дворянство. Поэтому новые явления в психологии общества и его духовной культуре должны пойти в счет уже этого нового класса, мало-по-малу приобретавшего главное влияние в общественной жизни.

Психология пассивного эгоизма, свойственная передовым элементам широких масс населения в феодальную эпоху, вся основана на страхе, на чувстве зависимости, смирения. Но это чувство основа религиозности, а в связи с религиозностью развиваются моральные чувства.

На этой почве происходит дальнейшая спиритуализация и морализация египетской религии. Уже в это время картина будущего рая и ада приобретает в Египте более духовный характер, сближающий ее отчасти—как тип, а не как нечто индивидуальное — с соответственными изображениями, данными Данте: возникает «нравственная тревога за то, что произойдет в будущей жизни», образуется идея «воз-

[1]) *Брэстед,* История Египта, I, стр. 221 и след.
[2]) *Meyer,* Gesch. d. Altert., I, 2, стр. 276 и сл.

мездия после смерти»[1]); «божественное правосудие уже не довольствуется отчетом о деяниях: оно стремится возместить несправедливости человеческой жизни и неравенства уделов»[2]).

Соответственно этой глубокой — одухотворенной и согретой нравственным чувством — религиозности и в искусстве мы наблюдаем статуи и рисунки с глубокой психологией[3]), по типу близкие к живописи Джотто, а в архитектуре храмы, стиль которых так же одухотворен религиозным чувством, как западно-европейская готика.

Итак, первая черта духовной культуры и психологии общества времени падения египетского феодализма — это *религиозно-этическое* настроение. Надо думать, что оно было представлено и людьми определенного склада, и только недостаток данных мешает нам дать психологические портреты таких людей и назвать их по именам.

Мы гораздо счастливее поставлены судьбой в этом смысле по отношению к другому психическому новообразованию, проявившемуся в египетском дворянстве эпохи падения феодализма, — именно к возникновению *индивидуалистических* настроений: до нас дошло живое свидетельство о египетском индивидуалисте-дворянине времен 12-й династии по имени Синухэт. Он бежал, повидимому, от немилости Сезостриса I, в Азию, и там у одного из палестинских князей нашел много египтян, был хорошо принят, разбогател, прославился и приобрел власть; вернулся он в Египет с почетом по приглашению уже нового фараона, к чему побуждала его также тоска по родине[4]). Синухэт оставил описание своего путешествия, чрезвычайно для нас важное. Тут явные признаки индивидуалистической психологии: жажда новизны впечатлений, любовь к земным наслаждениям, влечение к богатству, власти и славе. Это — и путешествие и роман приключений. Египетские повести того времени носят тот же отпечаток[5]). Индивидуалисти-

---

[1]) *Морэ,* Цари и боги Египта.

[2]) Там же.

[3]) *Брэстед,* История Египта, II, стр. 97; *Тураев,* История древнего востока, I, стр. 237.

[4]) *Морэ,* Цари и боги Египта; «Путешествие Синухэта» издано и в русском переводе.

[5]) *Тураев,* История древн. востока, I, стр. 257 и сл.; *Erman,* Aegypten und aegypt. Leben, II, стр. 494 и след.

ческий колорит, рост эстетического вкуса, развитие красоты видны и в архитектуре: в прекрасных, богато убранных дворцах [1]), в храмовых и дворцовых колоннах, напр., которые из простых четырехгранных столбов преобразуются в изящные восьми-и 16-ти гранные опоры [2]). И параллельно этому в религию проникал скептицизм: начиная с XI династии, на похоронах пели: «слезами не оживить сердца того, который в могиле. Поэтому делай из дней своих праздник» [3]).

Наконец, движение вперед обнаруживается и в науке: папирус жреца Ахмеса, относящийся к XVII—XVIII в. до Р. Х., содержит свидетельства о развитии в Египте арифметики, алгебры, геометрии, астрологии. Здесь мы встречаем простейшие действия над целыми числами, сложное счисление, задачи на уравнения и проч. [4]).

Такова была психология и духовная культура нового класса, приобретавшего все большее значение в Египте, когда феодализм стал постепенно падать.

---

[1]) *Брэстед,* История Египта, I, стр. 258 и сл.
[2]) *Тураев,* I, стр. 236.
[3]) *Морэ,* Цари и боги Египта.
[4]) *Erman,* Aegypten und aeg. Leben, II, стр. 487.

XVII.

Месопотамские культуры в эпоху падения феодализма.

Гри месопотамские культуры, последовательно сменившие одна другую,—сувмеро-аккадо-вавилонская, ассирийская и халдейская (ново-вавилонская)—также пережили—каждая в свое время—процесс падения феодализма.

Время это для первой из названных культур—конец третьего и начало второго тысячелетия до Р. Х. (прибдизительно с 1260 до 1950 г.). Древне-вавилонские цари Самуабу, его сын Сумулайлу и их ближайшие преемники были типическими собирателями феодальных владений, существовавших в сувмеро-аккадо-вавилонской Месопотамии[1]), и тем подготовили то политическое единство, которое в следующий затем период было осуществлено Хаммураби.

Ассирия переживала падение феодализма в IX в. до Р. Х., в особенности при царях Ассурнасирабиле III, подчинившем себе ряд вассальных княжеств, хетитов, финикиян, и при Салманассаре III, который боролся с Дамаском и Иудеей и сделал Вавилон своим вассальным владением [2]).

Наконец, в VII в. халдейский царь Набопалассар оказался крупнейшим из собирателей земли и власти в ново-вавилонской Месопотамии: он подчинил себе всю равнину Двуречья [3]).

Мы не можем, к сожалению, по состоянию источников истории месопотамских культур в эпоху падения в них феодализма сколько-нибудь подробно и разносторонне осветить здесь этот процесс конкретными данными. Но

---

[1]) *Ed Meyer,* Geschichte des Altertums, I, 2, стр, 546, 548, 549.
[2]) *Тураев,* История древнего востока, II, стр· 42—44.
[3]) *Виппер,* Древний восток и Эгейская культура.

отдельные подробности, там и сям в разное время встречающиеся и являющиеся полными параллелями соответствующих явлений в других культурах того же периода, рассмотренных нами выше, убеждают в том, что и в Месопотамии повторялись те же явления материальной и духовной жизни. Характерна в этом отношении, напр., летопись с объединительными тенденциями, которая велась при ассирийском царе Ассурнасирабале III [1]), денежные дани, собиравшиеся месопотамскими царями-объединителями [2]), стремление их овладеть торговой Финикией [3]), установление своих наместников и проч. Еще большее значение в данном отношении имеют, наконец, позднейшие порядки в хозяйстве, обществе и государстве и крупные культурные новшества, сложившиеся в следующий период: они не могли бы произойти без собирательной подготовки. Но о них речь впереди в свое время.

---

1) *Тураев*, История древнего востока II, стр. 43.
2) Там же, стр. 65.
3) Там же, стр. 66.

XVIII.

Падение феодализма у древних евреев.

Вторая половина VII в. и все VI столетие до Р. X. представляют собою вторую половину периода истории феодализма у древних евреев,—время, когда еврейский феодализм стал клониться к упадку. Обычная экономическая основа этого процесса—рост обширной торговли и в связи с нею ремесла, в особенности городского [1])—имелась налицо в обоих царствах или княжествах, на которые по смерти Соломона распался древний Израиль. В особенности это надо сказать об Иудейском царстве. Совершенное покорение еврейского народа ассириянами знаменовало собою политическую сторону того же процесса падения феодализма: с тех пор как ассирияне заместили собою туземную, еврейскую аристократию в качестве землевладельцев [2]), собирание земли и власти сделало крупные успехи: ведь это означало, что царь ассирийский, которому подчинялись эти ассирийские крупные собственники земли, соединил в своих руках единую, общую власть.

Народные массы не получили облегчения и при новых условиях или получили его в неудовлетворившей их степени. Поэтому продолжалось и развивалось мистическое сектантство у евреев—пророческое движение. Понятия о непосредственной связи с Божеством и о единстве Божием составляли содержание религиозного учения пророков; в этой проповеди единобожия и слияния с Богом — Ягве примыкало, с нею органически связано было и учение о

[1]) *Никольский,* Древний Израиль, стр. 120.
[2]) Там же, стр. 146.

нравственной жизни, которое также составляло отличительную черту пророческого движения [1]).

В лице Исаии движение сделало новый крупный шаг вперед в том направлении, которое отличало Иоахима из Фиоре, движение Дольчино, крайние течения вальденства: то была идея о приходе Мессии, спасителя, избавителя, земного царя, восстановителя правды и справедливости, который утвердит равенство и братство на земле своею единоличной самодержавной властью, благодетельной для народных масс [2]). Эти воззрения, чаяния и ожидания как нельзя более соответствовали психологии масс крестьянства и ремесленных мастеров и подмастерьев: рассеянные, рассыпанные, неорганизованные, замкнувшиеся в свои маленькие хозяйства, крестьяне и ремесленники привыкли все надежды возлагать на единого избавителя и освободителя, благодетельного монарха, который в государстве должен распоряжаться, как отец в семье, для блага своих детей—подданных.

Рост товарного хозяйства требовал политического объединения. А политическое единство должно было скрепиться религиозным авторитетом, единобожием, монотеизмом. Эту идею поэтому перехватили и унаследовали от пророков иудейские жрецы, хотевшие в противовес чужеземному завоеванию создать сначала религиозный, а потом и политический центр собирания земли и власти в Иудее, в Иерусалиме, отсюда и у них произошло оффициальное признание Ягве как единого Бога всего Израиля [3]).

---

[1]) *Wellhausen,* Jsraelitische und iudische Geschichte, стр. 125 и след.; *Никольский,* Древний Израиль, стр. 131—150; *Тураев,* История древнего востока, II, стр. 93—103.

[2]) Там же.

[3]) *Wellhausen,* Jsraelitische und iudische Geschichte, стр. 133; *Никольский,* Древний Израиль, стр. 156.

XIX.

Падение китайского феодализма.

Падение феодализма в Китае являет собою один из самых ярких примеров чрезвычайно замедленного, в высшей степени затрудненного процесса. Повидимому, оно длилось с половины IV века до Р. Х. до половины XIV в. после Р. Х., т.-е. 1700 лет.

Что это было так,—доказывается прежде всего достаточным количеством данных, свидетельствующих о крайне медленном развитии замкнутого, местного, расчитанного на узкий рынок, феодального денежного хозяйства в товарное хозяйство с обширным рынком. Не раз как будто наблюдаются усилия перейти к новым хозяйственным порядкам, но усилия эти долго остаются совершенно бесплодными. Так, еще в половине IV в. в Цинском уделе начинаются экономические новшества, и проявляется тенденция к податному уравнению разных слоев общества [1]), но все это остается, несмотря на отдельные успехи, незаконченным, незавершенным. И потому еще во второй половине III в. до Р. Х. в том же Цинском уделе продолжалась раздача поместий — бенефициев, сохранялась ленная система [2]). Цинский князь Чжэн в конце III в., став единодержавным, начал улучшать дороги [3]): явный признак роста крупной торговли, обширного сбыта товаров, невозможного без хороших путей сообщения. Но еще в I в. до

---

[1]) *Георгиевский*, Первый период китайской истории, стр. 146—147, 148.

[2]) Там же, стр. 175.

[3]) Там же, стр. 183.

Р. Х. в Китае оброки и подати платились натурой [1]), и даже в конце VIII в. после Р. Х. попытка земенить натуральные сборы денежными податями потерпела крушение [2]).

Нетрудно вскрыть и причину такой задержки перехода к новым хозяйственным порядкам и отношениям: относительное перенаселение ослаблялось в Китае и влияние его уничтожалось тем обстоятельством, что на границах велась борьба с инородцами, насчет земель которых обогощались китайские удельные князья, причем происходила постоянная колонизация, заселение этих земель [3]), позволявшее оставаться при старых основах народного хозяйства. Сохранению феодальных отношений, а значит и феодального, замкнутого хозяйства способствовала и разноплеменность населения Китая, причем разные отдельные племена тянули врозь, почему еще в VII века после Р. Х. наместники отдельных провинций могли превратиться в наследственных владетелей [4]).

Тем не менее и в Китае за эти 1700 лет—с половины IV в. до Р. Х. до половины XIV в. после Р. Х.—происходило собирание земли и власти. Самыми выдающимися собирателями были князья удела Цинь. В IV в. они присоединили к своим владениям 3 других удела, а в III еще восемь уделов [5]). Кроме того, циньские князья делали частичные завоевания в других княжествах, в том числе в самых крупных уделах, какими были Вэй, Хань, Чу. Так, еще в IV в. до Р. Х. они победили всех осоюзившихся против них других удельных китайских князей и отняли после ряда войн значительные территории у князей вэйских и ханьских [6]). То же повторялось в III в. [7]), пока, наконец, циньские князья в 232 году до Р. Х. не покорили окончательно все Ханьское княжество, а в 225 г. была уничтожена и самостоятельность княжества Вэйского [8]), затем и еще четырех других крупных феодальных владений [9]).

---

[1]) *Macgowan,* A history of China, стр. 97 и сл.
[2]) Там же, стр. 324.
[3]) *Георгиевский,* Первый период кит. ист., стр. 154, 184 и др.
[4]) *Macgowan,* A history of China, стр. 292 и сл.
[5]) *Георгиевский,* Первый период кит. истории стр. 254, 255
[6]) Там же, стр. 149, 152, 154, 157, 158
[7]) Там же, стр. 171. 173.
[8]) Там же, стр. 177, 179.
[9]) Там же, стр. 179—180.

Однако, в соответствии с экономической и социальной подкладкой и процесс политического объединения Китая шел медленно и как бы спотыкаясь чуть не на каждом шагу. В I в. после Р. Х. Уди заставил подчиниться крупных феодалов [1]), но в III в. Китай опять делится на три царства [2]), появляются и мелкие независимые княжества [3]), происходят непрестанные внутренние волнения и раздоры [4]). Еще в Х в. после Р. Х. мы видим в Китае, на-ряду с крупным объединением, до 10-ти мелких княжеств [5]). И даже династия Сун, правившая страной между 960 и 1278 годами, могла собрать под своей властью далеко не весь Китай, а лишь большую его часть [6]). Повидимому, только монголам, властвовавшим в Китае с 1278 по 1367 год удалось закончить процесс собирания земли и власти [7]) и тем проложить дорогу окончательной борьбе за императорское самодержавие и торжеству его в следующий период.

В соотвествии с этим наблюдается и развитие бюрократии в центральном и областном управлении Китая—появление визирей, первых министров и других центральных сановников [8]), установление более правильного областного деления и наместничьей власти [9]). Но, как выше было уже отмечено, наместники превращались в самостоятельных феодальных владык.

Угнетенное крестьянство, естественно, волновалось, восставало [10]), как то было и в Англии в соответствующее время или во время французской жакерии XIV века. Конечно, в глазах крестьян первенствующее значение имел аграрный вопрос, наделение их землей. Прежние исследователи склонны были настаивать на том, что лозунгом крестьянского движения в Китае было «общинное земле-

---

1) *Macgowan,* A history of China, стр. 97 и сл.
2) Там же, стр. 134 и след.
3) Там же.
4) Там же, стр. 195 и др.
5) Там же, стр. 365 и сл.
6) Там же.
7) Там же, стр. 437 и сл.
8) *Георгиевский,* Первый период кит. истории, стр. 156; *Macgowan,* The history of China, стр. 195, 202, 324, 331, 383, 384.
9) *Георгиевский,* стр. 180; *Macgowan,* стр. 195, 363.
10) *Macgowan,* стр. 110 и сл., 342 и сл., 384

владение». Но можно считать установленным, что и в Китае в свое время на смену вольного или захватного землепользования и потом долевого или семейного владения восторжествовала частная собственность на землю [1]), и если крестьяне восставали, выставляя аграрные лозунги, то они добивались не «общинного владения», а, как и везде, увлекались мечтами о золотом веке прошлого, о возврате к охоте, скотоводству, кочевому земледелию и вольному землепользованию. Конечно, эти утопические попытки неизменно—опять-таки как и везде—терпели неудачу.

В духовной культуре и психологии китайского народа во время падения феодализма намечались те же процессы и явления, как и в соответствующее время развития других стран и народов. Представителем оффициальной, конфуцианской религиозной философии, китайской схоластики, являвшейся опорой господствующих классов, был Мен-цзы, живший в IV в. до Р. X. Его сочинения стали считаться классическими с XI в. после Р. X. [2]). Новой, не феодальной чертой его учения являлась проповедь единства монархии, собирания земли и власти [3]). Интеллигентское эпикурейство, учение о наслаждении как цели жизни, вытекавшие из гнесеологического скептицизма, из убеждения в невозможности точного и достоверного знания, имело своим представителем в V в. до Р. X. Лей-цзы [4]). Учение Чуанг-цзы [5]) и китайский буддизм отстаивали смирение, утверждали суетность земных забот и земного существования, требовали нравственного и материального самоограничения, простоты жизни и равенства: здесь выразились интересы и чаяния широких, трудящихся масс населения; естественно, что у Чуанг-цзы все это соединялось с мистицизмом.

Остается сказать несколько слов о переменах в китайском искусстве. Конфуцианские храмы—простые и длинные залы, украшенные надписями на стенах, содержащими моральные поучения,—более всего напоминают романское искусство. Пораллельно распространению буддизма в Китае

---

[1]) Там же, стр. 385.
[2]) *Беттани и Дуглас*, Великие религии востока, II, стр. 91.
[3]) *Георгиевский*, Первый период китайской истории, стр. 320.
[4]) *Беттани и Дуглас*, Великие религии востока, II, 128
[5]) Там же, стр. 132.

наблюдается переход к более возвышенному архитектурному стилю, проникнутому религиозно-мистическими началами: пагоды—башни идейно близки средневековой европейской готике. В китайской скульптуре и живописи также заметно сказалось в I в. по Р. X. влияние буддистской религиозной мистики. Но скоро на смену религиозно-мистическим мотивам, выразившимся в буддийской иконографии и скульптуре, в статуях и иконах Будды и святых, пришло интеллигентски-реалистическое и эстетическое искусство: портреты, пейзажи, фарфоровые вазы,оригинальные темы в живописи с оттенком импрессионизма свидетельствовали уже о том, что в образованных слоях китайского общества назревали и слагались индивидуалистические настроения.

XX.

Падение феодализма в Японии [1]).

Половина XVI в. после Р. X.—исходный пункт падения феодализма в Японии. Уже во второй половине этого столетия шогун Нобу-нага уничтожил внутренние таможенные заставы, т.-е. нанес существенный удар феодальным, замкнутым, местным рынкам, их обособленности, и проложил дорогу крупной, обширной торговле, расширению рынка. Он же проводил дороги, особенно около Киото, делая этим его крупным торговым центром. В 80-х годах XVI века Хиде-ёси, другой могущественный шогун, оказывается уже богатым не только землей, но и деньгами. При нем развивается торговля с иностранцами, и он предпринимает походы на Корею и Китай, очевидно, для защиты коммерческих интересов японского купечества.

На этой хозяйственной основе происходило в Японии возвышение дворян—самураев в ущерб даймиосам - феодалам и купцов, торгового класса, причем купечество фактически заправляло ремесленниками и ремесленной работой, беря на себя посредническую деятельность, выступая в роли скупщиков.

В политической области и в Японии происходил процесс собирания земли и власти. Уже Нобу-нага в 60-х годах XVI в. начинает делать решительные шаги в объединительном направлении, причем встречает сильное сопротивление сначала со стороны духовной феодальной аристо-

---

[1]) *Костылев,* Очерк истории Японии.

кратии—бонз, потом и со стороны даймиосов, светских феодалов. Сначала борьба шла успешно для шогуна: он подчинил себе в 1574 г. многих даймиосов и преодолел сопротивление бонз, соединил под своей властью до 20 провинций. Но в 80-х годах XVI в. Нобу-нага все же погиб в борьбе с феодалами. Его преемник Хиде-ёси имел уже крупные собственные земельные владения, дававшие ему до 2-х миллионов коку риса годового дохода. Ему подчинялась большая часть Японии, до 45 провинций. Он оказался даже в силах запретить даймиосам междоусобные войны. В. XVII в. шогуны из дома Току-гава владели уже четвертью всей Японии. Тем не менее, как ни изощрялись они—в особенности такие характерные их представители, как Е-ясу, — в хитрости, дипломатическом искусстве, и скопидомстве—процесс разрушения феодализма в Японии оставался незаконченным вплоть до самурайской революции 1868 г., произведенной императором (микадо) Мутсу-Хито и сопровождавшейся полным крушением даймиосов и их господства. Только после этого Япония вступила в новый период своего развития.

XXI.

Общая характеристика процесса падения феодализма.

Падение феодализма не представляет собою особого исторического периода: это был процесс, заканчивавший собою феодальную эпоху в истории всех стран. В истории всегда так бывает: как только сложится окончательно, завершит процесс своего образования тот или другой общественный и государственный строй, — так начинается его разложение, падение. Законы этого падения в отношении феодализма мы можем теперь формулировать на основе вышеизложенных фактов и наблюдений.

Мы видели [1]), что расцвет феодализма дал в разных странах своеобразные сочетания экономических и социальных сил, которые повели и в области государственного строя, и в сфере духовной культуры к значительным различиям. Мы различали тогда несколько типов феодального развития.

Конечно, эти отличия сказались и на процессе падения феодализма, но, надо заметить, сказались не очень сильно, не провели таких резких разграничений между отдельными национальными культурами, какие были прежде. Различия были, но более в оттенках, чем в существе дела.

1. В хозяйстве всех стран преобладали попрежнему, конечно, старые начала, служившие основанием для вполне развитых феодальных отношений. Попрежнему везде преобладало земледелие, феодальное владение землей, оброчная система, мелкие предприятия в ремесле и торговле, довольно низкая, экстенсивная техника. Но появились и новины: стали расти обрабатывающая промышленность и

---

[1]) См. том второй.

торговля с обширным рынком, развивался гражданский оборот с землей — ее покупка-продажа и залог,— увеличивались барская запашка, барщина, сдача земли в аренду, появились элементы технических улучшений.

2. Соответственно местным различиям развитого феодализма в России все новые хозяйственные явления оказываются теперь менее развитыми, чем на западе Европы и в других странах мира, особенно чем во Франции, Англии, Испании, Италии. Это понятно: ведь феодализм в России был недоразвит, вследствие господства натурального хозяйства, и переход в ней к падению феодальных отношений не был подготовлен так, как то было на западе, сколько-нибудь развитым денежным хозяйством с местным узким рынком. Пришлось почти сразу, резко начать переход от натурального хозяйства к хозяйству товарному, расчитанному на обширный рынок, почему и нельзя было зайти по этому пути так же далеко, как то было в передовых странах европейского запада. Ближе к России здесь стояли Германия, Польша, Литва, может быть также Китай и Япония, где процесс отчасти оказался незаконченным, отчасти затянулся надолго в силу или разноплеменности и обширности территории (Германия, особенно же Китай, Япония), или бесплодности попыток подчинить своему хозяйственому влиянию соседей, сделаться для них организующим центром товарного хозяйства с единым обширным рынком (Польша, Литва).

3. Сохранялись всюду в общем и целом и устои старого феодального общественного строя — феодальные привилегии и феодальная сословность.

4. Однако, и здесь, именно по причине недоразвитости русского феодализма и более слабого развития новых хозяйственных условий, заметны были некоторые особенности его падения в России: города и городское сословие у нас оказались гораздо менее развитыми, чем в других странах; с другой стороны, наше крестьянство юридически оставалось пока, как и прежде, свободным и начинало закрепощаться лишь фактически, не пережив феодального прикрепления к земле, а на западе Европы попытка перевести крестьян с поземельного прикрепления на личное вызвали крестьянские волнения, поведшие в конечном счете к неудаче этой попытки и к первым шагам полного освобождения крестьян.

5. Собирание земли и власти и зарождение новых, притом более упорядоченных и организованных учреждений, ведавших управление, составляли общую для всех культур черту процесса падения феодализма.

6. В соответствии с указанными выше хозяйственными и социальными предпосылками, отличавшими запад Европы и другие страны от России, в них резко выразились политические притязания горожан на свободу и участие в государственной власти, чего в России не было и не могло быть.

7. Наконец, в психологии и духовной культуре везде на-ряду со старым эгоизмом, грубостью, невежеством, традиционностью идей и представлений феодальной аристократии выделяется примесь индивидуализма, а также отчасти религиозно-этических начал в дворянстве и буржуазии и сильно выраженные тенденции в сторону религиозно-этических настроений в народных массах; новая психология выдвигавшихся на первый план новых классов общества везде отразилась на успехах литературы, искусства и науки — богословской или духовной и светской.

8. Естественно и понятно при свете формулированных выше данных и основных черт и особенностей материальной культуры, что психологические и духовно-культурные новшества в западно-европейских, в значительной мере также и в других странах, оказались более сильными, зашли гораздо дальше вперед, чем в России во время постепенного падения в ней феодальных отношений.

Таковы общие выводы, вытекающие из исследования процесса падения феодализма обычного типа. Нам известно, однако, что обычный тип феодализма, даже принимая во внимание все его местные отклонения и оттенки, не был единственным: на-ряду с ним была еще особая разновидность феодальных отношений — муниципальный феодализм. Мы изучали муниципальный феодализм особо, когда он развивался и достиг полного расцвета. Особо же необходимо теперь исследовать и процесс его падения.

Глава восьмая.

Падение муниципального феодализма.

I.

Новгород и Псков во второй половине XIV и в XV в.

Изучая историю вольных городов в удельной Руси второй половины XIV века и в XV столетии, мы прежде всего встречаемся с новым явлением, которое не было заметно или по крайней мере не оказывалось резко выраженным в XII, XIII и первой половине XIV столетия. Это — усиленное колонизационное движение новгородцев на север России, в область к северу от северных увалов, проходящих по водоразделу между реками беломорского бассейна с Волгой и ее притоками.

Из этого движения надо исключить собственно Псковскую область и четыре пятины Великого Новгорода — Шелонскую, Деревскую, Бежецкую и Вотскую. Но характерно и то, что происходило в населении этих ближайших к обоим вольным городам их областей. Население собственно Псковской области быстро и сильно увеличивалось, но, повидимому, это увеличение происходило путем естественного прироста, а не прилива со стороны. Признаками роста населения являются главным образом два обстоятельства: умножение количества псковских пригородов и появление новых монастырей вне городов, на незаселенных прежде местах. В половине XIV века, когда Псков достиг полной независимости от Новгорода, было всего два псковских пригорода — Изборск и Остров. К XV веку прибавилось

еще пять: Вороноч, Велье, Коложе, замененное с 1414 года Опочкой, Котельна и Врев. Наконец, во второй половине XV в. появилось еще пять новых: Гдов, Володимир, Кобылий, Красный и Вышгород [1]). Из монастырей во второй половине XV века основываются Мальский монастырь Рождества Богородицы на реке Мале, в 31 версте к юго-западу от Пскова, недалеко от Изборска [2]), и Успенский-Крыпецкий— к северо-востоку от Пскова [3]). В первой половине XVI века к ним присоединяется на восточной границе Псковской области Никандров-Благовещенский монастырь [4]).

Такой же вывод о непрерывном росте населения и притом росте внутреннем, лишенном прилива со стороны, получается в результате изучения материала, относящегося к четырем названным выше новгородским пятинам. И здесь можно наблюдать появление новых внегородских монастырей. Еще в XIII в. в 6 верстах от Старой Руссы был основан Косинский Николаевский монастырь [5]). В 1292 году появился Ксенофонтов-Троицкий монастырь в 25 верстах от Новгорода [6]). В конце XIV в. возникли монастыри: Лисицкий в 7 верстах к северу от Новгорода [7]), Коневский на острове Коневце, близь западного берега Ладожского озера, и Феофилов-Омучский в 57 верстах к юго-западу от нынешней Луги [8]). Наконец, к XV столетию относится основание монастырей Николаевского-Папороцкого в 53 верстах от Новгорода [9]) и Видогощского-Преображенского в 21 версте от того же города [10]). К концу периода плотность населения в новгородских пятинах таким образом значительно увеличилась, что и засвидетельствовано писцовыми книгами конца XV и начала XVI в. В Шелонской пятине конца XV в. села и деревни составляли 91$^1/_2$% общего числа поселений, пустошей, т.-е. покинутых

---

[1]) *Никитский,* Очерк внутренней истории Пскова. Спб. 1873, стр. 129, 245, 247.

[2]) *Зверинский,* Материал о монастырях, № 1133.

[3]) Там же.

[4]) Там же, № 943.

[5]) Там же, № 886.

[6]) Там же, № 902.

[7]) Там же, № 908.

[8]) Там же, № 1335.

[9]) Там же, № 996.

[10]) Там же, № 708.

поселений, было 8% и 1/2% приходилось на починки или селения, вновь основывавшиеся[1]). В первой половине XVI в. в разных частях той же пятины, описанных отдельно, числилось от 82 до 93% деревень и сел, от 6 до 12% пустошей и от 1/2% до 11% починков[2]). В Вотской пятине конца XV в. 97 1/2% всех поселений составляли села и деревни, 1/2% починки и 2% пустоши[3]), а в первой половине XVI в. здесь на села и деревни приходилось 88 1/2% всех поселений, на починки 5 1/2% и, наконец, 6% на пустоши[4]). Отличительная черта всех этих цифр — незначительность числа починков и пустошей — указывает на то, что население достигло известной нормы, и как большой отлив, так и прилив его со стороны не наблюдаются. Если принять в то же время во внимание рост городских поселений — в Новгородской области рядков[5]), в Псковской — пригородов, причем, те и другие имели торговое и отчасти промышленное значение, — и увеличение числа внегородских монастырей, большею частью приобретавших такое же экономическое значение по крайней мере до некоторой степени, то значение приведенных фактов для хозяйственной истории вольных городов и их ближайших областей в XIV — XV в. будет ясно: развивалась внутренняя торговля, крепли торговые связи и сношения, расли и расширялись, связывались друг с другом внутренние рынки, готовился переход к товарному хозяйству с обширным рынком.

Между тем, внешняя торговля вольных городов в XV в. стала сильно падать[6]): они, очевидно, теряли прежнюю свою коммерческую монополию. Конечно, это сильно вредило интересам боярства и купечества и заставляло их искать дополнительных источников дохода в землевладении, особенно же стараться усиленно добывать себе на севере важные для внешней торговли меха. Отсюда произошли

---

[1]) *Рожков,* Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке, М. 1899, стр. 314.

[2]) Там же, стр. 314—315.

[3]) Там же, стр. 314.

[4]) Там же, стр. 314.

[5]) *Ильинский,* Городск. население Новгор. обл. в XVI в., «Ж. М. Н. Пр.» за 1876 г.

[6]) *Никитский,* История экономического быта Великого Новгорода.

два важных явления: с одной стороны, боярская колонизация севера, с другой — усиление туда ушкуйнических экспедиций.

В отношении колонизации уже Обонежская пятина Великого Новгорода, занимавшая часть нынешней Новгородской губернии, почти всю Олонецкую и часть Архангельской близь устья реки Онеги, представляет собою переход к северу: в Обонежскую пятину население, несомненно, приливало со стороны, из других пятин Великого Новгорода. Это засвидетельствовано и актовым материалом, и известиями о том, что новгородскому архиепископу в XV в. принадлежали четыре сельца на Бобровой горе [1]), а Марфа Борецкая владела 19 деревнями по рекам Суме и Выгу [2]), и, наконец, основанием новых монастырей, как появившаяся в конце XV в. Кенская пустынь в 138 верстах к северо-востоку от нынешней Пудожи или возникшие в начале XVI века монастыри Александров-Свирский [3]) и Климецкий (на острове Онежского озера) [4]).

К одному типу с Обонежской пятиной принадлежат в колонизационном отношении еще бассейны Северной Двины у ее левого притока Ваги: сюда также в течение XIV и XV веков население непрерывно притекало со стороны, с запада и юго-запада. Заселение Важской земли было делом одной из богатейших новгородских боярских фамилий, — Своеземцевых: в 1315 году четверо чудских (т.-е. финских) старост поступились в пользу Своеземцева всею Вагой за 20.000 белок и 10 рублей [5]), а в первой половине XV века Василий Своеземцев основал здесь Богословский-Важский монастырь и сам в нем постригся в монахи [6]). Новгородскими поселениями в Важской земле были Шенкурск, Вельск, Терминск, Паденгский погост [7]). Кроме Своеземцевых и другие новгородские бояре владели здесь рядом имений.

---

[1]) *Ключевский,* Хозяйств. деятельность Соловец. монастыря, «Моск. Унив. Изв.» за 1866—67 г., № 7, стр. 545.

[2]) Там же.

[3]) *Зверинский.* Материал о монастырях, № 607.

[4]) *Барсов,* Олонецкий монастырь Клименцы, «Чт. Общ. Ист. и Др.» за 1870 г., IV, стр. 4.

[5]) *К. Попов,* Колонизация Заволочья, «Беседа» за 1872 г., № 2, стр. 47.

[6]) Там же.

[7]) Акты Арх. Эксп., т. I, № 94.

Такой же прилив колонистов наблюдается и в Двинской земле. На берегу Двинской губы, севернее нынешнего Архангельска, в начале XV в. был основан Николаевский-Корельский монастырь [1]). Новгородские купчие и данные XIV — XV веков содержат в себе ряд указаний на двинские волости. От 1471 г. до нас дошел подробный список этих волостей, находившихся по обоим берегам Северной Двины и на островах этой реки; сюда относятся: Нижняя Тойма, Заостровье, Моржегоры, Емецкая волость, Ваймуга, Матигоры, Быстрокурья, Холмогоры, Орлец, Ижма, Койдокурья, Кехта, Чухченема, Курострòв, Великая Курья, Ухт—остров, Княж—остров, Яковлева Курья, Соломбала, Терпилов погост и т. д. [2]). В 1520 г. св. Антоний основал монастырь на реке Сие [3]).

Наконец, к тому же колонизационному типу можно отнести Пермь (Биармию)—область по рекам Сысоле, Выми и Вычегде,—где сначала появились отдельные поселенцы, а потом возникла промышленная вотчина Строгановых [4]), и Вятку, где новгородские повольники или ушкуйники основали города Хлынов, Орлов, Кайгородок, Котельнич и образовали вольную общину, не признававшую совсем княжеской власти, но существовавшую, впрочем, и недолго [5]).

Третий колонизационный тип представлен поселениями новгородцев по Поморскому, Терскому и Мурманскому берегам, т.-е. на крайнем северо-западе. Хотя отдельные случаи захода сюда колонистов попадаются и во второй половине XIV века,—напр., сохранилось известие от этого времени о пребывании св. Лазаря на Мурманском берегу,—но сколько-нибудь заметное русское колонизационное течение в этот суровый, но богатый рыбой и солью край наблюдается в сущности только после основания Соловецкого монастыря святыми Зосимой и Савватием в 1436 г. Таковы были поселения по рекам Кеми, Керети, Ковде, Умбе,

---

[1]) *Зверинский,* Материал о монастырях, № 987; *Крестинин,* Историч. начатки о Двинском народе, ч. I, Спб. 1784, стр. 19.

[2]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 94.

[3]) *Крестинин,* Историч. начатки о Двинском народе, I, стр. 19.

[4]) *Попов,* Колонизация Заволочья, «Беседа» за 1872 г., № 2, стр. 48; *Савваитов,* Строгоновские вклады в Сольвычегодс. Благовещ. собор, Спб 1886.

[5]) *Костомаров,* Северно-русские народоправства, т. II.

Варзуге [1]). В XVI в. появились монастыри Троицкий на р. Коле [2]) и Печенгский, основанный св. Трифоном на р. Печенге на границе с Норвегией [3]).

Наконец, четвертую часть владений вольных городов, если их делить на части с точки зрения истории населения, составляют бассейны Пинеги, Мезени и Печоры, совершенно нетронутые русской колонизацией в изучаемое время, все дело ограничивалось временными походами новгородцев в этот край для сбора неопределенной и непостоянной дани, точнее говоря—для простого грабежа. Походы эти с течением времени все учащаются.

Изложенные данные указывают на крупные перемены в хозяйстве вольных городов XIV и XV веков: слабела внешняя торговля, росла внутренняя, боярство обогащалось от колонизации—вот в чем состоят новые явления.

Они подтверждаются и рядом других наблюдений. Развитие внутренней торговли видно из того, что Новгород, даже в пору, когда он стал падать, в 1545 г., имел тысяч 25 населения [4]), т.-е. был крупным по тому времени городом. Псков постепенно рос и расширялся: сначала он состоял, не считая Крома или кремля, только из двух концов, Боловинского и Торговского, а в XV в. к ним прибавилось еще четыре: Городецкий, Опоческий, Остролавецкий и Богоявленский [5]). Выше было указано, что Псков в половине XV в. имел 12 пригородов. Ряд пригородов был и у Новгорода. Таковы: Ржев, Великие Луки, Порхов, Русса, Торжок, Бежичи, Ладога, Корела, Копорье, Орешек, Яма, Демань, Курск, Холм и Высокий [6]). Кроме того, росло сильно число рядков, мелких поселений городского типа: к концу XVI в. их было до 42-х [7]). Конечно, с нашей точки зрения население этих городов и рядков было невелико, крупными центрами их признать нельзя. В самом

---

[1]) *Ключевский,* Хозяйств. деятельность Соловецкого монастыря, «Моск. Унив. Изв.» за 1866—67 г., № 7, стр. 545.

[2]) *Еп. Макарий,* Христианство в Арханг. епархии, «Чт. в Общ. Ист. и Древ.» за 1878 г., кн. III, стр. 30—31.

[3]) Там же, стр. 33.

[4]) *Чечулин,* Города Моск. госуд. в XVI в.

[5]) *Никитский,* Очерк внутренней истории Пскова, стр. 87.

[6]) Там же.

[7]) *Ильинский,* Городс. население Новгородской области в XVI в., «Ж. Мин. Нар. Пр.» за 1876 г., № 6, стр. 238.

большом из новгородских пригородов—Кореле было в 1500 году 368 взрослых мужчин в 267 дворах, т.-е. все население, считая и женщин и детей, не превышало 1.500 человек [1]). Но при преобладании тогда поселков в 2—3 двора имело значение и такое скопление населения.

Развитие денежного хозяйства доказывается также преобразованием новгородской и псковской денежной системы, от киевской Руси Новгород и Псков унаследовали весовую (нечеканную) денежную единицу—гривну серебра в фунт весом и менявшуюся в размерах гривну кун из низкопробного, нечистого серебра. Но в 1411 г.,—очевидно, вследствие оживления внутреннего обмена—новгородцы «начаша торговати *промежи себе* (т.-е. во внутренней торговле) лобцы (вернее «любцы»—немецкая монета, чеканенная в Любеке) и гроши литовьскими и артуги немецкими, а куны отложиша» [2]). Итак, вместо старой весевой единицы были приняты иностранные чеканные монеты. Так продолжалось, однако, недолго, всего 9 лет, и в 1420 г. «начаша новгородцы торговати деньги серебряными, а артуги попродаша немцем» [3]). Старая серебряная гривна (гривна серебра, а не гривна кун) была разрублена пополам, и получился рубль, который стал чеканиться. В 1424 г. и во Пскове «деньги сковаша» [4]).

Но при всем том процесс зарождения денежного хозяйства все же только еще начинался: были города и рядки, совсем не имевшие торгового населения или имевшие его в самом незначительном количестве; таковы были рядки западной половины Новгородской области [5]); таковы же были и пригороды Демань и Высокий, где совершенно не было торговцев [6]); но и в большей части других новгородских пригородов их было мало [7]). А главное—крестьяне и в конце XV и в первой половине XVI в. платили большею частью натуральные, а не денежные оброки; в Вотской

---

[1]) *Чечулин,* Города Моск. госуд. в XVI в., Спб. 1889, стр. 35.

[2]) Новг. 1 лет. под 6918 г.

[3]) Новг. 1 и 4 лет. под 6928 г.

[4]) Там же под 6932 г.

[5]) *Ильинский,* Городское население Новг. области в XVI в., «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1876 г., № 6, стр. 258—260.

[6]) *Ильинский,* Городс. население Новг. области в XVI в., «Историч. Обозрение», том IX, стр. 129.

[7]) Там же; ср. *Чечулин,* Города Моск. госуд. в XVI в.

пятине в конце XV в. 91% всех крестьян платили оброк натурой и только 9% деньгами [1]), а в 1539 г. денежный оброк платили даже только 6½% крестьян этой пятины [2]); в Шелонской пятине в то же время только 10—11% всех крестьян обязаны были денежным оброком [3]).

Новые явления, характеризующие относительное значение разных отраслей хозяйства, здесь ясно отразились и в области форм землевладения, усилились и завершились те процессы, которые наметились уже раньше.

Ключа для понимания истории землевладельческих отношений на севере, в частности в Обонежской пятине, в Двинской, Важской и Пермской землях, надо искать в способах первоначальной оккупации земли при заселении края. Мы уже знаем, что в местной колонизации довольно видную роль играли бояре, новгородский архиепископ и монастыри. Понятно, что это должно было привести и действительно привело к образованию значительного количества боярских, монастырских и архиерейских земельных владений путем простой оккупации. Когда шла речь о колонизации, были уже приведены относящиеся сюда факты о владениях Своеземцевых, Борецких и новгородского владыки. Местные монастыри, как Николаевский-Корельский, Николаевский-Чухченемский, Антониев-Сийский, также захватывали, оккупировали, землю. Но было бы ошибочно думать, что оккупация незанятых земель была единственным способом увеличения боярского, архиерейского и монастырского землевладения: многочисленные акты-купчие, закладные, данные, духовные грамоты—показывают, что другим способом являлось приобретение крестьянских земель, заселенных ранее отдельными колонистами независимо от архиепископа, монастырей и бояр. Так, из 14 поселений, которыми в 1554 г. владел на Двине Николаевский-Корельский монастырь, до 11 было приобретено именно этим вторым способом, а не путем оккупации свободных земель [4]). Говоря об архиерейском и боярском землевладении на севере, мы должны, однако, заметить, что оно здесь было явлением поверхностным, случайным и от-

---

[1]) *Рожков*, Сельское хозяйство Моск. Руси в XVI в., стр. 235
[2]) Там же, стр. 235.
[3]) Там же, стр. 236.
[4]) Там же, стр. 377—378.

части временным. Примесь архиерейских и боярских земель была поверхностной, потому что она не повела к коренной перестройке тех отношений крестьян к земле, о которых речь пойдет у нас сейчас: бояре и владыки приобрели лишь высшее право на землю, подобное праву удельных князей на всю территорию их княжества или так-называемому dominum directum или eminens феодальных сеньоров Западной Европы. Но появление этой боярской вотчины было еще случайным: это потому, что она была создана не столько местными экономическими условиями, сколько хозяйственными особенностями собственно Новгородского края: только приобретение капиталов посредством торговой деятельности доставило новгородским боярам и владыке необходимые для покупки, захвата и заселения земель средства. Наконец, временным надо признать развитие боярской и архиепископской вотчины на севере по той причине, что с падением новгородской вольности в конце XV века эта вотчина была вырвана с корнем Иваном III и заменена крестьянским, так-называемым черным землевладением, причем высшее право собственности на землю стало принадлежать московскому государю.

Но, кроме монастырей, архиепископа и бояр, свободные земли на севере оккупировались еще крестьянами или смердами. Мы должны теперь остановиться на одном из самых важных вопросов в истории северного и даже не одного только северного землевладения, на вопросе о способе крестьянской оккупации земли. Надо решить, как занимали девственную землю крестьяне, отдельными ли семейными поселками или более обширными союзами? Нельзя сказать, чтобы все исследователи давали одинаковый ответ на этот вопрос. Некоторые полагают, что первоначальной землевладельческой единицей была исключительно деревня или село, состоявшее обыкновенно из одного двора или печища, в котором жила одна более или менее обширная крестьянская семья, и к которому «тяготела известная совокупность земельных угодий, притянутая к этому центру трудовым захватом», что и выражалось в постоянно встречающихся словах грамот: «из которого села которые места делали», «куда топор, коса и соха ходила», «куда рука ходила», «что к той деревне исстари потягло». И в самом деле: читая документы, касающиеся заселения северного

края, легко убедиться, что обычным типом колонизации здесь было именно поселение одинокого крестьянина с его семьей на пустом месте среди болот и лесов. Сплошь и рядом встречаются указания, что тот или иной крестьянин «посече лес и многа древеса, яко ту селитву себе сотворит» или «завел новое место роспашное» [1]). Все это настолько несомненно, что не отрицается никем; разногласие состоит лишь в том, что многие не признают однодворную деревню *единственным* типом оккупации свободной земли, на-ряду с ней допускают оккупацию, совершавшуюся более обширными и притом некровными союзами. Предполагают, что землю занимали «целые дружины, военные артели» и «образовывали не отдельные печища, а группы деревень» [2]). Это предположение целиком опирается на позднейшие наблюдения: в XVII веке бывали случаи заимки земли целыми артелями, образовывавшими сразу или деревню в несколько дворов или даже группу деревень; затем в то же время на севере существовали так-называемые волостки, которые, представляя собою соединение ряда деревень, отличались, однако, от тяглых волостей, административного деления, введенного московским правительством; эти волостки, по мнению исследователей, держащихся излагаемых сейчас взглядов, и являются остатками артельной колонизации [3]). Надо, однако, заметить, что данные о массовой заимке земель в XVII веке неубедительны в данном случае, потому что позднейшая колонизация совершалась в условиях, существенно отличных от древнейшей: население увеличилось, удобных мест стало меньше. Военная колонизация также едва ли возможна в древнее время, потому что совершенно не осталось никаких воспоминаний о борьбе с инородцами: очевидно, происходило мирное смешение и ассимиляция финской и славянской народностей. Наконец, волостки, как показывают некоторые источники, образовались позднее, путем соединения деревень в одно хозяйственное целое вследствие земельной тесноты и смешения угодий: писцовые книги нередко свидетельствуют, что «деревни крестьяне снесли в одно место», что они «спустили пашню содного» [4])

---

[1]) Синод. библ., № 806, л. 682.
[2]) *П. Иванов,* Поземельные союзы и переделы на севере России.
[3]) Там же.
[4]) См., напр., Моск. Арх. М. Юст., грам. колл. эк., № 7753.

и т. д. Нельзя, конечно, отрицать, что иногда заимка производилась и несколькими лицами разом: мы имеем, напр., документ, свидетельствующий, что пятеро двинян около 1524 года оккупировали землю по речке Юре за Двиной [1]). Но из этих отдельных случаев, стоящих в противоречии с ранним материалом, который обыкновенно дает однодворные поселки, не следует делать поспешные обобщения: они не были типичным, характерным явлением: *господствовали однодворные. семейные крестьянские поселки.*

Этот вывод имеет с нашей точки зрения первостепенное значение, потому что позволяет связать северное крестьянское землевладение генетическими узами с землевладением смердов в более раннее время: мы видели в свое время, что тогда владельческой единицей являлась отдельная крестьянская семья; то же мы наблюдаем и сейчас на севере. Преемство несомненно, тем более, что сходство не ограничивается одной только-что указанной чертой: как нам известно, крестьянская семья не сознавала себя прочной собственницей земли, временно занимала ее в пределах верви, землепользование было вольным; непрочность владельческих прав крестьянина по отношению к земле наблюдается до некоторой степени и на севере в удельное время: земля считалась Божьей да новгородской, а крестьянину принадлежало лишь «посилье», труд, вложенный в землю, и по этому труду пользование землею. Любопытно притом— и это представляет первое существенное отличие северного крестьянского землевладения от землевладения смердов более древнего времени,—что права первого поселенца, оккупировавшего землю, и его кровных правопреемников считались более прочными, чем права позднейших заимщиков или покупщиков, хотя бы первоначальный вотчинник или его потомки и бросили занятую ими землю: позднейшие покупатели и заимщики оставались лишь временными держателями земли «до вотчинника». Вот несколько примеров, подтверждающих это положение: в 1537 году Комаров дал в церковь св. Георгия свою землю в Кехте, которую ему заложил и продал Инар: «а выищется вотчич, и волощаном приходу св. Егория деньги взять св. Егорию в дом,

---

[1]) Русская Историч. Библ., т. XIV, А, № X.

а земля иму отдать» [1]); в 1542 г. двое братьев Прощелыкиных и двое Лукиных дали часть своей деревни, куплю их отцов, в ту же церковь; «а выступит вотчич каков с выкупом да выкупит у нас деревни, и св. Георгию отступитись тое земли безденежно» [2]) и т. д, Очевидно, *старинное вольное или захватное, кочевое землепользование исчезло:* каждая семья уже не переселяется постоянно, захватывая себе для хозяйственной эксплоатации на непродолжительный срок любой участок земли,—она оседает довольно прочно, более определенным образом и надолго размежевывается с соседями. Причина этой перемены кроется в росте населения и естественных условиях северного края, где суровость климата и скудость почвы, малоудобной для земледелия, исключают возможность широкого простора и требуют от каждой хозяйственной единицы столь напряженного труда, что она неохотно расстается с облюбованным участком и, даже расставшись, всегда сохраняет юридическую возможность к нему возвратиться, несмотря на совершенный акт отчуждения. То обстоятельство, что земля в изучаемый период отчуждается, становится объектом свободного гражданского оборота, также доказывает исчезновение древнейшего вольного землепользования.

Итак, землей на севере большею частью владела отдельная крестьянская семья, прочно усевшаяся притом на определенном участке. Как и раньше, семья эта очень часто не делилась, владела землей сообща и жила вся в одном дворе. Работа в таком случае производилась общими силами, делились лишь продуктом, причем основанием для раздела продукта служила степень кровной, родственной близости к основателю двора, родоначальнику семьи. Возьмем простейший схематический пример. Предположим, что у этого родоначальника—первого поселенца было два сына. Очевидно, каждому из них, при совместном ведении хозяйства по смерти отца, должна была достаться половина продукта. Допустим далее, что в третьем поколении произошла такая перемена: у одного из сыновей родоначальника был один сын, а у другого двое, очевидно, на долю первого придется половина продукта, а на долю

---

[1]) Там же, № XX.
[2]) Там же, № XXIII

двух последних лишь по четверти и т. д., так что с размножением семьи доли в каждом последующем поколении дробились все больше, и доля одного не равнялась доле каждого из других. До какой степени доходило иногда дробление, видно, напр., из одного акта 1572 года, где доля одного из совладельцев составляла всего $^1/_{24}$ часть целого [1]). Эта крайняя дробность, неравенство долей, наконец, появившееся стремление личности освободиться из-под опеки кровного союза содействовали стремлению отдельных членов семьи к хозяйственной самостоятельности. Первым выражением такого стремления было приобретение каждым членом семьи права продавать, закладывать, дарить и завещать свои права на долю общего продукта посторонним, чужим людям, чужеродцам. Путем таких сделок в состав семейного союза или двора проникли элементы неродственные, и такой осложнившийся чужеродными примесями союз приобрел характер товарищества совладельцев или, как тогда говорили, сябров (шабров), складников, соседей. Но и эти сябры, складники или соседи даже в XVI и XVII веках иногда не делились землей, вели хозяйство совместно и распределяли по долям лишь продукт. Мы имеем, напр., купчую 1511 года, по которой Овцын купил у Паюсова «треть земли Истоцкие», «а та треть земли вся с Павлом с Карповым сыном не в розделе» [2]). Или в 1563 г. братья Михайловы продали в монастырь $^1/_4$ деревни, «а та земля, и двор, и пожни, и все угодья, и поскотина с Дмитрием с Трофимовым вместе не в делу» [3]). Но чужеродцы, конечно, еще более, чем родственники, тянули врозь, и в результате получился уже не дележ продукта, а раздел самой земли, сначала временный, предполагавший возможность нового передела, нередко и осуществлявшегося. В 1578 г. была куплена в Сольвычегодском уезде шестая доля деревни, «а та земля с складниками за межами, а не в росписе» [4]): это значит, что складники разделились не окончательно, сохранили право нового передела. Другие акты дают право толковать этот текст именно в таком смысле. Дело в том, что «росписать» землю значило окончательно и навсегда

---

[1]) Там же, № LVI.
[2]) Там же, № II.
[3]) Моск. Арх. Мин. Юст., грам. колл. эк. Устюжс. у., № 13177.
[4]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. лет свяска 1, № 1.

разделить ее между складниками, уничтожить самый факт совладения и возможность дальнейших переделов, отделить владення прежних совладельцев постоянными, дерновыми межами, тогда как подлежавшие переделу складнические полосы отделялись одна от другой простыми кольями, почему о временном переделе говорили, что идут «вервити деревню на уколот». [1]) Характерен в этом отношении один документ 1631 года, показывающий, что еще в столь позднее время, как тридцатые годы XVII века, существовали временные складнические переделы; в нем, между прочим, говорится, что «уложили и излюбили складники всее Кононовские деревни в Кононовской деревне горнюю землю и луговую, орамую и пожни вервити и жеребьевати по долем»; далее упоминается о «новом» и «старом деле» и о перестановке «межного колья» [2]). Наконец, от временного раздела земли не труден и не долог был уже переход к полному и окончательному разделу, т.-е. к подворно-наследственному владению без переделов. Впрочем, и этот переход часто совершался не сразу: союз сябров дробился иногда на части не по числу отдельных семей в современном смысле этого слова, а на более крупные, чем союз родителей и детей, хозяйственные единицы. В этом отношении особенно любопытна одна деловая грамота сольвычегодких складников, составленная в 1572 году: здесь *семеро* складников делят принадлежащую им землю на *четыре* части, причем две из этих частей достались каждая одному складнику, третьей частью стали совместно владеть трое, четвертой двое [3]). Но еще чаще раздел производился до конца, складство окончательно прекращалось.

Таков был процесс развития крестьянского землевладельческого права на севере в изучаемое время и даже значительно позднее. Ясны причины, содействовавшие, с одной стороны, сохранению значительной массы земли за крестьянами, с другой—замене вольного землевладения сябринным: первое—результат почти безраздельного господства добывающей промышленности, дававшей возможность крестьянину сохранять хозяйственную самостоятель-

---

[1]) *П. Иванов,* Поземел. союзы и переделы на севере России.
[2]) Там же.
[3]) *Рожков,* Сельс. хоз. Моск. Руси в XVI в., прилож. III, стр. 494—496.

ность, потому что добывающая промышленность почти не требовала капитала; второе—следствие роста населения и плохих естественных условий края, не открывавших простора для кочевого замлепользования.

Много общего с исследованными сейчас явлениями представляют собою формы землевладения на крайнем северо-западе новгородских владений, на Мурманском, Терском и Поморском берегах. Здесь совсем не существовало земледелия, а господствовали солеварение и рыболовство с примесью скотоводства. Понятно, что результатом этого явилось преобладание крестьянского землевладения в образовавшихся тут волостях Коле, Варзуге, Умбе, Ковде, Керети, Кеми, Суме, Шуе [1]). Но на-ряду с этим, как и в других местах на севере, стали приобретать себе отдельные участки путем покупки или приема в дар и залог монастыри, как Печенгский, Соловецкий, Кириллов-Белозерский, Сийский и т. д. [2]).

Мы видели, как сильно содействовала новгородская внешняя торговля развитию землевладения новгородских бояр на севере. Еще могущественнее было влияние того же экономического фактора на поземельные отношения в пределах собственно Новгородской области. Нет сомнения, что исходным пунктом истории форм землевладения, здесь существовавших, были явления, знакомые нам по изучению северного землевладения, что еще в XIII и даже отчасти в XIV веке, если не большая часть, то во всяком случае много земли сосредоточивалось в руках простых черных людей. Это видно по сохранившимся в значительном количестве от XIII, XIV и даже XV столетий новгородским купчим, закладным, данным и духовным грамотам, типическим примером которых может служить хотя бы известное уже нам завещание Климента [3]). То же засвидетельствовано и писцовыми книгами конца XV века, в которых показаны между прочим владения земцев или своеземцев, т.-е. черных людей, имевших собственную землю. Правда, эти владения не были уже в то время велики: например,

---

[1]) См., напр., грам. колл. эк. по Двинс. у. в Моск. Арх. Мин. Юст.

[2]) Там же.

[3]) *Владимирский-Буданов,* Хрестоматия по истории Рус. права, вып. 1, изд. 2-е, стр. 117—119.

в Вотской пятине они занимали $8^{1}/_{2}{}^{0}/_{0}$ всей площади [1]), в Шелонской $7^{0}/_{0}$ [2]), в Деревской даже менее $4^{1}/_{2}{}^{0}/_{0}$ [3]), но любопытно, что еще в столь позднее время сохранились небольшие остатки старины. Что это действительно были остатки старины, подтверждается еще тем, что земцы часто были, по свидетельству писцовых книг, сябрами, соседями, т.-е. совладельцами, как то было и на севере. И в Псковской судной грамоте говорится о «многих сябрах», владеющих землей [4]). Понятно, почему мелкое крестьянское землевладение сначала господствовало, а затем, хотя и сократилось весьма сильно, но не вполне исчезло: преобладание первоначальных отраслей промышленности, не требовавших большого капитала, давало достаточную хозяйственную самостоятельность крестьянам.

Далее: можно наблюдать в Новгородско-Псковском крае XIV и XV веков [5]) сильный рост монастырского землевладения,—явление, также знакомое нам из истории крайнего севера.

Несмотря даже на два раза повторенную Иваном III конфискацию большей части монастырских земель, в конце XV века владения монастырей были значительны; в Вотской пятине под ними было $6^{0}/_{0}$ всей площади [6]), в Шелонской около $5^{0}/_{0}$ [7]), в Деревской даже до $13^{0}/_{0}$ [8]). Совершенно аналогичным порядком и под влиянием тех же причин шла история вотчин владыки или архиепископа новгородского, который в конце XV века владел в трех пятинах – Вотской, Шелонской и Деревской—2.000 десятин в каждом из трех полей одной пахотной земли [9]).

Огромных размеров в XV в. достигло боярское землевладение.

Очевидно, высший слой новгородского общества,—бояре, прилагал свои громадные капиталы к приобретению земель. Лучшим доказательством того, что не одна заимка была источником боярского землевладения, служит

---

[1]) *Рожков,* Сельс. хоз. Моск. Руси в XIV в., стр. 433.
[2]) Там же, стр. 434.
[3]) Там же, стр. 434.
[4]) Пск. суд. грам., ст. 106.
[5]) *Рожков,* Сельс. хоз. Моск. Руси в XVI в., стр. 433.
[6]) Там же, стр. 434.
[7]) Там же, стр. 434.
[8]) Там же, стр. 433-434.

крайняя черезполосность, разбросанность владений бояр: так, боярин Захар Овин и его сын Иван в Деревской и Вотской пятинах обладали землями, разбросанными более, чем в 20-ти местах [1]). Будь боярские владения результатом простой оккупации свободных земель,—они лежали бы сплошь, как то было, например, с владениями Своеземцевых на Ваге: черезполосность, разбросанность—следствие приобритения земель по частям путем покупки и приема в залог.

В XV веке до самого падения Новгорода боярская вотчина продолжала безраздельно господствовать, составляла подавляющую массу среди других видов земельного владения. В Шелонской пятине в XV в. 65,9% земли было у частных владельцев, тогда как у монастырей было 28,7%, у владыки 5,3% [2]). Надо, однако, заметить, что, несмотря на чрезвычайную обширность, засвидетельствованную писцовыми книгами, боярское землевладение не отличалось прочностью. Иван III одним ударом уничтожил его, и это служит лучшим доказательством сравнительной слабости хозяйственного значения внешней торговли—этой экономической основы боярского землевладения: внешняя торговля не стояла в органической связи с хозяйственным целым страны, не претворила натурального хозяйства в денежное и потому не могла быть прочной опорой землевладельческих отношений.

Переходя к характеристике *форм хозяйства,* можно не различать отдельных частей страны, потому что север в этом отношении близко сходился с землями ближайшими к Новгороду и Пскову. Притом формы добывающей промышленности не отличались существенно от форм, в какие отливалось земледельческое производство. На землях, принадлежавших крестьянам или своеземцам, главное значение принадлежало домашнему производству для собственного потребления и силами своей семьи, обыкновенно без посторонних работников. Впрочем, даже и в крестьянском (особенно в земецком) и тем более владельческом—боярском, монастырском и архиерейском хозяйстве не всегда обходились без наемного элемента: Псковская

---

[1]) *Сергеевич,* Древности рус. права, вып. III.

[2]) *Андрияшев,* Материалы по историч. географии Новг. земли, стр. LXXV.

судная грамота знает наем на сельские работы, упоминает о «скотнике» [1]) или наемном пастухе, а также о подсуседнике [2]), который, на-ряду с неоднократно встречающимися в писцовых книгах захребетниками [3]), был не чем иным, как батраком, работавшим за плату натурой. Владельческую пашню обрабатывали также холопы, которых в небольшом количестве перечисляют писцовые книги [4]); один акт XV века знает «одерноватых», т.-е. полных холопов, которые «емлют месячину», т.-е. получают пропитание за работу на господской пашне, не имея своего участка. Но вообще, как о том свидетельствуют писцовые книги, барская запашка не отличалась обширностью, наибольшие ее размеры не достигали и 40 десятин [5]), что и естественно при натуральном хозяйстве и слабой доходности земледелия. В Псковской судной грамоте упоминается «закупень»,—очевидно, исторический потомок закупа Русской Правды, лицо, заложившее себя за определенный долг; едва ли он, однако, работал на господской пашне: видно, что он пахал землю из известного снопа. Крестьяне, жившие на владельческих землях, были свободными арендаторами, обязанными почти всегда одним только оброком и почти никогда барщиной: это видно из писцового материала, да и Псковская судная грамота говорит об изорниках, огородниках и котечниках, отдававших землевладельцу долю продукта, хотя, по условиям земледельческого производства, требовавшего капитала, изорники и огородники обязывались уже и «покрутой», ссудой у землевладельцев. Чтобы заключить рассмотрение вопроса о формах земледельческого производства, остается еще сказать несколько слов о половниках, известных и из Псковской судной грамоты, и из актов, и из писцовых книг. Так как с половниками нам не раз еще придется встретиться впоследствии, при изучении других периодов русской истории и других частей древней, отчасти даже и новой России, то лучше всего теперь окончательно уяснить себе смысл этого термина, пользуясь и позднейшими

---

[1]) Пск. суд. грам. (изд. Мурзакевича), стр. 18.
[2]) Там же, стр. 103.
[3]) *Рожков,* Сельск. хоз. М. Руси в XVI в., стр. 192.
[4]) Там же, стр. 186—190.
[5]) Там же, стр. 194—195.

источниками, ясно изображающими половничество. Один древний документ прямо называет половников «наемными людьми» [1]), но ближайшее изучение вопроса заставляет признать половников наймитами особого рода, очень мало похожими на современных батраков, близкими к настоящим кретьянам-арендаторам: так, половники владели иногда хозяйственными постройками, покупали дворы, платили оброк помимо доли урожая (обыкновенно половины), имели своих наемных людей-подворников [2]). Все это совершенно не вяжется с современным представлением о батраке.

Псковская судная грамота доставляет нам ценный материал для изображения форм обрабатывающей промышленности: мы встречаем в ней прежде всего свидетельство о наемном плотнике [3]); на другую форму, несомненно гораздо более распространенную,—на форму ремесла указывает известие о платеже «учебного» [4]), т.-е. платы за обучение ремеслу учеником мастеру. Наконец, существовала и третья форма—чисто-домашнее производство для собственного потребления, о нем можно заключать по писцовым данным о приносе полотна крестьянами землевладельцам [5]): очевидно, это было домотканное, приготовленное женским трудом в крестьянской избе, полотно.

Рост населения, уменьшение земельного простора и развитие внешней торговли вместе с ростом земледелия оказали также весьма существенное влияние на *систему* или *технику хозяйства.* Говоря вообще, можно подметить в этом отношении довольно ясные следы прогресса, постепенную, хотя, конечно, долеко не повсеместную, смену первобытных хозяйственных систем несколько более совершенными. Это заметно уже в добывающей промышленности, например, в пчеловодстве: раньше, как известно, оно существовало только в виде бортничества, т.-е. разведения пчел в дуплах лесных деревьев, без особого ухода за ни-

---

[1]) *Дьяконов,* Очерки из истории сельского населения в Моск. государстве, стр. 152.

[2]) *Рожков,* Сельское хозяйство Моск. Руси в XVI в., стр. 163-164.

[3]) Пск. суд. грам., ст. 41.

[4]) Там же, ст. 102.

[5]) Новг. писц. книги — часто в них при перечне «мелкого дохода».

ми; бортничество и в изучаемый период господствовало, как убедительно свидетельствуют о том и писцовые книги, и акты, и Псковская судная грамота [1]), но в тех же писцовых книгах конца XV века попадаются указания на ульи, т.-е. на переход к более интенсивной пчеловодной технике. Впрочем, самая экономическая природа добывающей промышленности и слабая населенность тех частей новгородских владений, где эта промышленность особенно преобладала, приводили к тому, что технические успехи в этой отрасли хозяйственной деятельности были наименее заметны. Наши источники позволяют нам, например, познакомиться с техникой охоты, добывания железа и соли, и нельзя не признать довольно низкого уровня ее развития. Так, путики—приспособление для охоты за зверем—были двух видов,—пасные и силовые: первые—это ямы, западни, вторые—силки [2]). Перевесища—приспособления для птичьей охоты—состояли из сетей, развешивавшихся между деревьями [3]). Железо добывалось самым примитивным способом и обрабатывалось в домницах, небольших крестьянских печах [4]). Для добывания соли прорывался колодезь, пробуравливалось к соляному источнику отверстие, в которое вставлялась труба; через трубу рассол выкачивался в црен, большую сковороду, где соль выпаривалась [5]). Остатки старой подсечной системы земледелия продолжали сохраняться на севере и даже в собственно Новгородской и Псковской областях: еще в XV в. в Псковской земле встречается указание на лядины; употребление в то же время деревянного большого плуга наряду с более легкой сохой также отзывает стариной. На севере, по житиям святых, употреблялось еще более примитивное орудие,—мотыга, т.-е. палка с железным наконечником, или лопата. Но писцовые книги конца XV века не оставляют сомнений в том, что в большинстве случаев получила уже преобладание переложная система земледелия, когда сроки распашки отдельных участков удлиняются, хотя пашня составляет все еще незначительную часть

---

[1]) Пск. суд. гр., ст. 106.
[2]) *Никитский*, История экономич. быта Великого Новгорода.
[3]) Там же.
[4]) Там же.
[5]) Там же.

пахотной земли сравнительно с залежью, так что залежь или перелог восстановляет свои производительные силы попрежнему естественным путем отдыха, без всякого удобрения. Мало того: в XV веке распространяется еще более совершенная паровая-зерновая или трехпольная система земледелия, при которой под паром остается не более половины, а в более развитом состоянии—не более трети всей земли, причем паровое поле удобряется навозом, а два других поля засеваются, одно—озимым хлебом, по преимуществу рожью, а другое яровым,—овсом, пшеницей или ячменем. Так, в Шелонской пятине конца XV в. пашни было более 37.000 десятин в трех полях, т.-е. пар занимал около 13.000 десятин, и сверх того было до 650 десятин перелогу [1]). Что касается техники другой главной отрасли сельского хозяйства—скотоводства, то она отличалась еще более первобытным характером: правда, встречаются неоднократно известия о разведении лошадей новгородским владыкой, монастырями, боярами, которые имели для этого особые дворы с конюхами [2]), но хорошие породы лошадей приобретались обыкновенно из-заграницы, обычным же типом собственно новгородских лошадей были, по одному летописному известию, так - называемые «шкабаты» или клячи [3]). На остров Коневец, находящийся около западного берега Ладожскаго озера, в XIV веке перевозили на все лето для пастьбы скот, оставлявшийся здесь без всякого призора. Это—типический образец экстенсивной системы скотоводства, существующей еще и теперь кое-где на севере России: летом, по окончании полевых работ, пускают скот с колокольчиками на шее в лес, где он и кормится сам на полной свободе, пока осенью хозяева не розыщут его. Нам уже известно, насколько мало успехов сравнительно с прошлым сделала в изучаемое время обрабатывающая промышленность. Естественно, что и ее технический уровень оставался попрежнему весьма низким. Для примера можно указать на металлическое производство: местные технические средства оказывались совершенно недостаточными, как только обнаруживалась потребность в сколько-нибудь искусной и тонкой обра-

---

[1]) *Рожков,* Сельск. хоз. М. Руси в XVI в., стр. 106.
[2]) См. Новг. писц. книги.
[3]) *Никитский*, История экономич. быта В. Новгорода.

ботке металлов; так, медные двери Софийского собора были сделаны немецкими мастерами и привезены из Германии [1]); в XIV веке для отливки колокола пришлось выписать мастера из Москвы [2]); из Москвы же выписали псковичи мастера, который должен был покрыть свинцом кровлю Троицкого собора в 1420 году [3]).

Последний вопрос хозяйственной истории—это очень важный, но трудно разрешимый вопрос о *распределении хозяйственных благ.* Находящиеся в нашем распоряжении материалы не дают возможности разрешить этот вопрос во всем его объеме, но приблизиться к этой цели до некоторой степени все-таки можно. Именно, мы попытаемся определить, какую роль в крестьянском бюджете того времени играло земледелие. Известно из писцовых книг конца XV века, что запашка на крестьянский двор в новгородских пятинах тогда редко была меньше $2^1/_2$ десятин в каждом поле и никогда почти не превышала 5 десятин. Главными, обычными в то время хлебами были озимая рожь и яровой овес. Средний урожай ржи равняется в настоящее время 5—6 четвертям, а овса 7—8 четвертям с десятины. Принимая во внимание слабую урожайность новгородской почвы, мы должны взять низшие нормы, т.-е. 5 четвертей для ржи и 8 для овса, так что оказывается, что новгородский крестьянин в среднем собирал от $12^1/_2$ до 25 ч. ржи и от $17^1/_2$ до 35 ч. овса. Но древняя четверть была вдвое менее современной, так что, переводя на древние меры, мы получим для крестьянского участка урожай ржи в 25—50 ч. и овса в 35—70 ч. Владельческий оброк равнялся большею частью половине урожая, причем землевладелец принимал на себя и уплату государственных налогов. Затем необходимо было оставить семена для посева на следующий год; так как сеялось обыкновенно, как показывают отдельные указания источников, по 2 ч. ржи и по 4 ч. овса на десятину, то, следовательно, надо было оставить от 5 до 10 ч. ржи и от 10 до 20 ч. овса на крестьянский участок. Третий необходимый расход—это расход на потребление крестьянской семьи. До нас дошли от XVI века известия о потребительной норме в 13 ч. ржи и в 4 ч. овса в год

[1]) *Никитский,* История эк. быта В. Новг.
[2]) Там же.
[3]) Там же.

на человека. Будем, однако, умеренны в расчетах и допустим, что этого количества ржи и овса было достаточно для прокормления не одного человека, а средней крестьянской семьи, состоявшей из мужа, жены и двоих детей. Складывая теперь все необходимые расходы—на оброк с налогами, на посев и на пропитание,—получаем общую сумму от 35½ до 48 ч. ржи и от 31½ до 59 ч. овса. Таков был пассив крестьянского земледельческого бюджета. Сравнивая его с активом, который равнялся, как было только-что установлено, 25—50 ч. ржи и 35—70 ч. овса, получаем в результате для ржи в лучшем случае остаток в 2 ч. в год, а в худшем громадный дефицит в 10½ ч., а для овса остаток от 3½ до 11 ч. в год. Принимая во внимание скудный размер установленной сейчас потребительной нормы и необходимость для крестьянина платить еще так-называемый мелкий доход землевладельцу и ключничий или приказчичий доход, можно сказать, что произведенные вычисления наглядно показывают слабое значение земледелия в народном хозяйстве вольных городских общин удельной Руси. Занятия добывающей промышленностью и скотоводством, очевидно, были настоятельно необходымы даже там, где земледелие отнимало большую часть времени крестьянина. Доход от земледелия был чрезвычайно низок Уже это обстоятельство показывает, что благосостояние низших слоев населения в области вольных городов XV века сильно уменьшилось сравнительно с прошлым, что количество реальных хозяйственных благ, находившихся в руках крестьянской семьи, в последнем случае было больше, чем в первом. Следовательно, распределение народного дохода стало гораздо менее равномерным, чем прежде. И это тем более верно, что высшие слои населения сильно обогатились денежным капиталом.

Таким образом XVI и в особенности XV век в хозяйстве вольных городских общин удельной Руси произвели глубокую перемену, создали заметный уклон в сторону товарно-хозяйственных отношений, упрочения внутренних торговых связей, роста крупного землевладения и предпринимательства, некоторого развития хозяйственной техники, наконец, сильного увеличения экономического неравенства. Все это не могло не сказаться и на изменении общественного строя.

Если раньше классовое расчленение и сословность составляли заметные, характерные черты новгородского и псковского общества, то теперь они углубились в весьма значительной степени. Прежде общественное неравенство получало свое юридическое выражение главным образом в сфере публичного, государственного права—в устройстве высшего правительственного совета и органов исполнительной власти: эти учреждения в составе своем, как нам уже известно, всегда пополнялись из среды боярства. Теперь не только все эти привилегии сохраняются за боярством, но и в области гражданского, частного права исчезает былое равенство черных людей с боярами и купцами.

По мере того, как увеличивалась экономическая роль земледелия, и росла внутренняя торговля, подготовлявшая переход к денежному хозяйству,—задолженность крестьян увеличивалась, и в результате появились ограничения их личной свободы, которые и становятся заметными как раз в XIV и XV веках. Эти ограничения сводятся к следующему: во-первых, в договорах с Новгородом князья обязываются выдавать бежавших к ним из новгородских владений крестьян на-ряду с холопами [1]); во-вторых, по тем же договорам нельзя было судить не только холопа, но и половника на месте, в области, в отсутствие хозяина [2]); в третьих, Новгородская судная грамота обязала землевладельцев доставлять на суд не одних холопов, но также и крестьян [3]).

Без сомнения, юридическим основанием такого неравенства явилось феодальное право крупных землевладельцев по отношению к населению их владений [4]). Но существует предположение, что у бояр, как землевладельцев, было также еще особое преимущество: они будто бы участвовали в административных действиях властей. В доказательство ссылаются на одну неизданную грамоту начала XV века об отдаче некоторых земель на Онежском озере в Толвойском крае Богородицкому монастырю; в этом акте на-

---

[1]) Собр. Гос. Гр. и Дог., т. I, №№ 1, 2, 3, 6, 7, 9, 10, 15; А. А. Э., I, № 57.

[2]) Собр. Гос. Гр. и Дог., I, №№ 6, 7, 8, 9, 10, 15.

[3]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 92.

[4]) *Островская,* Земельный быт сельского населения рус. севера, стр. 2.

ряду с посадником и тысяцким значатся какие-то «скотники» и «помужники», которых и считают местными боярами-землевладельцами [1]). Указывают в подтверждение этого объяснения, что есть грамоты, которые обращены не к скотникам, а к боярам двинским [2]). Вопрос едва ли однако, можно решить окончательно до нахождения нового материала и проверки новыми данными недостаточно определенных указаний источников, имеющихся сейчас в нашем распоряжении. «Помужники» не встречаются больше ни в одном известном нам документе, и значение этого термина остается загадочным. Что касается «скотников», то о них говорится еще в грамоте великого князя Андрея Александровича на Двину конца XIII или начала XIV века о кормах и подводах трем великокняжеским ватагам, т.-е. артелям, ходящим на промысел; эта грамота адресована «к посадникам, и к скотникам, и к старостам» [3]). И надписание и содержание грамоты указывают как будто на должностное, а не сословное и не землевладельческое значение скотников. Быть может, скотники—это откупщики суда, то же, что «борцы», упоминаемые в откупной Обонежской грамоте 1434 года, по которой два «борца», Яким Гуреев и Матвей Петров «покупают» (т.-е. берут на откуп) обонежский суд князя великого, им идет половина улова осетров, корм, подводы, «а кто сгонит или замешает,—даст князю великому гривну золота, а борцам серебро вдвое» [4]). «Борцы»—от глагола «брать», а скотники—от «скот»—деньги. Так это или не так, но следует отметить кстати, что так ярко иллюстрируемое Обонежской грамотой 1434 г. право брать суд на откуп принадлежало также к числу привилегий господствовавшего в вольных городах сословия.

Под конец периода новгородское боярство пало. Временем его падения надо считать семидесятые годы XV века, когда Иван III двумя последовательными ударами 1470 и 1478 годов с корнем вырвал новгородскую аристократию, оторвал ее от родной почвы, лишив земель и капиталов и переселив в Московскую Русь, где этот некогда могучий социальный слой, руководивший всей государственной и

---

[1]) *Беляев,* Рассказы из русской истории.
[2]) *Островская,* Земел. быт сельс. нас. рус. севера, стр. I.
[3]) Акты Арх. Эксп., I, № 1.

общественной жизнью новгородской общины, обезсилел и растворился в общей массе великорусского населения. Ни один чужеземный завоеватель не совершил такого коренного потрясения владельческих прав и отношений, какое совершил в Новгороде дед Ивана Грозного и повторил в 1510 г. в Пскове его отец. Но оба они были правы со своей точки зрения, действовали вполне целесообразно: только таким решительным способом действий можно было сломить грозное могущество боярства вольных городов. Такая тактика была возможной и принесла ожидаемые плоды именно потому, что рост боярских привилегий и феодальных прав стоял в противоречии с развивавшимися товарно-хозяйственными отношениями, ставившими на очередь, поскольку речь шла о государственном по крайней мере строе, скорее равенство в бесправии, чем неравенство в правах.

Эта очередная задача времени, выдвигавшаяся развитием новых хозяйственных отношений, нашла себе ясное выражение в политической жизни Новгорода XIV и XV веков больше всего в перемене положения новгородского князя. Когда московские князья усилились благодаря успехам собирания Руси,—они сделались постоянными, непременными князьями Новгорода и Пскова. Уже это было сусущественной, глубокой переменой, фактически сведшей на нет право веча свободно выбирать князя. Перемена была естественна, вытекала из всего положения дел. Не говоря уже о том, что признание новгородским князем того, кто был великим, главным князем всего русского северо-востока, было необходимо, потому что с Волги и Оки новгородцы получали хлеб для собственного продовольствия и ряд товаров для вывоза заграницу,—надо было вообще отдавать княжеский стол в Новгороде такому князю, выбор которого сулил Новгороду особенно много выгод и возможно больше спокойствия. Таким князем был, конечно, великий князь всея Руси, потому что он был самым сильным русским князем и, опираясь в особенности на татар, мог причинить своим врагам много вреда. В интересах новгородцев было не ссориться с таким могущественным князем, который мог причинить трудно-поправимый ущерб их коммерческим предприятиям и всего лучше мог защитить от внешних нападений и от татарских покушений. Вот почему у нов-

городцев довольно рано вошло в обычай выбирать своим князем того, кто занимал великокняжеский стол всея Руси. Еще в третьем договоре с Михаилом Ярославичем тверским, заключенном в 1307—8 г., находим условие, что Михаил будет князем в Новгороде лишь в том случае, если будет утвержден в Орде в великокняжеском положении [1]). Вот почему, когда вызвысились московские князья и стали неизменными обладателями великокняжеского стола, то и князем в Новгороде стал всегда великий князь московский. Чувствуя свою силу, великие князья московские стали вносить в договоры свои с Новгородом условия прежде небывалые. Этих условий в XV в. было три: одно касалось внешних сношений, другое—отношений новгородского владыки к митрополиту московскому, третье—суда. В договорах Ивана III с Новгородом 1471 г. все эти условия формулированы весьма ясно и точно к большой невыгоде для Новгорода. «Быти нам от вас, великих князей, неотступным ни к кому»; это первое условие специализируется еще оговоркой, что новгородцы обязуются не признавать власти польского короля и не принимать к себе князей Ивана можайского, Ивана Шемячича, Василия Ярославича, бежавших в то время в Литву. Изложенное обязательство новгородцев включено было в договор, очевидно, под влиянием недавней попытки их отдаться под власть Казимира. Такое же практическое происхождение нужно приписать и второму условию: владыку избирать по старине, а посвящается владыка митрополитом в Москве, причем великий князь и митрополит имеют право брать с владыки пошлины по старине. Это второе обязательство—следствие попытки новгородцев в XIV в. добиться церковной самостоятельности, автокефальности; мы еще будем иметь случай познакомиться ближе с этой попыткой. Было внесено, наконец, и условие о суде, точнее—несколько условий: во-первых, в договоре 1471 г. читаем: «повелехом суд дати на Городище,—от великих князей боярин судьею, а от Великого Новгорода боярин; судити им князей велик[illegible] человека с новгородцем, а судити им, как право, по крестному целованию». Это, очевидно, так-называемый «сместный» суд, т.-е. суд между людьми разных юрисдикций;

---

1) Собр. Гос. Гр. и Дог., I, № 7.

второе судебное обязательство новгородцев—суда у великих князей наместников не отнимать и «вечным грамотам не быти», т.-е. вече не имеет права узурпировать судебную власть великокняжеского наместника; наконец, третье условие, относящееся к суду,—«а сотским и рядовичам без князей великих наместника и без посадника не судити нигде» [1]). Сотские судили в сотнях, топографических делениях Новгорода как города, а рядовичи судили в рядках. Очевидно, раньше судебный иммунитет сотен и рядков был явлением бесспорным. Теперь он был уничтожен.

Таковы были особенные условия, выговоренные Иваном III у Новгорода во второй половине XV века. Нетрудно видеть, что все эти условия во многом возвращали новгородскому князю, каким был в это время великий князь московский, положение государя, участника верховной власти, если не ее исключительного обладателя. Несколько решительных шагов по этой дороге, и Новгород, как государь, как самостоятельная вольная община, должен был прекратить свое существование.

Мы познакомились таким образом с последним моментом в развитии власти новгородского князя: в XV в. князь снова усиливается. Чтобы заключить речь о князе, надо познакомиться с положением особого рода князей в Новгороде, так-называемых служебных князей. Знакомство с ними покажет нам, куда пришла бы в конечном результате княжеская власть в Великом Новгороде и Пскове, если бы ее развитие было предоставлено ее естественному течению, без воздействия на это резвитие элементов посторонних в роде московского влияния.

Новгород, кроме главного князя, сидевшего в столице, принимал к себе на службу еще других, выходцев из северо-восточной и западной Руси. Таковы были, напр., западно-русский князь Патрикий Наримунтович, внук Гедимина, Юрий Святославич смоленский и другие [2]). Положение этих князей характеризовалось тем, что очень редко достоянием их был суд, большею же частью они призывались лишь для военной защиты, а для гражданского управления существовали в областях, отданных в кормление служебным князьям, посадники, назначавшиеся из Новго-

[1]) Собр. Гос. Гр. и Дог. I, № 20, А. А. Э.. I, № 91.

[2]) *Никитский*, Очерк внутр. истории Пскова.

рода. Князь обыкновенно получал в кормление один или два новгородских пригорода, но иногда и больше· Юрий Святославич в 1404 г. получил целых 13 [1]). Служебный князь получал награду за военную защиту области коробейщину, т.-е. хлеб натурой, и деньги и подлежал суду и наказанию новгородского веча, которое было высшей инстанцией для жителей подчиненных такому князю пригородов. Выражаясь позднейшим московским языком, можно сказать, что служебный князь был служилым человеком Великого Новгорода, обязанным военной службой за временное пользование землей и получавшим за это жалованье—денежное и хлебное, точь-в-точь как позднейшие московские помещики. Сходство увеличивается еще тем, что это временное владение было очень непрочным: верховный распорядитель земли—вече, как в Москве государь, могло всегда взять обратно данное в пользование владение, не особенно стесняясь мотивами такого поступка. Наконец, как помещики в Московской Руси разоряли свои земли, так и служебные князья были бичом для своих областей: и те и другие знали о временном и условном характере своего владения и, со дня на день ожидая лишения того, чем пользовались, спешили нагреть себе руки, насколько то было возможно.

Не рискуя впасть в ошибку, можно утверждать, что, если бы новгородский строй шел в своем развитии все время по тому направлению, которое окончательно установилось с половины XIII в., т.-е. если бы он не встретился и не столкнулся с Москвой,—князь в Новгороде сделался бы именно таким служилым помещиком, к положению которого он и так уже был очень близок во второй половине XIII и во все течение XIV века.

До конца существования политической самостоятельности вольных городских общин удельной Руси все формальные, юридические перемены в государственном их устройстве свелись именно к указанным сейчас изменениям в положении княжеской власти. Все остальные учреждения сохранили прежнее положение до конца. Но тем больше значения приобретал вопрос о князе. И это выразилось особенно ясно в борьбе партий.

---

[1]) Там же.

Так как юридическое всемогущество веча оказалось фикцией при экономическом господстве боярства, то центром тяжести политической борьбы со второй половины XIV века становится окончательно вопрос о власти князя. Демократы стремятся всячески поддержать на новгородском столе сильных московских князей племени Калиты и готовы даже идти на уступки их самовластию. Аристократы стоят за дальнейшее усиление новгородской самостоятельности путем увеличения прав веча и дарования самостоятельности архиепископу новгородскому и посредством узурпации верховной власти правительственным советом. В своих стремлениях аристократическая партия все более склоняется к мысли лишить московских великих князей новгородского стола.

Мы видели, как уже в XII, XIII и XIV веках, несмотря на то, что демократическая партия выдвинула из своей среды, может быть, наиболее талантливых политических деятелей Великого Новгорода, и что она вынесла на своих плечах всю первоначальную тяжесть борьбы за новгородские вольности,—результатами этой борьбы и деятельности в большинстве случаев пользовалась боярская партия, большею частью достигавшая перевеса. К концу XIV века это получает и свое внешнее выражение в том, что преобладают численно аристократические посадники [1]). К XV столетию эта общая характеристика относительной силы боровшихся сторон подходит в гораздо еще большей степени: в это время аристократическая партия окончательно восторжествовала и подавила противников [2]).

Беспомощные жалобы и готовность отказаться от новгородской свободы в пользу московского князя—вот что остается народной партии. «А в то время,» жалобно причитает одна из новгородских летописей под 1446 годом, «не бе в Новегороде правде и правого суда, и восташа ябидници и знарядиша четы и обеты и целования на неправду, и начаша грабити по селом и по волостем и по городу, и беяхом в поругание суседом нашим, сущим окрест нас; и бе по волости изежа велика и бары частые, крич и рыдание в вопль и клятва всими людми на ста-

[1]) *Рожков,* Политич. партии в В. Новгороде: «Ист. и социологич. очерки», часть вторая, стр. 64

[2]) Там же, стр. 67.

рейшины наша и на град наш, зане не бе в нас милости и суда права» [1]). Под следующим годом опять встречаем сетования на «бесправдивых бояр» и их злоупотребления [2]). В конце-концов «новгородцы *люди житии и маложитии* сами его (Ивана III) призвали на тыя управы, что на них насилья держат, как посадники и великие бояре, никому их судити не мочи, тии насилники творили, то их також имеет князь великий судом по их насилству по мзде судити» [3]). В приведенных свидетельствах слышен голос отчаяния и полного разочарования в благе для народа от тех политических учреждений, которые составляли особенность Новгорода. Отчаяние и прострация народной партии доходят до такой степени, что о прежних бурных народных восстаниях, ниспровергавших на время могущество бояр, в XV веке нет и помина. Правда, и это время не особенно бедно волнениями в Новгороде, но это—большею частью волнения особого рода: это или торжество победителей, без удержу и ограничений применявших на практике принцип «горе побежденным», или внутренние, случайные несогласия по частным поводам, не колебавшие установившегося соотношения партий. Примером первого могут служить волнения 1418 года, образцом второго—восстание 1421 г. В 1418 г. аристократическая Торговая сторона, собравшись на вече на Ярославле дворе, решила сокрушить тех бояр Софийской стороны, которые оставались еще вождями демократов. Вече направилось бурным потоком на Софийскую сторону и разграбило улицы Кузьмодемьянскую, Чудинцеву, Яневу, Люгощу, Прусскую. Архиепископ утишил волнение, но уже тогда, когда демократы были окончательно раздавлены [4]). В 1421 году «восссташа два конца, Неревский и Славенский, за Клементия Артемьина про землю на посадника Андрея Ивановича и грабиша двор его в доспесех и иных бояр разграбиша дворы напрасно; и убиша Андреевых посадниковых 20 человек до смерти, а неревлян 2 человека, и смиришася» [5]). Восстание было направлено, следовательно, против бояр и посадника боярской партии. Но кто же

[1]) Новг. 4 летопись, 6954 год.
[2]) Там же, 6955 год.
[3]) Московс. 1 лет., 6984 г., ср. Никоновс. лет. VI, стр. 13, 17.
[4]) Новг. 1, 2 и 4 лет., 6926 г.
[5]) Новг. 2 и 4 лет. 6929 г.

восстал? Славянский конец был аристократическим, а Неревский все более и более делался таковым, потому что в нем жили не только ремесленники и богатое купечество, но в XV веке и аристократические бояре: здесь именно на Великой улице находился «чудный двор» Марфы Посадницы, этой вдохновительницы аристократических противников Ивана III [1]). Итак, на бояр-аристократов поднялись свои же люди. Поэтому и восстание имело частный повод и очень скоро кончилось примирением. Третьей характерной чертой политической истории XV века служит отсутствие в летописях прямых указаний на насильственную смену посадников, на то, что новгородцы прогнали одного и заменили его другим, тогда как эти указания совершенно обычны в предшествующие столетия. Это молчание летописей о насильственных переменах посадников нельзя признать случайностью, особенно, если сопоставить его с известным свидетельством Ляннуа, что в XV веке посадники в Новгороде менялись ежегодно. Правда, Ляннуа, вероятно, ошибся, допустил преувеличение, но мы все-таки должны признать, что посадники тогда исполняли свою должность недолго, уступая ее другим: это видно по значительному числу старых посадников, упоминаемых в летописях. Итак, посадники менялись часто, но не насильственно. Что же это значит? Это значит, что за сменой посадников в XV веке не скрывается партийная борьба, что все посадники, или, по крайней мере, подавляющее большинство их, принадлежало в это время к одной господствующей аристократической партии, наиболее выдающиеся члены которой и занимали эту важную, выгодную и почетную должность в известной очереди. И, действительно, в тех случаях, когда можно разглядеть по источникам политическое направление степенных посадников XV века,—они являются всегда аристократами. Таковы посадники Андрей Иванович, Василий Есипович, Тимофей Васильевич, Самсон Иванович, Тимофей Остафьевич, Василий Онаньин, Фома Андреевич. Виднейшие боярские, фамилии—Борецких, Селезневых, Телятевых, Федоровых Афанасьевых — стояли за провозглашение новгородским

---

[1]) Новг. 4 лет., .6985 г.; *Красов,* О местоположении древнего Новгорода, стр. 38.

князем Казимира литовского. В числе сторонников Москвы упоминаются только боярские фамилии Поликарповых и Тучиных [1]).

Новгород был связан теснейшими, неразрывными хозяйственными узами с северо-восточной Русью; новгородское купечество, как мы видели, вело транзитную, передаточную торговлю, сбывало за границу продукты не своей области, а центра нынешней России, и в свою очередь продавало здесь не предметы, производившиеся в новгородских пятинах, а иностранные товары. Притом же Новгород с его областью не мог пропитаться своим хлебом и нуждался в привозе его из северо-восточной Руси, из великокняжских владений. Стоило порвать экономическую связь Новгорода с бассейном Волги и Оки, и все его торговое могущество должно было бы разрушиться и исчезнуть. Вот почему вольная новгородская община должна была рано или поздно подчиниться власти московского государя, что и случилось при Иване III. Впрочем, нельзя забывать здесь и влияние внутренних условий: господство аристократии не соответствовало интересам общества вольных городов, как целого, почему и создавало полное равнодушие массы населения к политическим вольностям. Катастрофа была неизбежна, и она, наконец, совершилась: в 1478 году с Новгородом и в 1510 г. с Псковом.

Под непосредственным влиянием политических условий сложилась организация церкви вольных городов удельного времени, и определилось положение духовенства, как общественной группы.

Положение новгородского архиерея или владыки, как и положение других органов новгородского выборного управления, определилось не сразу. Сначала—в XI и первой половине XII века—епископ новгородский не отличался ничем от других иерархов русской церкви: он был всецело подчинен киевскому митрополиту, им назначался, поставлялся, судился и сменялся. Соответственно этому его светское, политическое значение было ничтожно: он был членом совета местного князя и только. Но с ростом самостоятельности вольной новгородской общины, с разви-

---

[1]) *Рожков,* Полит. партии в В. Новг., «Ист. и социал. очерки», ч. 2-я, стр. 68-70.

тием ее учреждений, изменилось и положение владыки, получившего потом архиепископский сан. Под 1156 годом в летописи встречаем в первый раз указание на выбор владыки на вече во дворе св. Софии; выбор этот в этом году, как и позднее, всегда производился всеми новгородцами с участием духовенства—белого и черного [1]). Обыкновенно при выборе не стеснялись соображениями иерархического характера; не требовалось также, чтобы выбираемый был монахом. Единственное ограничение состояло в том, что выбирать можно было только из духовных лиц, а не из мирян [2]). Избранный идиногласно владыка торжественно вводился во владычень двор [3]). В случае разделения голосов, невозможности единогласного выбора, дело решалось жребием: имена трех кандидатов заносили на особые «жеребьи», с приложением посадничьей печати, и жеребьи эти клались на главный престол Софийского собора; сначала жребий вынимали после обедни слепцы или княжеские малолетние дети, и выбранным считался тот, чей жребий был вынесен первым; но с XIV века жеребьи вынимал протопоп Софийского собора, и выбранным признавался тот, чей жребий оставался последним на престоле [4]). Владыки редко сменялись: известны, напр., такие случаи в 1223 и 1421 годах; чаще владыки сами удалялись на покой, вероятно, иногда и по политическим причинам [5]). Заняв, благодаря выборному характеру, более самостоятельное положение по отношению к митрополиту киевскому, потом московскому, новгородский владыка существенно изменил и свои функции: то, что было в его деятельности на первом плане,—управление церковными делами—отодвинулось теперь на второй, и светское влияние архиепископа стало перевешивать его духовную власть, светские дела стали сосредоточивать на себе все больше внимание выборного главы новгородского духовенства. Владыка прежде всего имел очень важное значение в деятельности веча, регулировал, направлял эту деятельность двумя путями: во-первых, благословением

---

[1]) Новг. 1, 2, 3 и 4 лет. под 6664 г. ср. под 6694 г., ср. под 6694. 6703 и пр.

[2]) *Никитский,* Очерк внутренней истории церкви в В. Новгороде

[3]) Там же.

[4]) Там же.

[5]) Там же,

вечевых актов: об этом благословении читаем в начале большей части новгородских договорных и уставных грамот XIV века, а в конце их обыкновенно прикладывалась владычня печать; во-вторых, примирением враждующих партий: во время вечевых междуусобий архиепископ с крестом являлся на большой Волховский мост и утишал борьбу [1]). Едва ли не большее еще влияние принадлежало владыке во внешних делах: с тех пор, как князь обратился в послушное и подчиненное орудие веча и совета, владыка выступил на первый план в сношениях с соседями; он ведет обыкновенно переговоры, отправляется во главе посольств: известны переговоры владыки с великим князем Александром Михайловичем тверским в 1328 году, с московским великим князем Васильем Васильевичем в 1441 г. и с Иваном III в 1471 г. Особенно замечательна роль новгородского архиепископа по отношению к иностранному купечеству, торговавшему в Новгороде: владыка доставлял немецким купцам доступ к новгородским властям посредством своих приставов, при оставлении Новгорода немецкими купцами служил их доверенным лицом,—ему оставлялись запечатанные ключи от варяжской церкви, служившей складочным местом товаров, привозимых иностранным купечеством; он, наконец, был покровителем не только отдельных лиц, но и всех иностранцев в целом: в 1426 г., напр., старался не допустить разграбления немецкого двора и заключения гостей под стражу; иногда восстановлял своим посредничеством прерванные торговые сношения, для чего посылал своего посла в Ганзу; владыка Евфимий I был прозван даже добрым защитником и покровителем немецкого купечества [3]). В этих двух своих важных функциях—регулировании вечевой деятельности и деятельном участии во внешней политике—новгородский владыка отличался умеряющей и умиротворяющей властью. Но ведомство владыки было гораздо шире этого, простиралось и на такие дела, в которых он являлся уже в качестве не направляющей, а исполнительной власти: прежде всего владыке, по византийским традициям, принадлежало право осмотра и поверки орудий меры и веса и штрафо-

---

[1]) Там же.
[2]) Там же.
[3]) Там же.

вания надсмотрщиков при порче этих орудий; штраф делился на три части: одна шла в казну св. Софии (т.-е. владыке), другая в церковь св. Ивана на Опоках, в притворе которой хранились образцы мер, третья сотским, непосредственным помощникам владыки при поверке[1]). Кроме того, новгородский архиепископ обладал довольно широкой судебной властью: кроме дел, подсудных всем епископам по Номоканону,—дел по церковным преступлениям, преступлениям против нравственности и некоторых гражданских,—владыка имел значение судьи-посредника, третейского судьи, выступавшего в некоторых делах по обоюдному приглашению тяжущихся сторон: так, во второй половине XIV века владыка Алексей разбирал дело Астафия с посадником Александром—иск последнего о деньгах, данных первому при покупке земли [2]). Наконец, третья сфера влияния владыки на светские дела определялась его материальннми богатствами. Владыка был богатейший землевладелец: в 1478 г. Иван III взял у него на себя 10 волостей, в которых было 311 сох или около 1.000 человек взрослых крестьян, а это составляло меньше половины всех владычных имений [3]). Кроме доходов с этих земель владыка имел долю в княжеских доходах и собирал дань с духовенства. Будучи богат, архиепископ на свой счет содержал особый полк или «владычень стяг» и помогал Новгороду деньгами из собственной казны, особенно при уплате контрибуций: так, в 1386 г. из восьмитысячной контрибуции Дмитрию Донскому владыка уплатил 3.000 рублей [4]). У Новгорода не было собственных зданий для общественных учреждений; владыка помещал их поэтому при церквах или у себя на дворе, где бывали обыкновенно заседания высшего суда и совета бояр. Далее: у владыки были собственные артели мастеров—каменьщиков и плотников,—почему он был и распорядителем и исполнителем общественных работ: так, в 1230 г. владыка построил скудельницу для погребения мертвых, в 1338 г. новый Волховский мост, в 1361 г. помог деньгами при постройке каменного города, в 1361 году новгородцы взяли из казны св. Софии скопленные

---

[1]) Там же.
[2]) Там же.
[3]) Там же.
[4]) Там же.

владыкой Алексеем 5.000 серебра для постройки каменных башен [1]).

Таковы были светская власть и политическое влияние новгородского владыки. Три сферы охватывались этим влиянием: во-первых, сфера действия высших государственных учреждений — веча и совета; во-вторых, сфера судебной и отчасти полицейской деятельности; в третьих финансовые дела. В каждой из этих сфер власть владыки имела особый оттенок: в первой он направлял и умерял действия новгородских учреждений; во второй был охранителем справедливости; в третьей ему часто принадлежала определяющая роль, служившая очень важным источником власти и влияния. При столь обширной светской власти владыке не оставалось достаточно времени для исполнения своих обязанностей в качестве главы новгородского и псковского духовенства. В этом отношении он ограничивался лишь самым необходимым: посвящением священников и диаконов, освящением церквей и наблюдением за церковным благочинием, для чего совершал иногда поездки по епархии [2]). Широта светской власти новгородского владыки отразилась не только на сокращении его деятельного участия в церковных делах, но и на характере владычной администрации. Разнообразие обязанностей владыки вызывало нужду во множестве слуг, главными из которых были так-называемые софияне. К софиянам принадлежали, во-первых, нарочитые дворяне или владычни бояре, во-вторых, владычни дети боярские. И те и другие управляли имениями владыки, судили крестьян, собирали с них оброк, служили во владычнем полку, занимали должности софийского казначея и владычня наместника, замещавшего архиепископа в руководстве церковными делами и суде [3]). И областное церковное управление имело светский характер: из светских слуг архиепископа назначались владычни наместники в Двинской земле и в Пскове, а также десятинники [4]).

---

[1]) Там же. Ср. *Греков,* Новгор. дом св. Софии: мнение, будто „казна св. Софии“—новгородская казна, любопытно, но недостаточно обосновано.

[2]) *Никитский.* Очерк внутрен. истории церкви в В. Новгороде.

[3]) Там же.

[4]) Там же.

Новгородское и псковское духовенство, подобно светскому обществу вольных городов, организовалось в корпорации, известные под имеі.ем соборов; таких соборов в Новгороде было 7, в Пскове в конце XV века 6. Недостаточно известно, принадлежало ли к составу этих корпораций новгородское областное духовенство, но несомненно, что духовенство псковской области примыкало к псковским соборам. Каждый собор представлял собою корпорацию приблизительно из 100 священнослужителей, подобно тому, как купеческая сотня состояла из 100 лиц. Целью соединения духовенства в соборы было отправление богослужения совместно всем духовенством собора и раскладка поборов владыки с духовенства, слагавшихся из платы за посвящение, за церковный суд, на содержание церковного управления, даров, приношений и особой платы во время приезда архиепископа. Каждый собор имел своего выборного—поповского или соборного старосту. Надо, впрочем, заметить, что были и «невкупные» попы, не успевшие составить собор [1]). Что касается отношения церквей к приходам, то оно покоилось на демократическом основании: прихожане имели большое влияние на назначение священнослужителей, представляли владыке кандидатов и заключали с духовенством условия о сроке службы, количестве служб и т. д. [2]).

Мы видели, что Псков постепенно достиг полной независимости от Новгорода в политическом отношении. Такое же стремление к самостоятельности церковной наблюдается в Пскове в XIV веке. В 1307 г. из-за этого вопроса произошла ссора между новгородцами и псковичами. В 1331 г. псковичи, впрочем, безуспешно, просили киевского (южно-русского) митрополита Феогноста дать им особого епископа. Наконец, по Болотовскому договору Пскова с Новгородом, установившему политическую самостоятельность Пскова, были регулированы и отношения псковской церкви к новгородскому архиепископу: владыка новгородский обязался назначать наместника в Псков непременно из псковичей, а вместо призыва псковичей на церковный суд в Новгород был установлен периодический

---

[1]) Там же.
[2]) Там же.

приезд или «подъезд» новгородского архиепископа в Псков. Обычный срок приезда—через три года на четвертый [1]).

Серьезное политическое значение новгородского владыки вызвало около этой высокой должности шумную борьбу. Для Новгорода, во время расцвета его могущества, было важно, чтобы высший иерарх новгородской церкви, служивший в то же время важным органом светской правительственной власти, был самостоятелен и независим ни от какой внешней силы, особенно от митрополита московского, всегда державшего сторону московских великих князей. Но и митрополит не мог допустить уменьшения своей власти, тем более, что за ним стоял тот же великий князь московский, прекрасно понимавший, какую политическую силу он имеет в лице митрополита, утверждавшего и посвящавшего новгородских архиепископов. Из столкновения этих противоположных интересов и вышла борьба, на которой мы остановим сейчас не надолго свое внимание. Московские митрополиты имели право верховного суда по церковным делам и довольно часто вызывали к себе новгородских владык в Москву. Для разбора церковно-судебных дел митрополит или приезжал сам в Новгород, или присылал доверенных лиц. Приезд митрополита в Новгород для суда назывался известным уже нам термином «подъезд», и пребывание его здесь могло длиться не более месяца раз в каждые 4 года, почему и суд митрополита в Новгороде назывался «месячным судом» [2]). Помимо стеснения власти архиепископа, пребывание московского митрополита в Новгороде стоило дорого местному духовенству, так как надо было содержать митрополита и его свиту и подносить им дары. Дорого стоили и поездки владыки новгородского в Москву. И вот новгородцы стараются поставить своего архиепископа в положение самостоятельное по отношению к московскому митрополиту: возникает предание о праве новгородских архиепископов носить белый клобук и кресчатые ризы, т.-е. фелони с четырьмя крестами. Право носить кресчатые ризы было, действительно, дано новгородскому владыке особой грамотой константинопольского патриарха. Опираясь на эту

---

[1]) Там же.
[2]) Там же.

грамоту, новгородцы стали утверждать, что владыка во всех делах имеет право сноситься непосредственно с константинопольским партиархом, минуя митрополита московского. По настоянию Москвы, патриарх в 1370 г. формально запретил новгородскому архиепископу носить кресчатые ризы. В ответ на это новгородцы объявили свою церковь совершенно автокефальной и лишили митрополита права месячного суда. Константинопольский патриарх прислал грозную грамоту, митрополит Киприан в 1361 г. отлучил новгородцев от церкви,—все было напрасно: новгородцы продолжали отстаивать самостоятельность своего архиепископа. Тогда в 1393 году великий князь Василий Дмитриивич пошел на Новгород войной, занял Торжок и опустошил новгородские области. Только после этого новгородцы восстановили старину [1]). Таким образом в конце XIV века, за 80 лет до падения Новгорода, новгородцы сделали отчаянную попытку совершенно отделиться от Московской Руси в церковном отношении. Если бы эта попытка удалась, власть владыки, несомненно, усилилась бы еще больше. Но силы были неравны, да и в самом Новгороде, как нам известно, не было единодушия, и неудачный исход борьбы Новгорода за церковную самостоятельность был как бы ранним образцом последней борьбы за самостоятельность политическую, кончившейся так печально для Новгорода.

Психология и духовная культура всякого общества труднее всего подается и меняется под воздействием новых явлений материальной культуры, во всяком случае очень долго хранит много пережитков старины. Одним из наиболее заметных и живучих остатков прошлого было и в вольных городах XIV и XV веков, как и раньше, множество самых грубых суеверий.

В первой половине XVI века новгородский архиепископ Василий, один из самых образованных людей своего времени, в своем послании к тверскому епископу выражает твердую уверенность в существовании на земле материального, вещественного, «саженого» рая и ада. Ад он описывает так: «на западе существует место муки, где на дышащем море червь неусыпающий, скрежет зубовный и

---

[1]) Там же.

река молненная, где трижды в день река входит в преисподнюю и опять исходит вон». Рай, по его словам, видели новгородцы Моислав, сын его Яков и их товарищи: на одной горе они видели изображение Христа необыкновенной величины, написанное нечеловеческими руками чудной лазоревой краской; солнца не было, но исходил несказанный свет; за горами было слышно ликование; один из спутников поднялся на гору, но как только взглянул за нее,—всплеснул руками и бросился туда; то же повторилось с другим; третьего привязали на веревку, и когда он, подобно двум первым, хотел броситься вперед, за горы, его стащили обратно, но он оказался мертвым [1]).

На-ряду с суевериями господствовал крайний формализм в религии: обряды ценились наравне с догматами; внешнему благочестию придавалось первенствующее значение. Под 1471 годом встречаем в летописи замечание, что «некоторые философы» находили нужным петь «О Господи помилуй», а другие «Осподи помилуй» [2]). В Пскове в XV веке горячо спорили о том, нужно ли двоить или троить аллилуию [3]). Чтобы стяжать себе царство небесное, стоило только, по мнению людей того времени, сделать богатый земельный или денежный вклад в монастырь или построить на свои средства монастырь или церковь. Этим побуждением, на-ряду с тщеславием, именно и объясняется то обстоятельство, что почти каждая богатая новгородская боярская фамилия имела свой монастырь или церковь, о постройке которых и встречаются постоянно известия в новгородских летописях. Наконец, и в массе общества вольных городов, как и в других местах в то время, распространено было убеждение, что через 7.000 лет после сотворения мира наступит светопреставление: под 1402 годом летописец прямо говорит: «время последнее приходит, конец житию приближается» [4]).

Но на-ряду с этими обломками прошлого, все еще державшими в плену умы народной массы, наблюдаются явления, совершенно неведомые прежде: являются попытки глубже войти в дух христианства и отнестись критически

---

[1]) *Никитский,* Очерк истории церкви в В. Новгороде, стр. 153.
[2]) Нам же, стр. 152.
[3]) Там же, стр. 152.
[4]) Пол. Собр. Рус. Лет., IV, под 6910 годом.

к господствующим преданиям, суевериям и церковному строю. Самостоятельная религиозная мысль, пробудившись, приняла при этом крайнее направление, выразилась в еретических движениях. Не подлежит ни малейшему сомнению тот факт, что ереси в Пскове и Новгороде сложились отчасти под иностранным и иноверным влиянием, которое стало возможно вследствие живых экономических и культурных связей вольных городов удельной Руси с западом Европы. Но не следует преувеличивать это влияние и нельзя забывать, что оно не могло бы проявиться, если бы не нашло благоприятной для себя почвы в местных условиях. В ряду этих условий обращают на себя наше внимание в данном случае и социально-политические обстоятельства: в XIV и XV веках аристократия победила народ и в Новгороде и в Пскове; олигархический гнет давал себя сильно чувствовать, и потому протест, основанный на принципе освобождения, был вполне естественным явлением. Но помимо этого влияли чисто-религиозные и церковные явления: религиозный формализм, суеверия, низкий нравственный уровень духовенства, светский характер церковной иерархии и администрации, фискальное отношение владыки к духовенству,—все это на вязалось с развитым религиозным чувством, вызывало критику и противодействие. Под действием всех этих обстоятельств в вольных городских общинах удельного периода появились одна за другой две ереси—стригольников в XIV веке и жидовствующих в XV.

Изучение этих еретических движений представляет довольно значительные затруднения, происходящие, главным образом, от скудости и тенденциозности имеющихся в нашем роспоряжении источников: сочинения еретиков не уцелели, сохранились только обличения их, первое место между которыми принадлежит сочинению Иосифа Волоцкого «Просветитель». Полемические обличительные цели мешали беспристрастию, как бы ни хотел автор оставаться добросовестным. Таким состоянием источников объясняются весьма сильные разногласия исследователей, занимавшихся изучением обеих ересей. Внешняя история стригольничества не возбуждает сомнений: оно зародилось и распространилось в Пскове во второй половине XIV века; главой ереси был стригольник (т.-е. цирюльник) Карп, изгнан-

ный за еретичество в 1384 году вместе со своим последователем Никитой и еще третьим еретиком, имя которого остается неизвестным. Но с казнью главных еретиков ересь не прекратилась: в XV веке она переходит в Новгород и замирает, как цельное, массовое явление, лишь в начале второй четверти этого столетия, когда сохранились только отдельные ее последователи, слабо связанные между собою. Но характер и содержание учения стригольников понимаются отдельными исследователями различно: одни видят в стригольничестве простой раскол, отрицавший лишь обряды и церковную иерархию [1]), другие считают его настоящей ересью, касавшейся и догматов [2]). Второе мнение, повидимому, ближе к истине, потому что, несомненно, стригольники отрицали воскресение мертвых и таинство покаяния: исповедь, по их мнению, не должна совершаться перед священником; покаяние—простой акт духовного раскаяния человека, имеющего при этом дело только со своей совестью: так надо понимать учение стригольников, что каяться надо не попу, а земле [2]). Второй характерной чертой стригольников является мистицизм: в религиозном экстазе стригольники проповедывали и бичевали себя, что дает повод сблизить их с немецкими гейсслерами или флагеллантами. В связи с мистицизмом, в основе которого лежит, как известно, представление о непосредственном воздействии Божества на каждого отдельного человека, находятся третья и четвертая особенности стригольничества как религиозного учения: именно, признание за каждым мирянином права толковать свободно священное писание, относясь к нему критически и принимая за основу критики Евангелие, и отрицание церковной иерархии и обрядов. Это последнее подкреплялось еще указанием, что все епископы, священники и диаконы поставлены по мзде и ведут недостойную жизнь. На этом основании отвергалось также и монашество [3]).

Ересь стригольников, как показывает только-что сделанное изложение ее основ, была религиозным движением почти исключительно отрицательного хвректера. Созида-

---

[1]) *Голубинский,* История рус. церкви, т. II, половина 1-я, М. 1900. стр. 396, 398.

[2]) *Никитский,* Очерк истории церкви в В. Новгороде, стр. 148.

[3]) Там же, стр. 147—148.

тельных, положительных элементов в ней было очень мало Это и естественно: когда начинается критическое отношение к современности, то обыкновенно сначала все внимание сосредоточивается на разрушении существующих воззрений. Созидательная работа—дело будущего; она составляет уже второй момент начала всякого умственного движения. Таким вторым моментом, естественным продолжением стригольничества, связанным с ним генетическими узами, была ересь жидовствующих. Первые признаки ее зарождения относятся к 1471 году, когда вместе с литовским князем Михаилом Олельковичем прибыл в Новгород ученый еврей Схария. Его последователями, развившими и обосновавшими все учение, были новгородские священники Денис и Алексей, к которым примкнули священники Григорий, Герасим, Гавриил, Максим, Василий, много других священнослужителей и мирян, между которыми особенно выдавался посадник Григорий Тучин [1]). Характерно, что за ересь высказались простое священство и также бояре, как Тучин, который был сторонником Москвы, следовательно, вождем демократической партии: этим определяется наличность в ереси струи социального протеста против господства олигархии. Еретики были образованные и способные люди. Неудивительно, что в 1479 году великий князь Иван III перевел главных из них в Москву: Алексей был назначен протопопом Успенского собора, а Денис священником Архангельского собора. На новой почве ересь привилась очень скоро: одним из горячих ее приверженцев сделался видный и даровитый государственный деятель, думный дьяк, начальник или главный судья Посольского приказа, Федор Курицын; к ней, повидимому, примкнул архимандрит Симонова монастыря Зосима, скоро сделавшийся и митрополитом [2]). Надо, впрочем, заметить, что некоторые исследователи отрицают еретичество Зосимы. Во всяком случае, Зосима был такой человек, который своими нравственными свойствами, весьма низменными, мог только дискредитировать всякое движение, сторонником которого он являлся. В 1488 году с ересью познакомился ярый приверженец традиционных религиозных воззрений, архиепископ новгородский Геннадий. Он разослал послания к

---

[1]) Там же, стр. 158.
[2]) Там же, стр. 161, 173.

митрополиту и епископам, в которых высказывался за суровое преследование еретиков по примеру испанской инквизиции, против прений на церковном соборе, в которых он видел один соблазн, за то, что надо беспощадно казнить, именно вешать и жечь, еретиков. Но, несмотря на всю энергию Геннадия, ему удалось сначала достигнуть немногого: ему едва удалось добиться разрешения чинить розыск о ереси и предавать еретиков гражданским властям для наказания. Когда затем в 1490 году был созван собор для суждения о ереси, то главные еретики остались нетронутыми, а второстепенные наказаны слабо: преданы анафеме и заточены. Тогда Геннадий призвал к борьбе против ереси Иосифа Санина, основателя Волоколамского монастыря. Иосиф стал писать для духовенства и влиятельных лиц послания против ереси, а для массы народа обличительные слова: и здесь и там—и в словах, и в посланиях—Иосиф выказал крайнюю нетерпимость, признавал необходимым совершенное и беспощадное истребление еретиков. Наконец, в 1504 году произведен был суровый розыск о ереси, и созван собор, окончательно ее осудивший. В Москве и в Новгороде сожжены главные еретики: Иван Курицын, Максимов, Пустоселов, Рукавов, архимандрит Кассиан, Иван Самочерный и др. [1]).

Такова внешняя история ереси жидовствующих, не возбуждающая никаких сомнений и вызывающая очень мало разногласий. Что касается сущности еретических воззрений и их происхождения, то в этом отношении исследователи разделяются на три главных группы: одни считают ересь чистым иудейством [2]), другие, наоборот, считают иудейский элемент случайным, поверхностным и малозначительным и первенствующее значение придают рационалистическим представлениям чисто местного, новгородского происхождения не без примеси, однако, западноевропейских влияний [3]); третьи занимают промежуточное положение между этими двумя крайними воззрениями [4]).

---

[1]) Там же, стр. 170—185.

[2]) *Митр. Макарий,* История рус. церкви; *Голубинский,* История рус. церкви.

[3]) *Сервицкий:* «Правосл. Обозр.» т. VIII; *Никитский* Очерк истории церкви в В. Новгороде.

[4]) *Руднев,* Рассуждение о ересях и расколах.

Против взглядов третьей группы исследователей говорит крайняя неопределенность, неясность их, сквозящая в них робость мысли. Мнение исследователей первой группы, как справедливо замечено, не выдерживает критики по той причине, что между ересью жидовствующих и иудейской религией наблюдаются слишком большие различия: во-первых, жидовствующие отвергали кончину мира, тогда как иудеи этого не делают; во-вторых, жидовствующими не были приняты иудейские обряды [1]). Ближайшее изучение воззрений еретиков приводит к убеждению, что рационалистические начала выступали в них на первый план, а знакомство с еврейской ученостью было лишь средством для разрушения некоторых суеверий. Важнейшим из этих суеверий, как нам уже известно, было ожидание конца мира в 1492 году—семитысячном от сотворения мира. Еретики, познакомившись с книгой еврейского ученого Иммануила-бен-Якуба «Шестокрыл», содержавшей в себе астрономические таблицы, увидели в ней другое летосчисление, по которому 1492 год оказывался лишь 5244-м от сотворения мира, и на этом основании отвергли суеверное ожидание скорого светопреставления [2]). Но этим отрицанием распространенного суеверия жидовствующие не ограничились: вслед за стригольниками они отрицали кончину мира, воскресение мертвых и второе пришествие [3]). Это было уже догматическим отрицанием. От стригольников заимствовали жидовствующие и критическое отношение к священному писанию и особенно к писаниям апостолов и отцов церкви [4]). Но мистического элемента, столь характерного для стригольничества, у жидовствующих не было, и потому положительное их учение содержательнее, чем у стригольников, и отрицание догматов и обрядов строже и сильнее мотивировано и яснее формулировано: жидовствующие отрицали божественность Иисуса Христа, но признавали его пророком, отрицали искупление, рождение Христа от Девы, воскресение Христово, отвергали почитание святых, догмат пресуществления, не поклонялись кресту

---

[1]) *Никитский,* Очерк ист. церкви, стр. 161—165.
[2]) Там же, стр. 159—160.
[3]) Там же, стр. 163—164.
[4]) Там же, стр. 162.

и иконам [1]). Во всем этом ясно выступают рационалистические воззрения, перед которыми совершенно бледнеет влияние иудейства. Название еретиков «жидовствующими» не должно нас смущать: оно дано современными ереси сторонниками православия, в глазах которых иудейское влияние приобретало преувеличенные размеры. Этой крайностью особенно страдает изложение еретического учения в сочинениях Иосифа Волоцкого, хорошим противовесом которым является изложение учения жидовствующих, занесенное в летопись на основании соборного деяния 1504 года [2]).

К XIV и XV векам относится тот главный вклад, который внесли в историю русской архитектуры деревянные постройки Новгорода и Пскова. Эти постройки, конечно, не сохранились, но мы можем судить о них по некоторым изображениям деревянных церквей на старинных иконах и по тем позднейшим влияниям, какие имело деревянное зодчество на постройки из камня. Новгородцы, издавна известные как искусные плотники, создали тип русских деревянных построек со множеством резных украшений, с точеными столбами, чешуйчатыми крышами, бочкообразными или похожими на кокошники фронтонами [3]). Вольные города создали и тип маленьких церквей с их теплотой и уютностью [4]). Остатки этого типа и теперь наблюдаются в церковной архитектуре старого Пскова.

Под 1386 годом в летописях встречаем первое известие о туземных, новгородских иконниках [5]), в XV в. славится знаменитый новгородский мастер-иконописец Дионисий [6]), а в XV в. можно назвать уже ряд имен местных иконописцев, каковы в Новгороде Андрей Лаврентьев, Иван Дермаярцев, Никифор Грабленый и в Пскове Алексей Малый [7]). В XV и XVI веках новгородское иконописание достигает своего расцвета, причем сказывается уже не только одно византийское, но и западное,

---

1) Там же, стр. 164, 165, 166.

2) Там же, стр. 164.

3) *Новицкий.* История русского искусства.

4) *Грабарь,* История русского искусства. т. I, стр. 8, 205, 223 225, 226.

5) *Ровинский,* История русских школ иконописания, стр. 3.

6) *Грабарь,* История рус. искусства, т. VI, стр. 268.

7) *Ровинский,* История русских школ иконописания, стр. 4.

итальянское влияние, напр., Чимабуэ и Перуджино. Иностранные образцы подвергаются переработке, носящей на себе печать оригинальности и эстетического вкуса. В новгородском иконописании XIV—XV веков различают три основных типа: один с преобладанием зеленой краски, другой—коричневой, третий—желтой [1]). Уже это разнообразие раскраски свидетельствует о некоторой эстетической дифференциации. Человеческие фигуры и лица отличаются еще схематичностью и однообразием: все фигуры коротки, с длинными лицами, с большим носом, с так-называемыми «движками», т.-е. черточками над глазами, губами, на лбу, носу, на суставах ног и рук. Одежда украшена крестами и клетками и написана длинными прямыми чертами, причем складки окрашены в иной цвет, чем вся одежда. Здания, изображенные на деревьях, отличаются простотой, горы разделаны шашками и кружками, травы и деревья просты [2]).

Но то были только начатки оригинальности и эстетизма, на этом дело не остановилось. Уже новгородские фрески XIV в. в Волотовской церкви и в церкви Федора Стратилата—далеко ушли вперед: здесь хорошо передаются характер и движение, имеется сложная композиция, переданы стройность, молодость, изящество, широкие жесты, летящие одежды; фрески церкви Федора Стратилата отличаются спокойствием и законченностью [3]). В новгородской живописи XV в. наблюдается своеобразное соединение грации и строгости. Св. Георгий—рыцарствен и пленительно-изящен. Господствуют нежные цвета. Видно большое индивидуальное мастерство [4]).

Но верхом живописных достижений в искусстве Великого Новгорода XV в. была деятельность Дионисия, от которого остались фрески Ферапонтова монастыря. Дионисий был крупный, из ряда вон выходящий талант. Отличительной чертой его дарования была женственная грация. В его иконах одна из главных тем—радостное прославление Богоматери. Ему был в высшей степени свойствен

---

[1]) Там же, стр. 12.
[2]) Там же, стр. 12.
[3]) *Грабарь*, История рус. искусства, т. VI, стр. 169 и сл., 178.
[4]) Там же, VI, 171, 252, 254, 260, 161.

художественный инстинит меры. От него пошло целое течение в Новгородской иконописи [1]).

Характеризуя развитие искусства в вольных городах XIV и XV вв., остается еще прибавить, что по былине о Садке—богатом госте, в Новгороде развивалась светская музыка, и что в области церковного пения Новгород стал создавать также некоторые оригинальные распевы и вообще славился хорошими певцами [2]).

Оригинальной чертой народного творчества в области словесности к концу политической самостоятельности Новгорода явился особый вид поэзии, близкий по характеру к драме. В Новгороде, начиная со второго дня Рождества Христова, ходили по улицам ряженые окрутники («окрутник»—значит «клеветник, обманщик, забавник»), заходившие в дома, в окнах которых в знак приглашения ставились зажженные свечи, и дававшие здесь представления, состоявшие из шуток, каррикатурных имитаций и пляски [3]).

Если не считать летописания, которое продолжалось и в XIV и XV веках, то в чисто-литературном, письменном творчестве вольных городов этого времени обращают на себя внимание два вида—паломнические путешествия и легенды или жития святых. Из паломнических путешествий известно составленное в половине XIV века сказание о святынях Царьграда Стефана новгородца. По теме к нему близко подходит «Беседа о святынях Цареграда», относящаяся, вероятно, также к XIV веку и, может быть, принадлежащая перу новгородского архиепископа Василия, литературной деятельности которого нам сейчас еще придется коснуться [4]).

Новгородская и псковская легенда дошла до нас в целом ряде чрезвычайно важных образцов. Сюда относятся известное уже нам послание архиепископа Василия к тверскому епископу Федору об аде и рае, сказание о князе Довмонте, жития Антония Римлянина, Нифонта, Иоанна, Варлаама Хутынского, архиепископа Моисея, Зосимы и Савватия, Михаила Клопского, Евфросина

---

[1]) Там же, VI, стр. 268, 270, 282, 285.

[2]) *Разумовский,* История церковного пения в России.

[3]) *Тихонравов,* Сочинения, т. II, М. 1898, стр. 56.

[4]) *Пыпин,* История русской литературы.

псковского, сказание о знамении Богородицы при нашествии на Новгород Андрея Боголюбского [1]). Источники этих легенд отличаются несколько большим разнообразием, чем прежде: это не только местные предания и рассказы, но и письменные заметки и даже иногда, как, напр., в послании об аде и рае, иностранные легенды апокрифического характера [2]). Большим разнообразием отличаются и мотивы, руководившие авторами легендарных сказаний: здесь сказывается не одно стремление к нравственному поучению, но и патриотизм, желание прославить и возвысить местные святыни [3]). Патриотическими тенденциями отличались особенно архиепископы навгородские Евфимий и Иона, занимавшие кафедру в промежуток времени от 1430 до 1471 года и много сделавшие для литературного развития легенды [4]). Литературные приемы авторов и художественные свойства их произведений также обращают на себя серьезное внимание. Новгородская легенда довольно далеко ушла уже от древнейшего типа кратких, проложных житий и стала приобретать риторическую окраску, особенно усилившуюся в XV веке под влиянием литературной деятельности жившего тогда на Руси серба Пахомия Логофета, известного в свое время агиобиографа, т.-е. составителя житий святых [5]). Впрочем, непосредственная свежесть фантазии еще сохранялась, а сила и сжатость изложения, которые наблюдались нами в новгородском летописании, составляли отличительную черту и легенд, созданных вольными городами удельной Руси.

Летописание Новгорода и Пскова в XIV и XV веках было естественным продолжением того, что существовало в этом отношении раньше. В нем попрежнему ясно выражаются политические симпатии летописцев. В XIV веке мы встречаемся, напр., с летописателем, неблагосклонно относившимся к широким народным массам: «простая чадь» названа «крамольниками» в 1332 и 1337 годах [6]); в 1388 г. демократическая Софийская сторона действует

---

[1]) Там же.
[2]) Там же.
[3]) Там же.
[4]) Там же.
[5]) *Ключевский,* Древне-русские жития святых как исторический источник.
[6]) Новг. 1 и 4 лет. под 6840 и Новг. 1 лет. под 6845 г.

«навожением диаволим» против аристократического посадника Есипа Захарьинича [1]). В XV веке наблюдается перемена: грубая расправа боярской партии с противниками в 1418 г. в высшей степени неприятна повествователю,— он называет ее «научением диаволим» [2]); под 1446 г. помещена горькая жалоба на то, что «не бе в Новегороде правде и суда, и бе крич и рыдание и вопль и клятва на старейшины наши» [3]). В Софийской 2-й летописи находится рассказ о падении Новгорода, проникнутый опять боярскими тенденциями. Такая же разноголосица составляет одну из отличительных черт псковских летописей. Раскаленная политическая атмосфера вольных городов, насыщенная испарениями партийной борьбы, проникала собою и их летописание, придавала ему публицистический характер.

В непосредственной связи с литературои находятся просвещение и наука. Само собою разумеется, что в изучаемое время нельзя предполагать распространение образования и даже простой грамотности в массе населения: народ оставался попрежнелу совершенно невежественным. По свидетельству архиепископа новгородского Геннадия, в конце XV века трудно было даже найти достаточное количество вполне грамотных людей для занятия священнических мест [4]). Но при всем том среди образованного меньшинства, несомненно, росли научные интересы, увеличивался запас знаний; умножалось и самое число грамотных и по своему времени даже вполне просвещенных людей. Существовали уже особые «мастера», обучавшие детей и юношей за плату натурой, но общественных или государственных школ попрежнему не было [5]). Архиепископы новгородские XV века Евфимий и Иона, обучались чтению и письму в своей юности, «вданы были учитися» или «наказатися божественным книгам» [6]). Очевидно, обучение производилось путем заучивания наизусть азбуки, Часослова и Псалтыри. Митрополит Филипп в своем послании к новго-

[1]) Новг. 1 и 4 лет. под 6896 г.
[2]) Новг. 1, 2, 3 и 4 лет. под 6926 г.
[3]) Новг. 4 лет. под 6954 г.
[4]) *Голубинский.* История русской церкви.
[5]) Там же.
[6]) Там же.

родцам в 1471 году называет их «разумными в книжной мудрости» [1]). По словам Иосифа Волоцкого, еврей Схария, основатель ереси жидовствующих, был «изучен чародейству и чернокнижию, звездозаконию и астрологии» [2]). Им, вероятно был завезен в Новгород знаменитый «Шестокрыл» еврейского ученого Иммануила-бен-Якуба, сделавшийся целым откровением в области астрономических знаний [3]). По свидетельству архиепископа Геннадия, еретики были вполне образованными людьми, читали, напр., следующие книги: «Сильвестр, папа римский», «Слово Кузьмы пресвитера против богомилов», «Послание патриарха Фотия к болгарскому князю Борису», «Книга пророков», «Книга бытия», «Книга царств», «Притчи», «Менандр», «Иисус Сирахов», «Логика», «Дионисий Ареопагит» [4]). Таковы уцелевшие до нашего времени свидетельства о развитии образования в вольных городах удельного времени. Успехи несомненны тем более, что многое, конечно, не сохранилось, не дошло до нас.

Приведенный на предшествующих страницах материал, касающийся духовной культуры Новгорода и Пскова в XIV и XV веках, в достаточной мере иллюстрирует те новые психологические явления, которые намечаются историей вольных городов того времени. Три основных вывода в этом отношении можно сделать. Один касается психологии верхов общества, боярства, другой—низов, передовых слоев массы населения, третий указывает на начатки образования интеллигенции—мелкобуржуазной образованной группы населения.

Представительницей психологии верхов общества была знаменитая Марфа Борецкая. Едва ли можно предполагать, что Марфа Борецкая сколько-нибудь поддавалась нисшим, элементарным эгоистическим чувствованиям в роде страха или мелкого корыстолюбия. Она смело, без всякого трепета и колебания решилась на смертный бой с великим князем московским, который представлял собою в то время почти непреодолимую силу. Она не жалела и денег

---

[1]) Там же.

[2]) Там же.

[3]) *Никитский*, Очерк внутр. истории церкви в Вел. Новгороде, стр. 159.

[4]) Там же, стр. 157—158, прим. 3.

для подкупа «худых мужиков вечников», которые должны были на вече отстаивать интересы боярской партии и кричать против московского великого князя и за Казимира литовского. На-ряду с этим в характере Марфы сразу бросается в глаза большая властность, страстное стремление к личному свободному самоопределению, жажда силы и величия. Из-за этого и начала она борьбу с Иваном III. Этим продиктованы были и условия договора с Казимиром, слабость власти которого особенно бросается в глаза, если сравнить этот договор с известной уже нам договорной грамотой Новгорода с Иваном III, относящейся к 1471 году [1]). Властный характер Марфы Борецкой давал себя чувствовать и в ее семье и во всей новгородской аристократической партии: ее сыновья и сторонники беспрекословно ей подчинялись. Это превосходно понимал Иван III, и вот почему Марфа была удалена из Новгорода в ссылку после падения вечевого строя: ее было опасно оставлять даже и на развалинах старых порядков, силой своей энергии она могла еще хотя бы на минуту вдохнуть жизнь в отжившее политическое тело. Все это, как кажется, дает право причислить Марфу Борецкую к индивидуалистическим характерам. Разумеется, тип еще не сложился вполне, но намечались главные его характерные черты. И это тем более верно, что к сделанной сейчас краткой характеристике можно еще прибавить указание на крайнюю решительность Марфы—отличительное свойство индивидуалистов,—и отметить также один вторичный признак, свойственный ей, как и вообше людям индивидуалистического склада: ей повидимому, не чужды были эстетические запросы. Так, известно, что у нее был в Новгороде «чудный двор», по свидетельству летописца. Эпитет «чудный» указывает на красоту этого двора или дома, на архитектурные его отличия. Характерно для индивидуалистической натуры и то, что эстетический вкус сказался именно в архитектуре, а не по отношению к литературе, где требовалось бы больше тонкости, изощренности чувства красоты или соображений или побуждений моральных, религиозных, общественных, наконец. Можно предполагать даже, что борьба сама по себе привлекала Марфу новизной ощу-

---

[1]) Акты Арх. Эксп., т. I, № 87.

щений и богатством впечатлений, как в свое время Садко богатого гостя влекло на чужбину не только желание коммерческой выгоды, но и жажда новых, неизведанных наслаждений и впечатлений.

Появление людей такого склада в высших слоях общества вольных городов естественно и понятно: они были воспитаны всей напряженной их хозяйственной деятельностью, горячей продолжительной политической борьбой и постоянной правительственной деятельностью знати.

Но в конце самостоятельного политического существования вольных городских общин удельной Руси в нисших слоях их общества, в народной массе стали слагаться также и этические характеры. Представителями их надо признать лучших, наиболее искренних из новгородских еретиков конца XV века. Отрицание мздоимства, требование нравственной жизни, порицание религиозного формализма, высокая оценка моральной стороны христианства при отрицательном отношении к метафизической, догматической стороне религии—все это черты, характерные для людей этического склада. Если к этому прибавить неутолимую потребность применить свои верования и убеждения тотчас же и без всяких поправок на практике, к действительности, полную непрактичность большинства еретиков, их непримиримость, ничем не сдерживаемую смелость и решительность действий, то картина появления в вольных городах людей, для которых вопросы совести, нравственности, правды, справедливости составляют главное содержание жизни, будет полна. Когда шла речь об истории ересей, были уже указаны те реальные—хозяйственные, социальные и политические—силы, которые вызвали здесь к жизни этот новый психический тип. Характерно также, что этические характеры проявляют себя в истории впервые именно в форме религиозной.

Все сказанное сейчас об еретиках и их психологии относится главным образом к передовым слоям стригольников и ко многим жидовствующим. Но в этой последней секте, у жидовствующих, очень заметна еще другая, интеллигентская струя—жажда знания и вместе рационализм, стремление осмыслить жизнь, составить цельное миросозерцание, основанное на разуме. Мы уже наблюдали и приводили в этом отношении свидетельства современников

таких при том же предубежденных, как Иосиф Санин и архиепископ Геннадий. Интеллектуализм, стремление к порядку и стройности мысли и отвращение к бессистемности и бесформенности—вот что выдвигается здесь на первый план.

Психологическая характеристика разных слоев общества вольных городов удельной Руси XIV и XV веков дает таким образом возможность понять в целом духовную культуру того времени: мы видим, как психические новообразования отражаются на религии, искусстве, литературе, образованности и науке, как разные части общества, отдельные его классы вносят каждый свою струю, свое влияние в духовную культуру.

Период упадка в истории немецкой Ганзы.

Немецкие ганзейские города в хозяйстве феодальной Германии, как нам известно, играли такую же роль, как и наши вольные города в удельной Руси: они были посредниками во внешней торговле теми товарами, которые имели тогда обширный сбыт. Понятно, что их торговля была почти исключительно транзитной.

Но в хозяйстве Германии и окрестных стран в XV веке произошли уже крупные перемены, предвестники недалекого будущего, когда должно было восторжествовать денежное хозяйство, расчитанное на обширный, сплошь и рядом национальный рынок. Мы наблюдали это в значительной мере в предшествующей главе настоящего труда. Понятно, что прежняя посредническая роль Ганзы стала терять свое значение, и что во внутренней и даже внешней торговле появились опасные для нее соперники. Уже с середины XIV в. растет торговое значение Нидерландов [1]). Ганза начинает с нидерландскими городами прямую войну [2]). Так всегда бывает, когда невозможным становится экономическими средствами удержать прежнее хозяйственное преобладание. Но опять-таки, как и всегда, и оружие не помогает: слабеющую экономически сторону ждет поражение. Такого же происхождения и с еще более плачевными для ганзейских городов результатами была и война с Данией в первой половине XV в.: по миру 1435 г., правда, привилегии Ганзы были возобновлены формально, но фактически далеко не все было достигнуто в смысле сво-

[1]) *Daenell.* Die Blütezeit der deutschen Hanse, I, стр. 267 и сл.
[2]) Там же, I. стр. 279 и след.

боды торговли, неверны и непрочны были торговые пути, и вообще война с Данией глубоко потрясла ганзейскую торговлю [1]). Это и понятно: после Кальмарской унии конца XIV в. Дания, Швеция и Нарвегия временно объединились, в них начал падать феодализм, стало зарождаться товарное хозяйство с обширным рынком [2]).

Понятны в виду всего этого и колебания, разногласия, разложение внутри самой Ганзы: в 60-х годах XV века саксонские и другие города выступают против главенства Любека, и ганзетагу 1470 г. едва удается подтвердить прежний статут и права Любека [3]).

Все было напрасно: князья все более подчиняли себе, особенно в XV в., отдельных участников Ганзейскаго союза. В 30-х годах XV столетия герцоги бургундские подчинили себе фландрские, голландские и брабантские города, в 40-х годах расширяется власть над городами курфюрстов бранденбургских [4]). Остальные ганзейские города спасались от порабощения князьями только тем, что в XIV и XV веках крепко держались за императорскую власть [5]).

Признаки упадка становились все заметнее и грознее, и дело завершилось конечной катастрофой с открытием Америки и перенесением центра тяжести международной торговли в Атлантический океан.

Падению муниципального феодализма в Германии содействовало, наконец, и соотношение общественных сил, слагавшееся внутри отдельных ганзейских городов. Союз стоял горой за сохранение традиционных муниципально-феодальных отношений: города, восставшие на свой совет, обыкновенно не допускались на ганзетаги и даже исключались из Ганзы [6]). Но это не помогало: ремесленные низы, порабощенные торговым капиталом, волновались очень часто [7]) и, естественно, не дорожили муниципальными порядками, доставлявшими выгоды одним только крупным

---

[1]) Там же, I, стр. 255, 256.
[2]) *Allen,* Histoire de Danemark.
[3]) *Daenell,* Die Blütezeit der deutschen Hanse, II, стр. 310.
[4]) Там же, II, стр. 481, 482.
[5]) Там же, II., стр. 457.
[6]) Там же, II, стр. 317.
[7]) Там же, II, стр. 504, 508-510, 516.

банкирам и скупщикам. В XV в. наблюдается полное и окончательное господство феодально-муниципальной аристократии: аристократические советы в ганзейских городах представляют собою в это время все в их управлении [1]).

Таким образом причины падения Ганзы сводятся к развитию товарного хозяйства в Германии и соседних странах, и падению вследствие этого торгового значения ганзейских городов и к насильственному, упорному сохранению в них таких порядков управления, которые, передавая власть на деле общественным верхам, вызывали равнодушие и даже ненависть ремесленных масс населения к муниципально-феодальным свободам.

---

[1]) Там же, II, стр. 511.

III.

Венеция с 40-х годов XIV до конца XV в.

Исследователи венецианской истории склонны считать половину XV в. временем наибольшего расцвета Венеции. Действительно, на первый взгляд кажется, что Венеция в то время процветала: она победила Геную, население Венеции достигло почти 200 тысяч человек, вывоз оценивался в 10 милл. дукатов в год, развивалась шелковая, деревянная, металлическая, майоликовая, стеклянная индустрия[1]). Однако, за блестящей внешностью скрывались хозяйственные процессы, знаменовавшие собою упадок муниципального феодализма в Венецианской республике.

Характерно здесь уже то, что в половине XV в. в Венеции было до 1.000 человек, получавших доход от 700 до 4.000 дукатов в год, поступавший не от торговли. Кроме того, в XVI и особенно XV веках венецианская аристократия начинает отвлекаться от торговли и кредита, банкирской деятельности и перерождается в феодальную знать обычного типа, ищущую главного источника своего существования и богатства в земле: республика приобретает обширные владения на материке в северной Италии, подчиняет себе земли по Бренте, По, Эчу, Истрию, Тревизо, Беллуно, Фриуль, Бассано, Винченцу, Верону, Падую, Брешию, Бергамо, Ровиго, Равенну и пр., и правящая аристократия оказывается классом крупных землевладельцев-феодалов [2]).

Причины этих явлений вскрыть не трудно: как средневековый, феодальный центр внешней торговли, расчитанной

---

[1]) *Hazlitt,* The Venetian Republic, II стр. 589 и сл.; *Kretschmayr,* Geschichte von Venedig, I, стр. 369.

[2]) *Hazlitt,* The Venetian Republic, II, стр. [illegible] и сл.

на обширный сбыт, Венеция торговала главным образом чужими товарами, транзитно. Теперь, с ростом и расширением внутренней торговли ряда городов в разных странах, обслуживавшихся прежде венецианским транзитом, значение этого транзита стало падать, и пришлось прибегнуть к собственному производству в земледелии и обрабатывающей промышленности. Некоторое время, благодаря накоплению капиталов прежней торговлей и кредитными операциями, венецианская аристократия могла еще конкуррировать с новыми соперниками на рынке, оказавшемся в новых, изменившихся весьма существенно условиях, но то было лишь временной задержкой неотвратимого упадка, было внешним прикрытием и вместе реальным признаком падения Венеции именно как феодально-муниципального центра.

И это внешнее процветание покупалось притом в Венеции дорогой ценой подчинения ремесла крупному торговому капиталу, социального принижения масс. Народное собрание утратило в XV в. всякое значение. Главное влияние по подготовке законов и мер управления приобрела Коллегия, состоявшая из сеньерии и «коллегии мудрых», т.-е. министров республики под председательством дожа: ни один проект, поступивший в сенат и совет десяти, не мог миновать этой Коллегии. Олигархия торжествует окончательно [1]). В результате получилось полное равнодушие масс населения к политической самостоятельности Венеции, а затем последовали события, окончательно сокрушившие ее торговое могущество: то были: завоевание Константинополя турками в 1453 г. и открытие португальцами—Васко де Гамой—морского пути в Индию вокруг Африки в 1498 г. Первое из этих событий лишило венецинацев балканских, азиатских и черноморских рынков, второе создало Венеции непреоборимых конкуррентов по торговле с Индией. Из владычицы Адриатики и восточной половины Средиземного моря вообще Венеция превратилась в крупный, но все же рядовой торговый центр, не могший уже претендовать на прежнюю монополию.

---

[1]) Там же, I, стр. 647; II, стр. 434—441.

VI.

Генуя с 30-х годов XIV до конца XV века.

Первым признаком падения старого торгового значения Генуи как феодально-муниципального коммерческого центра был упадок шампанских ярмарок к XIV веку: это подорвало прежнюю посредническую, транзитную торговлю Генуи и выдвинуло на первый план перед нею Венецию [1]), которая затем, в 1378 г., одержала и военную победу над своей соперницей. К концу XIV в. оказались в плохом положении и генуэзские финансы [2]).

И вот мы наблюдаем, в особенности после взятия Константинополя турками и открытия Америки и морского пути в Индию, нанесшего смертельный удар старой торговле феодального типа [3]), переход всей хозяйственной жизни Генуи на новый путь. Этим путем был не только уже генуэзский или даже итальянский, но мировой, международный кредит, организационным центром и практическим средством осуществления которого явился генуэзский банк Casa di S. Giorgio. То была попытка генуэзской финансовой аристократии приспособиться к новым хозяйственным условиям,—именно к условиям товарного хозяйства с обширным мировым рынком. Но эта попытка, означавшая смену в Генуе в качестве господствующей отрасли хозяйства торговли кредитом, тем самым являлась главным, самым важным признаком падения муниципального феодализма в Генуе.

---

[1]) *Sievekingk*, Genueser Finanzwesen, II, стр. 2.
[2]) Там же, II, стр. 2.
[3]) Там же, II, стр. 77.

Понятно, что это сопровождалось крупными переменами в социальной и политической жизни города. Рост косвенных налогов, составлявших единственный источник покрытия государственных расходов и все возраставших платежей по долговым обязательствам государства [1]), вызвал восстание матросов и ремесленников в 1339 г. и учреждение должности дожа, выборного от народа; таким дожем был объявлен Симон Букканигра, богатый банкир, занимавший место дожа до 1363 г., когда он был убит [2]). На время, казалось, победила демократия. Конечно, Букканигра уничтожил пошлины на предметы первой необходимости, консолидировал и подверг конверсии долги Генуи и дал некоторую долю верховной власти городской сходке—парламенту [3]). Но, во-первых, главная часть верховных прав осталась все же у дожа и 12-ти анцианов [4]), и, во-вторых, в учрежденном при анцианах совете для обсуждения более важных дел первенствующую роль стали играть купцы, которым на деле и досталась таким образом победа [5]). Наконец, в 1363 г. и эти частично - демократические порядки были вырваны с корнем, и дальнейшие покушения демократии захватить в свои руки власть не сопровождались уже совершенно сколько-нибудь прочными результатами [6]), тем более, что и купечество слабело, и богатейшие его элементы сблизились и даже слились в XVI в. с финансовой аристократией [7]).

Первенство финансовой аристократии банкиров, кредиторов государства, опутывавших своей ростовщической паутиной и папу, и испанского короля, и других властителей, и феодалов, и составляет затем отличительную черту Генуи времен упадка в ней феодализма.

Это видно из целого ряда фактов и наблюдений над генуэзской жизнью второй половины XIV и XV веков.

Уже в XIV в. консолидированным и конвертированным долгом Генуи заведывали 8 протекторов и сверх того

---

[1]) *Sieveking,* Genueser Finanzwesen, II, стр. 5
[2]) Там же, I, стр. 105.
[3]) Там же, I, стр. 107, 108, 116.
[4]) Там же, I, стр. 116.
[5]) Там же, I, стр. 116.
[6]) Там же, II, стр. 6, 16.
[7]) Там же, II, стр. 131.

визитаторы отдельных организаций кредиторов («компер»)[1]). Это было началом объединения всех кредиторов или банкиров. Дальнейший шаг в этом же направлении, более решительный, был сделан в 1405 году в связи опять-таки с консолидацией государственных долгов Генуи: тогда учреждены четыре протектора св. Георгия с четырьмя ассистентами или адьюнктами (adiunct), которые должны были окончательно заменить мелкие комперы кредиторов единой компером св. Георгия, послужившей таким образом основой банка св. Георгия, учрежденного в 1411 г. [2]). Новая компера св. Георгия получила при этом на откуп все налоги, в том числе и соляную монополию [3]). Протекторы и прокураторы банка выбирались из тех, кто владел долговыми обязательствами государства по меньшей мере на 1.000 флоринов; выборы производились старыми протекторами и прокураторами и 24-мя другими крупнейшими кредиторами [4]). Из числа тех же крупных кредиторов составлялся в XV веке для распорядительных функций совет, назначаемый протекторами через 4 дня по вступлении их в свою должность [5]). Таким образом нерв государства—финансы—был в руках кредиторов казны, и банк св. Георгия, будучи классовой организацией капиталистов, фактически был правящей силой в Генуе [6]). На-ряду с управлением долгами и финансами государства Casa di S. Giorgio стал в XV в. и банком обычного типа, конкурировавшим с частными отдельными банкирами в вексельных, конто-корентных операциях и операциях жиро. Правда, в 40-х годах XV в. эти частные банковые операции были ликвидированы, но в XVI в. они снова были восстановлены [7]).

В общем ничего в политике нельзя было изменить без согласия банка св. Георгия, т. е. крупной финансовой аристократии, в руках которой на деле сосредоточилась вся власть и которая сделала Геную фактически вассалом Испании. Муниципальный феодализм в Генуе пал таким

---

1) Там же, I, стр. 114.
2) Там же, II, стр. 12, 13.
3) Там же, II, стр. 15.
4) Там же, II, стр. 17.
5) Там же, II, стр. 18.
6) Там же, II, стр. 84.
7) Там же, II, стр. 37, 48—52, 73, 200.

образом в своеобразной форме: сама аристократия, переродившись из торговой в чисто финансовую, приспособленную к новым условиям рынка, подчинилась самодержавной монархической власти, обеспечивавшей новый обширный рынок.

V.

Падение феодализма во Флоренции.

Флоренция в своем экономическом развитии отличалась от Венеции и Генуи главным образом тем, что индустрия, обрабатывающая промышленность в формах ремесла и мануфактуры в ней имела несравненно больше значения, чем в других вольных городах средневековой Италии. Это не означало, конечно, ни экономического первенства индустрии, ни тем более политического господства ремесленников. Нет, и во Флоренции торговый капитал подчинял себе все и экономически и политически.

Но все же большее развитие индустрии дало возможность Флоренции как феодально-муниципальному центру продержаться дольше, чем то удалось Венеции и Генуе. Индустрия дала флорентинской муниципальной торговой и финансовой (банкирской) аристократии довольно прочную базу, и база это сохраняла свою крепость даже тогда, когда появился обширный рынок: она обеспечивала довольно долго Флоренции успешную борьбу с новыми конкуррентами, потому что флорентинский муниципальный феодализм именно в силу промышленного основания, ему присущего, по типу был ближе к новому, широкому торговому капитализму, чем феодализм венецианский и генуэзский. Таким образом начало падения феодализма во Флоренции относится лишь к половине XV века.

Впрочем, уже сначала этого столетия флорентинцы начинают пользоваться для перевозки товаров чужими кораблями [1]). С середины его падает торговля сукном [2]).

---

[1]) *Doren,* Studien aus der florentiner Wirtchaftsgeschichte, I, стр. 400.
[2]) Там же, I, стр. 416; II, стр. 451.

К началу XVI в. относится полный упадок флорентинской торговли [1]), флорентинские сукна окончательно теряют восточный рынок [2]).

Напрасны были усилия правящей олигархии спасти положение: рабочих сделали совершенно бесправными [3]), утвердили окончательно домашнюю индустрию с раздачей в долг вперед орудий и материалов и расплатой готовыми товарами [4]), установили полное господство крупных скупщиков, торговых предпринимателей [5]), сделали цехи всевластными в гражданских тяжбах [6]), — ничто не помогало.

Политическим отражением этой хозяйственной и социальной действительности было возвышение Медичи в 20-х и 30-х годах XV в., превращение Козимо Медичи в фактического владетеля, князя Флоренции [7]). Политические бури, последовавшие затем по смерти Козимо Медичи, не вернули Флоренции феодально-мунципального строя: Лоренцо Медичи продолжал сохранять до своей смерти княжескую власть за собою [8]). Все должностные лица назначались новыми властителями Флоренции и находились в полной от них зависимости [9]). Муниципальный феодализм во Флоренции окончательно пришел в упадок к концу XV столетия.

---

[1]) Там же, I, стр. 134-135.
[2]) Там же, I, стр. 401.
[3]) Там же, I, стр. 462 и сл.
[4]) Там же, I, стр. 248, 263, 264, 267.
[5]) Там же, I, стр. 242.
[6]) Там же, II, стр. 729.
[7]) Там же, II, стр. 764; *Heyck,* Florenz und die Mediceer, Bielefeld und Leipzig. 1902 стр. 34, 36.
[8]) *Heyck,* Florenz und die Mediceer, стр. 79-114.
[9]) *Doren,* Studien aus der florent. Wirtschaftsgesch., II, стр. 766.

VI.

Упадок муниципального феодализма в Афинах.

VI век до Р. Х.—время, когда начался и продолжался упадок муниципального феодализма в древних Афинах. В этот именно век афинская торговля перестала быть почти исключительно посреднической, и начала развиваться афинская индустрия, работавшая на вывоз. Особенно большое значение приобретают в данном отношении керамические, глиняные изделия, художественные вазы—сначала с черными фигурами, потом с красными, наконец, с белым фоном [1]). Вывозилось также оружие [2]). Из продуктов сельского хозяйства Аттики для внешней торговли имело первенствующее значение оливковое масло [3]). Понятно, что при таких условиях морские торговые пути и колонии приобретали в глазах афинян особенную важность. Вот почему около 600 года афиняне, завоевав Сигей, находившийся у входа в Геллеспонт, и основав там колонию, пробивают себе дорогу в Мраморное и Черное моря [4]).

Но и внутренняя торговля росла и расширялась в Аттике VI века. Особенно много внутренней торговлей занимались метеки и вольноотпущенники [5]). В Афинах было немало фабрик для выделки посуды, в частности ваз не художественных, а простых, предназначенных для обыденного употребления [6]). Исследователи таким образом правильно

---

[1]) *Francotte,* L'industrie dans la Grèce ancienne, I, стр. 68, 69, 75; *Мейер,* Экон. развитие древнего мира, стр. 29.

[2]) *Francotte,* I, стр. 157.

[3]) *Бузескул,* История афинской демократии, стр. 38.

[4]) *Виппер,* Лекции по истории Греции, стр. 95.

[5]) *Francotte,* L'industrie dans la Grèce ancienne, I, стр. 78, 196.

[6]) Там же, I, стр. 77.

сближают Афины VI в. с западно-европейскими государствами XIV и XV веков [1]): процесс падения феодального хозяйства совершался и здесь и там.

Старая феодально-муниципальная аристократия потеряла прежнее господствующее положение. Новая буржуазия—промышленная и торговая—пробиралась к власти. Крестьянство, задыхавшееся в долговой кабале, рвалось к освобождению. Педиэи—«равнинная», аристократическая партия крупных землевладельцев, ведших и прежнюю посредническую, транзитную торговлю,—должны были итти на уступки буржуазной «прибрежной» партии—«паралам» и крестьянской «горной» партии, «диакриям». Отсюда вышли два крупных явления афинской истории VI века—эсимнетия и тирания.

Что такое эсимнетия? Эсимнетами в Афинах назывались архонты, получившие от народного собрания специальное поручение умиротворить борющиеся партии путем издания компромиссного законодательного акта.

Первым из таких эсимнетов был в Афинах Дракон в конце VII в. Исследователи [2]) справедливо отвергают свидетельство Аристотеля в его «Афинском государств. устройстве», что Дракон дал новые учреждения своей родине. Повидимому, вся деятельность Дракона сводилась лишь к записи обычного права, важной для масс населения, потому что она препятствовала судьям из среды аристократии—и архонтам и ареопагу и всем другим—искажать юридический обычай, произвольно применяя его к отдельным делам.

Но на этом, конечно, нельзя было остановиться, и в 594 г. до Р. Х. архонт Солон получил поручение составить новые законы. Солон, аристократ по происхождению, принадлежал к тому слою аристократии, который носил уже на себе печать перерождения в торговый класс нового типа: он совершал торговые путешествия и нажил торговлей состояние. Будучи таким образом по своему социальному положению членом «прибрежной» партии паралов, партии купцов и ремесленников, торгового капитала, Солон

---

[1]) *Мейер*, Экономич. развитие древнего мира, стр. 41.

[2]) Ср. *Wilamovitz-Moellendorf*, Aristoteles und Athen, II, стр. 60 и др. Эфеты—51 судья из знатных, введенные при Драконе, не знаменовали собою существенной перемены; *Бузескул*, История афинской демократии, стр. 41.

направил все свои усилия к тому, чтобы примирить торговые, городские интересы с интересами крестьян—диакриев и феодально-муниципальной аристократии, составлявшей партию педиэев.

Из законов Солона, касающихся хозяйственных отношений, первенствующее значение имеет так-называемая сисахфия (σεισάχθεια), «снятие» или «облегчение бремени», смягчение кабалы. Нельзя сказать, что исследователи вполне согласны между собою в объяснении конкретного содержания этой реформы. Но, повидимому, прочно установлено и не подлежит сомнению, что уничтожены были долговые обязательства, лежавшие на земле, объявлены были недействительными долги, закабалявшие личность, запрещена была на будущее время долговая кабала, и выкуплены на государственный счет все граждане, проданные в рабство заграницу [1]). Несомненно, то было освобождение крестьян от феодальной крепостной зависимости, уничтожение наследственного вассалитета [2]).

Но, делая эти уступки крестьянам, Солон далеко не вполне удовлетворил их желания: они добивались полного раздела земель [3]) и не получили этого,—запрещено было только скупать земли в количестве большем, чем дозволял закон [4]). Вместе с тем Солон, в своем стремлении к компромиссу, пошел навстречу желаниям старой землевладельческой феодальной аристократии в деле сохранения многих ее политических привилегий. Напрасно поэтому некоторые недоумевают [5]), почему земельный ценз положен был в основу деления общества на четыре класса—пентакосиомедимнов, всадников, зевгитов и фетов, причем феты не имели права занимать высших должностей и быть членами вновь учрежденного совета. Сохранил Солон также и четыре родовые филы—опять-таки в угоду аристократии. Наконец, та же тенденция подсказала Солону сохранение функций административного контроля и надзора и верховного уголовного суда за ареопагом.

---

[1]) *Ed. Meyer,* Geschichte des Altertums, II, стр. 651; *Белох,* История Греции, I, стр. 257 и сл.; *Пёльман,* Очерк греческой истории, стр. 96 и сл.; *Виппер,* Лекции по истории Греции, стр. 98.

[2]) *Meyer,* Gesch. des Altertums, II, стр. 651.

[3]) Там же, II, стр. 651; *Бузескул,* История аф. демокр., стр. 64.

[4]) *Meyer,* II, стр. 651.

[5]) *Пёльман,* Очерк греч. истории, стр. 99.

Мало того: даже передача предварительного рассмотрения всех важнейших дел, в особенности законодательных проектов, поступавших на утверждение народного собрания, от ареопага новому совету четырехсот не была сколько-нибудь решительным разрывом со старыми преданиями: совет выбирался по старым четырем родовым филам—по 100 членов от каждой. От фил же выбирались 40 кандидатов (по 10-ти от каждой филы) в архонты [1]). Нововведением, свидетельствовавшим о постепенном ослаблении значения архонтов, было здесь то, что архонты выбирались из этих кандидатов по жребию.

При всем том, так как землевладение не было привилегией одной старой знати,—землевладельцами были и купцы, банкиры, промышленники,—уже указанные реформы Солона пролагали или открывали некоторые пути вперед торгово-промышленному классу. Еще важнее в этом отношении было введение Солоном судов присяжных и особенно вторая запись права, им произведенная, установившая гражданско-правовые основы торгового оборота [2]): влияние элементов денежного хозяйства, все более осложнявших экономическую жизнь Афин, сказалось здесь особенно громко и ясно.

Львиную долю выгод от реформы Солона получил таким образом торговый класс, партия паралов. По преимуществу землевладельческая педиэя тоже получила все, что могла: она сохранила максимум того, что еще можно было спасти от старых привилегий. Крестьянская диакрия оказалась обойденной и неудовлетворенной: ей брошена была лишь кость в виде сисахфии. Неудивительно, что она стала орудием в руках демагога—Писистрата и внутренней основой его тираннической власти.

В интересах крестьянства, лишь отчасти и временно облегченного в своей задолженности Солоновой сисахфией и потому недовольного и неспокойного, Писистрат ввел прямой налог на богатых (εἰσφορά); поступления от этого налога послужили основой особого фонда, из которого государство стало выдавать крестьянам деньги в долг из неболь-

---

[1]) *Meyer,* Gesch. des Altertums, II, стр. 657.

[2]) Там же, II, стр. 659—661; *Виппер,* Лекции по истории Греции, стр. 104.

шого процента [1]), так что создан был дешевый кредит, удовлетворивший острую потребность земледельческого населения в деньгах, увеличивавшуюся еще по той причине, что зерновое хозяйство приходилось менять на разведение винограда и оливок: недаром Писистрат покровительствовал культам Диониса, бога виноградной лозы и вина, и Афины, богини оливковых деревьев [2]). В то же время Писистрат поддерживал мирную внешнюю политику, а крестьяне всегда за мир [3]). Наконец, тиранн конфисковал эвпатридские имения и тем довершил падение феодализма в экономической области.

Но он был слишком умный и дальновидный политик, чтобы ограничиться только поддержкой крестьянской диакрии. Он привлек к себе и па̀ралов, торговую партию, покровительством торговле, основанием военного флота и захватом берегов Геллеспонта. В то же время в угоду купечеству Писистрат сохранил формально систему учреждений, введенных Солоном [4]).

Наконец, тиранния Писистрата держалась и внешними связями и силами. Писистрат владел золотыми рудниками в Пангее, близь устья Стримона, и пользовался материальной поддержкой богатого Лигдамида с о. Наксоса. Власть Писистрат захватил в значительной степени благодаря приведенной им фессалийской коннице, помог Лигдамиду стать тиранном на Наксосе, а Лигдамид помог Поликрату сделаться тиранном на о. Самосе [5]).

Тиранния настолько укрепилась, что Писистрату наследовали его сыновья Гиппий и Гиппарх. Но торговый класс настолько усилился, встал на ноги, что тиранния уже утратила для него значение, являлась даже препятствием к непосредственному достижению власти. С другой стороны, и эвпатридская партия во главе с Исагором лелеяла план феодальной реакции. Двое юношей-аристократов Гармодий и Аристогитон сделали покушение на тираннов, но

---

[1]) *Meyer,* Gesch. der Altert., II, стр. 666; *Белох,* История Греции, I, стр. 261; *Пёльман,* Очерк греч. истории, стр. 102; *Виппер* Лекции по истории Греции, стр. 106.

[2]) *Бузескул,* История афинской демократии, стр. 75.

[3]) *Wilamovitz Moellendorf,* Aristoteles und Athen, II, стр. 70.

[4]) *Meyer,* II, стр. 667; *Белох,* I, стр. 261 и сл.

[5]) *Виппер.* Лекции по истории Греции, стр. 105.

убит был только Гиппарх, а Гиппий сохранил свою власть еще на четыре года, пока, наконец, аристократическое восстание, поддерживаемое Спартой, не повело к его изгнанию в 510 г. Феодальная реакция, возглавляемая Исагором, продержалась, однако, лишь два года [1]). В 508 г. верх над ней одержала торговая партия, и народное собрание поручило эсимнету Клисфену провести новую реформу, которая окончательно уничтожила афинский феодализм, дав полный перевес в устройстве государства торговцам и ремесленникам, причем фактически и ремесленники были в руках торгового класса, скупщиков.

Исходным пунктом, основным нервом всего нового афинского строя, введенного Клисфеном, было деление населения и территории Аттики на 10 новых фил. Эти новые филы сменили собою старое деление на 4 родовых филы и тем окончательно сокрушили эвпатридскую аристократию, тем более, что они делились на 30 триттий (по три в каждой из новых фил), причем одна триттия в каждой филе была из города Афин, другая из прибрежной полосы, третья из горной области. Мелкими местными областными единицами были демы, имевшие внутреннее самоуправление—свое народное собрание и выборных на 1 год демархов или старост; демы принимали новых граждан, ведали полицию, казну, распоряжались общественной землей.

На основе этого деления на филы и демы построен был совет 500, сменивший собою старый совет 400 и ведавший финансы, внешнюю политику и подготовку решений народного собрания. Совет выбирался в количестве 50-ти человек от каждой филы, причем каждый дем поставлял число членов совета, соответствующее количеству его населения. Совет разделялся на 10 ританий, заседавших по очереди. Во главе каждой притании стоял председатель, сменявшийся ежедневно и председательствовавший также в народном собрании.

Архонты, выбираясь, как и при Солоне, по жребию, окончательно потеряли значение. Их, особенно в военном и военно-финансовом отношениях, заменили 10 стратегов, опять-таки представлявших каждую из 10-ти новых фил.

---

[1]) *Белох,* История Греции, I, стр. 269 и сл.; *Пёльман,* Очерк греч. истории, стр. 110.

Народное собрание также было связано с системою фил: в нем голосование происходило по филам.

Наконец, для борьбы с тираннией Клисфен ввел остракизм, изгнание вождей партий, за которое высказывалось 6.000 граждан минимум в народном собрании [1]).

Падение феодализма в Афинах и вообще в Греции сопровождалось переменами в религии, даже в оффициальной, государственной религии. Две новые черты останавливают здесь на себе внимание: во-первых, внесение в религиозные верования синтеза, объединение отдельных божеств и обрядов или по крайней мере установление связи между ними; во-вторых, углубление религиозного чувства, замена магии, колдовства, шаманства глубокой верой, нравственной связью между богами и людьми.

Примерами первого могут служить превращение Персефоны и Коры в единое божество и установление его родственной связи с Деметрой. Персефона-Кора стала дочерью Деметры [2]); или еще превращение иресионы—культа ветвей деревьев—в культ отвращения от страны голода [3]); наконец, введение тесмофорий, земледельческого праздника в честь Деметры, в котором соединились разные религиозные действия, относящиеся к земледельческой жизни; здесь синтез обрядов, установленный государственной религией, выступает очень ясно [4]). Самые яркие примеры появления нового религиозного чувства, окрашенного морально,—элевзинские мистерии в честь Деметры и религия Аполлона Дельфийского [5]).

Вместе с тем уже и в оффициальную, государственную религию проникает мистицизм, образующийся из убеждения в слабости, беспомощности людей: проповедуется неизбежность наказания за гордость и самомнение, за самонадеянность, индивидуализм, смелость (миф о Прометее, эвбейско-беотийское сказание о Нарциссе) [6]).

---

[1]) О реформах Клисфена см. *Meyer,* Gesch. d. Altert,. II, стр. 800 и след.: *Белох,* История Греции, I, стр. 265 и сл.; *Пёльман,* Очерк греч. истории, стр. 101 и сл.; *Виппер,* Лекции по ист. Греции, стр. 107 и сл.; *Бузескул,* Ист. аф. дем., стр. 80 и сл.

[2]) *Богаевский,* Земледельч. религия Афин, стр. 137.

[3]) Там же, стр. 226, 227.

[4]) Там же, стр. 181. 189.

[5]) Там же, стр. 47.

[6]) *Gruppe,* Griechische Mythologie und Religionsgeschichte. II, стр. 1016. 1018, 1021, 1024, 1026.

Этот оффициальный, умеренный, отнюдь не еретический, не сектантский мистицизм, уподобляющийся мистицизму, напр., Нила Сорского, составляет переходную ступень уже к неправоверному мистицизму орфиков и пифагорейцев.

Без сомнения, в религии эллинских народных масс, особенно крестьянства, господствовали в то время земледельческие божества, причем их было очень много, они освящали каждое особый акт земледельческого хозяйства и в культе их было много старой магии, шаманства, колдовства [1]). Но уже не всех удовлетворяла эта религия. Явилась потребность в более интимном, мистическом общении с божеством, укрепилась мысль о бессмертии души и награде за гробом за земные страдания [2]). Что это направление религиозных чувств и идеологии исходило от крестьянства,—это лучше всего видно из того, что оно связано было с культом земледельческого божества—Диониса. Но затем крестьянская религиозная психология осложнилась примесью интеллигентской идеологии, и получилось учение орфиков, в развитии которого особенно видную роль играли Ономакрит и Ферекид, и к которому впоследствии примкнули пифагорейцы [3]).

Не касаясь пока последних, необходимо вкратце наметить общие черты ученья орфиков. Орфики признавали три извечные первосущности—Хроноса (время), Зевса (жизненное начало) и Хтонию (землю); из семени Хроноса произошли огонь, воздух и вода, а из них боги. После сотворения мира Зевс превратился в бога любви Эроса и сверг в тартар (ад) богов, впавших в беззаконие. От Зевса и Персефоны родился Дионис, которому отец дал власть над вселенной, за что на него ополчились титаны, погубили было его, но он возродился с помощью Афины и Зевса, и с тех пор в человечестве, происшедшем из пепла, который получился от поражения и сожжения титанов молнией Зевса, борются два начала—доброе от Диониса и злое—от титанов. Для спасения от зла человеку необхо-

---

[1]) *Богаевский,* Земледельческая религия Афин, т. I, Петрогр., 1916, стр. 25, 29, 35, 47 и след.

[2]) *Meyer,* Gesch. des Altertums, II, стр. 728—736; *Gruppe,* Griechische Mythologie und Religionsgeschichte, II, стр. 1016 и след.

[3]) *Meyer,* II, стр. 737; *Гомперц,* Греч. мыслители, стр. 77; *Gruppe,* II, стр. 1032.

димо очищение, искупление, которое и совершается переселением души из одного существа в другое, пока, наконец, она, очищенная, не возвращается в круг богов, из которого изошла [1]).

Исследователи справедливо видят в учении орфиков отражение социальных условий: здесь видно пессимистическое отношение к земной жизни, мрачный взгляд на общественные условия, в которых господствовала олигархия; заметен также и «сознательный протест низших классов во имя права и закона» [2]).

Уже в орфическом движении наблюдаются черты интеллигентской психологии. Более чистым и последовательным выражением нового интеллигентского миросозерцания являлись греческие наука и философия VI и начала V века. Здесь выдвигается прежде всего деятельность так называемой ионийской школы, основателем которой был Фалес.

Фалес Милетский в первой половине VI в. изучал астрономию, геометрию, математику и был вообще видным представителем естествознания. Анаксимандр составил первую географическую карту [3]). Но лишь медленно и постепенно пробивалась здесь пытливость ума, любознательность, жажда знания, она сильно затемнялась старыми суевериями. Печать этих суеверий лежит на всем гилозоизме (учении об одушевленности материи) ионийской школы греческой философии. По Фалесу, напр., все полно богов, одушевлены и отдельные части материи, напр., магнит. Что это, как не философское оправдание первобытного анимизма? А учение того же Фалеса о воде, как начале всего существующего, в сущности ведь является философским комментарием взгляда Гомера, что все происходит из океана [4]).

Анаксимандр все выводил из воздуха и огня, но он уже сделал шаг вперед в смысле некоторой обобщающей мысли, когда началом всего существующего провозгласил

---

[1]) *Гомперц*, Греческие мыслители, стр. 77, 112, 113; *Meyer*, Gesch. des Altertums, II, стр. 738 и след.

[2]) *Гомперц*, Греческие мыслители, стр. 117, 118.

[3]) *Гомперц*, Греческие мыслители, т. I, Спб. 1911, стр. 43.

[4]) Там же, стр. 45.

[5]) Там же, стр. 43.

ἄπειρον — «беспредельное» или абсолютное [1]). Анаксимену, наконец, все казалось происходящим из сгущения и разрежения воздуха [2]), а Диоген Аполлонийский воздух объявил мировым разумом и тем самым впервые провел идею целесообразности и разумности в природе.

И у ионийцев, как это сейчас показано, было много элементов старой греческой религии, на ряду с зародышами нового миросозерцания. Для того, чтобы понять успехи этого нового в дальнейшем, необходимо остановить внимание на Пифагоре, соединившем в себе научное исследование и философскую мысль с религиозным мистицизмом, родственным движению орфиков. Пифагор и непосредственно связан с орфизмом: он был учеником Ферекида [3]).

Сын резчика по камню, Пифагор родился на о. Самосе в 70-х годах VI в., много странствовал в жажде познаний и был гениальным математиком, астрономом и творцом акустики, увлекался музыкой, в которой видел средство возвышения и укрощения страстей. И к музыке он относился научно: он математически, в числовых отношениях, выразил зависимость высоты тона от длины колеблющейся струны. На этом наблюдении строилось и основное философское положение Пифагора, гласившее, что число—сущность мира. На этом положении покоилось понимание и материальной и духовной жизни: точка—единица, линия—двоица, плоскость—троица, тело—четверица; любовь и дружба—гармония, высшее проявление которой—октава, поэтому она—восмерица; здоровье—седмерица; справедливость—квадратное число. Сводя все к единству, к числу, Пифагор признавал господство в мировой жизни принципа круговращения, движения единого целого и его частей—материи и души. Отсюда проистекало учение о переселении душ, о круговороте рождений, о вечной повторяемости мировых явлений, о закономерности их. Мистические элементы философии Пифагора сближают ее с орфизмом. Но пифагорейство отличается от последнего тем, что оно поставило на очередь задачи уже не только личного морального совершенствования, но и общественной реформы: в Кротоне, в южной Италии, куда Пифагор удалился с ро-

---

[1]) Там же, стр. 44—50.
[2]) Там же, стр. 51 и след.
[3]) *Гомперц*, Греч. мыслители, I, стр. 87.

дины, будучи уже в зрелом возрасте, он основал особую общину, братство пифагорейцев, долженствовавшее способствовать духовному очищению людей. Фактически это полурелигиозное, полунаучное, интеллигентски - мистическое общество правило аристократически в Кротоне и некоторых других греческих колониях южной Италии, пока, наконец, большинство граждан его не уничтожило восстанием в 500-м году до Р. Х.[1]).

Немало религиозных пережитков было и в философии основателя элейской школы — Ксенофана из Колофона, оставившего родину после победы над ней персов и бывшего в числе колонистов, положивших начало Элее в южной Италии. Его пантеизм—развитие народной религии: он верил в Высшее Существо, Мировую Душу, которой, однако, приписывал материальное свойство — протяженность, признавал и второстепенных богов как олицетворение великих сил природы. Но Ксенофан уже и критиковал традиционные религиозные верования—смеялся над богами Гомера и Гесиода, ворами, прелюбодеями и обманщиками,—старался по новому их осмыслить и, главное, был творцом научной идеи развития: он обосновал ею теорию постепенных геологических изменений, строя свои выводы в этом отношении на ископаемых остатках животных и растений, и указав на постепенное развитие также и человеческой культуры[2]).

И критическое отношение к старой религии, и элементы научности, свойственные Ксенофану, оказали большое влияние на Гераклита, последнего видного философа того времени. Основным принципом жизни и материальной и духовной Гераклит считал движение, борьбу, круговращение. Поэтому и основной стихией он признавал самую подвижную—огонь, из которого произошел и к которому вернется в конце-концов весь мир. Всему свойственно постоянное движение, созидание и разрушение. Все — неустанно текущий поток. Поэтому все относительно, нет абсолютного добра и зла: «добро и зло едино». Царит единая закономерность,—единый миропорядок, Логос[3]).

---

[1]) *Гомперц,* Греческие мыслители.
[2]) Там же.
[3]) Там же.

Новые течения—опять-таки с трудом и частично—наблюдаются в VI веке и в греческом искусстве. В пластике к половине VI века сложились два более жизненные, чем прежде, типа, с бóльшим художественным содержанием: мужской, Аполлон из Орхомена, обнаженная мужская фигура,—и женский, крылатая Нике (Победа) в одежде, показывающей правильные очертания фигуры. Видны уже не только некоторые ремесленно-технические успехи, но и зачатки перехода ремесла в искусство—начала свободы и смелости[1]). Дорийский стиль облагораживается и проникается глубокой религиозностью и красотой, не теряя строгости[2]). Здесь заметны, стало быть, те же течения и изменения, которые наблюдались и в позднейшем романском искусстве европейского запада и даже в готике, поскольку речь идет о настроении, а не о конкретном его выражении.

---

[1]) *Overbeck,* Geschichte der griechischen Plastik, 4-e Aufl., I B. стр. 74, 115, 138.

[2]) Ср. *Barberot,* Histoire des styles d'archit., I, стр. 127.

VII.

Падение феодализма в древнем Риме.

III и II века до Р. Х.—вот время, когда муниципальный феодализм в Риме стал клониться к упадку. И здесь подкладкой этого процесса был рост товарного хозяйства с обширным рынком.

Торговый договор с Карфагеном 279 года[1]) и последовавшее в 146 г. покорение и разрушение этого коммерческого соперника Рима, а также огромные завоевания, о которых у нас уже шла речь в свое время[2]), были видимыми, наиболее ясными и яркими признаками новых, окончательно близившихся к торжеству хозяйственных отношений и порядков. Характерным и знаменательным в том же смысле был и тот факт, что в III веке Аппиева дорога была продолжена до Брундузия и Тарента[3]). Во II столетии до Р. Х. в Риме сосредоточились таким образом огромные капиталы, и он окончательно стал крупным торговым центром—коммерческим посредником между западной и восточной половинами средиземноморского мира.

Обезземеление крестьянства, естественно развивавшееся вследствие конкурренции дешевого сицилийского и африканского хлеба с италийским, вызывало аграрные протесты в крестьянской среде и стремление ограничить право заимки общественной земли, которым пользовались богатые патриции. Отсюда произошел закон Лициния Столона и Секстия Латерана об ограничении заимки 500 югерами на человека и сверх того 250 югерами на каждого

---

1) *Niese,* Grundriss der Römischen Geschichte, стр. 99.
2) Том II, глава шестая, VII.
3) *Niese,* Grundriss der Röm. Gesch., стр. 149.

из сыновей, но не более, как на двоих. Но этот закон, как известно, остался на бумаге вследствие экономической мощи богатого меньшинства [1]).

Денежное хозяйство обостряло нужду в деньгах, заставляло крестьян входить в долги, часто неоплатные. И это вызывало волнения, и Лициний и Секстий приняли также меры к облегчению долгов [2]).

Мелиорации для чисто-зернового хозяйства в Италии становились уже невыгодны: привозный африканский и сицилийский хлеб делал их невозможными вследствие своей дешевизны и потому вытеснил крестьянский хлеб с больших рынков и оставил ему лишь мелкие местные базары [3]). Понятно, почему число мелких земельных собственников в Италии после второй Пунической войны стало падать [4]).

Рост денежного хозяйства делал ненужными, излишними, даже вредными старые привилегии: они только стесняли торговлю, а между тем богатые люди и без них могли легко обеспечить себе полное преобладание. Особенно недовольны были привилегиями патрициев богачи из плебеев.

Отсюда и происходят уступки в так-называемой борьбе патрициев с плебеями, подробности которой новейшая наука не признает достоверными [5]), но общий характер результатов не подвергает сомнению: такова была запись уже изменившегося под новыми хозяйственными влияниями обычного права в законах XII таблиц, введение и распространение делении населения на топографические трибы, установление апелляции и выбора народных трибунов народным собранием по трибам, допущение плебеев к должностям сначала военных трибунов с консульской властью, потом консулов, преторов, цензоров, диктаторов, наконец, жрецов—понтификов, авгуров, расширение прав сначала центуриатных собраний на счет прав собраний по куриям, а потом прав трибут-комиций в ущерб правам собраний

---

[1]) *Ihne*, Röm. Cesch., I, стр. 272; *Weber*, Röm. Agrargesch., стр. 130.

[2]) *Ihne*, Römische Geschichte, I, стр. 272; *Weber*, Die Römische Agrargeschichte, стр. 117.

[3]) *Weber*, Die Römische Agrargeschichte, стр. 224, 226.

[4]) Там же, стр. 230.

[5]) *Ihne*, Röm. Gesch., I, стр. 122, 153, 261 и др.

по центуриям [1]): родовые собрания курий естественно уступали первенство землевладельческим собраниям по центуриям, а эти последние в свою очередь отодвигались на второй план перед трибами, построенными на принципе гражданского равенства. Ко всему этому надо еще прибавить, что соответственно развитию торговли и денежного хозяйства и административно-судебная техника шла вперед. Здесь в особенности заслуживают быть отмеченными два явления—первенствующая роль сената—представителя правящего экономически и политически нобилитета [2]), делавшая Рим типичной олигархически-муниципально-феодальной республикой, городом-государством, феодально владевшим огромнейшей вотчиной через посредство всевластных управляющих—проконсулов и пропреторов и откупщиков налогов—публиканов из римских ростовщиков—всадников,—и законодательная по существу своему деятельность преторов: претор уже не судил, а только устанавливал нормы права, и эдикты его стали заноситься на особую доску (album), выставляемую на форуме римской площади, а для практического применения этих норм назначал особых судей [3]). Ведение ценза (переписи) цензорами и влияние их на пополнение сената, а также финансовая деятельность квесторов [4]) равным образом обращают на себя внимание: вырабатывалось и осуществлялось в жизни правильное разделение правительственных функций, слагались оформленные учреждения, в чем нельзя не видеть огромного влияния хозяйственных новшеств. И в религии отразились новые социальные и политические перемены: основание храма Цереры (Деметры), Либера (Диониса) и Либеры (Коры) отразило на себе торговлю с Сицилией (подвоз хлеба оттуда) и организацию плебеев и их магистратуры (трибунов и эдилов) [5]).

В то же время обожествляются абстрактные понятия—Надежда (Spes), Согласие (Concordia) и пр., и начинается антропоморфизм [6]).

---

[1]) Там же, I, стр. 126, 153, 169, 174, 178 и сл.; *Niese,* Grundriss der Röm. Geschichte, стр. 56, 60, 63, 82 и др.

[2]) *Ihne,* Röm. Gesch., II, стр. 396-397.

[3]) *Муромцев,* Гражд. право древн. Рима. стр. 237, 238.

[4]) *Niese,* Grundriss, стр. 62, 63.

[5]) Там же, стр. 45.

[6]) Там же, стр. 48, 50.

Наконец, в III и II веках под влиянием стремления к углублению религиозных верований происходит рядъ новых явлений, которые обозначаются общим термином эллинизации римской религии. Дело тут, однако, не в механическом заимствовании у греков, а во внутренних тенденциях римского общества и народа и отдельных классов. Устанавливается культ 12-ти высших богов: это—Юпитер и Юнона, Нептун и Минерва, Марс и Венера, Аполлон и Диана, Волкан и Веста, Меркурий и Церера. Они получают название «соединенных богов», так как здесь слились древние боги, «боги—старожилы» (di indigetes) и «боги новоседы» (di novensides), позднее привнесенные, заимствованные. Римский нобилитет стал в конце III и начале II в. почитать Кибелу, и ей построен был храм на Палатинском холме [1]): здесь, в этом классе, который приближался уже к падению, заметны зародыши упадочного настроения, мистицизма, суеверий. Более боевая часть аристократии пошла дальше, примкнула и орфико-пифагорейскому течению, с которым римляне познакомились в южной Италии, и в 186 г. до Р. X. устроила олигархический заговор в Риме, раскрытый консулами, причем каре подверглись до 3-х тысяч человек [2]).

Подражанием грекам началась и римская литература—в произведених Ливия Андроника. Появились поэмы Невия и Энния, трагедии Пакувия и Акция, историк Фабий Пиктор написал римскую историю от Энея до битвы при Каннах. Наибольшей оргинальности достигает в это время римская комедия у Теренция и в особенности у Плавта [3]). Практическй дух феодальной эпохи, тенденции правящих классов в хозяйственности, к соблюдению своих реальных интересов, усиленные еще ростом нового товарного хосяйства, получают свое яркое и своеобразное выражение в инженерном искусстве римлян, образцами которого для данного периода являются в особенности упомянутая уже выше Аппиева дорога и Аппиев водопровод (aqua Appia) [4]).

---

[1]) Там же, стр. 55—57: *Зелинский,* Соперники христианства, стр. 51—56.

[2]) *Зелинский,* Соперники христианства, стр. 58, 59.

[3]) *Модестов,* История римской литературы; Ihne, Röm. Gesch., II, стр. 392 и сл., Niese, Grundriss, стр. 152.

[4]) Niese, Grundriss der Rom. Gesch., стр. 52.

VIII.

Основные выводы из обзора падения муниципального феодализма.

Процесс падения муниципального феодализма в разных странах полон глубокого, острого интереса. Здесь имели место иногда весьма оригинальные сочетания общественных сил, и в результате подчас получались политические комбинации и организации, которые надо непременно иметь в виду, чтобы понять некоторые своеобразные черты, отличавшие кое-где следующий период — дворянской революции.

Общая экономическая почва, создавшая упадок муниципального феодализма, остается одинаковой для всех стран и городов, в которых эта форма феодализма существовала: это — зарождение или подготовка денежного, товарного хозяйства с обширным рынком и зачаточное большею частью оживление индустрии обрабатывающей промышленности. Основная причина всего процесса здесь, таким образом, та же, что и причина падения феодализма обычного вида. И здесь и там, следовательно, подготовлялись явления, колебавшие и долженствовавшие окончательно ниспровергнуть и погубить старый феодальный мир.

Но муниципальный феодализм по самой своей экономической основе, по хозяйственной сущности, был ближе к товарному хозяйству с обширным рынком, чем феодализм обычного типа: ведь он играл, как нам уже известно, роль суррогата денежно-хозяйствен. организации, обслуживающей обширный рынок, в обществе или натурально-хозяйственном или при производстве, рассчитанном только на узкий местный сбыт. Поэтому для муниципально-фео-

дальных обществ открывалось больше возможностей приспособиться к вновь возникавшим хозяйственным условиям.

Однако, не все они обнаружили одинаковую степень приспособляемости. Наибольшую способность приспособления проявили древние муниципально-феодальные организации—Афины и Рим: в них торгово-промышленная буржуазия, ухватив себе львиную долю власти в сравнительно довольно стройных, организованных учреждениях, созданных муниципальным феодализмом, попыталась приноровить эти учреждения к новым потребностям, и этим, как увидим в свое время, был придан оригинальный уклон дворянской революции в античных культурах. В конце - концов, как будет показано в дальнейшем изложении, в одном из следующих томов настоящего труда, и эта попытка кончилась неудачей, устарелые муниципально-феодальные формы нельзя было наполнить новым содержанием. Но все же на время попытка оказалась не беспочвенной, имела реальное значение.

В чем причина такой оригинальности? Почему античные культуры хотя бы временно смогли сочетать торговый капитализм с муниципальным феодализмом, хотя бы и падающим, что оказалось не по плечу культурам более поздним—восточно- и западно-европейским? Повидимому, первенствующее значение принадлежало здесь тому обстоятельству, что античные культуры существовали в иной международной среде, чем европейские культуры более позднего времени. Античный—греческий и римский—город-государство был далеко культурнее окружающей среды, состоявшей из других государств, чем то можно сказать и о русских вольных городах, и о Ганзе, и об итальянских средневековых республиках.

Следующую, нисшую сравнительно с античными государствами-городами, степень приспособляемости к условиям товарного хозяйства, расчитанного на обширный сбыт, проявили именно две итальянские средневековые республики—Генуя и Флоренция. Их попытка сохранить свои феодальные формы для нового содержания была еше менее удачна и длительна, чем в Афинах и Риме, но все же и она несколько продлила бытие старых форм. И причина указана в соответствующих отделах настоящей главы: в эпоху готовящегося экономического перелома Генуя

ответила на обострившуюся потребность в широком кредите организацией своего банка, а Флоренция на некоторое время задержала свое окончательное падение более или менее значительным развитием своей индустрии. То и другое—и широкий кредит и индустрия—ответили потребностям зарождавшегося торгового капитализма и потому имели под собой до известной степени почву.

Все остальные проявления муниципального феодализма—русские вольные города, немецкая Ганза, Венеция и большинство других итальянских средневековых торговых городов, на детальной истории которых мы выше не останавливались,—не были в состоянии приспособиться к условиям товарного хозяйства с обширным рынком, торгового капитализма, и потому фактически и даже юридически потеряли свое самостоятельное политическое бытие, влившись в качестве подчиненного элемента в общее, единое товарно-хозяйственное, политически объединенное целое.

Этому слиянию или вливанию в конце-концов, как только-что было сказано, подверглись и другие виды муниципального феодализма, обнаружившие более высокую степень приспособляемости к новым условиям. Очевидно, были достаточно глубокие и общие причины, которыми созданы были конечные одинаковые всюду результаты.

Предшествующее изложение наметило эти общие причины—экономические, социальные, политические. Основной экономической причиной было развитие денежного хозяйства с обширным рынком, ликвидировавшего старую посредническую деятельность муниципально-феодальных организаций, развивавших почти только транзитную торговлю, коммерчески зависевших извне. Главная социальная и политическая причина сводилась к господству олигархии—классовому и сословному,—порождавшему полное равнодушие угнетенных масс к свободным учреждениям феодальных муниципий.

Будучи все-таки передовыми в эпоху феодализма экономическими и политическими организмами сравнительно с феодальными обществами обычного типа, феодальные муниципии и в области психологии и духовной культуры ярче обычных феодальных обществ проявили зародыши новых психологических и культурных образований: здесь резче выразилась индивидуалистическая, этическая и эсте-

тическая психология, разнообразнее и колоритнее были новшества религиозные, литературные, художественные, научные. Особенно надо это сказать об античном—римском и главным образом греческом, афинском—муниципальном феодализме: падая, он проявил огромные, беспримерные для такого раннего периода культурные силы и богатства. Конечно, здесь сказалась та же, сейчас указанная, высокая степень его приспособляемости, и эта же высокая приспособляемость подготовила тот культурный расцвет, которым, — особенно в Афинах, но также и в Риме,—сопровождалась, как увидим, в большей степени, чем где-либо, дворянская революция, во многом своеобразно здесь к тому же и протекавшая.

В общем и целом таким образом можно формулировать такие основные положения, касающиеся процесса падения муниципального феодализма:

1. В хозяйственном отношении падение муниципального феодализма везде обусловливалось развитием товарного хозяйства с обширным рынком и упадком торговой монополии феодальных муниципий, их транзитной торговли. Везде развился гражданский оборот земли, росло крупное землевладение, достигала большей интенсивности техника хозяйства, беднели массы.

2. Русские вольные города во всех этих отношениях отставали от западно-европейских и тем более античных; последние, т.-е. античные, проявили максимум хозяйственной приспособляемости; некоторая ее доля свойственна была и тем средневековым итальянским республикам, которые развивали или кредит и банковую технику в расширенном масштабе, или индустрию с более утонченными приемами ручной в ней работы.

3. Экономическому неравенству, всюду возраставшему, соответствовали и противоположности классовые и сословные, рост привилегий олигархии. Везде, в особенности в русских вольных городах, олигархический строй находил себе в эпоху падения муниципального феодализма все более яркое выражение, и тем порождалось недовольство масс и их равнодушие к свободам, для них бесплодным.

4. И в этом отношении приспособляемость Афин, Рима, отчасти Генуи и Флоренции, проявилась в большей или меньшей мере: античные города-государства успели и сумели

во многом поделить власть и влияние между феодально-муниципальной аристократией и новой торговой и промышленной буржуазией, аристократия здесь оказалась способной переродиться отчасти в буржуазию; то же до некоторой степени, в несравненно, однако, меньшей мере, можно сказать о Генуе и Флоренции.

5. Вот почему в античных муниципиях не наступило сразу подчинение абсолютной, монархической власти, а у нас и на западе Европы это как раз имело место.

6. Развитие индивидуализма, интеллектуализма, эстетизма, религиозно-этического настроения везде сопровождало собою упадок муниципального феодализма и придало соответствующую окраску духовной культуре—религии, искусству, литературе, науке. Эта окраска всего ярче опять-таки была в античных городах-государствах, всего бледнее, хотя не абсолютно бледной, была она в русских вольных городах. Середину представляли собою в этом отношении, как и в других, муниципально-феодальные общества европейского запада.

Мы видели, таким образом, как и почему пал феодализм в его обеих характерных формах в разных странах мира. Он и со всеми его поправками и приспособлениями потерял значение средства, содействовавшего дальнейшему развитию производительных сил. Более того: получилось относительное перенаселение, т.-е. народы не могли уже в известный момент удовлетворять своим потребностям при сохранении старых хозяйственных условий. Иными словами, феодализм стал препятствием развитию производительных сил. Старые правящие классы отжили. Назрел переход власти в руки нового класса, приближалась, наступала революция, критическая эпоха. Так как власть от феодальной аристократии должна была перейти к дворянству, то и новую критическую эпоху лучше всего назвать дворянской революцией.

